

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2013
№ 13

№ 1 (13)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Редакционная коллегия
К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
Е.С. Галкина, О.В. Кильдюшов, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЛОБА ДНЯ

Ростислав Антонов

Исламизация Ставрополя	3
Михаил Беляев	
Миграция: опора кремлёвского «престола»	7
Сергей Корнев	
Русской «глубинке» запретили малый бизнес	12
Павел Святенков	
Фиктивное государство	17
Тема номера. РУСОФОБИЯ	
Олег Неменский	
Русофобия как идеология	26
Сергей Сергеев	
Как возможна русская русофобия?	66
Олег Кильдюшов	
«Русский комплекс»	86
Марк Любомудров	
Мой рафтинг	94
Сергей Жаворонков	
Электоральные корни русофобии	111
ИНТЕРВЬЮ	
Алексей Захаров	
«Общество в один голос кричит: долой нелегальную иммиграцию!»	117
ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОБРАЗОВАНИЕ	
Елена Галкина	
Эффект варёной лягушки, или Новый этап реформы образования в РФ	135
Виталий Худошин	
«Патриотизма в нашей школе хватает»	150
НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО	
Сергей Петров	
Был ли в Древней Руси национализм?	155
РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ	
Дмитрий Павлов	
«Русь от Карпат до Камчатки»	172
НАЦИОНАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА	
Александр Давыдов	
«Боснийство» и «неоосманизм» как факторы дестабилизации Балкан	185
ЮБИЛЕИ	
Владимир Волков	
Собор национальной демократии	196
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ	
Александр Севастьянов	
Разбалансировка дискурса	201
ПОЛЕМИКА	
Александр Храмов	
Может ли националист быть либералом?	222
Никита Федосов	
Казачество и ненаучная фантастика	231
Авторы номера	239
Summary	240

РОСТИСЛАВ АНТОНОВ

ИСЛАМИЗАЦИЯ СТАВРОПОЛЬЯ

Минеральные Воды. Блокпост на выезде из аэропорта как бы ненавязчиво намекает, что ты на Кавказе. До Нальчика (Кабардино-Балкария) — 102 км. Моздок (Северная Осетия) — 159 км. Грозный (Чечня) — 279 км. Хасавюрт (Дагестан) — 347 км. Будённовск — 131 км...

— Посмотри, как строятся. Кругом одна чернота. — Случайный таксист отнюдь не отличался корректностью выражений. — Ещё десять лет назад ничего подобного не было, я жил в Нефтекумске, а теперь вот сюда переехал. От них подальше, но, похоже, и здесь скоро жизни не будет. Сын регулярно приходит либо с разбитыми кулаками, либо с разбитым лицом...

Межнациональные отношения на Ставрополье — не предмет салонных споров, а самая что ни на есть практика, иногда со смертельным исходом.

Со времен рейда Басаева в Будённовск в 1995 г. ситуация год от года становится всё напряжённее. Мигранты из соседних республик практически вытеснили русских из восточных районов Ставрополья и всё активнее проникают в центральные районы края. Кульминацией противостояния стала массовая драка между русской и чеченской молодёжью в 2007 г. Всего с обеих сторон участвовало порядка трехсот человек. В результате был убит Гилани Атаев — «чеченец из влиятельной семьи». Ещё один студент из Чечни — Заурбек Ахматов — получил тяжёлое огнестрельное ранение.

А через несколько дней были убиты 21-летний Дмитрий Блохин, учившийся на спортивном факультете Ставропольского госуниверситета, и 19-летний сту-

дент Северо-Кавказского технического университета Павел Чадин. Благодаря активности националистов, организовавших сход, в котором участвовало более 250 человек, это дело приобрело всероссийский резонанс.

Межнациональные конфликты происходят не только по линии «русские — нерусские». Например, в 2009 г. властям пришлось разводить по разные стороны даргинцев и ногайцев, но основной удар приходится всё же на русское большинство.

Последнее время массовых драк не так много, но локальные конфликты возникают практически постоянно. Большой резонанс вызвало убийство уроженцем Чечни Висханом Акаевым жителя Ставрополья Николая Науменко 6 декабря 2012 г. Полиция не смогла (или не захотела) задержать преступника, и Акаев скрылся на территории Чечни.

Через два месяца, в феврале 2013 г., произошло ещё одно резонансное преступление. Группа уроженцев Ингушетии напала на жителя Ставрополья Максима Спасибова. Результат — молодой человек в реанимации, часть преступников вновь ушла от ответственности.

Неспособность власти обеспечить элементарную безопасность для жителей Ставрополья и безнаказанность преступников вызывает раздражение русского населения. В ряде городов Ставрополья прошли митинги и народные сходы, несмотря на жёсткий пресинг администрации. Жители требовали наведения элементарного порядка, а власти и ангажированные СМИ привычно навесили на них ярлык экстремистов. Второй популярной версией

властей стали, как обычно, происки иностранных шпионов.

Местная администрация и правоохранительные органы готовы обвинять кого угодно и в чём угодно, лишь бы не признать очевидный факт собственной некомпетентности, прямым следствием которой и становятся указанные конфликты и рост межнациональной напряжённости.

И вот в этом клубке противоречий оказались русские жители региона. Лишившись опоры на государственные институты, люди оказались не способны к эффективной низовой самоорганизации, а потому разобщённый и раздробленный наш народ медленно отстывает под всё нарастающим натиском миграционной волны.

Местная администрация всячески препятствует самоорганизации русских, опасаясь обострения межнациональных конфликтов, видимо, предпочитая жертвовать нашими жизнями в угоду мифологической «стабильности».

Противника себе местный Центр по борьбе с экстремизмом выбрал серьёзного: организатора русских пробежек и народных сходов, 19-летнюю девушку Оксану Борисову со скандинавским прозвищем Вёльва. Которая в перерывах между политической борьбой с отличием учится на отделении ударных и духовых инструментов по классу флейты.

Её сетевая активность так обеспокоила местных борцов за межнациональный мир и согласие, что они занялись не только ею, но и её матерью, в отношении которой пытаются возбудить уголовное дело. Как рассказала по телефону одна из сотрудниц поликлиники, коллег вызывали на допросы, чтобы уличить маму революционерки в воровстве препаратов или, на худой конец, во взяточничестве.

Сухие цифры официальной статистики констатируют резкое изменение этнического состава населения. За период с 2002 по 2010 г. процентное со-

отношение русских снизилось с 82% до 80%, вместе с русскими сокращается доля всего славянского населения края, а также татар. Массово покидают край немцы (численность сократилась на 35%) и евреи (на 20%).

Зато растёт доля народов Кавказа, Закавказья, Средней Азии: турок — на 39%, курдов — 42%, езидов — 38%, ингушей — 27% аварцев — 25%, кабардинцев — 20%, лезгин — 20%, более чем в два раза выросла численность узбеков.

Очевидно, что фактический рост численности указанных народов ещё более значителен. Например, по словам местных жителей, в юго-восточных областях Ставрополя процесс вытеснения русского населения приобрёл уже необратимый характер.

Но помимо этнической экспансии в регионе ведётся большая идеологическая работа. В том числе и с русским населением. Одним из центров русского ваххабизма стало село Иноземцево. Именно из местной ваххабитской общины вышли террористы-смертники Виталий Раздобудько и его жена Мария Хорошева, 14 февраля 2011 г. подорвавшие себя в дагестанском селе Губден. Их жертвами стали сотрудники полиции и военнослужащие.

Это было не первое их преступление. Семья к этому моменту находилась в розыске: Раздобудько — за участие в теракте 17 августа 2010 г. в Пятигорске и попытку аналогичного преступления 30 сентября 2010 г. в Ставрополе, его жена — за связь с подорвавшейся 31 декабря 2010 г. в Москве смертницей из «губденского джамаата».

Именно из этой общины вышли несостоявшиеся террористы Виктор Двораковский (осуждён на 23 года) и Владимир Скирко (осуждён на 6 лет).

Но, задержав нескольких участников, правоохранительные органы ничего не делают для того, чтобы ограничить влияние местного русского джамаата, созданного имамом Анто-

ном Степаненко и воспитавшего уже не одного русского исламиста.

По словам одного из лидеров славянского движения на Ставрополье Станислава Богословского, в настоящее время Северный Кавказ переживает процесс формирования мусульманского суперэтнуса. Выходцы из различных районов Дагестана и других северокавказских республик, приезжая на территорию края и общаясь между собой на русском языке, начинают идентифицировать себя не по национальному, а по религиозному признаку.

Рыхлая светская власть не выдерживает конкуренции с организованной и сплочённой мусульманской общиной, уже формирующей на территории края параллельные органы власти, одной из форм которой являются так называемые шариатские суды. По словам адвоката Д. Хасавова, в Дагестане, Чечне и Ингушетии подобные суды действуют повсеместно. Они рассматривают значимые спорные вопросы мусульман: примирение врагов, в том числе кровных, бытовые споры, вопросы, связанные с возможностью женщины видеть своих детей после развода с мужем, примирение после похищения невесты и так далее.

С его же слов, мусульмане обращаются не в суд, а к имамам, в муфтияты с письменными просьбами решить тот или иной спор.

Популярность шариатских судов в среде мусульман является следствием общей деградации судебной системы страны и Кавказа в частности.

Думаю, что не открою секрета, сообщив, что шариатские суды вполне успешно действуют и на Ставрополье. Причём обращаются в них не только мусульмане, но и русские, отчаявшиеся решить вопрос в судах обычных.

По словам лидера национальной организации русских мусульман Вадима Сидорова, «русская цивилизация — термин такой условный, она сжимается, как шагреновая кожа».

— Многие люди просто семьями уезжают. Особенно восточные сёла остаются без прихожан, — подтверждает его слова настоятель церкви Святого Александра Невского в г. Благодарный Ставропольского края, протоиерей Тимофей Гриценко.

Русское общество на Ставрополье в настоящий момент дезорганизовано и ослаблено. Не видя опоры внутри себя, русские ищут пути выхода из сложившейся ситуации в основном через смену места жительства либо через смену религиозной принадлежности. Этим и обусловлен феномен русского ислама на Северном Кавказе.

Путь в традиционный ислам русским «заказан», ибо он слишком «этничен», зато их с распростёртыми объятьями ждут адепты радикальных течений.

По словам исламоведа Раиса Сулейманова, наиболее известными исламскими террористами в России являются именно представители русских мусульман: Александр Тихомиров (Саид Бурятский), Виктор Двораковский, Виталий Раздобудько, Алла Сапрыкина и др.: «3 тысячи русских активно верующих мусульман России в процентном отношении дали гораздо больше террористов, чем 5 миллионов татар, традиционно исповедующих ислам».

Вадим Сидоров считает, что, принимая ислам на Кавказе, русские не только меняют религию, но и отказываются от своей национальности:

— Эти люди будут растворяться, будучи притянутыми к кавказской почве. По-видимому, в данном случае всё-таки есть определённая специфика в том, что мы являемся свидетелями некоего процесса включения русских, принимающих ислам и живущих на Кавказе, в некий «нацбилдинг» формирующегося кавказского суперэтнуса на исламской основе. Их русскость, я думаю, — это временное явление, которое технически удобно использовать в каких-то операциях по понятным причинам — им проще смешать-

ся с толпой. Но я не думаю, что там кто-то будет стремиться специально культивировать русскую этничность в кавказском пространстве. Прежде всего им самим это не нужно, вот этим ребятам, ни в одной, ни в другой версии. Я вообще думаю, что у стремящегося сохранить свою особую этничность русского мусульманина на Кавказе перспектив нет.

Подытоживая всё вышесказанное, можно утверждать, что **в настоящий момент на Кавказе формируется новый суперэтнос, несущий с собой иную культуру и традиции, разрушающий и подменяющий своими институтами (такими, например, как шариатские суды и бандформирования) светскую власть.** Нельзя сказать, что местная администрация не понимает остроты проблемы, только вот что-то с этим сделать она уже, видимо, не в состоянии.

Мирно сосуществовать две конкурирующие системы не в состоянии, и рано или поздно одна из них вытеснит другую.

Ответа на вопрос, что делать тем русским, кто не планирует принимать ислам и покидать Ставрополье, не знают и лидеры местного русского движения. Очевидно, что требуемый ими выход Ставропольского края из Северо-Кавказского Федерального округа и включение его в Южный ФО без ужесточения миграционной политики и обеспечения безопасности жителей является даже не полумерой, а

неким ритуальным действием, ничего не меняющим в сложившейся ситуации.

Русские в ситуации, когда администрация и правоохранительные органы вместо защиты законных интересов граждан занимаются обслуживанием корпоративных и клановых интересов (в том числе и интересов диаспор), оказались не способны сформировать, в отличие от мусульман, параллельные органы власти, а следовательно, нам придётся заставить работать эти.

А потому альтернативы тому, что сегодня делает Оксана Вёльва и другие гражданские активисты, на Ставрополье нет.

Где заканчивается Кавказ и начинается Россия — каждый определяет для себя сам. Но все признают, что граница эта с каждым днем всё дальше сдвигается на север, щедро поливаемая при этом кровью. Наш народ дорого платит за кавказский урок.

Мы не можем осуждать тех, кто, беспокоясь за своих детей и близких, ищет другой регион или другую страну. Но есть те, кто верит, что родовые казачьи земли Ставрополья останутся русскими.

И среди них хрупкая девушка с флейтой — Оксана Борисова, Вёльва, бесстрашно вставшая на защиту своего народа и пытающаяся словом разбудить остальных.

Я надеюсь, что её примеру последуют не десятки, как сейчас, а сотни и тысячи людей. И не только по Ставрополью.

МИХАИЛ БЕЛЯЕВ

МИГРАЦИЯ: ОПОРА КРЕМЛЁВСКОГО «ПРЕСТОЛА»

На первый взгляд может показаться, что миграция в Россию носит абсолютно бесконтрольный характер и власти просто не замечают данной проблемы, пальцем о палец не ударяя ради возведения заслонов на пути массового переселения южных народов в нашу страну. А переселение это начинает всё отчётливее принимать характер настоящей национальной катастрофы. Уже сейчас, по самым скромным оценкам, одних только нелегалов в РФ проживает более 10 миллионов. По другим данным — 19 миллионов. И если миграция будет продолжаться такими же темпами, то, по подсчётам экспертов, к 2048 г. около 40% населения страны составят мигранты и их потомки.

Подобные данные могут создать ощущение, что миграция стала чем-то сродни стихии или природной катастрофе. Но если повнимательнее изучить государственные документы и различные заявления первых лиц, то начинаешь понимать, что на самом деле никакого хаоса нет и в помине, а есть вполне осознанная и целенаправленная политика. И есть конкретный план, который выполняется на удивление точно и последовательно.

В самых общих чертах этот план описан в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». В этом документе миграция названа приоритетным путём увеличения численности населения РФ и поддержания российской экономики. Кроме того, там сказано, что миграционное законодательство планируется по-

догнать под новые цели. А именно — привлечение мигрантов на постоянное жительство в Россию. Переселение это будет носить вполне конкретный характер, направлять поток «новых переселенцев» предполагается в Сибирь и на Дальний Восток. Собственно, заселение восточных территорий России мигрантами и является конечной целью всей этой стратегии.

Данные регионы выбраны отнюдь не случайно. В Сибири и на Дальнем Востоке, а точнее, в природных ресурсах этих территорий Кремль видит ту спасительную соломинку, за которую он хватается в надежде избежать глобального экономического кризиса в России. Дело в том, что в РФ остаётся всё меньше ценного, всё меньше того, что ещё способно приносить хоть какую-нибудь прибыль. Все последние двадцать лет российская элита ускоренными темпами проедала сырьевой и инфраструктурный потенциал страны. И это привело к тому, что объёмы выпуска высокотехнологичной продукции, о которой так распинаялся Медведев, не породив, правда, ничего, кроме пары высмеянных народом идеологических штампов, сейчас ниже отметок двадцатилетней давности в 3–5, а иногда и в 20 раз. Загрузка производственных мощностей не поднимается выше 45–50%, а износ всех производств зашкаливает за 55% по официальным данным и за 75–80% — по экспертным оценкам.

Во всех наших основных сферах промышленности — в станкостроении, приборостроении, сельхозмашино-

строении, производстве вычислительной техники, а также авиационной и ракетно-космической промышленности — объёмы выпуска продукции в 10–20 раз ниже показателей двадцатилетней давности. Доля России на мировом рынке готовой продукции за период 1990–2011 гг. сжалась с 7,5% до 0,3%.

Промышленность России, которая до этого демонстрировала хоть какой-то рост производства, начала текущий год со стремительного падения. Только за первый месяц 2013 г. уровень производства обвалился на 1,5%, хотя по всем прогнозам он должен был вырасти на 1,4%. И самое любопытное, что на неудачную мировую конъюнктуру или макроэкономические факторы этот спад списать невозможно. Доллар стабильно держится на отметке в 30 руб., а цены на нефть по-прежнему бьют рекорды, поднимаясь уже выше 117 долларов за баррель.

Проблемы этого спада носят сугубо внутренний характер. Просто бизнес больше не хочет инвестировать свои деньги в российскую экономику. Терять свои кровные никому не хочется. Да и повышение тарифов на газ (15% в год) и электроэнергию (10%), которое пообещало правительство вплоть до 2020 г., недвусмысленно подсказывает: что-либо производить в России нерентабельно. Кроме того, уровень налоговой нагрузки на предпринимателей у нас составляет 54,1%. А если добавить сюда ещё и жадность чиновников, коррупцию и ставшие уже обязательными откаты... Так что, если не хочешь разориться — сворачивай производство и беги отсюда.

Совокупность этих факторов и привела к тому, что наши предприниматели массово выводят свои капиталы за рубеж, по 80 млрд долларов в год, которые они инвестируют в иностранные проекты. В общем, у российской экономики на данный момент остаётся только одна перспектива — скончаться в муках. А вслед за экономическим

кризисом неизбежно начнётся и кризис политический, который может привести к самым непредсказуемым последствиям для нынешней власти.

Но есть один путь, который позволит избежать этого сценария, — путь превращения России в сырьевую «самоколонию», варварскими методами прожирающую свои собственные ресурсы ради поддержания экономической, а как следствие — и политической стабильности. И «самоедство» это планируют начать с Дальнего Востока, превратив его в своеобразный локомотив умирающей российской экономики.

При населении в 6,3 млн. человек и технологической отсталости этот регион является настоящей сокровищницей. Помимо богатых месторождений нефти и газа на Дальнем Востоке находятся и крупнейшие запасы минеральных ресурсов. К примеру, дальневосточные запасы сурьмы, бора, олова составляют около 95% всех запасов этих ресурсов России, запасы алмазов — 80%, плавикового шпата и ртути — до 60%, вольфрама — 24% и около 10% общероссийских запасов железной руды, свинца, самородной серы, апатита. Кроме того, в регионе сосредоточены богатые залежи угля, основные промышленные запасы свинца, цинка, титана, олова. Леса здесь составляют свыше 35% общероссийских ресурсов.

Впрочем, для того чтобы в ускоренном темпе приступить к разработке этих месторождений, необходима сверхконцентрация финансов и механизмов управления — то есть необходимо создать монополию. Нечто похожее уже происходит при разработках месторождений на Сахалинском шлейфе, где работает целый консорциум международных компаний. Но в данном случае речь идёт не о каком-то одном месторождении, а о целом регионе. Регионе, который по своей территории куда крупнее большинства стран в мире и куда богаче ресурсами.

И в нём собираются создать именно такую монополию, которая станет современным аналогом колониальных предприятий прошлого.

Собственно, это и предлагает сделать Путин. Предлагает превратить часть нашей страны в колонию под властью госкорпорации. И служить она будет интересам не государства или нации, а узкого круга лиц из числа ближайших ставленников президента. В частности, из возможных претендентов на должность главы этого корпоративного монстра называются такие небезызвестные личности как Игорь Шувалов, Сергей Шойгу, который, собственно, и является «духовным отцом» идеи по созданию госкорпорации, а также бывший спикер Госдумы Борис Грызлов. Все они — ближайшие люди Путина. Проверенные люди, которые полностью лояльны своему сюзеру и смогут обеспечить его абсолютный контроль над колонией.

Первые попытки наложить свою лапу на ресурсы Восточных регионов, были предприняты властью ещё весной 2012 г. По распоряжению тогда ещё премьера Владимира Путина и с подачи Сергея Шойгу был разработан законопроект о создании госкомпании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока. Согласно этому документу, 60% территории России должны были частично выйти из-под юрисдикции федеральных законов о недрах, лесах, земле, градостроительстве, трудовой деятельности и гражданстве. В частности, для иностранцев планировали ввести льготный порядок оформления работы, проживания и получения гражданства, а сама госкомпания должна была получить право изымать любую собственность под свои нужды. Ну, а местные органы власти не смогли бы даже вмешиваться в её дела. И в завершение всего этого списка — госкорпорация получала нулевую ставку налога на прибыль, на имущество организаций и на землю, льготную ставку отчислений

на обязательное социальное страхование, а НДС компания могла платить или не платить — на своё усмотрение. В общем, не закон, а просто праздник для кремлёвских элит.

Но план этот вышел чересчур громким и скандальным. Слишком уж очевидно повеяло от него колониальными ветрами прошлого, и власть решила отложить его до лучших времён. Именно отложить, но вовсе не отказаться. Судя по всему, во многом ради реализации этого плана Путин и решил вновь взобраться на кремлёвский престол. И теперь власть ищет различные способы вновь приступить к реализации своей идеи фикс — потрошения восточных территорий.

Не так давно Владимир Путин предложил реанимировать проект создания единой госкорпорации на территории Дальнего Востока. И это произойдет уже в самое ближайшее время. Разработкой данного проекта сейчас активно занимаются многие министерства.

Минэкономразвития первым предложило законопроект по созданию новой гигантской госкомпании, которая почему-то будет обладать английским названием: State Company for Development of Siberia and the Far East. Этой компании, по замыслу министерства, перейдут огромные территории нашей страны. А именно, целых 12 регионов: Бурятия, Якутия, Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Магаданская, Сахалинская и Еврейская автономная области, а также Чукотский автономный округ. Точнее, перейдут не сами регионы, а все их природные ресурсы, что в принципе равнозначно.

Срок работы данной компании составит 25 лет, и подчиняться она будет только президенту. Ни парламент, ни правительство, ни тем более местные администрации не будут иметь над ней вообще никакой власти. По сути, будет создана личная вотчина президента — ведь её выведут из-под кон-

троля всех как общественных, так и государственных организаций. Настоящий феодальный удел, находящийся в личной собственности одного человека, куда будут переданы практически все природные ресурсы нашей страны. Последнее, что ещё осталось ценного в России.

Единственной преградой в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока является малочисленность населения этих регионов и постоянный отток этого самого населения. При высокотехнологичном производстве это не стало бы большой проблемой. Но РФ — это страна, в которой высокие технологии существуют только в отчётах чиновников, а в реальности предпочтение отдаётся дешёвому, неквалифицированному ручному труду. Трудом мигрантов из Средней Азии.

Российские элиты стремятся получить максимум прибыли при минимуме затрат, а посему — им нужны дополнительные рабочие руки. Причём дешёвые руки. Этот важнейший критерий, кстати, делает невозможным переселение в Сибирь русских из европейской части страны — ведь для него потребуются довольно высокие расходы. К примеру, на комфортабельное жильё, развитую инфраструктуру, высокие зарплаты. Соответственно, единственным источником рабочей силы, которая отвечает кремлёвским стандартам — неприхотливость к бытовым условиям и дешевизна, — являются иностранные мигранты. Так, к примеру, из семи с лишним миллионов жителей Таджикистана почти половина живет менее чем на 2 доллара в день; с точки зрения властей — идеальные работники. Плати им три или четыре доллара в день, и они уже будут счастливы.

Итак, власти нужны мигранты, чтобы окончательно разграбить Сибирь и Дальний Восток. Она называет это «развитием», но если внимательно ознакомиться с первоначальным планом по созданию госкорпорации, то

в нём отчётливо вырисовывается картинка тотального вывоза всех ценных ресурсов. После реализации этой программы от наших Восточных регионов должна остаться лишь безжизненная тундра, а кое-кто станет просто сказочно богат. Богат так, что арабские шейхи и эмиры почувствуют себя нищими на паперти. И сделано это будет руками мигрантов.

То, что в Кремле принято решение наводнить Сибирь и Дальний Восток ордами постсоветских мигрантов, даже не скрывается. Государственной Думой РФ в первом чтении был принят закон, который отменяет такие обязательные условия получения нашего гражданства, как пятилетний срок проживания на территории РФ; вид на жительство в РФ; подтверждение наличия законного источника доходов; владение русским языком для всех участников программы содействия добровольному переселению соотечественников.

Кто-то может подумать, что раз говорят о соотечественниках, то речь идёт о русских и других коренных народах нашей страны. Увы, это совсем не так. Благодаря весьма расплывчатому определению «соотечественник» в российском законодательстве реально под действие этого закона попадают вообще все бывшие граждане СССР и их потомки и родственники. Причём не только ближайшие.

Официально ФМС не ведёт статистики лиц — участников данной программы — по национальному признаку, поэтому общей картины у нас нет. Но есть данные по некоторым регионам, где работала данная программа. Так, в Тверской области среди «соотечественников» русские составляют только 32%. А среди остальных щедро представлены армяне, таджики, узбеки, молдаване, азербайджанцы, туркмены, грузины и даже гагаузы с болгарями. Схожая картина наблюдается и в Мордовской республике, где среди переселенцев доля русских состав-

ляет только 43%. Как видите, программой этой пользуются не только представители коренных народов, и в реальности в неё может записаться вообще кто угодно.

Впрочем, программа по переселению «соотечественников» выбрана вовсе не случайно для облегчения процедуры получения российского гражданства. Дело в том, что эта программа чуть ли не единственный механизм, благодаря которому можно направить миграционный поток в нужные регионы. За счёт такого понятия как «приоритетный регион вселения», переехав в который, участник этой программы и подъёмные получит, и работу, и ещё ряд мелких льгот. И социальные низы азиатских республик несомненно прельстятся такой заманчивой перспективой, массово перебираясь в нашу страну.

А вот ещё одно доказательство того, что заселять восточные территории будут именно иностранцами, которым в ускоренном порядке раздадут российские паспорта: Минвостокразвития подготовило проект госпрограммы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». Её суть проста — массовое переселение иностранцев на восточные территории нашей страны. Причём каждому мигранту, который поселится на Дальнем Востоке, правительство планирует выдать подъёмные, попутно обеспечив его ещё и бесплатной землёй, и льготной ипотекой. Вот такой вот прыник

для стимулирования массового переселения.

И нужно это для того, чтобы устроить массовое разграбление всех природных ресурсов региона, отсрочив подобной чудовищной инициативой крах российской экономики. И цена, которая будет заплачена за эту сомнительную отсрочку, явно не смущает кремлёвское руководство.

Впрочем, массовая миграция в Россию используется нынешней властью не только в экономических, но и в сугубо политических интересах. Одна из важных целей иностранной миграции — интеграция стран СНГ и Таможенного союза в единое экономическое и политическое пространство. И это не чьи-то домыслы — это конкретные задачи, которые ставятся в данном документе.

Вы спрашиваете, зачем Кремлю столько мигрантов? Боюсь, что здесь замешана геополитика. В идеях а-ля «Евразийский союз» Путин видит возможность реставрации СССР в том или ином виде, а также гарантию сохранения существующего режима. Когда суверенитет России будет вновь упразднён, а реальные рычаги власти будут переданы неким новым союзным органам управления — можно будет смело сворачивать последние демократические и правовые декорации, вернувшись к более привычным для Кремля неограниченно авторитарным механизмам господства, вскармливая нового евразийского монстра ресурсами Русского востока.

Сергей Корнев

Русской «глубинке» запретили малый бизнес

Недавно на сайте официальной «Российской газеты» я обнаружил две соседствующие новости с весьма красноречивыми заголовками, которые в сумме дают яркое представление о характере отношения нынешней власти к собственным гражданам. Новость первая. «Россияне избавляются от бизнеса» (RG.RU от 15.02.2013): *«В России за два месяца закрыли свой бизнес 208 тысяч предпринимателей»*. Новость вторая. «Иностранцам станет проще открыть в России свой бизнес» (RG.RU от 18.02.2013): *«Правительство России одобрило снятие ряда ограничений для иностранных граждан в малом бизнесе»*.

Сопоставление этих новостей невольно заставило вспомнить фразу, приписываемую недавно почившему известному режиссеру: *«Все эти бесчисленные молдаване, украинцы, азербайджанцы, армяне умеют и хотят работать... Местные же хотят ходить пьяными, праздными, за что и получать деньги. Национализм захлестывает Россию»*. Должно быть, правительство смотрит на вещи с той же колокольни: «российская пьянь», «захлестнутая национализмом», забрасывает бизнес и уходит в загул, и бедному правительству приходится исхитряться, какие бы еще льготы придумать для трудолюбивых мигрантов, чтобы те осчастливили Россию своим бизнесом.

Увы, подробное прочтение первой новости разрушило эту милую сердцу многих картину. Причина повальной ликвидации мелких бизнесов — рост

фиксированной ставки страховых отчислений (в Пенсионный фонд и ОМС) для индивидуальных предпринимателей (ИП). С 1 января она выросла вдвое, до 35 665 руб. в год, а в 2015 г. достигнет 53 500 (а может и больше, если повысится МРОТ, к которому она привязана). Важно, что эта сумма не зависит от дохода и собирается по факту регистрации ИП, даже если его доход оказался равным нулю. Это значит, что если ваш маленький бизнес по ремонту обуви (к примеру) по каким-то причинам окажется неудачным, вы не только окажетесь без куска хлеба, но еще и в долгах перед чиновниками.

Уверен, что многие, особенно москвичи, удивятся: неужели для бизнесмена может оказаться неподъемной скромная сумма 35 тыс. рублей в год? Здесь сбивает с толку сам титул «Индивидуальный Предприниматель». Слово «Предприниматель» у многих безотчетно связано с образом импозантного господина на дорогой иномарке. Во всяком случае, этот воображаемый «Предприниматель» имеет достаток выше среднего. Однако для подавляющего большинства российских ИП данный образ имеет мало общего с реальностью. Престижные адвокаты, дантисты и владельцы крупных магазинов составляют лишь малую долю из них. Большинство ИП в глубинке — это не столько «предприниматели», сколько «самозанятое население»: «кустари-одиночки», «извозчики», «ремонтники» и т.п. Это не те люди, которые «подались в бизнес», чтобы подняться над средним уровнем,

а те люди, которые пытаются как-то выжить при отсутствии нормальной работы. Для большинства таких ИП недостижимой мечтой является уровень зарплаты среднего наемного работника.

Вот что об этом думает экспертное сообщество: *«Индивидуальные предприниматели — люди не богатые. Таковыми часто становятся студенты, матери с малолетними детьми, пенсионеры, для которых своя работа с гибким графиком — практически единственная возможность прокормить себя и своих близких. В среднем по России их доходы не превышают 6–10 тыс. рублей в месяц. “Для таких людей уровень налоговой нагрузки обесценивает их бизнес. Получается, что он может достигать 50%, а то и 60% от дохода, что чрезвычайно много”*, — говорит президент Ассоциации прямых продаж Тамара Шокарева. *По ее подсчетам, в прямых продажах 50% дистрибьюторов зарабатывает не более 100 тыс. рублей в год»* (Е. Шохина. Неподъемный налог // Expert Online, 24 янв. 2013 г.).

Больше всего в этой истории поражает игнорирование неравенства социально-экономической ситуации в разных регионах России. Ведь равный для всех регионов размер страхового взноса — это та самая «средняя температура по больнице». Получилось, что, «уравняв температуру», чиновники сделали услугу малому бизнесу в богатых регионах, где он и так прекрасно развивается, и фактически запретили его в бедных регионах, где его развитие как раз наиболее необходимо (в том числе и с точки зрения госбюджета). Если в Москве среднемесячная зарплата составляет 46,0 тыс. руб. (Росстат, 2012), то в Брянской области, к примеру, всего 16,1 тыс. рублей. Подчеркиваю: средняя зарплата, включая областной центр, местную элиту, чиновников. А если взять простых людей в райцентрах и деревнях, то там типичные зарплаты — 6–8 тыс. рублей.

А ведь разница в средних зарплатах между регионами напрямую отражается на доходах предпринимателя.

Понятно, например, что почасовой тариф (и доходы в целом) учителя-репетитора в Брянске будет как минимум в 4 раза меньше, чем в Москве, при равном качестве преподавания. Да и клиентов там найти гораздо труднее. Кроме того, в глубинке бизнес часто бывает сезонным (если связан с сельским хозяйством, к примеру), и человек реально использует свой статус ИП 3–4 месяца в году, а остальное время может выступать как наемный работник. Такие малооплачиваемые и частично-занятые ИП при нынешнем раскладе просто выметаются с легального рынка и вынуждены уходить в тень.

Представьте себе эту картину: человек как-то крутится, выживает самостоятельно, зарабатывает честную копейку, не желая вымогать от государства пособие по безработице. А Путин с Медведевым, вместо благодарности, фактически запрещают ему это делать, как бы говоря: «Мы не позволим тебе работать, ленись и спивайся, смерд».

Но допустим, что местный ИП, житель райцентра или деревни, крайне успешен и зарабатывает примерно на уровне, среднем по области. Это значит, что страховые выплаты составят *пятую* часть его доходов. А с 2015 г. — более *четверти*. И вот после этого правительство хвалится, что у нас максимально удобные условия для малого бизнеса — как же, налог на прибыль «по упрощенке» всего 6%. Но с учетом страховых выплат эти 6% легко могут превратиться в 100% и даже в 1000%, — взнос-то фиксированный. По сути, это «запретительный тариф», который вынуждает людей отказываться от статуса ИП и уходить «в тень» при малейшей неуверенности в перспективах бизнеса. Вместо того чтобы стимулировать население депрессивных регионов брать на себя ри-

ски, связанные с самозанятостью, правительство и Дума, наоборот, делают эти риски неприемлемо высокими, пополняя армию безработных.

Интернет сейчас переполнен ропотом индивидуальных предпринимателей. Достается и Минфину, и Думе, и Путину с Медведевым, и даже Жерару Депардье («Предприниматель с доходом 50–100 тысяч в год, должен отдавать государству около 75 процентов. Чтобы господин Депардье, мог спокойно платить 13 процентов со своих миллионов» — из блога gmichailov.livejournal.com). На эту тему уже зашевелилась ОПОРА России и другие профильные организации. Имеется петиция на сайте «Демократор» (<http://democrator.ru/problem/9493>). Приведу оттуда красноречивую цитату:

«В последние годы некоторым людям в РФ казалось, что оформление ИП даёт свободу от внезапных перемен. Это, мол, ясные правила игры, которые можно понять головой, довести их выполнение до автоматизма и переключиться на другие вопросы. На те, ради которых, собственно, и затевалось оформление ИП — на содержание своей деятельности, дальнейшую адаптацию собственных профессиональных возможностей к запросам потребителей (то есть тех самых граждан РФ, во имя которых якобы принимаются Думой любые новые законы). В декабре 2012 правила игры для ИП изменились не просто резко — это изменение уничтожило для большинства само понятие об ИП как предсказуемом формате взаимоотношений частника с государством. Множество ИП бросились закрываться. Незакрывшиеся будут вынуждены поднять цены. Последнее либо лишит конкурентоспособности их лично, либо повысит средние цены на рынках соответствующих товаров и услуг. После чего, как думает теперь каждый первый частник, сразу по достижении рынком нового равновесного состо-

яния отчисления ИП в фонды Дума, конечно же, поднимет ещё в несколько раз, нанеся очередной удар по и без того слабому среднему классу родной страны. Что ещё может теперь ожидать от государства человек, на свою голову вышедший однажды из тени?»

Впрочем, со стороны остального населения к ИП мало сочувствия, ибо «гордое слово» Предприниматель мешает многим понять суть вещей. Люди не осознают, что ИП — это предприниматель и наемный работник в одном лице. Как правило — единственный наемный работник. И если он терпит крах, то не только в ипостаси «бизнесмена», но и в ипостаси наемного работника. И результатом этого краха будет приход этого человека на обычный рынок труда, где он составит конкуренцию обычным работникам. А вот представьте, если бы каждого работника, подобно ИП, заставили платить фиксированный страховой взнос, даже если он потерял работу и зарплату. Люди бы просто взвыли от Калининграда до Владивостока.

Во всем этом есть еще одна пикантная деталь, которая уж точно необъяснима в рамках презумпции «доброто правительства». По нынешним законам, если у ИП нет наемных работников, то сумму страхового взноса он имеет право вернуть целиком из 6%-ного налога на прибыль. То есть если ИП зарабатывает от 50 тыс. рублей в месяц и больше, то он, по сути, освобождается от платежа в ПФ. А если меньше — вот тогда-то с него сдерут три шкуры.

Это уже политика: правительство вполне сознательно хочет отвлечь от самозанятости людей, которые пытаются выживать, но на «серьезных предпринимателей» не тянут. Эти люди, по-видимому, должны не «держаться» самостоятельно, а становиться в ряды безработных и демпинговать на рынке наемного труда. Но кто же возьмет их на работу в депрессивной глубинке? Если у ИП есть хотя бы один

наемный работник, то вычитать из налога можно только страховые взносы, исчисленные на работника. Тем самым большинство ИП теряют всякий интерес к тому, чтобы дать небольшую легальную подработку своим соседям и знакомым. Это тоже сокращает возможности выживания для жителей депрессивной глубинки. Им остается разве что наниматься за гроши в батраки к «трудолюбивым иностранцам», которым правительство, как мы видели выше, облегчает возможность ведения бизнеса в России.

Впрочем, может быть, речь идет не о сознательном «вредительстве», а о следствии московской зашоренности. Обитая в пределах МКАД и не вынимая рыло из Кормушки, люди просто не представляют себе, как трудно живется в глубинке. Типичный пример этой элитарной зашоренности («Пусть едят пирожные вместо хлеба!») я увидел недавно в блоге политолога Алексея Чадаева ([a href=http://www.chadayev.ru/blog/2013/02/01/postanovka-zadach](http://www.chadayev.ru/blog/2013/02/01/postanovka-zadach)), который написал буквально следующее: *«Возьмем, к примеру, Брянскую область... средняя зарплата — одна из самых низких по стране, но при этом безработица — всего 1,5% (по торжественному заявлению губернатора Денина). Что это значит? Это значит, что практически все жители области “устроены на работу”, где “получают зарплату” — которая, по сути, есть замаскированный вэлфер, в его русском изводе: “начальство делает вид, что платит, — люди делают вид, что работают”. Эта ситуация является результатом многолетней целенаправленной политики создания большого количества низкооплачиваемых рабочих мест, идущая корнями еще из советского принципа “права на труд”»*.

Читая этот перл аналитики в общемто неглупого человека, я прикидывал, как отнеслись бы к нему те рабочие с брянской лесопилки, которые в 2007 г. получали 9 тыс. рублей в месяц за ка-

торжную работу без выходных и отпусков (не думаю, что с тех времен ситуация кардинально улучшилась). Человек не способен вообразить себе, что «ничтожные» по его мнению, 16 тыс. среднебрянской зарплаты для многих жителей области являются недостижимой мечтой, и им обычно приходится ишачить (а не «делать вид») за гораздо меньшую сумму. (Так же и в Москве, кстати, у меня полно знакомых, получающих вдвое меньше средней московской зарплаты за весьма напряженный труд.) Я бы поостерегся называть «замаскированным вэлфером» работу учителей, которые для прокорма семьи вынуждены брать по две ставки, или работу медиков, которые по тем же причинам работают по две смены и ночами, чтобы выйти на уровень средней региональной зарплаты.

Низкий уровень официальной безработицы в Брянске объясняется тем, что люди не спешат регистрироваться в качестве безработных, — просто не привыкли милостыню просить, выкручиваются сами. Одни обеспечивают себя самозанятостью — те самые низкодоходные ИП. Вторые («отходники») вахтовым методом подрабатывают в Москве и других крупных городах, получая по 30–40 тыс. рублей в месяц, что позволяет им остальную часть года довольствоваться низкооплачиваемой работой на родине. Но в последнее время по обеим этим категориям граждан чиновники нанесли удар, так что уровень безработицы в регионе может серьезно повыситься. По «отходникам» ударили восстановлением «крепостного права» (драконовский закон по борьбе с нарушениями регистрации не делает различий между гражданами и зарубежными мигрантами). По фрилансерам — неподъемными отчислениями в ПФ и ОМС.

Казалось бы, нормальное правительство должно радоваться, когда люди обходятся без пособий, обретаясь в роли ИП «на подножном корму», или когда они исправляют перекосы

социально-экономического развития страны и едут работать из бедных регионов в богатые. Но вместо этого власть, по сути, криминализует и то, и другое. Мы вернулись к самым мрачным особенностям СССР, когда желание человека заработать кусок хлеба по собственной инициативе считалось преступлением само по себе.

* * *

Теперь самое время вернуться к началу этой заметки и вспомнить распространенные мемы: «у русских отсутствует предпринимательская жилка», «русские — слишком ленивы для бизнеса», «наш народ работает только из-под палки», «в глубинке живет ленивое и спивающееся быдло» и т.п. Эти мемы озвучивают не только деятели культуры, далекие от экономики, но и «вполне солидные» экономисты из лагеря отечественных «либералов» с каннибальским уклоном. Теперь мы понимаем, каким образом добиваются соответствия реальности с этими мемами. Рассмотренный нами случай уникален тем, что схема «опускания» русских граждан оказалась простой и прозрачной, поэтому мы поймали власть за руку. Но то же самое происходит и в любом другом случае, когда нам тычут в лицо «ленивыми русскими».

Вот вы едете по Средней полосе, видите заросшие лесом поля и заброшенные деревни. А куда же подевались массы людей, которые в начале 90-х

бросились записываться в фермеры? Спились, заленились? Если у вас хватит терпения изучить реальные условия фермерства в данном регионе, я абсолютно уверен, что оно здесь, по сумме причин, окажется нерентабельным или вообще невозможным, и во все не из-за холодного климата. А те фермеры, что чудом остались на плаву, — это либо Супергерои, которые в нормальной стране при тех же усилиях давно бы сделались сельхозмагнатами национального масштаба, либо имеют надежную «крышу», которая защищает их от придинок налоговой, от рейдеров и криминала.

Итак, запретительный по факту размер взноса в ПФ для индивидуальных предпринимателей оборачивается «вышвыриванием» из легального поля сотен тысяч людей. Это не просто «перегиб» или «недоработка» — это стратегическая линия по превращению населения страны в беспомощных безынициативных люмпенов. Вспомним теперь, что мелкий бизнес, ИП — это тот наиболее массовый контингент (более 4 млн. человек, не считая членов семей), который во всех странах поддерживает партии и движения национальной ориентации. Отнимая у этих людей честно заработанный кусок хлеба, власть, по сути дела, уничтожает природный электорат националистов. Не в этом ли и состоит главная цель данного нововведения?

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

ФИКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

I

Под шум грандиозного скандала вокруг «закона о сиротах» президент России утвердил новую Стратегию государственной национальной политики до 2025 года. О проекте Стратегии говорилось много, хотя широкого ее обсуждения не было. Дискуссия велась «под ковром». Основные тезисы Стратегии были ожидаемыми. Вновь говорится о России как государстве 193 народов. Отмечается, что в России используется 277 языков и диалектов.

Правда, в Стратегии говорится о роли русского народа, но предельно невнятно: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ». Может показаться, что русский народ играет роль ядра и в современных условиях, не так ли? Но далее в Стратегии написано: «Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русского культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код».

То есть получается так. «Исторически» был какой-то русский народ (есть ли он сейчас, нет ли — авторам Стратегии, видимо, неизвестно). Этот самый русский народ был «ядром» (хорошо, что не «цементом») Российского государства. А сейчас, в современной ситуации, в центре этого государства находится уже не русское «ядро», а некий «цивилизационный код».

Причем расшифровке этот код не поддается. Не считать же таковой

утверждение об «особом стремлении к правде и справедливости». К правде и справедливости стремится любой человек и любой народ, а «особое» стремление — просто ничего не значащее слово.

Как видим, критика оппонентов Стратегии учтена: русский народ в документе упомянут как некое далекое прошлое, которое многонародное государство 193 народов и 277 языков и диалектов, видимо, счастливо преодолело.

Действительно, дальше говорится о некой «российской нации», главным достоянием которой является «многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности». Упрочение многонационального народа Российской Федерации (он же — российская нация) названо главной целью государственной национальной политики, как и сохранение и развитие этнокультурного многообразия России.

Конечно, во многом говорящее в Стратегии — обычная политкорректная болтовня. В самом деле, очень трудно критиковать разглагольствования о многонациональном, многонародном, многокультурном, многоэтническом, мультирелигиозном народе в связи с полной бессмысленностью таковых. Многонациональных народов в природе не существует. Это — советская химера, уже приведшая к краху как СССР, так и все государства, созданные по советской модели.

Напомню, что советская модель национальной политики сводилась к созданию на территории СССР вели-

кого множества этнических субъектов с бюрократией, сформированной из представителей титульного народа, во главе. Затем эти республики натравливались на русских. Держалась эта модель только на коммунистической идеологии. Более того, две республики СССР — Украина и Белоруссия — даже были членами ООН, то есть имели все признаки независимых государств с точки зрения международного права.

Естественно, как только власть коммунистической партии пошатнулась, СССР развалился буквально за пару лет. Его примеру последовала Чехословакия, состоявшая из двух союзных республик — Чехии и Словакии, а также Югославия, провалившаяся в многолетнюю кровавую гражданскую войну.

Могут сказать: все только критиковать горазды. Ты, это, кисть давай. В смысле, как правильно-то?

Давайте посмотрим, как правильно. Любое современное государство должно создавать «гражданский коллектив». Это политкорректное название нации. Но что такое нация? Сообщество граждан, обладающих правами и гарантирующими права друг другу. На основе чего возникает нация? На основе народа или союза народов. Почему именно народа, а не индивидуальных личностей? Потому что если бы нация состояла просто из людей, наделенных правами, она должна была бы быть одна на весь мир. Ведь права человека универсальны. Но наций много. Все они вырастают на базе соответствующих народов-этносов.

И в этом нет ничего страшного. Да, народ — явление природное. Но ведь и человек — природное явление. Не робот же.

В наших условиях нация может быть создана только на базе русского народа, составляющего 80% населения страны. Даже Стратегия, процитированная выше, признает русских «ядром» (правда, в прошлом).

Но есть и другие народы. У них

есть свои законные права. Эти права надо соблюдать. Значит, русская нация может быть создана на базе союза народов во главе с русским народом. Кому-то, быть может, не понравится слово «во главе». Тогда можно сказать: «объединенных вокруг русского народа». Над конкретным термином можно подумать.

Далее: необходимо, чтобы на территории России не было этнических субъектов Федерации. Тут есть тонкая проблема. Народы имеют право на особый статус своих национальных территорий, но эти территории не могут обладать более высоким статусом, чем обычные края и области. Иначе — неизбежные попытки отделения и создания собственных национальных государств, чем уже два десятилетия занимается, например, Татарстан.

Но как же право народов на самоопределение, спросите вы? Оно же международно признанное... Это — правда. Но кто сказал, что татары должны самоопределяться только в границах Татарстана? Страной национального самоопределения татарского народа должна стать вся Россия! Это тем более верно, что больше половины российских татар проживает за пределами своей «титульной» республики. Точно такая же логика действует и в отношении прочих народов России.

Действительно, официальная Стратегия говорит, что в нашей стране 193 народа. Замечательно. Но все ли они имеют республики? У нас их всего 16, плюс автономная область и автономные округа. В рамках советской национальной модели надо наклепать 193 республики: для каждого народа — свою. Естественно, это смехотворно: никакое государство такого дикого устройства не выдержит.

Нужно, чтобы все субъекты Федерации были равны и назывались, допустим, «землями» или «губерниями» (конкретное название можно обсудить). При этом в названии можно сохранить имя народа, составляющего

большинство на данной территории: например, Татарская губерния (или земля). Важно, чтобы не было этно-кратических режимов, оттесняющих русских от руководства соответствующими регионами, создающих ситуации национальной дискриминации и при этом подрывающих территориальную целостность страны, ибо все они являются сепаратистскими.

Тогда возможно постепенное создание единого пространства, в котором примерно 90% населения будут русскими если не по буквальному этническому происхождению, то по мировоззрению и культуре.

Еще в советское время появились формулы «русский еврей», «русский татарин», «русский китаец». Причем в 90-е над ними было принято смеяться. Дескать, как можно быть русским и татариним сразу? «Дело нечистое».

А ведь если смотреть в корень, то можно повернуть и по-другому. Русский китаец — это русский, у которого были китайские предки. Такие люди бывают. Конечно, такой человек еще не «дозрел» до того, чтобы именовать себя просто русским, но здесь спешки и не требуется. Не он, так его дети или внуки назовут себя именно так. Важно, чтобы была возможность интеграции в русские у тех, кто этого захочет.

А для этого нужно прямо сейчас отказаться от русофобской советской национальной политики, иначе она воспроизведет проблемы, с которыми столкнулся на излете своего существования Советский Союз, и поставит нынешнюю Российскую Федерацию на грань распада.

II

В январе в Москве прошел «Марш против подлецов». Так было названо мероприятие оппозиции, направленное против «закона Димы Яковлева», в соответствии с которым был введен запрет на усыновление российских детей гражданами США.

Марш оказался многолюдным. Ко-

нечно, по традиции власть и оппозиция называют разные цифры. Полиция занижает, говоря о примерно 10 000 человек, оппозиционеры завышают. «На глаз» участниками шествия были несколько десятков тысяч человек. Лично я бы оценил число собравшихся в 20 000 — 30 000 человек, но совершенно не удивлюсь, если их было больше.

Что же заставило этих людей покинуть дома и по морозу бродить по Москве, неся над головами портреты депутатов Госдумы, голосовавших за «закон Димы Яковлева» (на каждом депутатском лице стоял штамп «Позор»)?

То есть формальный повод понятен — принятие закона. Но какие струны затронул он в народной душе, если люди решились выйти, несмотря на январь и холод?

Власти и оппозиция в конце 2012 года сочли, что протест кончился. Более того, Координационный совет оппозиции, организовав неудачное возложение цветов к Лубянскому камню (памятнику жертв политических репрессий), принял решение отложить протестные акции до весны. Казалось бы, все: 2012 год с его бурными митингами ушел в историю.

Тем не менее «закон Димы Яковлева» гальванизировал протест, снова выведя на улицы десятки тысяч людей. Формально закон логичен: Россия отказывает США в усыновлении детей, что совершенно нормально, так как вместе с нашей страной в списке американских усыновлений первенствуют Китай с его населением в 1,3 млрд. человек и Эфиопия с ее 1000 долларов в год на человека. Россия богаче Китая и Эфиопии, мы можем позволить себе оставлять детей в стране. Иначе какой смысл жаловаться на депопуляцию, если ежегодно из России вывозятся несколько тысяч ее граждан?

Депутаты Госдумы, принявшие закон, заслужили прозвище подлецов. Блогосфера кипела возмущением. Уже по тому, как были настроены люди,

становилось ясно, что «Марш» станет многолюдным событием.

Вряд ли подавляющее число его участников — сироты или усыновители сирот. Так что же вывело людей на улицы?

Я сформулирую свою версию: вывело отчаяние. Россия — страна, из которой слишком многие бы мечтали уехать. Это показывают опросы общественного мнения. Криминальный беспредел, отсутствие малейших прав, ощущение полной незащищенности обычного человека преследуют современного жителя процветающей Москвы.

Какие-нибудь «гости с юга» могут порезать людей в трамвае, после чего жертвы будут мгновенно обвинены в расизме и ксенофобии, а сами «гости» — мгновенно выпущены на свободу с извинениями. Недавно напали на журналиста Ревзина, он получил по лицу кастетом и даже не стал обращаться в полицию, поскольку «сам отбился», а потом еще и извинился за употребленное в адрес нападавших слово «хачи». Вот такие забавные нравы процветают в нашем царствегосударстве.

Ощущение, что государство — не свое. Огромное, чужое, с жабыми глазами, оно медленно и сосредоточенно пьет народную кровь.

И люди понимают, что деваться некуда. Уехать на Канары могут только богатые люди, миллионеры. «Но хоть детей-то не троньте!» У сирот есть крохотный шанс уехать в Америку и там «начать жизнь сначала», забыть о нынешней «РФ» как о страшном сне. Слишком многие увидели в сиротах самих себя.

Весь «Марш против подлецов» — это просьба об усыновлении. Усыновлении каким-нибудь добрым, справедливым, мудрым и хорошо устроенным государством.

Выходили-то на «Марш» люди среднего и старшего поколения. У русского народа сегодня официально нет Родины, нет Отечества. В мире нет страны,

которая отстаивала бы русские интересы, защищала бы русских. Нет «государства-убежища», куда русские, подвергшиеся гонениям, могли бы бежать, где был бы Дом — тот самый, национальный, с большой буквы.

Русский народ сегодня — это бездомный народ, народ-сирота. «Российская Федерация» — один большой «детдом», из которого нет исхода.

Видимо, это или подобное ощущение и срезонировало. Люди пока согласны сами оставаться в «детдоме» РФ, но вышли с просьбой отпустить хотя бы детей. Хотя бы некоторых...

Разумеется, в деле есть и политическая составляющая. Либералы подписали митингующих на сбор подписей за роспуск Государственной Думы. На волне протеста Немцовы и Удальцовы готовы создать либеральную фракцию в Государственной Думе, новый СПС. А там, глядишь, Прохорова — в мэры Москвы, Кудрина — в премьеры...

Но я очень сомневаюсь, что протестующие поддерживают именно эту программу. И власти это хорошо понимают. Поэтому реализовать ее получится только в том случае, если внутри самой правящей группировки произойдет серьезное перераспределение сил.

Так что прошедший «Марш против подлецов» — это просьба об усыновлении народа и страны, о создании национального государства. Ведь кроме нестойкой «РФ», которой от роду двадцать лет, существует и тысячелетняя Россия, а она основана русскими и существует благодаря русским. Но власти безмолвствуют, продолжая четко и методично нагнетать ужас. Завоз мигрантов, поощрение криминалитета, уничтожение системы образования, повышение цен на ЖКХ... Сколько всего этого еще понадобится, чтобы довести ситуацию до взрыва, — пока неизвестно.

Но керосин в костер льют с упорством, достойным лучшего применения.

III

Замоскворецкий суд приговорил известного националиста Константина Крылова к 120 часам обязательных работ.

Приговор выглядит легким, однако в реальности он означает судимость, что, согласно нашему законодательству, ограничивает возможность политической деятельности. Кроме того, само уголовное дело было основано на фразе Крылова «Пора кончать с этой странной экономической моделью», произнесенной в 2011 году на митинге «Хватит кормить Кавказ». Эту фразу сочли разжигающей национальную рознь. Почему?

Тут самое время поговорить об особенностях нашей судебной системы.

Вы, наверное, думаете, что живете в правовом государстве, где все решается по закону? Как бы не так. Дело в том, что судьи в России судят по «внутреннему убеждению». Статья 17 Уголовно-процессуального кодекса гласит: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Формально смысл статьи состоит в том, что воля судьи свободна. Решать дело он должен на основании доказательств и собственной совести. То есть он должен быть субъективно убежден, что тот или иной человек виновен или, напротив, не виновен.

Но на практике судья, не связанный никакими доказательствами, может решать дело «от балды», то есть играть в «верю — не верю». Допустим, в суд приводят человека, который убил другого. Обвиняемый говорит: «Он сам упал на мой нож пятнадцать раз подряд». «Верю, — кивает судья. — Как не поверить...».

Вы можете иметь какие угодно доказательства вашей невиновности, но

судья поверит не вам, а следователю, который слабал доказательство на коленке.

В деле Крылова доказательством экстремистского характера его слов («Пора кончать с этой странной экономической моделью») послужили результаты экспертизы. То есть эксперт говорит: «Иванов сказал: “Доброе утро”. Тем самым он оскорбил тех, у кого сегодня злой вечер. Поэтому Иванов — экстремист». Это кажется абсурдом, но логика здесь работает именно такая.

Эксперт может заявить что угодно. А «чистый душой» судья просто поверит ему. Поверит как дитя. Сколько раз бывало, когда в суд приводили людей, которые, по словам власти, «ругались матерной бранью» и «задирали прохожих». У обвиняемых было алиби, показания десятков свидетелей, что они этого не делали. Но судья «верил» паре омонцовцев, под копирку написавших заявление, что человек, которого они реально видели первый раз в жизни, ругался матом. Вуаля: приговор готов. И хорошо, если это 15 суток «административки».

Аналогично «чистый душой» судья может «поверить» в невиновность откровенного убийцы, какие бы ни были доказательства в пользу виновности. Так «внутреннее убеждение судьи» превращается в торжество беззакония.

Это — базовый дефект российского «кривосудия». Конечно, судья должен быть свободен и судить по совести, но у него не должно быть возможности игнорировать предъявленные доказательства, алиби и другие факторы. А у нас приговоры по резонансным делам зачастую выносятся с формулировкой: «У суда нет оснований не доверять доводам обвинения».

Дело Константина Крылова шито белыми нитками. Это, конечно, видно и судье. Но вместо оправдания суд тянулся более полугода. Адвокаты пытались оспорить доказательства. Напри-

мер, диск, на котором была записана речь Крылова на митинге, как выяснилось, не был оригиналом, а представлял собой копию, созданную спустя несколько часов после события. Но суд принял диск как доказательство. Оперативники, дававшие показания, лично не осуществляли съемку: это делал кто-то другой из их ведомства.

Эксперт длинно и путано объясняла, почему фраза «Пора кончать с этой странной экономической моделью» носит экстремистский характер и разжигает ненависть к выходцам с Кавказа.

Понятно, что в цивилизованном обществе подобное высказывание в принципе не могло бы быть поводом для судебного преследования. Но судья «поверил» обвинению.

Так что дело Крылова носит принципиальный характер. Можно ли у нас осудить человека вообще ни за что? Получается, что можно. Это создает прецедент судебного приговора в результате любого, сколь угодно безобидного высказывания.

«Будьте здоровы!» — явный призыв. Он разжигает ненависть к социальной группе «больные», ибо призывает к ее уничтожению. Дескать, все должны быть здоровыми! Как омерзительно, если вдуматься. Особо доверчивый судья немедленно выпишет за подобное штраф или общественные работы. Так и в тюрьму попасть недолго.

Пора реформировать эту странную судебную систему! В частности, внести в закон норму, в соответствии с которой судья не сможет уклоняться от оценки доказательств по существу и будет обязан принимать решения на их основании, а не просто на базе «судейского усмотрения», как это у нас называется. Как говорят специалисты, нам нужно доказательственное право, то есть система четких правил, на основании которых судья решает судьбу человека. А система, когда судья играет в игру «верю — не верю», должна уйти в прошлое.

Что должен сказать цивилизованный суд о деле Крылова? Не «верю — не верю». Он должен сказать: «Доказательства вины отсутствуют; в результате произнесения слов “Пора кончать с этой странной экономической моделью” ни один кавказец не пострадал; сами слова являются выражением личного мнения, на которое гражданин России Константин Крылов имеет полное право. Следовательно — невиновен».

Я искренне верю, что и Константин Крылов, и уважаемые читатели, и лично я скоро будем жить в стране, где подобный судебный приговор будет правилом, а не исключением.

IV

Идея временного переименования Волгограда в Сталинград всколыхнула общественность, но вяло. Похоже, Сталин не настолько волнует общество, как принято считать. Я уже писал о том, что Россия — общество, управляемое с помощью троллинга. Наша власть постоянно ищет темы для раскола общественного мнения и вбрасывает их в СМИ. Идея понятна: необходимо, чтобы люди постоянно ругались. Те, что постоянно собачатся, не способны на объединение. «Разделяй и властвуй» — старый римский принцип.

Однако не все темы, которые вбрасывают в СМИ, вызывают массовую истерику. Действительно качественно расколоть общество удалось лишь дважды — в ходе дела «Пусси райот» и при принятии «закона Димы Яковлева». Тогда скандалы получились значительные. Люди готовы были вцепиться друг другу в глотки по вопросу, следует или не следует танцевать в церкви.

Вот и сейчас власть старается отвлечь внимание потенциальных протестантов от происходящего в стране. Например, от попыток передать весь Резервный фонд некоему ОАО или от проекта создания гигантской госкорпорации, которая будет монопольно

контролировать Сибирь и Дальний Восток. Сама идея о том, что российские регионы будут без всякого согласия жителей переданы в собственность госкорпорации, должна вызвать ужас. В подобном формате управляли своими колониями Британия, Франция и Голландия, но век колониальных компаний давно пройден. Выясняется, что в России он возвращается. Одновременно идет сворачивание системы школьного образования, уничтожение вузов. Специалисты утверждают, что количество преподавателей планируют сократить на 40%, а нагрузку на оставшихся увеличить.

На этом фоне, конечно, очень важно поспорить, был ли злодеем или добряком генералиссимус, умерший 60 лет назад. Ведь правящая верхушка, похоже, решила украсть вообще все. Согласитесь, вряд ли в США (да и в любой другой стране мира) в здравом уме могла возникнуть идея передачи частной корпорации Аляски. А в России — возникла, и не она одна. Недавно новостные ленты принесли новую сенсацию: в районе Домодедово строят «русский Кембридж» — огромный университетский комплекс, куда планируется перевести МИФИ, МГТУ, «Плешку» и еще ряд крупных вузов. Какой в этом смысл? Да никакого: просто надо выкупить землю у олигарха. Иначе зачем он ее покупал? А то, что в процессе переездов может погибнуть несколько вузов мирового класса, — «пустяки, дело житейское».

Официальные витии рассказывают про «фашизм», про дремучую православную духовность, нависающую над страной. Дескать, народ алчет Сталина и святых усов его. Скоро-скоро, мол, наступит в России диктатура...

А по-моему, мы присутствуем при обратном процессе — банальном распаде государства. Ибо для того, чтобы украсть, правящая верхушка проталкивает немыслимые, абсолютно невозможные в любом цивилизованном обществе проекты.

Распад несколько приостановился в связи с делом Сердюкова. Пошел шепоток, что могут даже воровать запретить. Но — нет, не запретили. И все вернулось на круги своя.

Сейчас невозможно говорить даже о коррупции. Коррупция — это когда чиновник получает взятку за то, что покупает, допустим, партию танков. Цель операции — все же получить танки. Крупные торговцы оружием даже выделяют специальные фонды на выплату взяток, потому что рынок узок и заказчиков немного. А теперь представьте, что танки — только предлог для получения взятки. Что взятка — единственная цель, и ради нее будет куплено все что угодно. «Мистрали» какие-нибудь...

Понимаете? Нам говорят о «русском Кембридже», но цель операции — просто покрыть расходы землевладельца за государственный счет. Земля будет куплена, а дальше — хоть трава не расти. Судьба вузов тоже никого не интересует.

И так по каждому пункту. Маркс говорил, что капитализм работает по схеме «товар — деньги — товар штрих». Современные российские чиновники усовершенствовали ее: «кража — прикрытие кражи — кража штрих».

Римские патриции ходили перед рабами голыми. Рабы считались вещами, говорящими лопатами, и потому римляне не стеснялись. Похоже, власть окончательно перестала испытывать даже малейшее смущение перед людьми, которые все еще числятся гражданами Российской Федерации. А сама РФ все больше похожа на временное, фиктивное государство. СССР был таковым. Предполагалось, что он существует до мировой революции. РФ — тоже временщик. До окончательного разворовывания.

Мы стремительно возвращаемся к ситуации конца 2011 года, когда «партия жуликов и воров» перестала стесняться кого бы то ни было. «Заголилась и обнажилась», как в гениальном

рассказе «Бобок» Достоевского. Там, помнится, мертвецы на кладбище разговаривали и договорились ничего не стыдиться. Вот так же и с нашей верхушкой. Пир во время чумы, да и только. Причем пир с утроенной, удесятенной наглостью.

Похоже, спад протестной активности и вялая милость Запада вызвали в российских клептократах прилив сил и наглости. Полуолигарх Полонский несколько лет назад сказал: «У кого нет миллиарда, может идти в ж...». Тогда это было расценено как пощечина общественному вкусу. Полонский стал «инфант терриблем» российской верхушки. А сегодня, хоть сам Полонский и сидит в Камбодже, его философия восторжествовала. В указанное им место решено отправить весь народ.

Ах да, Сталин... На этом фоне, конечно, самое время обсудить роль в истории покойного вождя. Поспорить до хрипоты, поругаться вдрызг. Это крайне своевременно, особенно если учесть, что остатки его наследия проедаются и проматываются у нас на глазах.

V

На февральском заседании Совета по международным отношениям Владимир Путин выступил за написание единого учебника по истории. Насколько своевременна подобная инициатива?

Прежде всего, история — это оружие. Интерпретация исторических событий всегда оказывает влияние на ныне живущие поколения. Зачастую вокруг учебников истории вспыхивают нешуточные конфликты. Например, Китай и обе Кореи всегда активно протестуют против японских учебников, в которых преуменьшаются преступления японских милитаристов во время Второй мировой войны. Особенно болезненной для китайцев и корейцев является тема насильственного угона женщин в публичные дома для японских солдат.

В России учебники истории также зачастую служат пространством идеологической борьбы. Например, для преуменьшения вклада СССР в победу во Второй мировой войне, когда военные действия описываются с точки зрения США и Британии, а главным театром военных действий изображают Африку или Тихий океан. Или когда вдруг оказывается, что Сталин был «эффективным менеджером» (точка зрения как минимум спорная). Не говоря уже о том, как трактуют историю в российских национальных республиках, где русских зачастую изображают в роли агрессоров, совершающих немыслимые преступления.

Иначе говоря, единый взгляд на историю все же нужен, равно как и единый учебник. Большой вопрос лишь в том, что будет сказано в таком учебнике. Не будет ли преуменьшена или вообще проигнорирована роль русского народа в создании российского государства? Под каким углом будет освещаться история Российской империи и СССР?

Ведь единой истории у нас нет во многом потому, что непонятно, на какие исторические корни опирается нынешняя Российская Федерация. Юридически она является преемницей СССР: правопреемство действует в отношении международных договоров и членства в Совете Безопасности ООН. Но при этом сам СССР постоянно критикуется, его история зачастую шельмуется. Не так давно бывший президент России Дмитрий Медведев заявил, что России всего 20 лет. Потом он, правда, поправился и стал говорить о тысячелетнем государстве, но «осадочек осталось».

До сих пор непонятно, в каких отношениях находится нынешняя РФ с Российской империей. Правопреемства с «Россией, которую мы потеряли» как не было, так и нет, а это сказывается и на концепции истории. Если у нас существует правовой разрыв с Российской империей, постро-

ить единый гладкий концепт затруднительно.

И так — на каждом шагу. Неясен статус русского народа в РФ. Русские — запрещенный народ, чьи права официально никак не признаются. Тогда как писать историю Киевской Руси или Руси Московской? Ведь это же была Русь... Являются ли Ярослав Мудрый или Дмитрий Донской нашими предками и героями или нет? А если нет, то кто тогда герой? Ведь история России — это история русского народа, тут нет никаких сомнений.

Если за основу не берется история русских, то что брать за основу? Историю Золотой Орды? Оттоманской Порты? Китая?..

Поэтому тема единого учебника не так проста, как кажется. Единая история нужна, *но единая история кого?* Об этом умалчивается.

Вроде и правильно говорит Путин, что нужно развивать русский язык, добиваться, чтобы все граждане РФ знали его, — хотя бы потому, что молодежи потом поступать в вузы. Но, опять же, о языке говорится в отрыве от народа. Такое впечатление, что русский язык — это нечто вроде латыни, то есть уже нет живых носителей языка. Но ведь по-русски говорят прежде всего русские. А наш народ на февральском Совете не был не только упомянут, но даже представлен.

За столом вместе с президентом сидели руководители национально-культурных автономий. Кстати, Путин озвучил, сколько их всего в России: 989, то есть почти тысяча. Зачастую это автономии народов, имеющих собственные национальные государства за пределами России. Но русской автономии не было: она запрещена законом. Если бы Россия была националь-

ным государством русских, логика в этом запрете была бы: дескать, и так государство ваше, зачем тогда автономия? Но РФ — многонациональное государство, где русские вообще не упоминаются и не имеют никаких прав. Зато существуют национальные республики отдельных народов, где в Конституциях, будьте покойны, их титульный статус прописан. Существуют национально-культурные автономии, их число, как говорилось выше, уже подходит к тысяче. И только русские не представлены вовсе.

Так что русский язык развивать надо. Но почему не китайский — в рамках официальной идеологии РФ сказать затруднительно.

Итак, Путин сделал акцент на единстве. Единый язык, единая история... Это, конечно, очень хорошо, но единство кого? Об этом Путин скромно и политкорректно умолчал. Вроде власти хотят строить «политическую нацию», «единый многонациональный народ»... но в каких формах и как? Молчат. Всё думу думают. Дальше игры словами дело не заходит. А национальные проблемы становятся все острее. А мигрантов завозят все больше. И где место русским в стране, которая официально не имеет к нашему народу ни малейшего отношения, — загадка. Равно как и загадка, как может существовать подобная государственность, полностью построенная за счет неупоминания и отрицания самого русского имени.

Не люблю Льва Гумилева, но именно про такие государственные образования он говорил: «химера». В РФ химерично все, начиная с истории. И пока мы не признаем, что в основе истории России должна лежать история русского народа, даже единый учебник вряд ли спасет ситуацию.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

Русофобия КАК ИДЕОЛОГИЯ

Русофобия — слово, которое в последнее время встречается всё чаще. И есть основания думать, что дело здесь не в новомодном понятии, а в актуальности тех сторон общественной и международной жизни, которые этим словом описываются. При этом до сих пор было сделано совсем немного попыток осмысления этого явления. Зато мы имеем дело с большим фактическим материалом.

Прежде тема русофобии была и в общественном сознании, и в официальных идеологиях как бы табуирована, и только в 1990-е и 2000-е гг. о ней стали говорить всё чаще и всё с большим вниманием. Слово вошло в язык и науки, и повседневной жизни. Его стали нередко употреблять и политики. Например, спикер Государственной Думы РФ Сергей Нарышкин отказался поехать в качестве главы российской делегации на октябрьскую 2012 г. сессию ПАСЕ: «По мере приближения к открытию сессии Парламентской ассамблеи мы почувствовали, что вряд ли мои стратегические предложения будут услышаны со стороны ряда руководителей Парламентской ассамблеи и ряда руководителей русофобских делегаций». Характеристика «русофобские делегации», данная на столь высоком уровне, вводит понятие русофобии в язык большой международной политики.

Впрочем, само понятие появилось ещё в XIX в. Как наиболее ранний пример его употребления чаще всего приводят слова Ф.И. Тютчева из одного его письма 1867 г.¹ Впрочем, вряд ли

он в этом письме вводил совсем новое слово. Уже этот текст ставит перед нами вопрос о русофобии не только как о внешнем отношении к русским и России, но и как характеристику некоторых настроений в самом русском обществе. Впрочем, природа такого внутрирусского явления, несомненно, сложнее, чем неприязнь к русскому народу иностранцев. Со стороны быть русофобом проще.

Фобия подразумевает устойчивый страх и ненависть к его источнику, и вряд ли на свете найдутся соседские народы, представители которых никогда не испытывали друг к другу подобных чувств. И тут возникает первый и очень важный вопрос: является ли русофобия таким же типичным слу-

бья некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых. Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д., и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, несколько не уменьшили пристрастия к ней. Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи, здесь действуют только инстинкты, и именно в природе этих инстинктов и следовало бы разобраться» (Письмо к дочери Анне от 20 сентября 1867 г. // Литературное наследство. Т. 97. Ф.И. Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 306).

¹ «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *русофо-*

чаем, или это явление вполне рядового характера, тем более естественное, что у такого большого и влиятельного народа, как русские, в истории было немало конфликтных отношений с другими народами? Такое предположение делал в своё время Иван Ильин: «Подобно тому, как есть “англофобы”, “германофобы”, “японофобы”, так мир изобилует “русофобами”, врагами национальной России, обещающими себе от её крушения, унижения и ослабления всяческий успех»².

При таком подходе русофобия предстаёт как явление вполне банальное. С такой точки зрения дано, например, определение русофобии Андреем Савельевым: «Русофобия — неприязнь, ненависть, враждебность или иные негативные чувства по отношению к России, русским или их языку, истории и культуре»³. Схожее определение даёт Сергей Кара-Мурза: «...руссофобия Запада — широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским, от страха до ненависти»⁴. И всё же, думается, не стоит считать русофобией любой неприязненный отзыв или выпад в сторону русского народа. Русофобия — не просто неприязнь к России и тем более не любая критика⁵.

Представляется, что мы имеем все основания, чтобы увидеть в русофобии явление другого порядка. В настоящей статье предлагается рассматривать русофобию не просто как проявление негативных чувств в отношении России и русских, но как доволь-

но **цельную идеологию**, то есть особый комплекс идей и концепций, имеющий свою структуру, свою систему понятий и свою историю генезиса и развития в западной культуре, а также свои типичные проявления.

Наиболее близкий аналог такой идеологии — это антисемитизм. О его истории и характеристиках имеется обширная литература, в которой нередко специально разделяются понятия юдофобии (как различного рода неприязни к евреям) и антисемитизма как идеологии, имеющей свои конкретные исторические формы.

Этот комплекс идей имеет основания в христианском религиозном отношении к иудеям (антииудаизме), однако вовсе к нему не сводится. Для времён поздней античности и раннего Средневековья говорить об антисемитизме вряд ли возможно — примерно до XI в. отношение к евреям в Европе было довольно терпимым. Это было связано и с позицией официальной Церкви, имело своё богословское обоснование (евреи воспринимались как хранители ветхозаветного Закона, свидетели распятия Христа и народ, призванный обратиться в христианство незадолго до конца света).

Однако в XI–XIII вв. отношение к евреям на Западе резко изменилось, что выразилось не только в росте враждебности, но и появлении целого сонма концепций, обосновывавших нетерпимое отношение к евреям, а также вытекающих из них практик. В евреях стали видеть слуг дьявола, их обвиняли в похищении христианских младенцев и ритуальных убийствах, осквернении причастия, отравлениях колодцев и вообще распространении всякой заразы, подготовке заговора против христиан и т.д. Возникло представление о физиологических отличиях евреев от остальных людей. Западным исследователем Г. Лангмуиром было введено в научный оборот понятие «химерического антисемитизма», то есть идеологии, основанной на химерических об-

² Ильин И.А. Против России // Его же. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 66.

³ Савельев А.Н. Русофобия в России. 2006–2007 гг. Аналитический доклад. М., 2008.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские? М., 2011. Глава «Русофобия».

⁵ Прекрасное перечисление того, что похоже, но всё же не является русофобией, дано в статье: Сергеев С.М. Что такое русофобия? // <http://rusplatforma.org/publikacii/node/483/>

винениях⁶. С конца XIII в. встречаются факты изгнания евреев из городов и целых стран.

Эпоха «высокого Средневековья» — XIV–XV вв. — стали временем утверждения специфических форм антисемитской идеологии, широкого распространения этих идейных комплексов по всему Западу. Евреи превратились в «козлов отпущения», за которыми признавалась вина за самые разные беды христиан. Причины этого явления были и остаются большим вопросом для исторической науки⁷. Но, возникнув в обстоятельствах конкретной эпохи и конкретной культурной среды (есть основания видеть основной источник этих идей в регионах средней Германии), этот комплекс идей стал органической частью западной культуры. Уже во второй половине XIX в. он был осмыслен в понятиях расовой теории, приведя в скором времени к масштабным геноцидным практикам. Таким образом, трудно признать за антисемитизмом просто традицию этнической и религиозной враждебности, скорее это система специфических представлений о евреях как особой этнической общности, особая идеология со своим генезисом и историей развития.

Представляется, что в случае с западным отношением к России и русским мы имеем дело с явлением подобного рода. Кстати, понятие антисемитизма тоже было впервые употреблено в XIX в. и примерно в те же годы (в сочинении Вильгельма Марра «Победа германизма над еврейством»). То есть *руссофобия является типологически*

схожей с антисемитизмом совокупностью особых представлений о русских как об особой этнической общности, которая проявляется в приписывании русским сущностно свойственных им характеристик, имеющих однозначно негативное значение. Эти характеристики представляют собой цельный комплекс идей, регулярно воспроизводимый на протяжении многих столетий. В настоящей статье я постараюсь показать, что руссофобия как идеология сложилась в XVI в., и это было связано главным образом с польским военным проникновением на восток, на русские земли.

В случае с отношением к евреям у нас есть два термина (антисемитизм и юдофобия), что позволяет развести идеологию и просто негативное отношение. В русском случае также стоит проводить различие между различного рода проявлениями этнической не любви и определённой системой взглядов, но вряд ли стоит изобретать особый термин. Хотя западными авторами и высказывалось мнение, что «руссофобия» — слишком мягкое слово для обозначаемого им предмета. Так, Майкл Аверко пишет, что «понятие “руссофобия” отражает мягкий подход к укоренившимся антироссийским предрассудкам. Поэтому такие формулировки, как “антироссийские силы” или “недрузи России”, представляются более точной (хотя и не всегда идеальной) альтернативой термину “руссофобия”»⁸. И всё же представляется, что речь может скорее идти о различии между бытовой и идеологической руссофобией. При этом последняя имеет специфически западное происхождение, тогда как стойкая неприязнь к русским может быть свойственна по различным причинам представителям самых разных культур.

Такой подход ставит задачу исследования структурного своеобразия

⁶ См.: Langmuir G.I. Toward a Definition of Antisemitism. Berkeley, 1990.

⁷ См. обзор современных научных исследований в этой области в статье: Дмитриев М.В. Антииудаизм и антисемитизм в православных культурах Средних веков и раннего Нового времени (обзор исследований) // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы: Сб. ст. / Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2011. С. 10–46.

⁸ Аверко М. Украина и «руссофобия» без купюр («The American Chronicle», США) // <http://www.inosmi.ru/translation/240734.html>

руссофобской идеологии, её составляющих и её исторических источников. Каковы были те идейные и исторические элементы, из которых возникла идеология русофобии? Как она развивалась и распространялась? В чём она проявляется в наши дни и с чем связана? Чем более обусловлено отношение на Западе к России: реальной политикой и культурной жизнью России или же тем образом России и её народа, который сформировался в западной культуре задолго до наших дней? И сам этот образ — насколько он связан с опытом контактов с русскими, а насколько — со своеобразием западной цивилизационной идентичности, со структурой мысли «о Другом» в западной культуре? Как, в свою очередь, западная русофобия повлияла на российские идеологии западничества?

Представляется необходимым сформулировать общие критерии выявления русофобии, которые могли бы применяться не только в области науки, но и в сфере государственного законодательства, ведь противодействие распространению русофобии и в России, и в остальном мире — политическая задача, значимость которой уже трудно отрицать. Кроме того, само изучение того, что есть русофобия, каково отношение к русским у других народов и чем оно обусловлено, может оказать немалое влияние на формирование современной русской идентичности. Где границы русскости? Каковы её важнейшие свойства и проявления? Всё это тесно связано с вопросом: что другие народы воспринимают в русских как чуждое, что их особенно раздражает, а что встречает интерес и понимание?

В литературе, касающейся темы русофобии, как и в случае с антисемитизмом, можно выделить две объяснительные стратегии, два подхода. Первый пытается видеть причины русофобских суждений в свойствах самого русского народа, второй же ориентирован на поиск их оснований

в исторических конфликтах с русскими и свойственными той или иной культуре особенностями восприятия. Полагаю, что строгой аргументации в пользу предпочтения одной из этих стратегий нет и быть не может, скорее этот выбор характеризует позицию исследователя. Настоящая работа основана на втором подходе, случаи же первого рассматриваются как примеры русофобских текстов и являются, можно сказать, нашими источниками.

Формирование руссофобской идеологии

Несомненно, что восприятие русского народа представителями западных культур с самых ранних времён уже не могло не быть предвзятым. Русь характеризовалась принятием христианства из Константинополя и определённым географическим положением, что уже предполагало перенос на неё некоторых устоявшихся характеристик, в которых она виделась в первую очередь как христианский Восток, византийская ойкумена, при этом её далёкая северная часть — территория, по всем древним описаниям заселённая варварскими малоизвестными племенами.

История формирования западной идентичности и стереотипного восприятия греческого Востока берёт своё начало ещё в античной эпохе. Первую масштабную пропагандистскую кампанию по дискредитации Восточной (греческой) части Римской империи предпринял ещё Октавиан Август в период своей борьбы с Марком Антонием⁹. Август основывал её на утверждении

⁹ Подробнее об этом см.: Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1. Новосибирск, 1994. С. 125–133; Межеричуцкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.—Калуга, 1994. С. 113–168.

нии своего имиджа как твёрдого приверженца республиканских традиций. Скорее всего, именно тогда впервые были сформулированы основные идеологемы противопоставления «Запада» и «Востока» как противоположных и даже враждебных традиций и донесена до широких слоёв гражданского населения западной части Империи модель позитивной «западной» идентичности.

Важно заметить, что это самосознание изначально было задано в форме противопоставления всему «восточному» как принципиально иному, как противоположному. Примечательно, что по сей день она сохраняется примерно на тех же основаниях: антитеза свободы и рабства, гражданских прав политического участия и слепого подчинения властителям, рациональности и религиозной мистики, умеренности и разврата и т.д., в конечном счёте — мужского и женского начал (и здесь Восток олицетворялся властвующей над якобы безвольным Антонием египетской царицей Клеопатрой, которой, собственно, и была объявлена война). Многим позже, уже в эпоху Возрождения, итальянские интеллектуалы были склонны воспринимать культуру греко-римской античности скорее как целостную традицию, однако противопоставление Запада греческому Востоку обрело более яркие очертания в связи с церковным расколом и турецкими завоеваниями.

История европейского христианства утвердила имидж греческого мира как неправильного, неверного, схизматического, а потому погрязшего в пороках и заслужившего свои беды. Православие легко сочеталось в единый образ с исламом, в котором поначалу тоже пытались видеть христианскую секту. Церковный раскол между европейскими Востоком и Западом имел долгую историю, в которой анафемы 1054 г. можно рассматривать как завершающую стадию, лишь оформившую многовековой процесс. Более

значимым для него был восьмой и девятый века, время от создания Империи Карла Великого до Константинопольского патриарха Фотия. И именно каролингская эпоха вновь возродила и сделала актуальным западное самосознание, старые концепты «*Orientalis*» и «*Occidentalis*».

Культурная значимость такого разделения мира очень заметна по ранним польским описаниям Руси. Как писал краковский епископ Матвей в письме к Бернарду из Клерво (середина XII в.), «*Ruthenia quae quasi est alter orbis*», то есть «Русь — это как бы другой мир». При этом надо понимать, что для того времени мы имеем дело с пока что слабо христианизированными обществами, имеющими ещё общую славянскую культуру. Однако для человека латинской книжности различия между Русью и Польшей казались пропастью.

С эпохой Возрождения становилось всё более значимым и старое противопоставление «римлян» и «варваров» — народы византийской культуры как принципиально неримские теперь оказывались «варварскими». Весь этот комплекс идей и характеристик применялся к русским землям, и для этого не требовалось личного знакомства, опыта контактов и описаний путешественников. Эти понятия исходят из специфичных для Запада форм идентичности и моделей восприятия иных народов. И, разумеется, от русских никак не зависело то, что им, как «варварскому» народу «Востока», приписывали все те качества и характеристики, которые в европейской культуре воспринимались негативно. Неправильный мир должен быть плох по определению.

Как принято утверждать в научной литературе, европейское «открытие» России произошло в конце XV — в XVI в. Это не столько отражает сам процесс (всё же определённые знания о русских землях, при всём недостатке связей, были и всё предыдущее тысячелетие), сколько характеризует

то, как Запад сам воспринимал активизацию связей с Восточной Русью. Эпоха Великих географических открытий породила колониальный тип понимания контактов с незападными народами. Собственное варварское прошлое большинства европейских народов обусловило раннее появление стадийно-исторического мышления: другие по культуре народы стали восприниматься как попросту недоразвитые, задержавшиеся на том этапе истории, который западными народами уже пройден. Соответственно, им нужна была христианская миссия и просвещение, ускоренное ученичество. И предполагалось, что это составляет глубинное желание любого такого народа. Если же он упорствовал в своём невежестве, то переходил в разряд врагов католического мира.

Примерно это же произошло с восприятием России: весь XVI в. Запад большими усилиями стремился склонить московские светские и церковные власти к принятию унии. Катастрофический неуспех этих начинаний обусловил и утверждение образа России как экзистенциально чуждой и враждебной Западу страны. Страны, в отношении которой возможна только одна стратегия отношений — подчинить, чтобы обезопасить христианский мир. Впрочем, различие между этими двумя взглядами сохранилось и в будущем — взглядом, условно говоря, «оптимистичным», рассчитывающим на интеграцию России в западное сообщество путём отказа от своих ошибочных и вредных традиций и заблуждений, и «пессимистичным», согласно которому Россия может быть только врагом, так как органически не способна к перенятию западной культуры.

В контексте основной политической проблемы Европы — турецкой угрозы — первый подход означал ориентацию на союз с Россией против Турции. «Наиболее полное выражение эта тенденция нашла у Томазо Кампанеллы и Жана Бодена, которые практически

перестали различать духовное и политическое наполнение христианства. Так, Россия, по их мнению, на правах союзника в борьбе против турок должна быть включена в христианский мир невзирая на её конфессиональные особенности»¹⁰. Второй же подход скорее объединял Россию и Турцию в ранге «врагов христианства». Именно такой взгляд на Россию стал преобладающим по мере развития реформационных движений на Западе. Реформация подрывала концепцию единой христианской Европы и выдвигала на первый план проблему конфессиональных различий.

В середине XVI в. в Вене вышла книга, ставшая, можно сказать, классикой радикально негативного описания России, — «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна (*Regum Moscoviticarum Commentarii*, 1549). Это сочинение задавало идеальные «тип и форму повествования о России»¹¹ на Западе. Во второй половине XVI в. оно переиздавалось 22 раза, то есть в среднем раз в два года. Основные идеи этих «Записок» легли в основу западного восприятия России, можно сказать, создали её образ в западной культуре.

Герберштейн был послом габсбургского двора, перед которым ставилась цель склонить Москву к участию в совместных антитурецких кампаниях, для чего требовалось также примирить её с Литвой. Однако оба посольства (1517 и 1526 гг.) не достигли успеха. В своих «Записках» Герберштейн попытался обосновать фактический провал своих миссий свойствами самого «московского» народа и невозмож-

¹⁰ Гро Д. Россия глазами Запада (*Dieter Grob. Russland und das Selbstverständnis Europas*. Neuwied, 1961). Цит. по реферату Б. Горохова, см.: Отечественные записки. 2007. № 5 (38).

¹¹ Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 45.

ностью союзных отношений с ним. Он оспорил мнение о том, что Московия является частью Европы, предложив относить её к Азии: «Если провести прямую линию от устья Танаиса к его истокам, то окажется, что Москва расположена в Азии, а не в Европе»¹².

Статус «азиатов» объединял «московитов» с турками в едином образе врагов Европы. Такой подход не оставлял аргументов для сторонников «оптимистического» взгляда на Россию. Если «оптимисты» видели в ней аналог американских индейцев — то есть открытое колонизационное пространство, заселённое наивными варварами, которые только и ждут европейского просвещения, то теперь Россия представляла природным врагом христианского мира. Теперь она виделась преемницей татар, наследницей Тартарии, которую недавно сама же победила.

А статус врага подразумевал и наделение его всеми теми характеристиками, которые в самой западной культуре того времени осознавались в радикально негативном ключе. Московиты, по Герберштейну, склонны к убийствам, насилиям, грабежам и прочим преступным действиям. При этом русские очень любят пьянство и «венерины утехы». Кроме того, они живут в условиях жестокого рабства и добровольно принимают это состояние: «Все они называют себя холопами, то есть рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе»¹³.

«Потенциально европейскую страну, так и не ставшую, несмотря на все попытки, частью европейского мира, теперь относили к “антимиру”. На примере истории Московии показывалось, что не надо делать европейцам, что такое неевропейское поведение. Сущность своего, христианского

мира европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов — прежде всего турок, а со второй половины XVI века и московитов»¹⁴. И всё же одной этой книги было мало, чтобы утвердить образ страны, с которой Европа соседствовала и на участие которой в антитурецких коалициях продолжала рассчитывать.

Для утверждения такого яркого негативного образа европейской культуре требовалось масштабное событие, а именно прямое и продолжительное военное столкновение. Таковой стала Ливонская война — фактически первое столь масштабное противостояние России и Запада (1558–1583). Война с Ливонией и Великим княжеством Литовским переросла в войну с Польшей, Швецией и Данией, однако именно польская шляхта сыграла главную роль в её информационном обеспечении и идеологическом обосновании на Западе.

Польша, как территориально самая близкая к России католическая страна, исторически была основным источником информации о русских для Западной Европы. Кроме того, с XIV в. Польша стала проводить активную наступательную политику на русских землях. В середине — второй половине XIV в. польский король Казимир III Великий смог завоевать Червонную Русь (с центром во Львове), положив начало польской политике покорения Руси. Кривская уния 1386 г. с Литвой, которая тогда владела почти всей Западной Русью, но признала её раздел с Краковом, склонила литовскую верхушку к принятию католицизма и политически связала два государства узами личной унии. Польские историки XV–XVI вв. создали целостную концепцию, согласно которой Русь издавна (ещё с

¹² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 138.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Филлюшкин А.И. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011. С. 36.

походов на Киев в XI в. королей Болеслава I Храброго и Болеслава II) по праву и на веки вечные принадлежит Польше. Виднейший польский историк Ян Длугош (1415–1480) описал в своих «Анналах» «покорение и завоевание Руси», «присоединение» её к Польше в XI в., состояние которой отныне является «рабским»¹⁵.

В результате неудачных для Литвы военных действий в ходе Ливонской войны Польша осуществляет новое наступление на русские земли. В один год (1569) она аннексирует все южно-русские земли Великого княжества, а также его западные территории (Подлясье), после чего заставляет поставленное на колени княжество заключить Люблинскую унию, по которой Польша и Литва объединялись в единое государство Речь Посполитую. Фактически вся Западная Русь оказывается под польским управлением, на её территориях разворачивается процесс активной колонизации знати. И уже вскоре — в начале XVII в. — поляки появляются в Московском Кремле.

Польское подчинение Руси деятельно направляется Римом. После фактического провала прежней стратегии католического проникновения в Восточную Европу через деятельность прибалтийских орденов и Швеции, особенно после Грюнвальдской битвы 1410 г., главной военной и политической силой католической экспансии становится именно Польша. К середине XVI в. она уже располагала полноценной идеологией покорения Руси и уничтожения «схизмы», то есть восточного христианства. Долго подготавливавшаяся Брестская церковная уния 1597 г. ликвидировала

легальное православие на Западной Руси. А покорение Москвы сразу же шло под лозунгом утверждения уникальности. Прежние планы по склонению царя к совместным действиям против Турции постепенно стали неактуальны. Зато идея завоевания Московского государства и истребления тамошних порядков ещё во второй половине XVI в. приобрела общеевропейский характер (например, в 1578 г. вышло сочинение «План превращения Московии в имперскую провинцию» Генриха Штадена).

Именно годы Ливонской войны стали временем активного «открытия» Западом Московской Руси и утверждения основных форм её западного образа. Развитие печатного дела позволяло издавать большими тиражами многочисленные сочинения о Московии, её быте и нравах, которые распространялись по всему Западу. Это была сильнейшая пропагандистская кампания, направлявшаяся Польшей и Католической церковью, которой Россия ничего не могла тогда противопоставить. Впрочем, подготовка к ней началась ещё в начале века, когда молодое Великое княжество Московское впервые заявило о себе как о заметной военной и политической силе, претендующей на собирание русских земель.

По поручению короля Сигизмунда Ян Лаский, архиепископ гнезненский, в 1514 г. сделал доклад о «рутенах». В его описании на деле русские были никакими не христианами, а варварским, полуязыческим народом, проявляющим крайнюю враждебность к католикам (например, Лаский утверждал, что москвит «заслуживает признательности и достигает отпущения грехов, если кто убьёт католика римского вероисповедания»¹⁶. «Именно

¹⁵ Рекомендую на эту тему недавно вышедшие монографии: *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. Новосибирск, 2009; *Его же.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010.

¹⁶ *Лаский Я.* О племенах рутенов и их заблуждениях // Акты исторические, относящиеся до России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. СПб., 1841. (= *Historica Russiae Monumenta*. Nr CXXIII). Т. I. С. 126–127.

поляки в противовес итальянскому и немецкому восхищению чистотой нравов москвитов писали, что русские — грязные, дикие, нецивилизованные варвары, склонные к насилию и поэтому опасные для высокоразвитых народов»¹⁷.

Массовое появление брошюр «разоблачительного», то есть диффамационного характера о русском народе и его обычаях, Московском государстве и его правителях превратило «Московию» в сознании западных обществ в анти-Европу, страшную и очень опасную страну, соединяющую в себе все известные пороки человеческого рода. Важнейшее место занял чёрный миф об Иване Грозном. Этот «кровавый тиран», жестокость которого якобы превосходила все мыслимые пределы, стал на Западе символом России и своего рода образцом правителя России. Он сочетал в себе символизацию дурной жестокой власти и покорного рабства подданных. Когда в 1633 г. в книге Эдо Нойхуза писалось о русских, что «это племя рождено в рабстве, привыкло к ярму и не переносит свободы»¹⁸, — такая формулировка была уже банальной и почти никем не подвергалась сомнению. Образ России и русского народа к тому времени был уже создан и закреплён в западном культурном сознании.

В XVI в. все русские земли получили в польской культуре наименование «Востока» («Wschód»). «Восток» для поляков понятие, по сей день применимое только к России и нынешнему постсоветскому пространству. Для обозначения исламских или дальневосточных стран требуется добавление вроде «Ближнего Востока» или «Дальнего Востока». Само понятие

«Восток» — важнейшее вообще для всей западноевропейской культуры, и актуализация его в Польше в XVI в. была вполне закономерным проявлением тех же процессов на всём Западе. Поздний Ренессанс структурировал европейский «ориенталистский дискурс», т.е. «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”»¹⁹.

Постренессансное понятие «Востока» было во многом схожим с его презентациями в эпоху Октавиана Августа, но стало гораздо более глубоким и сложным. Это уже не просто иное, диктующее необходимость самозащиты. «Восток» (Orient) теперь — это сфера постижения принципиально низшего, окультуривания неправильного Другого, что уже тогда становилось основой формирования европейской колониальной идеологии.

Этот общеевропейский концепт характеризовался общим стабильным списком эпитетов и характеристик (дикость, деспотизм, отсталость, грубость, жестокость, чувственность, пассивная тяга к подчинению и т.д.). Восток — понятие в данном случае не географическое, а культурное, основанное на «неискоренимом различии западного превосходства и восточной неполноценности»²⁰. Образ Востока не столько был результатом реального изучения иных культур, сколько оказывался европейским самообразом в негативе: он являл собой сумму всего того, что воспринималось как дурное, и оттенял позитивный самообраз «Запада». Изобретение «Востока» и было изобретением собственно «Запада» как особой цивилизационной идентичности.

При этом Восток — это всегда испорченное отражение Запада. Восприятие православия как попорченно-

¹⁷ Филюшкин А.И. Как Россия стала для Европы Азией? С. 32.

¹⁸ *Neubusius E. Theatrum ingenii humani, sive De cognoscenda hominum indole et secretis animi moribus. Liber I. Amstelodami, 1633. P. 242–243.*

¹⁹ *Сайд Е.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 9.*

²⁰ Там же. С. 66.

го христианства было тождественно восприятию ислама как вторичного варианта арианской ереси. А потому естественная задача, миссия Запада — овладение Востоком, его исправление. Как пишет польская исследовательница Мария Янион, «визуализация Востока (“они”) осуществляется в целях самоидентификации Запада (“мы”)... Противопоставление Запада и Востока разделяет качества следующим образом: Запад есть логичный, нормальный, эмпиричный, культурный, рациональный, реалистичный. Восток же косный, выродившийся, некультурный, отсталый, нелогичный, деспотичный, не участвующий творчески в мировом прогрессе»²¹. Носитель всех этих черт для польской культуры — Россия.

К XVII в. поляки резко отделили Россию от Европы, в многочисленных публицистических и исторических сочинениях защищая идею о её азиатскости, т.е. ориентальности. Интересно, что прежде на европейских картах Европы Московское княжество обыкновенно обозначалось как одна из европейских стран, но с конца XVI в. появилась граница Европы по восточным пределам Речи Посполитой — далее шла Азия, совокупная Тартария²².

Ориентализация диктовала активную позицию в отношении «Востока» — его надо окультуривать, нести ему порядок и просвещение. В эпоху Контрреформации, начавшейся в Польше как раз по окончании Ливонской войны, все эти «обязательства» западной страны перед восточной дополнялись и разгоревшимся с новой

силой католическим мессианизмом. Старая средневековая убеждённость в долге правоверных христиан искоренять язычество, ересь и схизму, дополненная традицией насильственного распространения веры, превратилась теперь в государственную идеологию.

Этому помогло также положение Польши между «еретическими» протестантскими шведами и немцами, «схизматической» православной Русью на востоке и «поганской» мусульманской Османской империей с крымскими татарами на юге. Тогда сложилась концепция Речи Посполитой как «Antemurale christianitatis» («Форпоста христианства», по-польски «Przedmurze Chrześcijaństwa») на востоке Европы. И если в отношении Швеции и Турции она выражалась только в военных столкновениях (не всегда инициированных самой Варшавой), то в отношении русского пространства католическая экспансия приобрела формы церковной унии, государственного запрета на православное вероисповедание и попыток посадить униатского патриарха в захваченной Москве.

Король Сигизмунд III писал папскому нунцию в Кракове Фр. Симонетта, что главной его целью в московской кампании является распространение католицизма, хотя бы и ценой собственной крови. А несколько позже римский папа Урбан VIII написал Сигизмунду III: «Да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь почувствует, что нет ей пощады», — призывая уничтожить всех врагов унии.

В пропагандистской литературе начала XVII в. в пользу завоевания Москвы выступал также аргумент справедливой кары, которую Бог несёт через поляков схизматикам-москвитам: так описывал московскую войну Я.Д. Подгорецкий²³. Поляки

²¹ Janion M. Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury. Kraków, 2007. S. 223–224.

²² Подробнее о польской ориентализации России и мессианской идеологии см.: Неленский О.Б. Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления // Звенья. 2011. № 1 (14): Россия — Польша: перезагрузка? М., 2011. С. 1–38.

²³ (Podhorecki J.D.) Nemezis kraju północnego. Zamość, 1614. (См. последнее переиздание: Warszawa, 2010.)

оказывались орудием Божьей кары, а сопротивление москвитов виделось оскорблением самого Бога и потому немислимой дерзостью. В брошюре «Страсти солдат обоих народов в московской столице» писалось, что москвиты в Москве «как изменнические волки, на благородную кровь нашу руки тиранские подняли»²⁴.

Так к началу XVII в. была разработана польская колониально-аннексионная идеология в отношении Московского государства. Павел Пальчовский в своих сочинениях проводит параллель между москвитами и индейцами в Америке: как испанские конкистадоры подчиняют себе эти варварские народы, так и поляки на Востоке подчиняют себе русских. Русские — это и есть индейцы Востока для «польских идальго»²⁵. Эту аналогию потом ещё не раз повторяли, и она вошла в жизнь²⁶. Ей соответствовала и важная шляхетская добродетель — «расширение отчизны».

Цивилизационная миссия польской шляхты по отношению к славянам обрачивалась радикальной программой их порабощения «народом господ» («pańódm panów»). Особенно ярко такое отношение описывал Станислав Немоевский в своих записках о московской войне за 1606–1608 гг.²⁷, в которых «мо-

сковиты» называются «народом, вероятно, самым низким на свете». Россия виделась пространством для освоения и подчинения, а русская культура — как недостойная существования.

Используя термин Ж.-Ф. Лиотара, можно сказать, что за XVI в. сложился специфически европейский метанарратив о России. Утвердилась единая система понятий, знаков, символов, метафор и определений, через которые стало принято описывать Россию и что-либо русское. Цельная система легитимации знаний, норм мышления, которая имела радикально негативное оценочное содержание. Собственно, задаваемые ею стандарты описания и можно обозначать термином «руссофобия», если рассматривать её не просто как комплекс чувств, но как лежащую в его основе и выраженную на уровне языка систему взглядов. Систему, сложившуюся столетия назад, но в почти неизменном виде существующую в западной культуре до сих пор.

Руссофобский миф

Руссофобия — это западная по происхождению идеология, утверждающая злую природу русского народа. Согласно с нею русский народ наделяется некими уникальными свойствами, обуславливающими его тягу ко всему низменному. Русские представляются не способными ко всему тому, что составляет человеческое достоинство у других народов, что объясняется генетически и культурно-исторически. Логика руссофобии основана на противопоставлении русского и западного как дурного хорошему. В связи с этими свойствами русские как народ видятся принципиально враждебными Западу, а Россия как сущностно иная, чуждая цивилизация. Россия предстаёт как экзистенциальный враг Запада и всего, что осознаётся в западной культуре как специфически «западное» — свободы, демократии, прав человека

²⁴ Pasja ólnierów obojga narodów w stolicy moskiewskiej. В. м., 1913. С. В-об.

²⁵ Palczowski P. Kolęda moskiewska (1609). Warszawa, 2010. S. 108.

²⁶ Например, её же можно найти у Яна Щасного Хербута в «Zdaniu o narodzie Ruskim» (1611, изд.: Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношение к России и к Польше. СПб., 1865).

²⁷ Niemojewski St. Diariusz drogi spisanej i różnych przypadków pociesznych i łośnych prowadząc córkę Jerzego Mniszka, Marynę, Dymitrowi Iwanowiczowi w roku 1606. Wyd. R. Krzywy. Warszawa, 2006. См. недавнее российское издание перевода: Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2007.

и т.д. Из этого делаются выводы о необходимости борьбы с Россией и уничтожения всего того, что составляет русскость, — физического или культурного в зависимости от конкретных трактовок²⁸.

Русофобский образ состоит из ряда идеологем, которые стабильно воспроизводятся из века в век. Во-первых, русские — это народ, неспособный к самоуправлению и потому вожделяющий рабское состояние. Форма правления в России — всегда тирания, подразумевающая абсолютную власть правителя и слепое ему подчинение. Рабство и тирания — два взаимно обусловленных качества, составляющие

основу восприятия России и русских. Со стороны народа — это несправие, вечное унижение, покорность. Со стороны власти — авторитаризм, насилие, жестокость.

На основе этих характеристик строились целые исторические концепции. Такова, например, классическая норманнская теория немецких историков XVIII в. об образовании русской государственности. Или же запущенная А. де Кюстином концепция России как «тюрьмы народов» — по-своему очень логичная, ведь предполагается, что склонность к слепому подчинению имеют только русские, при этом в России живёт немало других народов, которым такая власть не органична. На тех же основаниях польская политология по сей день отрицает наличие в России общественного мнения, что, правда, обуславливает традиционно крайне неадекватные выводы о происходящем в России. Всё, что является специфически русским, видится как проявление враждебного свободе начала. А это не только деспотическая власть, но и, например, Русская церковь и вообще русское православие как «религия рабов». Сама русская идентичность представляется природно рабской, а потому подлежит изживанию.

Примечательно, что антитеза «западная свобода» vs. «русское рабство» воспроизводится в разные периоды истории на основе всё новых понятий, которые сменяют друг друга в своей актуальности. При образовании национальных государств и их противостоянии империям русские представлялись носителями имперского начала в противовес «свободному» национальному, а теперь, при неолиберальном противопоставлении глобализма и национального суверенитета, русские оказываются носителями именно национального начала. Так, известный французский русофобский мыслитель Андре Глюксман видит в наше время столкновение «двух культур: евро-

²⁸ Во многом сходные определения русофобии даны Игорем Шафаревичем и Сергеем Сергеевым. Шафаревич: «В нашей публицистике и литературе существует очень влиятельное течение, внушающее концепцию неполноценности и ущербности русской истории, культуры, народной психики: «Россия — рассадник тоталитаризма, у русских не было истории, русские всегда пресмыкаются перед сильной властью». Для обозначения этого течения и используется термин «руссофобия». При этом Шафаревич рассматривает руссофобию только через умонастроения в самой России: «Руссофобия — идеология определенного общественного слоя, составляющего меньшинство и противопоставляющего себя остальному народу. Его идеология включает уверенность этого слоя в своем праве творить судьбу всего народа, которому отводится роль материала в руках мастера» (*Шафаревич И.Р.* Русский вопрос. М., 2004. Глава «Руссофобия: десять лет спустя». С. 118). См. также определение С. Сергеева: «Руссофобией является: признание за русскими некой онтологической и/или генетической ущербности, экзистенциальная ненависть или страх по отношению к ним, систематическое и сознательное желание им вреда, а не блага, а также (мягкий вариант) игнорирование базовых интересов и проблем русского народа, затрагивающих его подавляющее большинство» (*Сергеев С.М.* Что такое руссофобия?).

пейской культуры свободы и другой культуры — культуры абсолютного национального суверенитета»²⁹, выражаемого Россией.

Впрочем, век господства национальной государственности пока не прошёл, и чаще можно встретиться с обозначением русских именно как «вечных империалистов». Абсолютная власть по определению должна стремиться к своему качественному и количественному росту, то есть территориальному расширению, а русские как «рабский народ» являются её орудием в этом деле. Отсюда же и убеждённость в том, что русские стремятся покорить Европу, и неутихающий страх западного человека перед русским вторжением («Русские идут!»). Ведь любая свобода по определению является потенциальным объектом уничтожения для российских тиранов и онтологически ненавидящих свободу русских.

Такие яркие свойства русских требуют своего объяснения. Почему все народы более-менее нормальны, и только русские столь выделяются своими пороками? В попытках объяснить этот образ наблюдаются две основные стратегии аргументации: историческая и генетическая.

Согласно первой, русская «культура тирании и рабства» обусловлена сочетанием основных своих источников — это византийское православие и татарский деспотизм. Согласно разработанной исторической концепции утверждается, что Россия является наследницей Орды: её победа над татаро-монгольским игом была обусловлена перенятием основных свойств этого дикого кочевнического образования, перерастанием изнутри и последующим занятием её места. Россия как Орда стала типичным русофобским

штампом и исторических сочинений, и публицистики.

Например, польский поэт эпохи романтизма Зигмунд Красинский писал: «В москальской истории пассивная мать — византийский консерватизм, отец, оплодотворяющий лоно, — татарское иго, а сын, от них рожденный, возраставший и выросший великаном, — правительство московское. Противоречащие друг другу черты родителей он сопряг и слил воедино в чудовищную гармонию. Расчетливый, как старец, капризный, как дитя, маниакально суровый и холодно коварный, учтивый, хитрый с сильными, мстительный и неумолимый со слабыми, вспылчивый, лживый, предатель для чужих, для своих поработитель». Правда, в этом видится не только источник опасности, но и залог слабости. Так, современный журналист Гжегож Росса пишет об этом: «Московия, выступающая в различных видах — то царство, то СССР, а то Российская Федерация — является геополитической реинкарнацией монгольской орды, и судьба РФ будет такая же, как орды монгольской»³⁰.

Однако исторические причины выдвигаются гораздо реже, чем утверждения особой генетической ущербности русских. Русские терпят тиранию, потому что расположены к ней по самой своей природе. С этой точки зрения русские видятся уже не как отсталый народ, но как органически неполноценный, по природе своей не способный к восприятию «западных ценностей». «Русские генетически предрасположены к некомпетентной и авторитарной власти», — как написал английский журналист Род Лиддл³¹.

Немало есть публицистов, заявляющих, что русская генетика испорчена

²⁹ *Андре Глюксман*: И все-таки на этот раз Европа смогла противостоять Путину («Corriere Della Sera», Италия). Сентябрь 2008 // <http://www.inosmi.ru/world/20080916/244044.html>

³⁰ *Росса Гж.* (Grzegorz Rossa). Ахиллесова пята Московии («Eioba», Польша). 31 декабря 2008 // <http://www.inosmi.ru/world/20081231/246419.html>

³¹ The Sunday Times. 05.08.2007.

самой историей, историческим опытом народа — крепостным правом, войнами, репрессиями, революциями и т.д. Практические результаты такого восприятия проявлялись отнюдь не только в годы Второй мировой войны, их можно наблюдать и по сей день. К примеру, линия защиты американских адвокатов, специализирующихся на случаях гибели приёмных русских детей, нередко основывается именно на аргументах об особых русских генетических склонностях. Но нередко можно встретиться и с заявлениями в открыто расистских формах.

Расовая русофобия в трудах романо-германских идеологов традиционно исходила из констатаций расовой неполноценности славян вообще, однако есть и интеллектуальная традиция, утверждающая особую генетику именно русского народа. Такой подход был разработан польской мыслью в XIX в. (поначалу — Иоахимом Лелевелем, а в форме завершённой расовой теории — Франтишком Духинским), а потом воспринят и на Западе. Ведь само по себе восприятие русских как славян противоречило их азиатскому «статусу». Русские были объявлены не славянами, а потомками от скрещивания финноугров, монголов, тюркских народов и славян, то есть «грязнокровками», что по расистским понятиям оценивается как гораздо худшее состояние, чем принадлежность к самым низшим расам. На основе этой логики стали звучать заявления и о том, что их нельзя считать людьми.

«Русский является этнической аномалией, с которой трудно иметь дело», — писал Редьярд Киплинг. «Русские — это не народ в общепринятом смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты. Это можно с полным основанием отнести как к гражданскому населению, так и к армии», — говорил Йозеф Геббельс в 1942 г. «Неправда, что все люди суть люди. Русские — не люди, это чуждые существа», — заяв-

лял Роберт Конквист, американский историк. Лишение русских человеческого статуса — естественное продолжение логики противопоставления Запада и России как во всём друг другу противоположных. В конечном счёте, если на Западе живут люди, то по этой логике в России должны жить нелюди. «Ziemia nieludzka» («бесчеловечная земля») — традиционное наименование России, утвердившееся в польской культуре XIX в. и так часто употребляемое в современной публицистике, что не требует специальных пояснений.

Столь яркий образ «антиподов цивилизации», являясь частью западной культуры, стал и частью западного самосознания. Русофобия имеет обратный эффект: западная цивилизационная идентичность стала зависима от образа России. В некоторых случаях русофобия становится также и частью национальной идентичности. «Манихейская» картина мира, особенно свойственная современной американской культуре, предполагает наличие, помимо образа абсолютного добра, воплощённого Америкой, и образа абсолютного зла. Годы «холодной войны» утвердили на этом месте Россию, и даже вполне сознательные попытки сменить её в этом статусе «международным терроризмом» пока что не достигли цели.

Любое зло в мире воспринимается как следствие российского влияния. Россия оказывается онтологическим источником зла ровно в той же мере, как США — источник и воплощение добра. И, соответственно, её образ призван ярче всего выражать то, с чем особенно борется американское общество. Например, мнение, что США являются страной, победившей расизм, сразу оборачивается утверждениями о расистском характере общества в России.

То же можно сказать и про польскую национальную идентичность, для которой негативный образ России приобрёл структурирующее значение

ещё столетия тому назад. Можно говорить о наличии у поляков сильной психологической зависимости от русофобской информации. Как написал один польский автор: «Антироссийское воспитание, которому последние шестнадцать лет подвергаются поляки... принесло странный и неожиданный эффект: их психическая зависимость от России стала так глубока, как никогда раньше»³². Кроме того, русофобия является основой для чувства превосходства, а оно само по себе требует постоянного самоутверждения. Если есть «польские ценности», то либо утверждается наличие прямо им противоположных «русских ценностей», либо полное отсутствие ценностей в России как таковых.

Русофобия стала сущностной составляющей западной идентичности. Это прекрасно демонстрирует характер шуток о России в Америке. Следуя за известным юмористом Яковом Смирновым, большинство таких шуток построено по формуле: «Если в Америке человек делает что-то с вещью, то в России вещь делает это с человеком». «В Америке вы водите машину, в Советской России машина водит вас» и т.д. Эти шутки стали столь популярны, потому что точно попали в идентитарную модель восприятия России как антимира: там всё наоборот. Все действия происходят наоборот, все отношения — прямо обратные. Такой юмор, с одной стороны, основан на ироническом отношении к американскому образу России, но, с другой стороны, он же его и утверждает.

Таков в целом русский метанарратив западной культуры: *Россия — это большая страна, во всём обратная цивилизации, населённая рабским народом, нелюдьми, слепо подчиняющимися всевластным правителям, страна повсеместной жестокости*

и насилия, агрессивная в отношении всего остального мира, желающая его подчинить и уничтожить всё доброе на земле, это Империя Зла — очень точная формулировка западного восприятия России.

Однако относительно будущего нашего Отечества есть старое расхождение во мнениях, не преодоленное по сей день. Россия — это просто самая тёмная часть нецивилизованного мира, закоренелая в своём невежестве и потому имеющая особые проблемы для приобщения к цивилизации; или же это абсолютная её противоположность, вечный враг, причём как для цивилизованного мира, так и для всего остального — ведь она препятствует его приобщению к цивилизации? В первом случае с ней надо работать в надежде на улучшение, во втором — всеми силами бороться с ней, ведь она слишком большая, чтобы быть уничтоженной, но её можно сделать слабой. То есть это различие между образом России, идущей на Запад, и Россией как онтологического анти-Запада.

Это различие двух подходов я бы условно назвал «оптимистичной» русофобией и её «пессимистичной» вариацией. Оптимизм первой заключается в предположении, что европеизация русских возможна; пессимизм второй — в заключении, что русские неисправимы. Оба варианта вполне русофобские, но предполагают разную политику. В качестве ярких примеров первого можно привести работы о России Вольтера или Джона Рида. Для них есть Россия прежняя — абсолютно дикое царство рабства и жестокости, и Россия новая, которая благодаря Петру I или Ленину пошла по спасительному пути цивилизации, на котором её ожидает невиданный успех. Даже предположения о её будущем господстве над Западом в этой логике основаны на надежде на окончательную победу цивилизации над варварством, торжество западных ценностей — ведь полное торжество Запада возможно

³² Лаговский Б. Выводы // Przegląd, май 2005 г. <http://www.inosmi.ru/world/20050523/219827.html>

только тогда, когда его частью станет Россия. Однако образ России и русских такой подход никак не меняет и полностью выдержан в описанной выше системе образов.

Примеров второго типа — пессимистичной русофобии — гораздо больше, и книги Герберштейна или де Кюстина здесь являются классикой. Наш современник Ален Безансон пишет: «Есть всего один разумный путь, по которому русским следует идти... — европеизироваться, реформироваться на западный лад. Однако цель эта кажется почти недостижимой... всего богатства мира не хватит на то, чтобы преобразовать Россию»³³.

Интересны и варианты смены одного подхода к России на другой вследствие особого опыта переживания русской темы, а именно разочарования в перспективах западного мессианства на российской почве. Приведу один из довольно ярких примеров. Пишет американский писатель Гленн Донован: «Вы еще никогда не встречали такого человека, как я, который так ненавидит русский народ за то, что он отбросил свободу, которую мы в течение многих десятилетий так сильно стремились помочь ему обрести... Я чувствовал гордость от того, что нахожусь на правильной стороне против советчиков, и иногда думал, что русский народ будет благодарен США за свою свободу... Эта бестия, обладающая тотальной властью, руководит безграмотным, расистским, злым и антилиберальным населением. Я подумываю, может быть, русские заслужили Сталина?.. Ясно то, что Россия и её народ не достойны сидеть за одним столом на равных с цивилизованными и свободными странами, обществами и людьми. Я ненавижу русский народ за то, что они это допустили. Нам нужно было их атомизировать бомбами и от-

править Россию в небытие, и пусть там природа начнет по новому заходу... Я пришел к выводу, что русские люди философически ущербны, они не способны сами править, и они это знают — отсюда их любовь к тиранам»³⁴.

Приведённая цитата указывает на ещё один типичный сюжет русофобии: утверждение русской вины. Вины перед Богом за схизму, вины перед цивилизацией за сопротивление ей и вины перед «порабощёнными народами». В конечном счёте вины за собственную неблагодарность перед Западом. Концепция русской вины опять же напоминает нам идеологию антисемитизма, с его утверждением коллективной вины евреев вначале за распятие Христа, а потом и за многие иные грехи, совершённые по общей злой воле. Сама по себе тема вины, лежащей на коллективе и даже целом народе, — специфически западная форма мысли, имеющая корни в католическом понимании греха, и вытекающей из него средневековой практике коллективной ответственности церковной общины за грехи отдельных её членов. В послесоветское время мы можем наблюдать, как идея общей вины всех русских за те или иные события в истории стала навязываться народу по самым разным информационным каналам.

Основные проявления русофобии — проекция на русских всех отрицательных человеческих черт, стремление навязать русским чувство вины за историческое наследие России, дискриминационные практики на основе отказа русским в равноправии по национальному или языковому критерию и т.д. — в конечном счёте сводятся

³³ Безансон А. Россия — европейская страна? Спор с Мартином Малиа // Отечественные записки. 2004. № 5 (20).

³⁴ См. комментарий Гленна Донована к статье «Turmoil Over America's Radio Voice in Russia» в The Wall Street Journal от 30 декабря 2012 г. (<http://online.wsj.com/article/SB10001424127887323320404578211454109934528.html>). Цит. по статье «Я ненавижу русский народ за то, что он отбросил свободу»; см.: <http://ehorussia.com/new/node/6990>

к запрету России и русским в праве на существование. Причём этот запрет ещё более свойственен «оптимистичной» версии русофобии, чем её «пессимистичному» варианту: ведь именно «оптимистичный» подход предполагает возможность (и потому необходимость) окончательной победы западной цивилизации над русской.

Второй тип русофобии предполагает скорее политику максимального сдерживания русских либо радикальный вариант — физического уничтожения русских, что всё же предлагается гораздо реже. Прекрасной иллюстрацией такого крайнего подхода является фотография военнослужащих вермахта периода Второй мировой войны со школьной доской, на которой написано «Русский должен умереть, чтобы мы жили»³⁵. Однако стоит всё же иметь в виду, что реальные планы нацистской Германии не предполагали полного уничтожения русского народа, но только сильное сокращение его численности и территории проживания, что опять же можно признать идеей сдерживания.

Независимо от предположений о возможности или невозможности «цивилизовать» Россию, русофобия так или иначе сводится к желанию, чтобы России не стало, то есть к полному отрицанию её как «лишней страны». Либо через физическое устранение русского народа, либо же через духовное, культурное, как минимум политическое уничтожение. Как очень точно сформулировал это Пётр Сквещинский, бывший директор Польского информационного агентства (РАР): «Невозможно представить себе такую Россию, на существование которой многие поляки великодушно дали бы своё согласие. Ну, разве что уменьшенная до размеров Великого Княжества Московского XIV века. Вдобавок —

Великого Княжества Московского, которое так глобально и радикально отказалось бы от русского патриотизма, того, каким он всегда был и каков есть, что трудно было бы считать его национальным русским государством»³⁶.

Это отношение довольно старое, и его можно считать общезападным. Вот что писал Ф. Тютчев 21 апреля 1854 г. об условиях начала Крымской войны: «России просто-напросто предложили самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественное признание, что она ничто иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления». Попытка реализации спустя почти девяносто лет немецкого плана «Ост» можно признать лишь дальнейшим развитием этого же направления мысли, своего рода квинтэссенцией западной русофобии, созревшей до открытой политики геноцида. «Говоря по-военному, мы должны убивать от трех до четырёх миллионов русских в год»³⁷, — указывал Гитлер Розенбергу.

Однако цель уничтожения может касаться и отдельных сторон русской жизни, имеющих для неё определяющее значение. Так, идейный атеист телеведущий Владимир Познер убеждён в том, что корнем зла является православие: «Я думаю, что одна из величайших трагедий России — принятие православия... Я считаю, что Русская православная церковь нанесла колоссальный вред России»³⁸.

Русофобская интенция к уничтожению русскости может сводиться и к теоретическому, историческому её отрицанию. Русских не существует, потому что «это не народ, а сброд», у них, на-

³⁵ «Der Russe muß sterben, damit wir leben».

Фотография датирована 2 октября 1941 г., Брянская область.

³⁶ Сквещинский П. (Piotr Skwiecinski). Комплекс России // Rzeczpospolita, Польша. 15 сентября 2008 г.

³⁷ Из директивы А. Гитлера А. Розенбергу о введении в действие Генерального плана «Ост» 23 июля 1942 г.

³⁸ Интервью В. Познера журналу «Сher Ami». 22 июля 2010 г.

пример, нет единой генетики. Последнее время приобрело большую известность уверенное заявление телеведущей Тины Канделаки о том что «русских больше нет». В данном случае мы имеем дело с тем же самым расовым подходом, согласно которому «здесь уже столько кровей понамешано, что русских никаких не осталось». Эта же форма мысли служит идейным основанием для утверждения существования новой российской нации, сложившейся не на этнической основе, а на государственной.

То же можно усмотреть в официальной практике современной России, из Основного закона которой полностью убрано упоминание о чём-либо русском, кроме языка. Впрочем, и русский статус языка также может оспариваться: в современной украинской мысли можно нередко встретиться с идеей, что «русского языка не существует», так как это в своей основе заимствованный местным многоэтничным населением язык южных славян (церковнославянский). Всё это, так или иначе, является попытками уничтожить что-либо русское через теоретические построения, через дискурс.

Развитие русофобии в XVIII–XX вв.

Новый поток антирусской публицистики был связан с Российско-польской войной 1654–1668 гг., к которой Запад был очень восприимчив. В трактате «Specimen demonstrationum» 1669 г. Лейбниц пишет, что Польша является «последним оплотом Европы против варваров», ибо «московиты хуже варваров», более того, Россия — это «*tabula rasa*, целина, которую предстоит вспахать».

Традиционная недооценка в историографии роли польской литературы о России привела некоторых исследователей к выводам, что «открытие России» Европой состоялось лишь в XVIII

веке³⁹. Однако скорее мы можем сказать, что в это время получили общеевропейскую значимость все те наработки преимущественно польской мысли, которые та сделала за XVI–XVII вв.

Каждое новое столкновение России с Западом активизировало европейскую мысль о русском народе. «Война памфлетов» активно велась и в годы Северной войны. «Британская энциклопедия» 1728 г. издания ещё характеризует Россию как европейскую страну, но при этом сообщает, что правят там деспоты, а русский народ жестокий, подлый и дикий. Монтескьё пишет, что «народ там состоит из одних рабов», Руссо — что «русские никогда не станут истинно цивилизованной нацией». Вольтер описывает допетровскую Россию в тех же уничижительных эпитетах: «Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных».

Во время Наполеона (и, возможно, при его непосредственном участии) возникла известная фальшивка «Завещание Петра Великого», в которой были собраны все основные клише русофобской мысли. Строитель новой империи Наполеон основывал свою идеологическую политику (впрочем, как и Август) на республиканских ценностях, и его столкновение с Россией носило смысл и противостояния свободы с рабством, выразившимся абсолютной монархией.

Как считают некоторые исследователи, примерно в это же время европейские авторы впервые начинают относить Россию к «Востоку», а не, как прежде, к «Северу». То есть польская пропаганда достигла уже основных культурных центров Западного мира. Господствовавшая прежде ось «Север–Юг» сменяется на «перпендику-

³⁹ Например, см.: Вульф А. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М., 2003.

лярную»: «Запад–Восток». «Понятия “Запад” и “Восток”... отныне будут выражать различие между двумя духовными и политическими мирами»⁴⁰. «Восточный» статус России утверждается и постепенно получает общеевропейское признание. А «Восток» в европейской культуре — мир жестокости и деспотизма.

Этот имидж России как главного врага свобод в Европе стал особенно актуален в период польского восстания 1830–1831 гг., и ещё более после него, когда польская Великая эмиграция в Европе смогла настроить почти всё общественное мнение на защиту Польши. Тысячи образованных семей, бывших носителями этой идеологии, разъехались по всем странам Запада. Польский народ представлялся носителем идей свободы и прогресса, а Россия — «душительницей» всяких свобод и воплощением реакции.

В 1843 г. было издано и сразу переведено на английский и немецкий языки сочинение Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», которое в публицистической форме живых воспоминаний фактически излагало все основные идеологемы русофобского взгляда на Россию, благодаря чему стало очень популярным чтением. Все эти настроения нашли новую почву во время «Весны народов» 1848 г., особенно в связи с помощью России Вене в деле подавления венгерского восстания, и создали крайне благоприятную информационную среду для осуществления кампаний почти общеевропейской Крымской войны с Россией 1853–1856 гг.

Новое польское восстание 1863–1864 гг. спровоцировало новую эмиграцию и создание целых интеллектуальных центров, ориентированных главным образом на противостояние с Россией (как, например, в австрийском на то время Львове, куда перебралась значительная часть польских беженцев).

Одной из основных стран — проводников русофобских идей стала Великобритания. Уже после разделов «житницы Европы» Польши там появился страх оказаться в полной зависимости от российских поставок леса и зерна. А в скором времени англичане столкнулись с русскими на просторах почти всей Азии: в Средней Азии, на Кавказе и на Дальнем Востоке. Весь XIX в. английское общество жило в искусственно нагнетаемом страхе от ожидания, что Россия вот-вот осуществит новый южный поход и захватит британскую Индию. И хотя, как показали исследования, реальных планов индийского похода у России не было, общественные фобии постоянно имели пищу для развития.

Британская информационная война против России в гораздо большей степени, чем прежде, использовала язык сатирических картинок. Через них в общественное мнение Европы стал активно закладываться образ России как медведя. Медведь — очень сильный образ в европейской культуре, со своей сложной историей. Долгое время он был важнейшим символом в ещё полужыческом мире германской и кельтской Европы. Латинская христианизация несла с собой альтернативный образ льва как главы всего животного мира. С VIII по XII в. Католическая церковь проводила своего рода информационную войну против медведя как языческого антихристианского символа, символизировавшего в латинском восприятии дикость, необузданную силу, похотливость и жестокость. Лев — животное экзотическое, с европейскими языческими культами не связанное, он как символ принадлежал только письменной культуре Средневековья.

Как пишет историк Мишель Пастуро, в своей политике символов Католическая церковь действовала «тремя методами: сначала демонизирует медведя, затем укрощает его и, наконец, высмеивает его. Опираясь на Библию,

⁴⁰ Гро Д. Россия глазами Запада.

где медведь всегда показан с дурной стороны, и подхватывая фразу святого Августина “*ursus est diabolus*”, “медведь есть дьявол”, Отцы Церкви и христианские авторы каролингской эпохи отводят ему место в бестиарии Сатаны; кроме того, если верить им на слово, Дьявол часто принимает облик медведя, в котором приходит пугать и мучить грешников. Большинство авторов... постоянно подчёркивают пороки медведя: жестокость, злобность, похотливость, нечистоту, обжорство, лень, гневливость... С XIII в. медведь даже становится видной фигурой в бестиарии семи смертных грехов, ведь с ним ассоциируются по крайней мере четыре из них: гнев (*ira*), похоть (*luxuria*), праздность (*acedia*) и чревоугодие (*gula*)»⁴¹. И примерно с XIII века лев полностью побеждает медведя в системе средневековой символики, особенно геральдики.

Образ медведя как олицетворение дикости, противостояния цивилизации, жестокости и прочих негативных качеств вошёл в европейскую культуру, сохраняя такое значение по наши дни. Он появляется в европейской карикатуре уже в XVIII в., а в XIX в. стал активно использоваться именно для символизации России. И действительно: то содержательное наполнение образа медведя, которое осуществили католики ещё в Средневековье, оказалось очень схожим с тем, как стали на Западе видеть Россию в Новое время. Впрочем, уже в XX в. было сделано немало попыток изменить образ медведя, правда, уже в виде плюшевых игрушек и героев детских мультфильмов. Свою оригинальную попытку сыграть в этой игре предпринял СССР во время олимпийских игр 1980 г. И тем не менее характеристика России как медведя по-прежнему является самым рас-

пространённым приёмом её дискредитации в западной публицистике.

На протяжении XIX в. всё более значимой становилась немецкая русофобия, уже к середине столетия приобретая свои расистские антиславянские формы.

Очень выразительно русофобская идеология проявлена в трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Надо сказать, что тема России в них далеко не центральна, и тем ценнее заявления «основателей научного социализма» по этому вопросу, в целом уже к тому времени весьма банальные. О Крымской войне Маркс писал: «Смысл борьбы между Западной Европой и Россией за владение Константинополем — падёт ли византизм перед западной цивилизацией, или антагонизм его возобновится в более ужасной и покоряющей форме, чем когда бы то ни было»⁴². Ненависть к русским соединялась с расовым презрением к славянам вообще. Они виделись органическими противниками прогресса: «Славянские варвары — природные контрреволюционеры, особенные враги демократии».

Не менее жёстко относился к славянам Энгельс. В 1849 г. он писал в «*Neue Rheinische*»: «Ближайшая мировая война сметет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы... У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы — Россию». «Славянские народы Европы — жалкие вымирающие нации, обреченные на уничтожение. По своей сути процесс этот глубоко прогрессивен. Примитивные славяне, ничего не давшие мировой культуре, будут поглощены передовой цивилизованной германской расой. Всякие же попытки возродить славянство, исходящие из азиатской России, являются “ненаучными” и “антиисторически».

⁴¹ Пастуро Мишель. Символическая история европейского Средневековья. СПб., 2012. С. 63–64.

⁴² Marx K. The Eastern Question. London, 1897.

ми". В конечном счёте, немцам и германизированным евреям должны принадлежать не только славянские области Европы, но и Константинополь» («Революция и контрреволюция в Германии»). «Необходима безжалостная борьба не на жизнь, а на смерть с предательским по отношению к революции славянством, истребительная война и безудержный террор... У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы — Россию... Кровавой мезтью оплатит славянским варварам всеобщая война»⁴³.

Примечательно, что Маркс был сторонником расовых построений Фр. Духинского и скомпилированных им основных идей польской науки тех лет: «...догма Лапинского, будто великороссы не славяне, отстаивается г-ном Духинским (из Киева, профессор в Париже) самым серьёзным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т.д. точек зрения, он утверждает, что настоящие москвиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т.д., как и расположенные дальше к востоку части России и её юго-восточные части... Название Русь узурпировано москвитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они intrus, которых требуется опять прогнать за Днепр и т.д... Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав, и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян...»⁴⁴.

В «Разоблачениях дипломатической истории XVIII века» Маркс пишет: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства». А из этого уже

делаются выводы: «В войне с Россией совершенно безразличны мотивы людей, стреляющих в русских, будут ли мотивы черными, красными, золотыми или революционными... Ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью». «Нам было ясно, что революция имеет только одного действительно страшного врага — Россию... Страшно могущество этой огромной Империи... У этого деспотического правительства, у этой варварской расы, имеется такая энергия и активность, которых тщетно было бы искать у монархий более старых государств».

Эти эпитеты и аргументы можно признать типичными для западной мысли о России. И по-прежнему современно звучат слова Маркса: европейской газете, для того чтобы считаться либеральной, достаточно «вовремя проявлять ненависть к русским»⁴⁵.

Развитие польской русофобии

Несмотря на очень большую активность англичан в деле дискредитации России, всё же интеллектуальное лидерство в русофобской теме в XIX в. по-прежнему сохраняли поляки. Понятие о России как преступном государстве на бесчеловечной земле было заметно усложнено и получило новые обоснования.

Основной вклад в развитие «русского образа» внесли польские поэты-романтики первой половины века. По мнению некоторых исследователей, «в творчестве польских романтиков, прежде всего А. Мицкевича, был выработан и канон отношения к России»⁴⁶. Впрочем, канон этот содержательно мало отличался от ста-

⁴³ Из письма Ф. Энгельса К. Каутскому, 1882 г.

⁴⁴ Из письма Маркса Энгельсу в Манчестер от 24 июня 1865 г. // *Маркс К.* Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 106–107.

⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 328.

⁴⁶ *Хорев В.А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012. С. 23.

рых идейных клише о России и русском народе. В России всё подчинено воле деспота. Люди здесь «подобны донныне земле их — пустынной и дикой равнине». У них даже глаза «пусты и безлюдны»⁴⁷. Петербург — это «новый Вавилон», и он, несомненно, «построен сатаной». «Дух Аттилы, Чингисхана, Тамерлана последовательно воплощается в правящих династиях Великогерцогства Московского»⁴⁸. Но Бог избрал Польшу для борьбы с историческим злом, воплощённым в царизме.

Мицкевич видел стержень развития славянской цивилизации в противоборстве русского и польского начал: «Польша и Россия представляют собой не только две территории, но две идеи, обращающиеся среди славянских народов, идеи, которые в своей реализации тяготеют к абсолютному господству и взаимоисключению. В перипетиях увлекающей их борьбы разные страны и их обитатели склоняются то к одной, то к другой из этих идей, и первоначальный языческий дуализм расы и языка черпает здесь новый элемент развития. Нет племени, нет славянской земли, где нельзя было бы распознать представителей этих двух враждебных партий. Охарактеризовать эти две тенденции, связать их с двумя различными центрами, соотнести с движением двух противостоящих друг другу сущностей можно только исходя из духовных начал. Поскольку это общее движение происходит в совершенно разных направлениях, то и результатом его являются две религии, два диалекта, два алфавита, две диаметрально противоположные формы

правления»⁴⁹. Всё это соединяется для Мицкевича в мысль об особой жертвенной роли польского народа.

Мицкевич создает образ замороженной и мрачной страны, населённой людьми, приученными к слепому повиновению. У него немало зоологических сравнений русских с животными. И везде «преобладает принцип контраста: с одной стороны, польской, — ясность, с другой, русской, — темнота. С одной стороны — Бог, святость и мессианство, с другой — сатана и ад. С одной стороны — цивилизация и этика, с другой — хамство»⁵⁰.

Интересно, что если у Мицкевича в «Отрывке» небо над Россией сравнивается с глазами мертвеца, то другой великий польский романтик, Ю. Словацкий, говорит уже о земле России: «Эта земля — труп». Однако в другом месте делает оговорку: «И там есть люди, что имеют души»⁵¹. Ещё один поэт-романтик, Зигмунд Красинский, писал в стихотворении «Москалям» более открыто: «Я с материнским молоком всосал, / что не любить вас свято и прекрасно! / И эта ненависть — вот всё моё богатство».

Стереотипные противопоставления цивилизованного поляка-европейца дикому москалю-азиату абсолютно господствовало в польской литературе XIX в. Как пишет один исследователь, «образы человеческого русского в реалистической польской литературе второй половины XIX века — редкое явление»⁵². Впрочем, не сильно изменилась ситуация и в XX столетии.

⁴⁹ Там же. С. 190.

⁵⁰ Бахуж Ю. Образы русских в произведениях Болеслава Пруса на фоне польской межповстанческой традиции (1831–1863) // Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой. М., 2008. С. 15.

⁵¹ Словацкий Ю. Гимн // Словацкий Ю. Избранные сочинения. Т. I. М., 1960. С. 63.

⁵² Бахуж Ю. Образы русских в произведениях Болеслава Пруса на фоне польской межповстанческой традиции. С. 23.

⁴⁷ Цитаты из «Отрывка» из «Дядюв» А. Мицкевича.

⁴⁸ *Mickiewicz A. Les Slaves. Paris, 1849. T. IV. P. 97–98.* Цитата по: Ларионова Е.О. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». Сб. ст. / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 189.

В очень популярной семитомной книге Яна Кухажевского «От белого царизма к красному» (1923–1935 гг. издания, многократно переиздавалась в последнее время) можно прочесть: «Русские — ещё не цивилизованны, это вымуштрованные татары... Глядя на этих дрессированных медведей, начинаешь предпочитать натуральных диких медведей»⁵³. Вацлав Збышевский, эмигрантский публицист уже второй половины века, пишет: «Нет хороших русских, потому что в этой стране нет людей — есть только рабы и невольники»⁵⁴.

Стереотипизация образа России, её азиатский статус, настолько глубоко вошла в польское сознание, что проявлялась в, казалось бы, самых странных местах. Например, известный филолог и ректор Виленского университета в межвоенное время Мариан Здзеховский писал, что Лев Толстой был «и внутренне, и внешне азиатом, был воплощением азиатско-монгольского начала в русской душе»⁵⁵. При этом польскому мышлению о России по-прежнему свойственно колониальные представления. «Галстук завязывать — это всё, чему удалось нам, полякам, научить наших братьев-москалей», — сказал недавно известный режиссёр Анджей Вайда⁵⁶.

Чеслав Милош в своей известной статье «Россия» напоминает истоки этого взгляда: «Начало всему — шестнадцатый и семнадцатый века. Сейчас трудно себе даже представить, что польский язык — язык господ, к тому же господ просвещенных — олицетворял

изысканность и вкус на востоке до самого Полоцка и Киева. Московия была землей варваров, с которыми — как с татарвой — вели на окраинах войны, но которыми особенно не интересовались: в тогдашней польской словесности чаще встретишь портрет венгра, немца, француза или итальянца, нежели упоминание о подданных русского царя. У этих последних авторы отмечают непостижимую покорность произволу властей, склонность нарушать данное слово, коварство и высмеивают дикость их обычаев»⁵⁷. Известный русский поэт Станислав Куняев считает возможным по-прежнему говорить об «особом польском расизме»⁵⁸.

Впрочем, стоит подчеркнуть, что такой взгляд на восток от своей страны вообще свойственен западноевропейской культуре. О самой же Польше Геббельс говорил: «На поляков действует только сила. В Польше уже начинается Азия. Культура этого народа ниже всякой критики», — что, как мы видим, прямо соответствует польскому дискурсу о России.

Россия по-прежнему видится вечной угрозой для свободного мира: «Даже без балласта коммунизма и революционно-большевистской идеологии с исторической и политической точки зрения невозможным кажется существование российского государства с демократическими структурами, не представляющего угрозы для других стран и народов»⁵⁹. Россия — это что-то ненормальное, что-то, не имеющее права на существование. Кристина Гжибовская возмущается: «В ведущих университетах Европы, даже в самых элитарных, по непонят-

⁵³ *Kucharzewski J.* Od białego do czerwonego zaratu. Gdańsk, 1990. S. 36.

⁵⁴ Цитата по: *Czapski J.* Czytajac. Kr., 1990. S. 181. Или: *Хорев В.А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012. С. 11.

⁵⁵ *Zdziechowski M.* Wybór pism. Kr., 1993. S. 502.

⁵⁶ *Вайда А.* Кино и всё остальное. М.: Вагриус, 2005. С. 233.

⁵⁷ *Милош Ч.* Россия // Старое литературное обозрение. 2001. № 1 (277).

⁵⁸ *Куняев С.* Шляхта и мы. М., 2012. С. 13.

⁵⁹ *Шанявский Ю.* Сосед, плохой сосед или враг? Польша между историей и геополитикой («Nasz Dziennik», Польша, апрель 2011) // <http://www.inosmi.ru/poland/20110406/168143968.html>

ным для нас, поляков, причинам России и её историческое прошлое воспринимается как нечто нормальное и повод для уважения этого территориального колосса»⁶⁰.

Вот ещё некоторые из недавних публицистических заметок о России, прекрасно демонстрирующие сохранность давно выработанных русофобских стереотипов.

«Это составляет сущность российской власти над обществом рабов. Власти, которая опускает людей до уровня лишённых чувства собственной свободы шестерёнок, созданных только для того, чтобы удерживать структуру государства... Кнут как необходимая составляющая эффективной власти над расой невольников стал также оружием в руках другого государства — великой России. В своём наступлении на Запад Российская империя наткнулась, однако, на большое, сильное государство, построенное на совершенно противоположных принципах и вырастающее на основе иного культурного видения. Польша стала олицетворением свободы, уважения к человеку и его правам. Государство служило человеку. В России было наоборот — человек существовал для государства. И снова это столкновение двух цивилизаций, которые по-другому определяют субъектность своего существования. И поскольку россияне почувствовали силу гусарских копий, они решили — как скифы — изменить стратегию: сделать из поляков невольников. Взяли в руки плеть... Крик обращался к тому, что у них было записано в генах — слепое, рабское послушание. Варшавское восстание возникло из глубокой, сильной веры в основы нашей польской цивилизации. Эта

основа — противостояние людей свободных расе угнетателей»⁶¹.

Этот текст, кстати, почти напрямую пересказывает известные места из Парижских лекций Адама Мицкевича⁶², что прекрасно демонстрирует живучесть основных форм дискурса о России в польской культуре, одним из основных мотивов которого является утверждение её преступности. Это касается и различных событий её истории, и общих оснований её культуры. Такое повышенное внимание к этой теме во многом связано с опытом осуждения нацизма и Третьего рейха на международном суде в Нюрнберге, и постоянно муссируемой идеей о необходимости созвать такой же суд по России — по крайней мере Советской России и коммунистической идеологии. Но преступность давно уже стала польской характеристикой всей русской цивилизации.

«Это цивилизация, в которой содержание всех моральных и этических ценностей подчинено текущим политическим интересам Кремля. Тесный альянс власти в Кремле с властями Русской Православной Церкви дополнительно цементирует эту, по сути своей, античеловеческую систему... Таким образом, московская цивилизация — единственная в мире цивилизация, имманентным компонентом которой стала возможность оправдания любого преступления и нечестивости ради “блага государства Российского”. То есть это по самой идее и с древнейших времён цивилизация преступная. И потому все её “продукты” будут столь же преступны... Так что ошибаются те, кто думает, будто бы в 1991 году коммунизм в России пал, и теперь должно возникнуть нечто лучшее, ска-

⁶⁰ *Grzybowska K.* Im gorzej u was, tym lepiej dla nas // *Gazeta Polska.* 2012, nr. 33 (15 августа — 20 августа 2012 г.). <http://www.gazetapolska.pl/21713-im-gorzej-u-was-tym-lepiej-dla-nas>

⁶¹ *Lysiak T.* Krzyż uderzony batem. 17.08.2012 // <http://niezalezna.pl/31967-tomasz-lysiak-krzyz-uderzony-batem>

⁶² См. 25-ю лекцию третьего семестра, от 27 июня 1843 г.: *Mickiewicz A.* Les Slaves. Paris, 1849. T. IV. P. 487–495.

жем так, менее преступное. Ничего подобного никогда не будет, пока эта цивилизация существует. Единственным решением для свободного мира может быть только вычёркивание её с карты... Безбрежность страданий, которые Россия причинила всем соседям, а также гектолитры пролитой ею крови невинных трудно вообразить. Утверждение, что “столицей Люцифера является Кремль”, вовсе не лишено смысла, даже в чисто символической форме. Россия — как апокалипсический зверь. Так что давайте не будем удивляться никакому преступлению, которое свершается на территории России. Потому что это естественное следствие преступности этой цивилизации. Давайте не будем удивляться геноцидам, убийствам, терактам, падающим самолётам, погромам, насилиям или разбойным нападениям на соседей. Потому что их будет ещё больше, и они будут ещё хуже. Однако не это самое худшее во всём этом. Самое худшее — это когда появляется человек из цивилизации свободных людей... и без принуждения не только сам поклоняется этому зверю, но изо всех сил старается легитимизировать кровавого демона в глазах свободных людей — для такого преступления нет кары на Земле!»⁶³.

Очередной всплеск русофобии вызвала авиакатастрофа под Смоленском 10 апреля 2010 г., в результате которой погиб президент Польши Лех Качиньский и несколько десятков государственных деятелей. Общество разделилось примерно поровну на

⁶³ *Ciolek R.* O zbrodności moskiewskiej cywilizacji, czyli dlaczego Rosja nigdy nie będzie stabilnym elementem wspólnoty międzynarodowej i wolnego rynku? // <http://ciolek.sinoturpolonizm.salon24.pl/451815,0-zbrodniczosci-moskiewskiej-cywilizacji> (*Рафал Чёлек.* О преступности московской цивилизации, или Почему Россия никогда не будет стабильным элементом международного общества и свободного рынка?)

тех, кто верит в версию о сознательно спланированном Москвою теракте, и тех, кто считает необходимым продолжать начатый незадолго до этого правительством Дональда Туска курс на нормализацию отношений с Россией.

До катастрофы президент и его команда нередко подвергались жёсткой критике за перекосы в русофобской политике: «Президентская команда в Польше... полностью ослеплена русофобией, в степени, исключающей какое-либо разумное изменение направления. Русофобия заслоняет этим людям весь белый свет. Как написал когда-то Енджей Гертых, “Россия, возможность борьбы с ней на любой платформе, становится для них смыслом существования. Если бы России вдруг не стало, они потеряли бы смысл жизни”»⁶⁴.

С другой стороны внутреннего конфликта раздаются голоса, прямо подтверждающие такие характеристики. Приведу в пример характерную блогговую запись с критикой курса правительства Д. Туска: «Русские, белые или красные, — это сволочь, которая убивает, насилует и грабит по приказу... С кем вы хотите примиряться, с УБИЙЦАМИ Польши, Европы и Мира? Россия убивает и сейчас — в Сирии, Чечне и на Кавказе. Это народ убийц... Я отказываюсь повиноваться вам, а Господь оплатит вам за дискуссию с Сатаной по ту сторону»⁶⁵.

Это пример того, что польский идеолог национал-консервативной ориентации Ян Энгельгард называет «зоологической русофобией», которую при том считает «аутентично польской фобией». Он отмечает, что «волна русофобии заливают нас через 20 лет после

⁶⁴ *Śmiech A.* Klęska polityki rusofobicznej // <http://www.jednodniowka.pl/news.php.readmore=149> (31.03.2009).

⁶⁵ *Kat.* Pojednanie z czerwonym szatanem // <http://naszeblogi.pl/31352-pojednanie-z-czerwonym-szatanem> (*Кат.* Примирение с красным дьяволом).

падения СССР... Чем дальше Россия была от нас, тем острее была атакована, тем более настойчиво нас ею страшат... На протяжении этих лет почти все медиа в Польше (в большинстве, впрочем, не польские) проводят в отношении России холодную войну»⁶⁶. И действительно, рост русофобских настроений в последнее время в Польше вызывает ощущение массового психоза. Но это вызвано структурными особенностями самой идеологии: ей не требуется активного присутствия и контактов с объектом фобий, она является функцией национальной и цивилизационной идентичности.

Интересна история русофобии в также соседней с Россией Финляндии. В XIX в. её как заметного явления там почти не было, разве что как проявление общеевропейской информационной среды. Однако в XX в., и особенно в 1918–1923 гг., можно видеть расцвет классических русофобских настроений. «Рюсса» (пренебрежительное наименование русских) называются «животными, наиболее похожими на человека», активно заимствуются аргументы немецкой расовой теории (при этом как бы забывается всё то, что согласно этой теории касалось самих финнов) и т.д. В описании русских «на первое место выходит презрение русских к религии и нравственности, неоправданная жестокость в отношении бывших правящих классов, неграмотность, некультурность и т.д.»⁶⁷.

По утверждению финских исследователей, русофобия на время стала мерилом национальной гордости и любви к родине⁶⁸. Однако можно

согласиться с их же утверждениями, что эта русофобия была частью процесса становления новой национальной самоидентификации и является во многом заимствованной идеологией. В последнюю четверть XX в. стали всё чаще говорить, что время пребывания Финляндии в составе России было «золотым веком», а политика страны (линия Паасикиви–Кекконена и её продолжение) традиционно обвиняется в Европе за пророссийскость. Здесь есть русофобия, но национальная идеология основана не на ней.

Обратный пример — украинский национализм. Он является прямым логическим продолжением русофобской идеологии, только в местном приложении и в форме национализма. Там присутствуют все основные идеологемы русофобии — неславянское происхождение «москалей», отрицание исторического и этнического единства Руси, противопоставление украинцев россиянам с наделием последних всеми возможными негативными характеристиками, утверждение злой природы российской государственности как извечно агрессивной и жестокой и т.д.

Не стану здесь специально останавливаться на истории украинского национализма⁶⁹, но приведу в пример цитаты из недавно вышедшего в Киевском университете учебника по истории украинского права. Например, авторы учебника утверждают, что «в Московском государстве отсутствовало право»⁷⁰, а «русский язык формировался в тесной связи с язы-

⁶⁶ Jan Engelgard. *Wirus rusofobii*. Warszawa, 2010. S. 3.

⁶⁷ Лескинен М.В. Рец.: Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Под ред. Тимо Вихавайнена. СПб., 2007 // Русский сборник. Т. VI. М., 2009. С. 376.

⁶⁸ См. статью Тимо Вихавайнена в сб. «Два лика России» (СПб., 2007).

⁶⁹ Подробнее о нём см.: Неменский О.Б. «Чтобы на Руси не было Руси»: Исторические особенности идеологии украинства // Вопросы национализма. 2011. № 5. С. 77–123.

⁷⁰ Історія українського права: Посібн. / І.А. Безклубий, І.С. Гриценко, О.О. Шевченко та ін.. К.: Грамота, 2010. С. 183. Цит. по: Звягинцев Н. Приступ русофобии в Киевском университете // <http://www.regnum.ru/news/1340438.html>

ками угрофинских народов. В отличие от литературного языка, он является очень убогим, и нехватка лексикона компенсируется нецензурной лексикой. В то же время украинский язык в любом селе, не зацепленном русификацией, поражает своим богатством и красотой»⁷¹.

И, конечно, противопоставление проведено во всём: «Ученые утверждают, что украинцы в корне отличаются от русских в генетическом, антропологическом, языковом, культурно-бытовом и духовном вопросах»⁷². «Так, например, достижения современной антропологии и генетики дают основания утверждать, что между украинцами и русскими отсутствует любое антропологическое и генетическое родство»⁷³, зато «наказания в украинском уголовном праве по сравнению с наказанием в русском отличались мягкостью и гуманностью», а «человеческая жизнь на Украине ценилась на несколько порядков выше, чем в Российской империи»⁷⁴. При этом подчёркивается, что «демократический режим в украинском государстве и режим деспотии в Московском нельзя было объединить, они были несовместимыми»⁷⁵, ведь «стремление к порядку является этногенетической чертой украинской нации»⁷⁶.

Вузовский учебник, даже учебник главного вуза страны, не является националистической публицистикой, однако все подобного рода утверждения настолько вплелись в украинское информационное пространство, что представляются здесь естественными.

⁷¹ Там же. С. 33.

⁷² Там же. С. 36.

⁷³ Там же. С. 32.

⁷⁴ Там же. С. 157.

⁷⁵ Там же. С. 183.

⁷⁶ Там же. С. 3.

Русская русофобия

При разговоре о русофобии нельзя обойти такую тему, как русская русофобия. Ей была посвящена приведённая выше цитата из письма Ф. Тютчева дочери, о ней же была написана классическая уже монография Игоря Шафаревича. Есть неплохое слово для её обозначения — самоненавистничество. Журналист Тим Керби даже считает возможным говорить о существовании в России особой «религии самоненависти»: «Чем больше я живу в России, тем больше вижу, что никто так не ненавидит свой собственный народ, как русские». «Факты ничего не значат для тех русских, которые ненавидят сами себя, — они являются членами Церкви этнической неполноценности»⁷⁷. Очень точное наблюдение — в этом явлении есть что-то религиозное, его можно признать своеобразной формой верований.

Это явление ещё в первой половине XIX века стало обсуждаемым в русском обществе — появились и активно позиционирующие себя самоненавистники, и их критики. Пушкин писал о представителе такого типа: «Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды чистый лик увидел. / И нежно чуждые народы возлюбил / И мудро свой возненавидел». Эти настроения весьма ярко проявили себя во время польского восстания 1830–1831 гг. Пушкиным подчёркнуто главнейшее свойство русского самоненавистничества — «нежная любовь» к другим народам. То есть ненависть к своему напрямую связана и обусловлена прямо обратным отношением к чужому, что можно признать весьма своеобразным психологическим состоянием.

Неудивительно, что это свойство обыкновенно характерно для людей, позиционирующих себя как «западни-

⁷⁷ Керби Т. Религия самоненависти // <http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/07/18/1012601.html>

ков». Я бы даже употребил слово «западоверующие», так как на деле речь в таких случаях идёт не о рациональной ориентации на западный исторический и культурный опыт, а на некую мечту о Западе, на тот образ идеального Запада, который выработался в русской послепетровской культуре.

Полагаю, что русская русофобия является, конечно, специфически местным явлением, но напрямую связана с русофобией западной и является её прямым перенятием. Именно по мере восприятия русофобских идей российской интеллектуальной средой формируется самоненавистничество. Со времени активного проникновения польской культуры в высшие слои русского общества (вторая половина XVII в.), а потом и петровских практик отправления дворянских детей учиться на Запад, в России сложился необычный тип русского культурного человека, как бы отчуждённого от своей культуры в пользу западной.

Это своеобразное двукультурное мышление, в котором две традиции и две цивилизационные идентичности сочетаются в неизбежном конфликте. Это ситуация «внутренней колонизации», когда человек сочетает в себе и самонение колонизатора (западного человека, взирающего на «восточную» культуру), и самосознание аборигена, то есть того, на кого и направлены колонизаторские практики. Кстати, это двойственное состояние сознания русской интеллигенции вполне соответствовало и формам русской жизни и государственности, которая «сама себя колонизировала».

Очень неплохо эта черта мышления была показана Борисом Гройсом: «Русский интеллигент, напротив, сам расколот на “европейское сознание” и его “русское иное”... Если Руссо предавался мечтам об индейцах, германская философия об индийцах, Гоген — о полинезийцах, Пикассо — об африканцах и т.д., то русский интеллигент оказался кентавром из Руссо и

индейца, Шопенгауэра и индийца, Пикассо и африканца... Россия ответила на западный экспансионизм стратегией самооккупации, самоколонизации, самоевропеизации»⁷⁸. «Русский интеллигент» оказывается, таким образом, расколотым на западное сознание и русское подсознание»⁷⁹.

Кроме того, западный взгляд на Россию, несущий в себе немало русофобских идеологем, во многом вошёл в нашу же традицию и от неё стал неотделим. Например, господствующие версии истории России нередко оказываются неприемлемы для русских людей исходя из их же русских культурных ценностей. Талантливый историк может сделать вывод о необходимости создания иных трактовок и иных моделей. Но самый лёгкий и вполне естественный ход мысли — просто возненавидеть свою историю.

Нередко открыто русофобская позиция в России связана и с принятием какой-либо из западных идеологий, отождествление с которой становится для человека приоритетным. Здесь можно привести в пример и нередкий случай российских либералов, и российских нацистов, и российских коммунистов. Так, В.И. Ленин делал типичные для такой формы мысли заявления: «Я должен решительно протестовать против того, чтобы цивилизованные западноевропейцы подражали методам полуварваров русских». В воспоминаниях Г.А. Соломона содержится рассказ о словах «вождя пролетариата»: «Дело не в России, на неё, господа хорошие, мне наплевать, это только этап, через который мы проходим к мировой революции»⁸⁰.

Ещё более резкие суждения можно найти у Л.Д. Троцкого — правда, в от-

⁷⁸ Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 251–252.

⁷⁹ Там же. С. 247.

⁸⁰ См.: Соломон Г.А. Среди красных вождей. М., 1995.

личие от Ленина, ему никогда не была свойственна русская идентичность.

Положение людей, живущих в России, но по тем или иным причинам не разделяющих русскую идентичность, в данном случае гораздо проще: они могут делать русофобские заявления, не обращая их на себя. И тем не менее, живя в русском окружении, они оказывают на него немалое влияние. В конечном счёте многие приходят к чему-то подобному восклицанию Герцена, сделанному во время польского восстания: «Стыдно быть русским!»

Русская русофобия ничуть не слабее западной. Наоборот, часто она её превосходит или же достигает её крайних форм, в том числе расистских. Известны слова академика С.Б. Веселовского: «Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса»⁸¹.

В Интернете есть неплохая игра: сопоставительная подборка русофобских цитат, попарно — одна принадлежит Альфреду Розенбергу, а другая современному российскому писателю Виктору Ерофееву. Читателям предлагается каждый раз угадать, чьи именно это слова. В результате оказывается, что угадать не так-то просто. Широко известны пассажи о русских, написанные от лица лирического героя в книге В. Ерофеева «Энциклопедия русской души». «Русских надо бить палкой. Русских надо расстреливать. Русских надо размазывать по стене. Иначе они перестанут быть русскими»⁸². «Идея национального характера, которая в Европе после Гитлера считается скользкой темой, — единственная возможность понять Россию. Русские — позорная нация. Тетрадка стереотипов. Они не умеют работать система-

тически и систематически думать. Они больше способны на спорадические, одноразовые действия»⁸³. «У русских нет жизненных принципов. Они не умеют постоять за себя. Они вообще ничего не умеют. Они ничего не имеют. Их можно обдурить. Русский — очень подозрительный. Русский — хмурый... Россию надо держать под колпаком. Пусть грезит придушенной»⁸⁴.

Все случаи русской русофобии довольно точно воспроизводят основные идеологемы и саму логику западной идеологии. Вот возьмём интервью известного режиссёра Андрона Кончаловского одной польской газете⁸⁵. Разговор о России и русских. Основной тезис — о том, что русским не нужна свобода: «*Gazeta Studencka*: Когда-то Виктор Ерофеев написал, что русские — это народ с ментальностью рабов... *Кончаловский*: Конечно, так и есть. Это рабство проявляется в способе мышления и восприятия мира. Русскими всегда кто-то должен руководить. Он должен сказать им, что делать. Десять лет свободы уничтожили Россию. Русские так и не воспользовались ею для создания чего-то положительного. Русские очень плохо работают, не платят налогов, выбрасывают своих детей на улицу. Таких детей в России миллионы!.. Свобода — это всего лишь философское понятие западной цивилизации. В Индии, Китае или в исламском мире свободы не существует. У этих людей есть обязанности по отношению к Богу, семье, обществу. Они мыслят иначе... Русским, так же как мусульманам, не нужна свобода. И не следует им “помогать”, потому что это только ведет к несчастью».

Из утверждения добровольно раб-

⁸³ Там же. С. 46.

⁸⁴ Там же. С. 71–72.

⁸⁵ На Востоке без изменений. Беседа с режиссёром Андреем Кончаловским. Доминика Рафальска-Кусь («*Gazeta Studencka*», 29 октября 2004. Польша) // <http://www.inosmi.ru/panorama/20041029/214206.html>

⁸¹ См.: *Веселовский С.Б.* Из старых тетрадей. М., 2004.

⁸² *Ерофеев В.* Энциклопедия русской души. М., 2002. С. 167–168.

ского характера русских следуют их основные негативные характеристики. Они жестоки и мазохистски наслаждаются своим несчастьем: «Жестокость — это не Путин. Жестокость — это русские. Русская культура очень жестока... Русские несчастливы, потому что любят быть несчастными. Русским нравится быть несчастными и бедными. И им нравятся несчастные и бедные люди. Если кто-то здоров, богат и счастлив, русские его ненавидят... Русским никто ничего не навязывает. Они сами навязывают себе такой, а не иной образ жизни».

Далее режиссёр заявляет, что русские все ксенофобы, а также ленивы и склонны к пьянству: «Русских вообще отличает определенная ксенофобия. Не только по отношению к чеченцам, но и к грузинам, узбекам, таджикам, всем, кто не русские. Это понятно — ведь они забирают у русских работу, не пьют, а работают. А русские предпочитают иметь свою водку и быть освобождёнными от каких-либо обязательств. Это несчастная ситуация. Но такова правда... Пьяные работают в поле. Лучшим решением было бы помочь им перестать пить».

Русофобская идеология, воспринятая в России, иногда может и перерастить ту идеологию, через которую сюда пришла. К примеру, либерал Валерия Новодворская легко перестаёт быть либералом, когда речь заходит о России и русских. Так, она выступает за поражение русских в правах, и даже в форме апартеида: «Жалкие, несостоятельные в духовном плане, трусливые спят у параши и никаких прав не имеют. Если таким давать права, понизится общий уровень человечества. Так что апартеид — это правда, а какие-то всеобщие права человека — ложь. Русские в Эстонии и Латвии доказали своим нытьем, своей лингвистической бездарностью, своей тягой назад в СССР, своим пристрастием к красным флагам, что их нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию.

Их положили у параши и правильно сделали. А когда Нарва требует себе автономии, для меня это равносильно требованию лагерных “петухов” дать им самоуправление»⁸⁶. Такой подход обосновывается на традиционных русофобских тезисах: Россия — «страна, которая является тормозом всего разумного, доброго, вечного»; «народа нет, есть рабы»; «ничего русского нету, вся культура ворованная» и т.д.

Русофобские заявления в современной России нередко прямо повторяют западные, и это совпадение не случайно. Вот, например, сатирик М. Жванецкий говорит в телепередаче: «Моя мечта — разровнять место, где была Россия, и построить что-то новое. Вот просто разровнять!.. Разровнять, и построить страну, сильную Россию — разную, весёлую». А вот классик западной русофобии Астольф де Кюстин: «Я не устаю повторять: чтобы вывести здешний народ из ничтожества, требуется всё уничтожить и пересоздать заново»⁸⁷. Собственно, под тем же лозунгом большевики уничтожали целые социальные слои и сносили церкви.

Яркий тип русского либерала-западника нарисован Ф.М. Достоевским в образе отцеубийцы Павла Смердякова. «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Со всем даже были бы другие порядки». Тут очень хорошо подчёркнуто, что любовь к Западу является следствием ненависти к России, то есть любовь к Иному происходит из изначального

⁸⁶ *Новодворская В.* Не отдадим наше право налево! // Газета «Новый взгляд». 1993. 28 августа. № 46.

⁸⁷ *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Письмо семнадцатое.

состояния ненависти к своему — поэтому Запад становится сколь угодно идеален.

Западник производит самоотчуждение от русскости. И здесь уже не важно, от чего именно. Как описал это Достоевский: (русские либералы) «ненавидят Россию, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за всё, за всё ненавидят»⁸⁸. В.В. Розанов так охарактеризовал эти умонастроения: «Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена. Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того, единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте»⁸⁹.

Известный своими крайне русофобскими текстами наш современник Борис Стомахин очень ярко отреагировал на образ Смердякова: «Про Достоевского нечего и говорить. Гнусный, омерзительный, похотливый старик-папаша и достойные сыновья — пьяница-буян, святоша-лицемер и “философ”, под конец сходящий с ума, — таковы дорогие сердцу автора и его истинно русских читателей персонажи “Братьев Карамазовых”. В мелком и пошлом детективе — папаша убит, и под подозрением все братья, которые отца ненавидели — раскрывается вся суть убогой и пьяной душонки “народа-богоносца”. Но нарочито грязным, гнусным, отвратительным, к тому же сыном убогой и умственно отсталой потаскухи — в романе со-

знательно выведен лакей, говорящий правду. Ту правду, что ненавистна и автору, и большинству его читателей. Даже фамилия дана ему специально такая выразительная, нарочито отталкивающая — Смердяков. Что же вложил автор в уста этого карикатурно-омерзительного персонажа?.. “Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна”. И, ей-богу, есть за что!.. 1612, 1812, 1945... Цепь позорных рабских “побед”, праздники защитников и пропагандистов “своего”, кондового рабства и холопства, правнуков тех, кто отстоял-таки свое рабство от западной свободы...»⁹⁰.

Опять же, тексты Стомахина дают прекрасный пример чистой подборки русофобских аргументов. Россия — страна преступная, прошлое у неё жуткое, ей надо начать жить с чистого листа, но она на это просто не способна, так как погрязла в зле и лишилась человеческого облика, а потому и вообще не должна существовать: «Собственно, конечно, говорить русским о преступлениях их империи, их же собственных дедов и прадедов, и призывать их покаяться, отринуть это вековое зло, зачеркнуть 1000 лет жуткого прошлого России и начать жить с чистого листа — бесперспективно. Они слишком закоснели во зле — не говоря уж, что просто-напросто спились, пропили последние остатки мозгов, какие еще были. Есть власть, состоящая из преступников в форме и погонах... и есть больше 100 миллионов пьяной и бессмысленной биомассы. Вот, собственно, кто и населяет на 99% Россию... Да и вообще, оправдывать существование на свете России могут только законченные подонки»⁹¹. Беда её, конечно, в православии: «Возможно ли “оскорбить православие” вообще? Нет, невозможно, потому что про

⁸⁸ Дневник писателя, 1877 г.

⁸⁹ *Розанов В.В.* Забытые и ныне оправданные. (Поминки по славянофилам) (1914) // *Его же.* Собр. соч. Последние листья. М., 2000. С. 271.

⁹⁰ <http://lj.rossia.org/users/stomahin/74064.html>

⁹¹ <http://lj.rossia.org/users/stomahin/77803.html>

эту гнусную религию рабов какое ругательное слово ни скажи — все будет правдой»⁹².

Возьмём статью Б. Стомахина «Мысли вслух». Русским отказывается в человеческом статусе, ведь он несовместим с ужасами русской истории, с тиранической властью властителей: «Не существует в природе никаких “русских националистов”. Почему? Да потому, что животные не имеют национальности. Русское быдло, тёмное, пьяное, тупое. Свиньи, скот, мразь, говно. Не люди, нет. Недочеловеки. Людьями эти отбросы человечества именоваться недостойны. И вот именно такими населена вся Россия... Россия — это мразь. Ее полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире... Или все диктатуры и тирании, существующие тут веками, — не на это самое население опирались, не из него, не из его генетического рабства и стадных инстинктов вырастали?».

Русские предстают как «стадо рабов», которое «маскирует своё азиатское изуверство». Тема Азии тут всплывает неизбежно, ведь как Запад не может быть без Востока, свет без тьмы, так и Европы не может быть без её антипода — Азии. «Азиатскость» России в этой логике — клеймо на ней как недостойной быть Европой. И отсюда вопль: «Грязная, мерзкая сраная Рашка! Когда же ты, наконец, содохнешь?»⁹³.

Русская русофобия, как и западная, обязательно имеет если не в качестве осмысленной цели, то хотя бы просто тягу к уничтожению России, ведь это просто логично следует из всей системы идей. «ВСЯ эта страна, тотально, со всем, ЧТО в ней есть, — должна быть уничтожена, стёрта с лица земли, проклята и забыта навеки. За все прежнее и нынешние кровавые убийства, за миллионы и миллионы казнённых,

замученных, убитых, заморенных голодом, и за украинский Голодомор, и за чеченской геноцид, и за нынешний полицейский террор путинщины, за девочек-певиц из “Pussy Riot”, и за аресты по “делу 6-го мая”, за всё, за всё это — Россия должна быть просто уничтожена тотально, с воздуха, до состояния выжженной пустыни!..»⁹⁴.

Впрочем, неудовольствие от существования русского народа может быть дополнено желанием сохранить российское государство, но, очевидно, на каких-то уже совсем иных — нерусских — основах. Так, например, Игорь Юргенс, крупный экономист и председатель Попечительского совета ИНСОР, недавно заявил: «Модернизации России мешают русские — основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет...»⁹⁵.

Известный западник академик Юрий Пивоваров предпочитает рассматривать «русскую идею» в сопоставлении её с западной: «Русская идея принципиально отлична от европейской — «Свобода. Равенство. Братство», и от American Dream — «Дом. Семья. Машина». Европейская и американская триады предполагают развитие, т.е. социальное время, они в процессе осуществления, но — никогда — не осуществлены полностью. Они открыты, динамичны (не статичны как наша), их адрес — личность, индивид, человек. А у нас — некая коллективность, соборность, “МЫ”... “Русская идея” всегда есть отрицание “современной жизни”... Ну, и последнее. “Русская идея” интерциально антизападническая»⁹⁶. При этом срав-

⁹⁴ Стомахин Б. Мразь Россия // http://stomahin.info/articl/mraz_russia.htm

⁹⁵ Московский комсомолец, 7 ноября 2012. С. 3.

⁹⁶ Пивоваров Ю.С. Основные идеологемы русской истории // State and Nation in Russia and Central-East-Europe. Budapest, 2009. С. 19–20.

⁹² <http://lj.rossia.org/users/stomahin/>

⁹³ Стомахин Б. Мысли вслух // http://stomahin.info/articl/mysli_vsluh.htm

нение всегда делается определённо только в пользу одной стороны. В книге «Полная гибель всерьёз» Пивоваров пишет: «Суть русской жизни неизменна: презрение к личности, в том или ином варианте насилие над человеком и его — в конечном счете — закабаление, воровство, умение самоорганизовываться лишь на злое дело».

Как подводит итог журналист Валерий Панюшкин, «всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие воды, хантов или аварцев».

Российская русофобия чаще всего выражается просто в констатации своих негативных чувств, но постоянно подходит к требованию уничтожения России. Например, музыкальный критик Артемий Троицкий любит сказать что-нибудь на эту тему: «Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта. Когда я вижу их — начиная от ментов, заканчивая депутатами, то считаю, что они, в принципе, должны вымереть. Чем они, к счастью, сейчас успешно и занимаются». «Государство российское я ненавижу, и ненавижу его всегда, и буду ненавидеть». «Самое лучшее для этой страны — это распродать её по кусочкам тем, кто больше за неё даст».

Ещё один ярко выступающий русофоб Юрий Нестеренко пришёл к проповеди эмиграции. Это такой пессимистичный вывод: если Россию нельзя уничтожить, то нужно убрать её хотя бы из своей жизни. Получивший известность текст статьи «Исход»⁹⁷ столь полноценно собрал все основные идеологемы русофобии, о которых говорилось выше,

что приведу здесь обширные цитаты из него.

Начинает Ю. Нестеренко с исходного и действительно главного тезиса: «Россия — это зло. Россия — это зло в его чистом, беспримесном виде». Это качество России определяется её народом, который не достоин человеческого статуса: «Тот самый народ, а если называть вещи своими именами — рабско-холуйская биомасса, поддерживающая, питающая и исправно порождающая их вот уже восемь столетий». Историческими причинами такого положения дел стало ордынское наследство: «Россия как государство... порождена, с одной стороны, Ордой азиатских завоевателей, а с другой стороны — московскими князьями-предателями... коллаборационистами на службе Орды... перенесшими в объединенную кровью и подлостью страну все худшие черты ордынской традиции... Россия за все эти столетия не только ничего не исправила, но лишь ухудшила ситуацию, лишь развила, укрепила и возвела в предмет гордости все самые отвратительные тенденции и пороки». Здесь же и символизация России через чёрный миф об Иване Грозном: «Один из самых омерзительных монстров в мировой истории — Иоанн Грозный».

Далее даётся констатация безнадёжности России, дополненная утверждениями о ненависти русских к свободе и их страсти к Империи: «Дело в том, что Россия — это безнадёжное болото, в котором вязнут любые, самые светлые и прогрессивные начинания. Это страна, народ которой — за редчайшим исключением — испытывает искреннюю ненависть и отвращение к свободе, причем, вопреки тезису Маркса, в первую очередь — к своей собственной, а уже только потом и как следствие — к чужой. Народ, глубоко презирающий чувство собственного достоинства, интеллект (“ишь, умный выискался!”), вообще личность как таковую, нена-

⁹⁷ Нестеренко Ю. Исход // <http://yun.complife.ru/miscell/exodus.htm> (ноябрь-декабрь 2010).

видящий всякого, кто выбивается из среднестатистического уровня... считающий пороком само желание жить независимо и в достатке — а добродетелями, соответственно, тупую стадность и покорность (“тебе чего, больше всех надо?!”), готовность жить в дерьме и грязи... и, не рассуждая, жертвовать собой во имя малого стада — общины и большого стада — Империи. Народ, совершенно искренне обожающий тиранов (как собственных, так и чужих)... Народ даже не просто рабов, ибо рабам все же свойственно хоть иногда мечтать о свободе, но именно холоуев, мечтающих лишь о хорошем хозяине — причём под “хорошим” понимается вовсе не доброта, а как раз наоборот — способность внушать страх как соседям, так и своим... Восемь столетий кровавого скотства и тупой подлости, восемнадцать проваленных попыток модернизации — мало? Пора уже признать очевидную истину: эта страна и этот народ БЕЗНАДЕЖНЫ».

Все эти качества русского народа иллюстрируются его историей, в том числе недавней. Здесь добавляется типичное для российского либерального дискурса прославление девяностых годов как последнего шанса обрести свободу: «В 1990-е же реальная свобода была. Не было много чего другого, но свобода — была... И вот — этот самый народ, имея все это, САМ, ДОБРОВОЛЬНО спустил все свои свободы в путинский сортир... Способность к логическому мышлению у этого народа отсутствует как класс». К этому добавляются рассуждения о природе России как империи зла: «Вообще, главная беда даже не в том, что Россия на протяжении всей своей истории была и остается — империей зла, а в том, что это империя именно бессмысленного, иррационального зла (и, собственно, именно поэтому это зло и достигало таких масштабов; никакие рациональные цели не требуют таких гигантских жертв)».

Россия сравнивается с раковой опухолью, которая растёт на теле планеты: «С такой же тупой самоубийственной бессмысленностью разрастается раковая опухоль. И, разумеется, “ни на кого не нападавшая” Россия на самом деле расплодилась до столь гигантских размеров почти исключительно путем агрессии, присоединяя территории...». «Удивительно, с какой последовательностью Россия всегда выступала на стороне зла — тирании, мракобесия, насилия, косности. Удушливый мрак Московского царства, жуткий даже по средневековым меркам... нынешняя злобная Рашка, рьяно защищающая всех мировых ублюдков...». «Вообще, хоть Толкин и отрекся от параллелей с реальным миром, не раз уже мелькавшая в оппозиционном интернете аналогия “Россия — Мордор” на удивление точна: как орки были сделаны силами зла из захваченных эльфов, так и из некогда гордых и свободных жителей доордынской Руси под бременем сперва ордынской, а потом “родной” тирании получились жуткие россияне».

К этому добавляются морализаторские рассуждения о том, что есть добро: «Российскому государству удалось лишь одно несомненное достижение, над которым веками бились философы и моралисты: оно дало миру простой и чёткий критерий Добра и Зла. А именно, если Россия что-то искренне, не для проформы, одобряет и поддерживает — значит, это зло. Если же она выступает резко против чего-либо — значит, это добро». И здесь мы видим типичный для русофобии случай попадания в моральную зависимость от России и её русофобского образа. Выбор России в пользу зла опять же подтверждается её внешней политикой и объясняется ненавистью русских к свободе: «Главное — быть на стороне зла. За тиранию — против свободы... Чем объяснить любовь к противостоявшему христианскому Западу Садаму Хусейну, а теперь — к Ахма-

динежаду? Только одним: патологической любовью к тирании и ненавистью к свободе».

Далее следуют рассуждения о том, что мир делится на цивилизованный и нецивилизованный, а Россия является сознательным врагом цивилизации, то есть Запада: «Россия столь давно и упорно ставит себя в позицию врага цивилизованного мира, что пора, наконец, признать: так оно и есть... Ненависть России к Западу, к свободным цивилизованным странам носит имманентный, фундаментальный характер, и любые компромиссы, любые уступки Россия воспринимает лишь как слабость врага, как плацдарм для дальнейшего наступления».

Выбор русских в пользу зла неизбежен — здесь Юрий Нестеренко склоняется к крайне пессимистичной русофобии, что и является для него основанием для отъезда из страны: «Россия остаётся и останется злом при всех режимах и любых правителях. Зло в самой её сути, и потому бессмысленны любые попытки её “исправить”, “улучшить”, “освободить”, “спасти”. Россия — это не то, ЧТО следует спасать, а то, ОТ ЧЕГО следует спасать. Спасать всех, кого можно спасти, начиная с самих себя. Уезжайте ради самих себя; у кого есть или планируются дети — тем более, вы просто обязаны спасти их от этой проклятой страны». При этом сам призыв к отъезду является не просто способом избавиться от «Мордора», но и оружием в деле его уничтожения: «Чем скорее разумные люди покинут Россию, тем скорее эта империя зла сгниёт и сгинет окончательно. Кучка осатаневших от безнаказанности бездарных воров и убийц наверху и спившееся быдло внизу не смогут поддерживать её существование».

Под конец автор даёт краткую формулу различения добра и зла с выводом о необходимости уничтожить Россию: «Россия есть зло, причем — мирового масштаба. Зло должно быть уничтоже-

но. Следовательно, всё, что направлено против России, есть благо».

Мы видим, что русофобская идеология очень внутренне цельная и логичная, она почти не изменилась за полтысячелетия, ведь примерно всё то же мы можем прочесть у Сигизмунда Герберштейна и польских авторов XVI–XVII вв. Это целостное учение о России, которое постепенно распространяется и по западному миру (а благодаря Голливуду и транснациональным СМИ и шире) и покоряет сердца и головы некоторого числа жителей России — как, впрочем, и многие другие западные идеологии.

Идеология русофобии ставит человека в активную позицию — он должен противостоять, защищаться или наступать. Это порождает различные практики русофобии — политические, социальные, культурные, экономические. Не буду здесь подробно на них останавливаться, но нужно учесть, что немало акций, не имеющих явного идеологического обоснования, на самом деле могут основываться на русофобской логике. Например, отказ русскому народу в праве на политическое представительство, отказ ему в самоуправлении, в обучении на родном языке и т.д. — это не русофобия, но это политика, наверняка имеющая свои основания в русофобских взглядах её авторов. Сейчас русофобия — это и идеологическая основа уничтожения российской экономики, и масштабный геополитический проект. Она экономически и политически выгодна — и тем более, чем Россия слабее.

Интересные проекты по искоренению русскости предлагаются в области образования и культурной политики. Доказать прямую связь той или иной «реформы» с русофобией бывает крайне трудно, так как она имеет совершенно другие официальные обоснования. Однако результаты и источник идей могут недвусмысленно на это указывать. Можно встретить и открытые проекты по уничтожению

русскости, и они очень ценны своей честностью.

Например, недавно (февраль 2012 г.) появилась статья профессора РГГУ Игоря Яковенко «Русский вопрос и русская цивилизация»⁹⁸. Она представляет собой очень яркий пример сознательно русофобской стратегии по управлению культурой страны. Цель — уничтожение традиционных черт русского мышления. Для этого предлагается «сознательная стратегия разделения общества на людей вчерашних и сегодняшних. Вчерашним создают комфортную социально-культурную среду и условия пристойного доживания. Сегодняшним — пространство адекватного саморазвития, дистанцированного от исчерпавшего себя исторического качества». «При всех обстоятельствах стратегия трансформации должна включать в себя следующее. Первосортность утверждаемого и второсортность изживаемого — неперемutable условие качественного преобразования. Речь не о диффамации или травле. Речь о создании ситуации ценностного различия утверждаемого и уходящего». При этом изживаемое — это русское, а утверждаемое — это западное. То есть это программа радикальной самоколонизации под западную культурную систему.

Вот глава «Разрушение синкретиза и проблемы образования»: «Мышление традиционного носителя русской культуры противостоит дроблению и усложнению картины мира и оперирует синкретическими блоками. Эта установка находит своё выражение в социальном пространстве и в сфере деятельности. Российское единство власти-собственности-идеологии живёт и в мозгах, и в социально-политическом пространстве. Школа способна дробить синкретические

сущности на самых ранних этапах обучения и формировать аналитическую доминанту сознания. Человек с такой доминантой не способен мыслить синкретическими блоками и не будет жить в мире нераспавшихся конструктов. И так, меняя механизмы мышления и переживания мира, мы трансформируем весь универсум». В результате получаем «на выходе» уже людей не русской, а западной культуры.

Необходимость этого объясняется теми же утверждениями о неспособности человека русской культуры разделять ценности свободы, собственности и т.д.: «Традиционная российская культура веками подавляла автономную личность, потребителя, собственника, человека, ориентированного на демократические ценности. Изживание этой ментальности возможно путем правовой легализации и культурного поощрения репрессированных альтернатив преодоляемого паттерна. Параллельно должна вестись работа по репрессированию отторгнутых установок и их активной профанации. Только в этом случае работа по преобразованию культуры приобретёт энергию масс... Российская традиция есть традиция социоцентричного общества. Необходимо трансформировать этот комплекс и сформировать персонцентристскую целостность. Это можно сделать единственным способом: разрушая ядро отторгаемой системы... В такой ситуации новые ценности будут закрепляться намертво, поскольку за ними встают задавленные изживаемой культурой инстинкты и устремления, органичные человеку. Самая жёсткая борьба приверженцев старого и нового в данном случае — самый короткий и наиболее надёжный путь инверсии, закрепляющей новую установку. Следование изживаемым ценностям должно быть связано со смертельной опасностью». Так культура колонизируемого народа может уйти в небытие, и «Империя зла» исчезнет.

Здесь важнее всего подчеркнуть,

⁹⁸ Яковенко И.Г. Русский вопрос и русская цивилизация. Часть I // <http://vestnikcivitas.ru/pbbs/2025> Часть II: <http://vestnikcivitas.ru/pbbs/2035>

что это пишет человек русской культуры, пусть и полагающий, наверное, что сумел её в себе преодолеть. Но важно обратить внимание на сам психотип человека, отторгающего свою культуру и борющегося с нею вовне.

Русофобская информация стала частью самосознания и информационной среды современных русских. Она нам привычна, мы даже знаем её логику и аргументы гораздо лучше, чем обратные. Более того, мы знаем о крайне негативном восприятии нас на Западе, пусть и обыкновенно «за глаза». В результате можно констатировать, что современному русскому самосознанию свойственно сильное чувство затравленности. Нет, русские не так уж часто сталкиваются с открытыми проявлениями русофобии. Однако она постоянно присутствует как ощущение. Очень точно охарактеризовал этот взгляд русофоба Юрий Кублановский: «Средний гуманитарный либерал испытывает к России настороженную брезгливую антипатию»⁹⁹. Вот это и создаёт очень агрессивную и в целом удручающую психологическую обстановку.

У русских сейчас нет господствующего позитивного самообраза, что делает их очень зависимыми от внешних оценок. Соответственно возникает и болезненная зависимость от русофобских отзывов со стороны¹⁰⁰. Известный историк А.И. Фурсов называет русофобию «психоисторическим оружием». То есть русофобия оборачивается на практике травлей. Простой, будничной и довольно спокойной, но создающей социально-культурную атмосферу и очень сильно влияющей на самосознание носителей русской культуры — даже если они находят способы отказать от русской идентичности. Русских убеждают в том, что Запад — это норма, а они — отклонение

от нормы, поэтому должны учиться и подражать Западу, преодолевать свою природу, свою материнскую культуру. А это заранее проигрышное положение.

Неслучайно от иностранцев можно теперь слышать удивлённые комментарии, что русские — народ, лишённый национальной гордости. Это имеет и прямые политические последствия. Интересные в этом плане рассуждения о политике российских зарубежных представительств даёт русский житель Словакии, известный журналист Сергей Хелемендик: «Я много лет искал ответ на вопрос, почему представители российской власти так насторожены и даже холодны к многочисленным в Словакии и других странах Европы русофилам, людям, испытывающим симпатии или даже любовь к России и русским. Мой ответ таков: европейское русофильство в принципе не понятно русским и особенно высокопоставленным представителям государства российского за его границами по простой причине — им самим незнакомо это чувство. То есть русские чиновники за границей, призванные принять в дружеские объятия растроганных “чужих” русофилов, сами русофилами не являются... Если же говорить совсем просто, то большинство русских искренне не понимают, за что их кто-то может любить, и к русофилам относятся настороженно, подозревают подвох, а поверив в искренность, могут принять возвышенных русофилов за восторженных дурачков»¹⁰¹.

Это очень ценное наблюдение, характеризующее психическое состояние тех, кто является «представителем России». А это состояние, кстати, в иных — менее формализованных — формах иногда присуще почти всем. Мы все хорошо усвоили, что «в западном обществе Россия отнюдь не восприни-

⁹⁹ Кублановский Ю. Русофобия // Сибирские огни. 2012. № 10.

¹⁰⁰ Благодарю за ценные рассуждения на эту тему Наталью Холмогорову.

¹⁰¹ Хелемендик С. Русофилы и русофобы Словакии // <http://www.chelemendik.ru/ShowDoc.php?d=244>

мается как «нормальная страна»¹⁰². Прежняя ситуация, когда русские ужасались проявлениям русофобии на Западе, сменилась новой, когда русские заранее уверены в том, что весь Запад (а может, и не только Запад) настроен русофобски. Да и сами нередко с ним солидаризируются. Вообще, для России это уже стало системой, причём не только во внешней, но и во внутренней политике: она привыкла не платить русофилам (в том числе поддерживать русских патриотов), а подкупать русофобов (а то и просто откупаться от них). Тактика, вряд ли обещающая успешные результаты.

Всё это накладывается на ситуацию величайшего геополитического поражения, когда русский народ живёт в разделённом границами состоянии, и в значительном своём числе — в статусе дискриминируемых меньшинств. Само по себе это положение русских провоцирует взлёт антирусских настроений и перенятие идеологием русофобии со стороны соседних народов. В начале статьи я сравнивал идеологию русофобии с антисемитизмом. Так вот, русские сейчас оказались в той же Прибалтике как раз на положении евреев в старой Европе: им ограничены гражданские права, закрыта государственная служба и работа в общественном секторе, зато открыт бизнес. И за русскими тоже нет своего национального государства, которое могло бы их защищать.

Кстати, справедливости ради надо сказать, что русофобское восприятие России нередко бывает свойственно и её патриотам, которые её видят примерно такой же, как и русофобы, только заставляют себя сделать другой выбор. Уже нередко можно встретить людей, которые будут со всей страстью доказывать, что русский народ не может жить без сильной абсолютной

власти, что свобода ему противопоказана, что «дай русским волю — они всех резать начнут» и т.д. Однако при этом они делают сознательный выбор в пользу именно такой системы и именно такого образа своей страны: «Да, мы такие».

Трудно не усмотреть в этом проявление чисто колониального мышления, когда формы самосознания и идентичности берутся со стороны, а на их негативное содержание закрываются глаза. Но последствия такого признания весьма опасные. Ведь Россия не «просто такая». Это статус «вечно опасной страны», международного изгоя, не имеющего стабильных политических систем обеспечения своей безопасности и суверенитета. В результате общая форма взаимоотношений, которая навязывается такой стране, сводится к формуле «платить и каяться». Тем более опасно такое положение тем, что оно не имеет ответных заслонов со стороны русских. Современному русскому народу вообще очень в малой степени свойственны какие-либо этнические фобии, но ещё в меньшей степени ему свойственна приписываемая ему по логике русофобии ненависть к Западу — скорее положение прямо обратное. В результате мы имеем крайне неравное положение, провоцирующее не только психологический дискомфорт, но и опасные политические последствия.

Интересное преломление даёт русская русофобия на позиционировании российских либералов. С одной стороны, либерализм подразумевает утверждение демократических систем и ценностей, но с другой стороны, русофобские констатации не позволяют действительно желать предоставление власти «такому народу»¹⁰³. Если рус-

¹⁰² *Скиннер Дж.* Россия и её восприятие Западом в XX веке // Русский сборник. Том IX. М., 2010. С. 21.

¹⁰³ Очень хорошо этот ход мысли продемонстрирован в уже цитировавшейся статье Бориса Стомахина «Мысли вслух»: «Так что с прекраснодушным народничеством, с надеждами как-то все-таки противопоставить

ский народ органически плох — значит, демократия здесь и невозможна, более того — она для него вредна. Русофоб в России не может быть демократом просто по определению. В результате появляется что-то вроде двоемыслия: на словах человек отстаивает одни идеи, но в уме держит совсем другие. Следствием этого оказывается положение, при котором демократия сводится к «власти демократов», то есть к авторитарному правлению тех, кто позиционирует себя как демократов. В целом это не ново — это и есть старая колониальная модель. Именно к утверждению колониальной системы мы и пришли. Причём она не столько навязана извне, сколько вызвана внутренними причинами, и в том числе большим влиянием на умы высших слоёв общества идеологии русофобии.

* * *

Русофобская идеология — это явление, которое требует тщательного осмысления и активной борьбы. Не-

народ власти и использовать для её свержения, для чего-то освободительного, для торжества на этой территории прав человека, — надо завязывать. Если даже “народ” вдруг и вправду скинет ЭТУ власть — он взамен тут организует такую, что мы все едва ли выживем, с нашими идеалами свободы и пр. Это государство должно быть уничтожено, сожжено адским пламенем — вместе со всеми своими путинскими, коллаборационистскими из “оппозиции” и тупым пьяным быдлом, населяющим 1/7 часть суши. В историю революционной мысли конкретно в России уже вписана последняя, новейшая страница, где говорится, что попытки тут что-то построить и создать даже самым революционным путем на благо населения — бесполезны, обречены на провал и на возврат назад, к исходной точке (что за последние 20 лет мы и наблюдали) по причине органических качеств и свойств населения... Увы — пока Россия существует, свободной и демократической ей не бывать» (http://stomahin.info/articl/mysli_vsluh.htm).

обходимо проводить глубокое изучение его источников, характера, проявлений и последствий. Сейчас, кстати, уже на широком народном уровне идёт очень плодотворное осмысление её штампов, то есть так называемой «клюквы». Вообще, «клюква» — чрезвычайно интересное с культурологической точки зрения явление. Народ осваивает внешние стереотипы о себе и научается с ними играть, преодолевая их в форме стёба, а заодно и более глубокого самопознания. Однако то, что существует на народном уровне, должно иметь соответствие и в серьёзной государственной политике, в деятельности крупных общественных организаций.

Россия должна продумать стратегию своего присутствия в западном информационном пространстве, создать систему своих каналов влияния, тактику работы с русофобией. Давно назрела идея создания русской Антидиффамационной лиги (подобной той, которая существует у евреев). Кроме того, нужны специальные научные организации, занимающиеся мониторингом и изучением русофобии (опять же можно привести в пример еврейские Институт Стефана Рота или Центр Симона Визенталя). Уже не раз совершались попытки организации чего-то подобного, но их опыт ясно свидетельствует, что без серьёзных денежных вложений такие инициативы не могут быть долговечными. Об этом свидетельствует, например, история создания в Москве в 2008 г. Антирусофобской лиги.

Необходимо проводить и открытую международную борьбу с русофобией. После Второй мировой войны был осуждён антисемитизм, а русофобия нет, хотя русских тогда пострадало никак не меньше, да и идеологические основы для уничтожения русского населения в Третьем рейхе были весьма основательными, а конкретные действия в рамках геноцида русского народа были проведены очень масштабные. Но проблема была не только

политической — у нас не было самого концепта русофобии как идеологии. В 2005 г. ООН приняла очередную резолюцию против антисемитизма. Было бы очень важным добиться и принятия подобных документов по русофобии. Практика борьбы с антисемитизмом, зарекомендовавшая себя как очень успешная, показывает и образцы работы с русофобией. По сей день русских за рубежом почти никто не защищает. В Европе и США нет русского лобби, и потому ни у кого нет и потребности проводить самоцензуру своих русофобских высказываний.

Требуется добиться осуждения русофобии на международном уровне, отслеживать информационную активность русофобов, разоблачать их заяв-

ления. Нужна правовая оценка любых актов русофобии, что возможно лишь при достаточном уровне изученности темы и формализации критериев. Необходимо также ввести определение русофобии в законодательство России, обеспечить защиту населения от её проявлений. Противостояние русофобии может стать частью национальной идеологии.

Русофобия — явление, возникшее одновременно с возрождением русской государственности в XV–XVI вв. и по сей день не имеющее серьезных преград к развитию и распространению. Наоборот, существует обратная политкорректность, способствующая русофобскому дискурсу. Это положение дел надо менять.

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
 - Анонсы новых материалов
 - Интервью с авторами, статьи и рецензии
 - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

КАК ВОЗМОЖНА РУССКАЯ РУСОФОБИЯ?

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Вероятно, для людей, далёких от идеологических дискуссий внутри русской патриотики, вопрос, поставленный в заглавии этой статьи, покажется абсурдным: «*русская русофобия*» — разве это возможно, разве это не оксюморон, не «кипящий лёд»? Но те, кто к указанным дискуссиям хоть как-то причастен, прекрасно знают, что данная проблема — одна из самых острых и болезненных в патриотическом и националистическом дискурсе.

Как это ни странно, но слово «русофобия» используется представителями русского движения не только (и не столько!) по адресу наших зарубежных недругов и их откровенных приспешников в России, но большей частью по адресу других представителей русского движения, чьи взгляды в той или иной степени не совпадают с их взглядами. Православные и язычники, белые и красные, монархисты и либералы в пылу дискуссии то и дело клеймят друг друга русофобами.

Почему это плохо? Потому что русофобия не есть строгое научное понятие (хотя оно и используется в научной литературе): академической конвенции, насколько мне известно, по её поводу не существует. Каждый волен вкладывать в это слово свои личные антипатии и использовать его в качестве полемического «лома». В русской национально-патриотической среде русофобия — политический ярлык, пожалуй, самый страшный и стигматизирующий, ибо она с давних пор (осо-

бенно после появления одноимённого классического сочинения Игора Шафаревича) воспринимается как обобщённое наименование всего политически и экзистенциально антирусского, а русофоб есть аналог сознательного и коварного (к тому же, как правило, определённым образом этнически маркированного) врага русского народа.

Есть слова, после произнесения которых одной стороной в адрес другой взаимопонимание и дружеское сотрудничество между ними становятся невозможными. Русофобия — эталонный образчик подобного разъединяющего слова. Поэтому мне кажется разумным: 1) найти некое конвенциональное определение русофобии, под которое не подпадают националисты (или патриоты), намеренные друг с другом сотрудничать в пределах относительно долгосрочной перспективы; 2) отказаться от употребления данного ярлыка по отношению друг к другу в период этого сотрудничества.

На мой взгляд, русофобией *не* являются:

1) негативные высказывания о русских и России, сделанные русскими людьми (и великими в том числе) в минуту раздражения (таких «русофобских» высказываний я берусь навскидку привести десятки — от Пушкина до Розанова);

2) предпочтение, отдаваемое тем или иным нерусским материальным или культурным ценностям над русскими (не припомню я что-то среди нацио-

налистов поклонников отечественного автопрома или современного отечественного кинематографа);

3) принадлежность (или принципиальная непринадлежность) к какой-либо религии;

4) критическая оценка тех или иных периодов отечественной истории (именно здесь ломается наибольшее количество копий, просто потому, что до недавнего времени настоящее было абсолютно неподвластно для нашего воздействия и «бои за историю» подменяли собой реальную политику);

5) критика тех или иных элементов социально-политического строя России в прошлом и настоящем (или даже всего этого строя в целом);

6) утопические проекты далёкого будущего, восторгающие одних и отвратительные для других (монархия, кастовая система, коммунизм, национал-социализм и т.д.).

Русофобией, напротив, являются:

1) признание за русскими некой онтологической и/или генетической ущербности;

2) экзистенциальная ненависть или страх по отношению к ним;

3) систематическое и сознательное желание им вреда, а не блага;

4) отрицание самих понятий «русский», «русскость» как базовых для политического и культурного дискурса.

При таком подходе мы с удивлением обнаружим, что русофобов-то в русском национальном движении практически нет, и найти общий язык между разными его крыльями станет гораздо легче.

Понятно, что представители различных течений русской патриотики могут сказать о своих оппонентах: да, наверное, они искренне хотят блага русским и России, но реализация их идей принесёт только зло. Подобные дискуссии, тупиковые по определению, ни к чему продуктивному не приведут. Если мы хотим нормального

сотрудничества, нужно ограничиться формальным критерием русофобии как *сознательного негативного отношения к русским, именно потому, что они русские*.

Разумеется, приведённое выше определение в значительной степени носит прагматический и дипломатический характер, *но не только*. Оно имеет и содержательное значение, ибо учитывает тот несомненный факт, что русские — *разные*, но всем им должно найтись место в грядущем русском национальном государстве.

Кроме того, это определение, как мне кажется, имеет эвристическое значение и для понимания нашего прошлого. Опираясь на него, можно рассмотреть историю дореволюционной русской мысли, дабы выяснить: *а как там с русофобией дело обстояло?* Ведь нередко можно услышать это обвинение в отношении многих отечественных мыслителей или даже целых идеологических направлений. Разумеется, в рамках журнальной статьи исчерпывающе осветить этот вопрос нереально, но, во всяком случае, проверить, как сформулированная нами дефиниция работает на историческом материале — задача вполне выполнимая.

* * *

«Когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же». Сей парадокс, давно уже сделавшийся банальностью, не худо бы помнить, обращаясь к рассмотрению вопроса о русофобии в русской мысли XVIII — начала XX в.

Советские и постсоветские русофобы активно использовали и используют для пристойного оправдания своей фобии те или иные авторитеты из прошлого, незаконно их приватизируя. И вот какой-нибудь внук комиссара из Бердичева набрасывает благородный флёр на свои инородческо-чеккистские комплексы и с пафосом законного наследника русской интеллигентской культуры, уничтоженной его дедушкой, выводит собственную идейную

генеалогию отнюдь не из Ленина, Бухарина и Ягоды, а из Чаадаева, Герцена и Чехова. Его горячие оппоненты-русофилы тут же принимают эти лукавые правила игры и чохом записывают в русофобы всех, на кого благожелательно сослался их ненавистный супостат. И вроде бы действительно последний говорит ровно то же, что и первые...

И вот здесь сразу же уместно будет вспомнить пункт 1 из реестра того, что русофобией *не* является. В девяносто девяти случаях из ста перед нами предстанет именно классическая ситуация *русской* ругани на *русских* и *русское*, *своего* на *своё* и *своих*, не предполагающей, тем не менее, отрицания русскости как таковой. Потому что, посмотрев другие сочинения данного «русофоба» (а иногда даже просто не поленившись заглянуть в следующий абзац того же самого текста), мы обнаружим вполне себе твёрдую и последовательную русофильскую позицию, особенно если дело касается не абстрактного философствования, а жизненной практики. То есть в самом худшем случае мы здесь имеем не *русофобию как последовательный дискурс*, а *русофобское высказывание*. Факт последнего ещё не делает человека носителем первого. По аналогии: *сказать глупость* и *быть глупцом* — «две большие разницы».

То есть в каждом конкретном случае важен контекст русофобского высказывания. Легко понять суть этой проблемы на простом бытовом примере. Страстно любящие друг друга люди нередко страстно же и ссорятся, и вот на пике конфликта один из них (точнее, как правило, *одна*) в бешенстве кричит: «Ненавижу тебя! Ты самый низкий, ты подлый самый! Чтоб ты сдох, проклятый!» Это совершенно очевидное «ивановофобское» высказывание (предположим, что фамилия обличаемого «Иванов»), но вот «ивановофобия» ли это? Ведь в большинстве подобных ситуаций уже на следующий день (а то и

через полчаса) та же самая «ивановофобка» будет ласково шептать на ухо объекту недавней ненависти: «Я тебя люблю больше всего на свете! Ты самый лучший! Я за тебя жизнь отдам!» Возможно, последняя реплика тоже эмоциональное преувеличение, но тем не менее понятно, что определить суть отношения к «Иванову» его возлюбленной как «ивановофобию» было бы капитальной ошибкой.

Другой пример. Того же самого «Иванова» с детства взахлёб ненавидит некий «Петров». Днями и ночами он мечтает выплеснуть на него свою ненависть, поджигает дверь его квартиры, прокалывает шины у машины, травит собаку и т.д. И так годами. Наконец «Петров» напивается и режет врагу в глаза правду-матку: «Ненавижу тебя! Ты самый низкий, ты подлый самый! [Здесь он, возможно, даже добавит: “Правильно твоя Любка тебе говорила” — он слышал вчера через стенку ругань этой пары.] Чтоб ты сдох, проклятый!» Слова совершенно те же, но в данном случае это уже не просто «ивановофобское» высказывание, а выражение самой настоящей «ивановофобии».

Чтобы чётче отделить русофобское высказывание не-русофоба от проявлений собственно русофобии, далее я буду при употреблении первого понятия заключать его в кавычки.

* * *

Сложнее всего говорить о XVIII в. (точнее, о его первой половине), ибо преобразования Петра I с их радикальным отрицанием предшествующей им русской культуры порой напоминают по методам и лозунгам большевистскую денационализацию. Ни в коей мере не одобряя этих методов и лозунгов, тем не менее я осмелюсь утверждать, что русофобия как последовательный дискурс в идеологии петровских реформ отсутствовала, ибо европеизация в ней не мыслилась как дерусификация, а напротив, как возвышение

русскости/«российскости» — тогда эти понятия были фактически идентичны и не противопоставлялись друг другу — на новую, ещё более великую степень могущества и процветания.

Да, петровская «русскость» по многим параметрам конфликтно противостояла старомосковской, но, во-первых, она продолжала — пусть и отрицательно — находиться внутри культурного поля последней¹, а во-вторых, сам русский («российский») народ в ней не дискредитировался как «неполноценный» (наоборот, декларировалась вера в его огромные творческие силы), «неполноценными» объявлялись только его старые, «ветхие» формы существования, сама же «народная» (национальная) парадигма развития России сомнению не подвергалась.

Проще говоря, «петровские» русские продолжали считать, что они русские, не видели в этом ничего зазорного, более того, полагали, что их русскость гораздо более «прогрессивна», чем русскость «допетровская». Само сохранение русоцентричной структуры культурно-политического мышления принципиально важно, такая структура в принципе не может породить русофобию.

Довольно характерный образчик подобного самосознания являют собой, например, писания русского агента в Англии Ф.С. Салтыкова, забрасывавшего Петра разного рода проектами. Исследователи в один голос характеризуют его как «крайнего

западника», а некоторые даже видят в его рассуждениях «квинтэссенцию русского западничества, в которой *implicite* содержится вся его философия, теория и практика»². Салтыков мыслит русских как один из европейских народов, ничуть им не уступающий, а лишь несколько задержавшийся в своём историческом развитии, но отставание это способный легко преодолеть: «Российский народ такие же чувства и рассуждения имеет, как и прочие народы, только его довлеет к таким делам управить», чтобы «уравнять наш народ с европейскими государствами»³. Салтыков много чего предлагал утопического, но его пожелания по развитию просвещения и торговли уж точно антинациональными не назовёшь, а инициатива о необходимости «обрусения» инородцев явно говорит о русоцентричности мышления этого петровского сподвижника⁴.

Увлечение западной (прежде всего французской) культурой русским дворянством после Петра породило в её среде определённый культурно-психологический тип, дискурс которого вполне можно назвать русофобским: «петиметр — великосветский кавалер, воспитанный по-французски; русское для него не существовало или существовало как предмет насмешки и презрения»⁵. Следует, однако, отметить, что в творчестве культурной элиты и в государственной идеологии той эпохи указанный дискурс заметного следа не оставил, напротив, мы имеем в русской литературе второй половины XVIII в. обширный пласт текстов (Д.И. Фонвизина, А.П. Сумарокова, Н.И. Новикова, Екатерины II и др.),

¹ «Поведение Петра, под некоторым углом зрения, предстаёт не как культурная революция, но как анти-тексты, минус-поведение, находящееся в пределах той же культуры. <...> Поведение Петра, как это ни парадоксально, в большей степени не выходило за рамки традиционных представлений и норм: оно вполне укладывается в эти рамки, но только с отрицательным знаком» (Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Из истории русской культуры. Т. 3. М., 1996. С. 525).

² Алексеев Н.Н. *Русский народ и государство*. М., 1998. С. 120.

³ Павлов-Сильванский Н.П. *Проекты реформ в записках современников Петра Великого*. СПб., 1897. С. 22, 30.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Ключевский В.О. *Соч.*: в 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 154.

подобное умонастроение сатирически изничтожающих. Что говорит, с одной стороны, о реальной остроте проблемы, а с другой — о том, что данный тип не занимал господствующего положения в культуре, являя собой не мейнстрим, а некую крайность, причём общественно осуждаемую.

Другое дело, что в сознании даже представителей культурной элиты господствовало презрение к большинству русского населения — крестьянам, воспринимаемым как невежественные дикари и безгласный объект эксплуатации. Но здесь мы сталкиваемся с весьма сложной проблемой: как разграничить *социофобию* и *нациофобию*; где кончается социальный расизм и начинается национальный нигилизм? Безусловно, как *практика*, социальный расизм XVIII столетия вполне может быть назван русофобским. Но как *дискурс* всё же нет, ибо сами-то дворяне свою русскую идентичность не отрицали, полагая себя репрезентативной частью нации.

После же открытия в 1812 году «общенародного» образа нации (в котором крестьянство предстало воплощением аутентичной русскости) русофобия как дискурс в русской культуре могла иметь только глубоко маргинальный характер.

Характерно триумфальное шествие самих понятий «русский», «русское» — радикально отделившихся от прежнего «россиянства», оставленного в удел официозу, — в отечественной культуре (культуре социальных верхов по преимуществу) начиная именно с той поры. Скажем, «для творчества Пушкина зрелого периода употребление слов “Россы”, “Россияне” совсем нехарактерно (например, после 1819 г. “Россияне” упомянуты только три раза)»⁶. У Лермонтова, Тютчева, Тургенева, Толстого, Достоевского, даже у малоросса Гоголя только *русские* —

никаких «россиян». С.М. Соловьёв первый том своей «Истории России с древнейших времён» (1851) начинает рассуждением о «*русской истории*».

«Русским» становится всё: Церковь, армия, торговля, наука, музыка и т.д. Уже к середине XIX в. «россиянин» — очевидный архаизм. Иные энтузиасты предлагали полностью «русифицировать» даже официальный имперский дискурс. Так, в 1862 г. филолог С.П. Микуцкий писал фольклористу П.А. Бессонову (оба они активно участвовали и в общественно-политической жизни): «С XVI века педанты-грамотеи стали вводить в книжный язык речения: *Россия, российский*, — пора бы изгнать из официального слога эти педантские слова и писать: “Император и Самодержец всея Руси”, “Русская Империя”»⁷.

В конце столетия, в 1892 г., в статье «Великоруссы» Д.Н. Анучина в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 10) констатируется как свершившийся факт, что обозначения «малорусы» и «великорусы» «стали употребляться... с пятидесятих и шестидесятих годов отчасти вследствие оставления вообще искусственного и высокопарного имени “россияне”»⁸. В 1909 г. П.Б. Струве пишет: «Ни один русский иначе, как слегка иронически, не скажет про себя, что он “российский” человек...»⁹.

Разумеется, «русское» в дискурсивном поле не использовалось исключительно только с позитивными коннотациями, но оно очевидным образом сделалось конституирующим понятием культуры и политики Российской империи, что убедительно свидетельствовало о признании имперской эли-

⁷ Цит. по: Долбилов М. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 186–187.

⁸ Клосс Б.М. Указ. соч. С. 70–71.

⁹ Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 206.

той русской этнонациональной идентичности как базовой.

К началу 1860-х гг. ключевыми категориями картины мира русского общества стали понятия «народности», «народной самостоятельности», «самобытности». «Славянофильство восторжествовало»; «все теперь славянофилы»; «все мы ищем самостоятельности и самобытности»; идея народности «теперь у всех в уме и на языке»¹⁰, — писал в 1862 г. как о чём-то банальном, само собой разумеющемся И.Е. Забелин. При таком градусе национацентризма в русской культуре русофобии просто негде было разгуляться.

* * *

Всё сказанное выше резко противоречит укоренившимся массовым предубеждениям (которые, к сожалению, разделяются порой и весьма просвещёнными людьми) о том, что «хозяевами дискурса» в русской общественной мысли позапрошлого — начала прошлого столетия были злокозненные «западники-русофобы». Мне уже неоднократно доводилось писать об этом, но проблема столь важна, что я не боюсь повториться.

Чаще всего, по компетентному мнению современного знатока проблемы, «чёрную легенду» о русофобии западников питают «не какие-нибудь убеждения или суждения собственно западников, а образы, порожденные мышлением их критиков»¹¹.

В самом деле, неспециалисты чаще всего воспринимают западников по критическим инвективам их оппонентов, до крайности полемически заострённым. Но это то же самое, как если бы считать подлинным лицом славянофильства его отражение в кривом зеркале западнических филиппик. Ка-

рикутуры на идейных противников создавали обе стороны. Судить о реальных западниках по языковскому «К не нашим» («Вы все, — не русский вы народ!») столь же непродуктивно, как о реальных славянофилах по тургеневскому пассажи в поэме «Помещик» («От шапки-мурмолки своей / Ждёт избавленья, возрожденья; / Ест редьку, — западных людей / Бранит — и пишет... донесенья»).

В современной национал-патриотической публицистике из текста в текст кочуют одни и те же цитаты, взятые из вторых, а то и пятых рук. Все рекорды в индексе цитирования, естественно, бьёт неизбежный В.С. Печерин с его навязшим в зубах «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья, / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного денницу возрожденья!». Я далек от мысли записывать эмигранта и католического монаха в пламенные русофилы, но очень сомневаюсь, что кто-нибудь из его нынешних обличителей удосужился заглянуть в итоговую печеринскую книгу — «Замогильные записки», где автор покаянно называет эти строки (написанные им в самой ранней юности — в 18 лет! — под явным влиянием Байрона) «безумными»¹².

Важно отметить, что настроения Владимира Сергеевича не отличались постоянством, и в 1850 г. он уже обличал «болтливую и меркантильную» Европу, а в русских видел «новых варваров», призванных обновить ее «огнём и мечом»¹³. К тому же, по иронии судьбы, литературное возвращение Печерина на родину случилось благодаря его старинному другу славянофилу Ф.В. Чижову, и впервые, после тридцатилетнего перерыва, его тексты

¹⁰ Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1. М., 1872. С. 333–335.

¹¹ Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996. С. 74.

¹² Русское общество 30–40-х гг. XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М., 1989. С. 161.

¹³ См.: Мильчина В.С. Печерин В.С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 593.

появились в русской печати на страницах газеты И.С. Аксакова «День» в сопровождении прочувствованного предисловия издателя — признанного лидера тогдашнего славянофильства. Стали бы Чижов и Аксаков с заведомым русофобом якшаться!

Другой столп русофобии, по общепринятому патриотическому канону, — Чаадаев. Не питаю ни малейших симпатий к этой чрезвычайно неприятной фигуре, более того, признаю, что Первое философическое письмо — несомненно «русофобское высказывание» (или «русофобский текст»). Но комплексное изучение наследия Петра Яковлевича всё же не даёт оснований считать его мировоззрение последовательно русофобским. И дело не только в «Апологии сумасшедшего», где он патетически возвещает о великом будущем России. Давайте посмотрим на его позицию по текущим конкретным политическим вопросам, благо есть соответствующие тексты. Вот несколько цитат из статьи «Несколько слов о польском вопросе», написанной в 1831–1832 гг. (т.е. уже *после* окончания работы над всем циклом «Философических писем», созданным в 1828–1830 гг., но за несколько лет *до* публикации первого из них, — т.е., с одной стороны, «русофобская» историософия Чаадаева была к тому времени уже сформулирована, но с другой стороны — она ещё не была официально осуждена, так что эти пассажи не спишешь на конъюнктурное покаяние):

«В областях, присоединённых к Российской империи (не входящих в состав Царства Польского) и называвшихся раньше Литвой, Белоруссией и Малороссией, поляки составляют приблизительно пятидесятую часть всего населения. Остальные почти сплошь русские. Эти последние хранят еще свежую память о насилиях, выпавших на долю их отцов при польском владычестве, и питают к своим господам, пережитку прежнего строя, такую ненависть, что спасением своим

они отчасти обязаны русскому правительству. <...> Расчленять Россию, отрывая от нее силою оружия западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием. Сохранение их, впрочем, составляет для России жизненный вопрос. В случае, если бы попытались осуществить этот план, она в тот же час поднялась бы всей массой, и мы стали бы свидетелями проявления всех сил её национального духа. <...> Надо, наконец, вспомнить, что первоначально Российская империя была лишь объединением нескольких славянских племен, которые приняли свое имя от пришедших Руссов <...>, и что ныне ещё это всё тот же политический союз, обнимающий две трети всего славянского племени, обладающий независимым существованием и на самом деле представляющий славянское начало во всей его неприкосновенности»¹⁴.

Здесь нет даже намёка на русофобию — классический русский национализм, не иначе. То есть одно дело, когда Чаадаев абстрактно «историософствует», возможно желая эпатировать публику беспримерной резкостью *теоретических* суждений, другое — когда он обращается к «злобе дня», к проблемам, требующим *практического* и *однозначного* решения, — тут он ничем не уступает в русофильстве Каткову или Ивану Аксакову.

Следует ещё добавить в связи с Чаадаевым два слова о реакции образованного общества на публикацию его скандального сочинения в 1836 г. Обычно вспоминают о солдафонском вердикте Николая I, но ведь возмущена была практически вся культурная элита: Пушкин и Жуковский, Боратынский и Вяземский, В. Одоевский и А. Вельтман, М. Муравьев-Апостол и П. Киреевский и т.д. Но при том никто, даже будущий вождь славянофильства Хомяков, не прервал дружеских от-

¹⁴ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 514–515.

ношений с автором тезиса об исторической ничтожности России. Видимо, тогда люди понимали разницу между «руссофобским высказыванием» и собственно руссофобией.

* * *

Но если даже западники-«латинофилы» Печерин и Чаадаев не являли собой законченных руссофобов, тем более совершенной напраслиной будет возводить этот поклёп на «классических» западников, западников-либералов, которые вовсе не стремились разрушить Россию, а напротив, искренне хотели её процветания, путь к которому видели в подражании более прогрессивной (в материально-техническом плане так оно и было) Западной Европе, цивилизационно от России ими не отделяемой. Наиболее же «продвинутые» европейские страны в середине XIX столетия либо уже давно являлись (Англия) национальными государствами, либо стали ими совсем недавно (Франция), либо стремительно в них превращались (Германия). Большинство европейских либералов были неприкрытыми националистами, и русские либералы просто последовательно им подражали.

Говорят, дескать, западники выступали против «исторической России». Но что такое «историческая Россия»? Россия Николая I? То есть ничем не ограниченная автократия, крепостное право и зашкаливающее социальное неравенство. Но разве не заслуживает всё это как минимум критики (кстати, в обличении грехов николаевской России славянофилы повинны в неменьшей степени, чем западники)? Во всяком случае, такая критика полностью соответствует пункту 5 моего списка того, что руссофобией *не* является. Западники недолюбливали допетровскую Русь? Но это пункт 4 того же списка. Или Московская Русь есть эталон русскости? Но тогда и А.К. Толстого придётся в руссофобы занести. А кто-то, напротив, может инкрими-

нировать руссофобию славянофилам за отрицание Петербургского периода...

На мой взгляд, наследие русских западников необходимо радикально реабилитировать, ибо именно у них можно найти именно то понимание русскости, которое отстаивают сегодня национал-демократы: *русские — это европейский народ, имеющий право на европейский образ жизни.*

Вот, скажем, почтеннейший С.М. Соловьёв, историческую концепцию которого (равно как и концепцию В.О. Ключевского), помнится, один известный блогер-недоучка имел наглость назвать «руссофобской», пишет в своей работе «Древняя Россия» (1856): «...варварский народ тот, который сдружился с недостатками своего общественного устройства, не может понять их, не хочет слышать ни о чем лучшем; напротив, народ никак не может назваться варварским, если при самом неудовлетворительном общественном состоянии сознает эту неудовлетворительность и стремится выйти к порядку лучшему; при этом, чем более препятствий встречает он на своем пути к порядку, тем выше его подвиг; если он преодолевает их, тем более великим является такой народ перед историею. Итак, были ли наши предки варварами?»

Брошенные на край Европы, оторванные от общества образованных народов, в постоянной борьбе с азиатскими варварами, подпадая даже игу последних, русские люди неутомимо совершали свое великое дело, завоёвывая для европейско-христианской гражданственности неизмеримые пространства от Буга до Восточного океана, завоёвывая не оружием воинским, но преимущественно мирным трудом, русский народ должен был сам всё создавать для себя в этой стране, дикой и пустынной. Находясь в обстоятельствах самых неблагоприятных, предоставленные самим себе, предки наши никогда не утрачивали европейско-христианского образа. Ни один век

нашей истории не может быть представлен веком коснения; в каждом замечается сильное движение и преуспеяние. <...> Древних русских людей можно назвать передовым отрядом европейско-христианских народов, отрядом, выставленным на самое опасное, самое трудное место...»¹⁵.

Соловьёв правильно (и актуально для нас) акцентировал европейскость русского народа. Он (как и другие западники, представители т.н. «государственной школы» — Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин) ошибался в другом, полагая, что петербургское самодержавие само по своей воле захочет эту европейскость институционализировать. Что ж, как говорится, «никто не совершенен», но несовершенство ещё не есть признак русофобии...

Именно последний тезис почти три года назад я пытался доказать, полемизируя в газете «Литературная Россия» с амбициозным ловцом русофобов армавирским филологом Юрием Павловым по поводу В.Г. Белинского. Павлов бросился воевать с моей старой статьёй о национализме «неистового Виссариона»¹⁶. Нет, утверждал мой оппонент, не может быть русским националистом, а может быть только русофобом человек, который был плохо образован, допускал несправедливые упрёки в адрес славянофилов, питал слабость к картам и женщинам, недопонимал позднее творчество Пушкина, грешил «вульгарным социологизмом», увлекался (недолго) социализмом, отрицал (правда, только в теории) брак, был склонен к антиклерикализму и т.д. Я готов признать: всё перечисленное скорее недостатки, чем достоин-

ства, — но что в этом специфически русофобского? Просто для Павлова и ему подобных западник и либерал не может быть националистом и русофилом по определению, и поэтому он готов ему ставить любое лыко в строку.

Замечательно, что та дискуссия, длившаяся несколько месяцев с участием целого ряда писателей и литературоведов¹⁷, фактически доказала мою полную правоту: никто из обличителей Белинского не смог отыскать у него ни одной действительно русофобской цитаты. (Да, Белинский говорил о «гнусной расейской действительности», но это относилось не к онтологии русского человека, а к конкретным социально-политическим условиям его бытования 1840-х гг.) Но таких цитат и не могло быть, ибо для Виссариона Григорьевича ключевой категорией его мышления была та самая идея «народности», о которой говорилось выше, и применительно к литературе он был одним из её главных разработчиков. Более того, именно Белинский являлся одним из первых инициаторов употребления слова «нация» в русском языке в его современном значении («нация выражает собой понятие о совокупности всех сословий»), что бдительно пресекалось николаевской цензурой¹⁸.

В одной из своих поздних статей, имеющей характер духовного завещания, «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» (1847), критик недвусмысленно утверждал: «Что *личность* в отношении к *идее* человека, то *народность* в отношении к *идее* человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении

¹⁵ Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 16. М., 1995. С. 272, 274.

¹⁶ Сергеев Сергей. «Не хочу быть даже французом...». Виссарион Белинский как основатель либерального национализма в России. К 190-летию со дня рождения // Фигуры и лица. Приложение к «Независимой газете». 14 июня 2001. № 11 (74).

¹⁷ См.: Литературная Россия. 2010. № 14, 15, 17, 25, 29 и др.

¹⁸ См. подробнее: Миллер А.И. История понятия *нация* в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 2. М., 2012. С. 25–28.

к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики... <...> Человек силён и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность*. <...> Мы <...> решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью»¹⁹.

А вот из той же статьи собственно о русской «национальности»: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племён только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать. <...> В чем состоит эта русская национальность, — этого пока ещё нельзя определить; для нас пока довольно того, что элементы её уже начинают пробиваться и обнаруживаться сквозь бесцветность и подражательность, в которые ввергла нас реформа Петра Великого...

Не любя гаданий и мечтаний и пуще всего боясь произвольных, личных вы-

водов, мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе всё чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания...»²⁰.

В другой работе 1841 г. Белинский чётко и ясно формулирует символ веры всех либеральных западников: «...мы уже не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе»²¹.

Ну, если это русофобия, то я, как говорил один персонаж Диккенса, готов съесть свою голову...

Есть, правда, у другого известного западника один компрометирующий западничество пассаж. Я имею в виду И.С. Тургенева и монолог одного из героев его романа «Дым» (1867) — Потугина, который себя так прямо и характеризует: «Да-с, да-с, я западник...» Потугин весьма нелицеприятно высказывается о значении современной ему России для мировой цивилизации: «Посетил я нынешнюю весной Хрустальный дворец возле Лондона; в этом дворце помещается, как вам известно, нечто вроде выставки всего, до чего достигла людская изобретательность, — энциклопедия человечества, так сказать надо. Ну-с, расхаживал я, расхаживал мимо всех этих машин и орудий и статуй великих людей; и подумал я в те поры: если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца всё то, что тот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 57.

¹⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1954. С. 21, 19.

в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своём месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы. Подобного опыта даже с Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошние жители какие-то лодки да копья изобрели: посетители заметили бы их отсутствие».

Но, во-первых, это всё же не слова автора, а персонажа. Разумеется, Тургенев вложил в Потугина и часть себя, но его мировоззрение к «потугинщине» не сводимо, оно, как и мировоззрение тогдашней русской культурной элиты, националистично²². Во-вторых, и сам Потугин по-своему любит Россию и жить без неё не может: «Да-с; я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину. Я теперь вот её покинул: нужно было проветриться немного после двадцатилетнего сидения за казенным столом, в казенном здании; я покинул Россию, и здесь мне очень приятно и весело; но я скоро назад поеду, я это чувствую. Хороша садовая земля... да не расти на ней морожке!»

И ведь суть претензий Потугина к родине не в том, что она *не способна в принципе* создать что-либо великое во благо мировой цивилизации, а в том, что *пока она этого не создала*. Это не ненависть, а ревнивая обида за то, что самое дорогое для него не так хорошо, как хотелось бы.

²² Причём порой в неожиданно биологизаторской трактовке, достойной А.Н. Севастьянова. Например, в тургеневских воспоминаниях о Белинском последний описывается так: «Его выговор, манеры, телодвижения живо напоминали его происхождение; вся его повадка была чисто русская, московская; недаром в жилах его текла беспримесная кровь — принадлежность великорусского духовенства, столько веков недоступного влиянию иностранной породы» (Тургенев И.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1962. С. 78).

* * *

Раз уж в либеральном западничестве трудно найти признаки русофобства, тем более последнее не могло хоть сколько-нибудь заметно присутствовать и в самом влиятельном направлении русской дореволюционной мысли — *народничестве*, во всех его многочисленных и разнообразных изводах.

Начнём с того, что главного протагониста народничества А.И. Герцена если и нельзя однозначно определить *только как русского националиста*, но точно не будет натяжкой сказать: *он был и националистом тоже*. Ему явно присущ националистический дискурс, во многом наследующий традициям дворянского национализма первой четверти XIX в. Для него естественна именно националистическая, а не космополитическая картина мира: «Народы любят соотечественников — это понятно, но что такое любовь, которая обнимает всё, что перестало быть обезьяной, от эскимоса и готтентота до далай-ламы и папы, — я не могу в толк взять... что-то слишком широко»²³. И в этой картине мира Герцена, в сущности, интересует только одно — Россия и русские. Нигде не найти у него хоть каплю русофобии.

Александр Иванович последовательно отделяет свою ненависть к «чудовищному петербургскому правительству» от любви к русскому народу. «Я страшно люблю Россию и русских», — повторяет он постоянно в своих сочинениях и письмах. Он верит в великую всемирную миссию своей страны и своего народа, «народа будущего»: «Судьба России колоссальна... Я вижу это помазание на нашем челе». Но при этом у него нет мазохистских деклараций о том, что русские должны отречься от себя ради этого великого будущего.

²³ Герцен А.И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 312.

Живя в эмиграции, Герцен постоянно подчёркивает свою русскость и свою чуждость Европе. «...Я физиологически принадлежу другому миру»²⁴, — говорит он в письме Моисею Гессу. Наконец, что важнее сорока тысяч теорий, он не желает, чтобы его дети стали иностранцами, постоянно напоминая им об их национальных корнях: «...доволен я и тем, — пишет он дочери о её отношениях с европейцами, — что ты наконец поняла, <...> что все эти хорошие люди *чужие*. <...> Итак, друг мой, оставайся в душе русской девушкой и храни в себе это чувство родства и сочувствия к нашей форме»²⁵. Он надеется, что после его смерти они вернутся на Родину. Да, дети не выполнили завет отца (хотя и русскости тоже не утратили), но внук Александра Ивановича — Петр Александрович (1871–1947) переехал в Россию и стал одним из основоположников клинической онкологии в СССР.

Характерно, что, воюя с самодержавием, Герцен всячески стремится подчеркнуть его нерусскую или даже антирусскую природу, оно для него — «татарско-немецкое». Постоянная мишень для его критических стрел — немецкое окружение Романовых²⁶.

Да, Герцен — социалист, но его социализм был именно *русским*, цель которого — благо русских, а не какой-нибудь «Интернационал». В этом смысле Герцена вполне можно назвать русским левым националистом. Сходного образа мыслей держались и другие отцы-основатели «русского социализма» — М.А. Бакунин и Н.П. Огарёв.

У собственно народников — от П.Л. Лаврова до В.Г. Короленко — этот националистический концепт

либо отсутствовал, либо был очень сильно приглушён, они позиционировали себя как движение, отстаивавшее интересы социальных низов. Но — воленс-ноленс — получалось, что народники отстаивали интересы *русских* социальных низов, каковые составляли большинство населения империи, а конкретнее — *русского крестьянства*.

Народников можно обвинить во многих грехах, например, в антигосударственничестве, но никак не в русофобии, напротив, именно они (вместе с Достоевским и Толстым) создали слащаво-восторженный культ русского крестьянина как невинного, смиренного страдальца, вмещающего в себя все возможные добродетели. Кроме того, по народнической логике, Россия призвана опередить Европу на пути построения нового, светлого социалистического мира, что сообщало данной доктрине отчётливый привкус квазиславянофильского «самобытничества» (недаром Г.В. Плеханов определял народничество как «незаконное дитя славянофильства») и тоже не способствовало возникновению русофобских настроений, наоборот, провоцировало настроения русофильские.

Даже у таких наследников народничества как эсеры (в руководстве которых было немало евреев) это русофильство легко прослеживается (особенно ярко, конечно, на примере Б.В. Савинкова). Вот, скажем, характерная цитата из письма 1916 г. эсерки-максималистки Н.С. Климовой, участницы знаменитого теракта на Аптекарском острове (1906): «...Я знаю, что я имею ещё что-то, чего нет у madame Ruecht [некая швейцарская дама, письмо написано из эмиграции в Швейцарии], что-то очень большое и важное, что мне дала ленивая и пьяная Россия, и что это что-то есть самое большое и важное на свете. Когда я думаю о будущем России, о той России, которая проснётся и начнёт по-настоящему, по-европейски рабо-

²⁴ Там же. Т. 9. М., 1958. С. 380.

²⁵ Там же. С. 484.

²⁶ Об этом я уже писал подробно в статье «“Хозяева” против “наёмников”». Русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 56–57.

тать, то у меня от радости кружится голова»²⁷.

То есть, несмотря на констатацию русских недостатков («ленивая и пьяная Россия»), Климова совершенно уверена в великом будущем своего народа, потому что в нём — даже в его наличном, далеко неидеальном состоянии — есть мистическое «ещё что-то», отсутствующее у трудолюбивых и трезвых европейцев.

Показательно, что эсерам симпатизировали такие выдающиеся творцы русской культуры с ярко выраженным национальным мировоззрением как Александр Блок и Андрей Белый (отчасти и Сергей Есенин). Так же как, разумеется, не случайна победа эсеров на выборах в Учредительное собрание и их популярность в среде (даже зажиточных) крестьян и сельской (прежде всего учительской) интеллигенции.

* * *

Подлинный взрыв того, что можно было бы назвать русофобией, мы видим в сочинениях, дневниках, письмах русских писателей и интеллектуалов 1917 — начала 1920-х гг. Причём содержательно пассажи этих очень разных авторов на удивление схожи, но поскольку в большинстве случаев всё это писалось в стол, заподозрить прямое взаимовлияние невозможно.

И.А. Бунин (из дневника 1917–1918 гг.): «С револьвером у виска надо ими править. <...> Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством — не могут, *не хотят* за всю историю. <...> Это этот-то народ, дикарь, свинья, грязная, кровавая, ленивая, презираемая ныне всем миром, будет праздновать *интернационалистический* праздник. <...> Будь проклят день моего рождения в этой стране!»²⁸.

²⁷ Цит. по: Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012. С. 142.

²⁸ Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 42, 59, 60.

В.В. Розанов («Апокалипсис нашего времени», 1918 г.):

«Благородное на Руси — всё от татар. Славянская кровь — вонюча».

«Явно, Чаадаев прав *с его отрицанием России*, которая умеет только пускать сопли на ту дудку, которую держит во рту».

«Все вообще русские, племя слабое, ничтожное. Племя глупое и варварское. “Земля наша велика и обильна”, но чумичка, обетовавшая на ней, не умела ни пахать земли, ни разводить садов, ни ухаживать за скотом. Она, видите ли, всё “молилась” и под предлогом молитвы ничего не делала. Любили же тучную землю одни колонисты, пришельцы, — евреи, немцы, латыши, татары. <...> И вот, пришёл час предложить ужасный вопрос <...>: “Кто истинное дитя отечества, тот ли, кто вечно жил на ней — только гадил свою землю, гадил и ругал, гадил и *проклинал*...” <...> или: кто подвизывал тихо ягодку-малинку к яголке-малинке, собирал грибы благочестивые, копил сметанку милую, творог делал, доил коровку, холил лошадку. Это — евреи, немцы, латыши. <...> Так вот моё слово <...>: убирайтесь же вы к чёрту с русской земли, Ивановы и Александровы, и отдайте её Генрихам и Соломонам. Ибо они одни были честные в русской земле. *Эй, берите землю, немцы*, — и гоните русскую сволочь»²⁹.

С.Н. Булгаков (из письма П.А. Флоренскому, 1922 г.): «В теперешнем виде русский характер не годится никуда: это — кисель без всякого костяка, это, действительно, *рабье* состояние...»³⁰.

М.О. Меньшиков (из дневника 1918 г.): «Англия, Германия, Франция... это звучит гордо. Соединенные Штаты — это звучит богато и могуче. Италия, Испания, Греция — зву-

²⁹ Розанов В.В. Собр. соч. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 337, 347, 357.

³⁰ Переписка священника П.А. Флоренского со священником С.Н. Булгаковым. Томск, 2001. С. 186.

чит красиво. Даже Китай, Япония, Индия дали великие цивилизации, даже Аравии и Египту есть чем похвалиться. <...> А Россия? “Ничего”. <...> Самовар, квас, лапти. <...> Только в прикосновении с Европой Россия как будто стала принимать облик культурной страны. Но вспомните горькое пророчество Руссо о России (“сгнила, раньше, чем созрела”). <...> И в XIX веке мы ничего не дали более знаменитого, чем нигилизм. И в XX в. ничего, кроме оглушительного падения в пропасть. <...> Верю в то, что потеря независимости даёт нам необходимое освобождение от самих себя. Ибо не было и нет более подлых у нас врагов, как мы же сами. Вяжите нас — мы бешеные! Земля, это точно, велика и обильна, но порядка нет, а потому придите бить нас кнутом по морде! Даже этой простой операции, как показал опыт, мы не умеем делать сами»³¹.

Историк С.Б. Веселовский (из дневника 1918 г.): «Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов и поддерживал ее выносливостью, плодовитостью и покорностью, а не способностью прочно усваивать культурные навыки, вырабатывать свое право и строить прочные ячейки государства. <...> Мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса»³².

Историк Ю.В. Готье (из дневни-

ка 1917 г.): «Большевики — истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова, Сухомлинова — это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены. <...> Мы годны действительно только, чтобы быть навозом для народов высшей культуры, и в нашей культуре были правы только отрицатели, начиная с Курбского, Хворостинина и кончая Чаадаевым, Печериным и т.п.»³³.

По всем критериям, эти иеремиады, принадлежащие, как на подбор, авторам, национально мыслящим, а то и во все форменным русским националистам, — просто классика русофобии, такого накала и концентрации она до того в русской культуре не знала. И тем не менее это всего лишь «руссофобские высказывания», ибо здесь принципиально важен исторический контекст — время, когда у русской культурной элиты возникло поистине апокалиптическое ощущение «полной гибели всерьёз» России и русского народа. Перед нами вопль отчаяния людей, все основания жизни которых разбились в прах, которые вместо русско-европейской России узрели вдруг «ожидовевшую Азию»³⁴. Чувствуется во всех этих проклятиях в адрес своего народа некий мазохистский надрыв, самоистязание, расцарапывание ран. Во всяком случае, мне кажется, у нас нет морального права судить людей, попавших в исторический ад (хотя и подражать им тоже не стоит).

Тем более что практически у любого из них — в тех же самых текстах — рядом с безысходностью вдруг появляется надежда: кто-то ждёт победы белых, кто-то духовного возрождения, кто-то (как Булгаков) видит якорь спасения в католицизме... Но для всех них русский народ оставался главной

³¹ М.О. Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. Т. 4. М., 1993. С. 12–13.

³² С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010. С. 229, 235.

³³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 13, 14.

³⁴ Там же. С. 259.

ценностью (по крайней мере, в пределах земного бытия). Как написал Бунин в «Окаянных днях»: «Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?»³⁵. Или же Розанов в письме к П.Б. Струве (февраль 1918): «...люблю и люблю только один русский народ, исключительно русский народ. <...> Клянусь и проклинаю. И только эту “вошь преисподнюю” и люблю. И хочу — сгнить, сгнить — с нею одной, рыдая об этой его окаянной вшивости»³⁶.

Никто из них не отрёкся от звания *русского* писателя, историка, священника... А некоторые (как Меньшиков) и жизнью за эту верность заплатили.

* * *

Так что же получается: в досоветской русской культуре русофобия как артикулированный, последовательный дискурс отсутствовала?

Выходит так, если, конечно, следовать критериям русофобии, предложенным в начале этой статьи. Теоретически можно предположить, что имелись какие-то маргинальные явления, данным критериям отвечающие, о которых, может быть, что-то знают очень узкие специалисты, но даже если такие явления и обнаружатся, то это лишь косвенным образом подтвердит напрашивающийся из моего исследования вывод.

Но, собственно, по-другому и быть не могло. Русская классическая культура, как и любая другая европейская культура того времени, была сущностно национацентрична, следовательно, применительно к отечественным реалиям, *русоцентрична*. Да, существовали разные версии русоцентризма, но отвергать его вовсе мог себе позволить только заведомый и безнадежный маргинал.

Отрицали государство, социальную систему, те или иные периоды истории (или даже *всю* историю), но на народ, как на субстанцию национального, не покушались. Ибо, во-первых, подобные покушения жёстко карались общественным остракизмом (например, такой властитель дум как Салтыков-Щедрин подвергся резкой критике со стороны вполне «прогрессивного» тогда А.С. Суворина за то, что в «Истории одного города» посмел высмеять не только градоначальников «города Глупова», но и самих «глуповцев»). А во-вторых, радикальное отрицание русскости, по логике, явилось бы и самоотрицанием самих отрицателей, в принципе не мысливших себя в рамках иной, кроме русско-национальной, идентичности. Даже такие проповедники приоритета религиозных ценностей над национальными как К.Н. Леонтьев и Вл. С. Соловьёв эту идентичность безоговорочно признавали. Наконец, даже Ленин в 1914 г. был вынужден прикрывать пораженческую позицию своей партии некой особой формой «*национальной гордости великороссов*».

Из крупных фигур вплотную приблизился к русофобии как дискурсу разве только Горький, но и он не выдерживал его до конца и, скажем, в декабре 1917 г. мотивировал своё неприятие деятельности большевиков именно её антирусским характером:

«Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ.

Мы, русские, народ, ещё не работавший свободно, не успевший развить все свои силы, все способности, и когда я думаю, что революция даст нам возможность свободной работы, всестороннего творчества, — моё сердце наполняется великой надеждой и радостью даже в эти проклятые дни, залитые кровью и вином.

Отсюда начинается линия моего решительного и непримиримого расхождения с безумной деятельностью народных комиссаров.

³⁵ Бунин И.А. Указ. соч. С. 101.

³⁶ Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 681.

Я считаю идейный максимализм очень полезным для расхлябанной русской души, — он должен воспитать в ней великие и смелые запросы, вызвать давно необходимую дееспособность, активизм, развить в этой вялой душе инициативу и вообще — оформить и оживить её.

Но практический максимализм анархо-коммунистов и фантазёров из Смольного — пагубен для России, и прежде всего — для русского рабочего класса.

Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой учёные-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обречённый на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть.

Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают её в жертву своей грёзе о всемирной или европейской революции»³⁷.

Да, позднее Горький пойдёт с большевиками на капитулянтскую мировую (хотя композитор Г.В. Свиридов вспоминал, что после приезда писателя в СССР русской творческой интеллигенции стало жить несколько легче), но в приведённой выше цитате прекрасно сформулировано принципиальное противоречие между теми русскими интеллигентами, которые поддержали Октябрьскую революцию, видя в ней *русскую национальную революцию*, несущую для русского народа *«возможность свободной работы, всестороннего творчества»*³⁸, и «фантазёрами

из Смольного», которым *«нет дела до России»* и которые грезят о *«всемирной революции»*.

Такие выдающиеся представители русской культуры как А. Белый, А. Блок, С. Есенин, Р. Иванов-Разумник, Н. Клюев, Н. Кондратьев, А. Чаянов и др. в своей поддержке Октября исходили из левонароднических, а отнюдь не большевистских воззрений. Но практически все они очень скоро оказались с коммунистическим режимом в конфликте, который для многих из них закончился гибелью. В 1931 г. партийный критик О.М. Бескин, директивно и издевательски обвиняя т.н. крестьянских поэтов (Клюева, С. Клычкова, П. Орешина) в таких страшных преступлениях как «славянофильство», «русопяительство», «погружение в глубины “народного духа” и красоты “национального фольклора”», а главное, в именовании СССР — «Советской Русью», предельно откровенно обнажил суть этого конфликта, как бы подтверждая горьковский диагноз 1917 г.: «великодержавнику Клычкову никогда не понять, не дойти до того, что **Октябрьская революция — не русская революция**»³⁹.

* * *

Подлинная русофобия впервые стала влиятельным дискурсом в России только после Октября 17-го. Более того, она надолго стала *господствующим*, официозным дискурсом. И именно потому, что большевистская революция была — не по причинам, не по действующим социальным силам, а *идеологически* — *«не русской революцией»*.

И дело тут не в марксизме как таковом (у меньшевиков, особенно у Плеханова, мы особого национал-нигилизма не наблюдаем) и не только в инородческом засилье в большевистском руководстве (как уже упоминалось выше,

³⁷ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 96.

³⁸ См. подробно об этом широко распространённом умонастроении: *Азурский Михаил*. Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 19–56.

³⁹ Цит. по: *Вдовин А.И.* Русский народ в XX веке. М., 2013. С. 74.

среди эсеровского руководства инородцев было тоже достаточно), наконец, даже не только в фанатическом интернационализме ВКП(б). Всё вышперечисленное сумело так мощно активироваться исключительно благодаря захвату большевиками власти, которая, по ленинскому определению, «валялась на улице».

Лишь опираясь на рычаги государственного воздействия — от контроля за продовольствием и образованием до массовых расстрелов, представители маргинальной политической секты сумели сделать своё мировоззрение признаваемым, а главное, *выгодным*, — поэтому его бросились пропагандировать как те, кто раньше держал своё экзистенциальное русоненавистничество при себе, так и просто беспринципные рыцари карьеры, которых всегда много в любой стране в любую эпоху. Мировоззрение, в котором национальное вообще — а русское в первую очередь — не являлось ценностью, а напротив — тем, что нужно *как можно скорее* преодолеть.

«Как можно скорее» здесь очень важно, ибо большевистская программа была завязана на немедленную мировую революцию, для которой национальное самосознание самого большого народа России представляло главнейшее препятствие. «Мы руководствуемся не национализмом, но интересами мировой революции» — так формулировал в 1921 г. принципы внешней политики Советской России наркоминдел Г.В. Чичерин⁴⁰.

Позднее на этот концепт наслонилась политика привлечения симпатий национальных окраин, основанная на сознательно и планомерно осуществляемой «позитивной дискриминации» русского Центра в их пользу⁴¹.

⁴⁰ Военно-исторический журнал. 1990. №7. С. 28.

⁴¹ См.: *Мартин Терфи*. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. М., 2011.

На окраинах проводилось активное нациостроительство, для русских даже национальный дискурс был запрещён почти абсолютно⁴².

В результате, говоря словами отнюдь не русского националиста, а современного объективного немецкого исследователя, лидеры большевизма — прежде всего Ленин и Бухарин — сформулировали официальную государственную доктрину, согласно которой, «русский народ должен расплачиваться за свои прежние привилегии и шовинизм»; «русские зачислялись теперь в разряд угнетающей нации, несмотря на то, что до 1917 г. русские крестьяне едва ли в большей мере чувствовали своё родство с правящей элитой, чем сельские жители в нерусских регионах России»; «русская нация <...> предстала в отталкивающем облике некоего союза угнетателей»⁴³.

То есть марксистами-большевиками были забыты всякие классовые критерии — *русских дискриминировали именно как русских*, это в равной степени касалось и интеллигенции, и крестьянства (а по большому счёту, и рабочего класса). Таким образом, большевики радикально разорвали с народнической традицией. М.М. Пришвин записал в дневнике 1920 г. характерный разговор с Л.Б. Каменевым: «...говорил ему о [большевистском] “свинстве”, а он в каких-то забытых мной выражениях вывел так, что они-то (властители) не хотят свинства и во все они не свиньи, а материал свинский (русский народ), что с этим народом ничего не поделаешь». Очевидно, этот разговор произвёл сильное впечатление на писателя, ибо он вернулся к нему

⁴² Л.Я. Гинзбург отметила в своих записных книжках (1926): «У нас сейчас допускаются всяческие национальные чувства, за исключением великороссийских» (*Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. СПб., 2011. С. 380).

⁴³ *Баберовски Йорг*. Красный террор. История сталинизма. М., 2007. С. 70.

в дневнике в следующем году, увидев в тезисе своего собеседника отрицание всего прежнего интеллигентского дискурса о «народе»: «Каменев мне сказал, что декреты хороши, а народ плох. Раньше мы говорили, что хорош народ, дурно правительство, теперь хорошо правительство, дурён народ»⁴⁴.

Поэтому история СССР как минимум до 1941 г. — это в том числе и история борьбы коммунистического режима с русским большинством страны, которое, в свою очередь, этот режим своим не считало⁴⁵.

В программной работе вождя партии и председателя правительства о русских — без всяких попыток их социальной дифференциации — говорилось как о «*так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда)*»⁴⁶. Главный теоретик партии Н.И. Бухарин вплоть до 1936 г. печатно пропагандировал концепцию «русские — “нация обломовых”» и бдительно боролся с любыми проявлениями «великорусского шовинизма» (в том числе и в поэзии Есенина — см. статью 1924 г. «Злые заметки»). Наркомпрос А.В. Луначарский задачу советского образования видел в том, чтобы русские, «если у них есть предубеждение в пользу русского народа, русского языка или русского села <...> должны осознать,

что это чувство — самое неразумное предубеждение»⁴⁷. Замнаркомпрос, практически официальный руководитель советской исторической науки М.Н. Покровский объявлял, что «“русская история” — есть контрреволюционный термин», и доказывал, что «великорусская народность» — фикция буржуазных историков. Целый хор «пролетарских поэтов» — Демьян Бедный, А. Безыменский, Джек Алтаузен, В. Александровский, А. Ясный и проч. (имя им легион...) — на разные лады проклинал само «*растреклятое*» слово «Русь», «*чтоб слова такого не вымолвить ввек*» (Безыменский).

В мою задачу не входит подробный анализ большевистской русофобии, ибо тема данной статьи — возможность *русской* русофобии, а русофобия 1917 — середины 1930-х гг. — *нерусская* русофобия. И не потому, что её создатели и исполнители — инородцы (хотя, разумеется, она дала инородческим фобиям и претензиям официальное прикрытие)⁴⁸; те же Бухарин⁴⁹, По-

⁴⁴ Пришвин М.М. Дневники 1920–1922 гг. М., 1995. С. 116, 169.

⁴⁵ «Уже Ленин отмечал, что большевики подобны меньшинству оккупантов в завоеванной стране и соответственно ведут себя. <...> Советское государство с самого начала приобрело исключительно антинародный характер, что дало Николаю Верту полное право озаглавить свою <...> статью <...> “Государство против своего народа”» (*Грациози Андреа*. Война и революция в Европе: 1905–1956. М., 2005. С. 215).

⁴⁶ Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // ПСС. Т. 45. С. 359.

⁴⁷ Цит. по: Хоскинг Джеффри. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 90.

⁴⁸ По замечанию знавшего ситуацию не понаслышке советского поэта еврейского происхождения Д. Самойлова, если до революции «еврейские интеллигенты шли в Россию с понятиями об обязанностях перед культурой», то еврей-большевики «шли с ощущением прав, с требованием прав и реванша» (Цит. по: Костырченко Г.В. Сталин против космополитов. Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 37).

⁴⁹ «Бухарин испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому и, пожалуй, из всех лидеров большевистской партии наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма. <...> Это было нечто экзистенциальное, некая национальная самоненависть, национальный нигилизм» (*Агурский М.* Указ. соч. С. 207). В 1924 г. эмигрант из России И. Британ опубликовал за рубежом текст письма, авторство которого рядом авторов приписывается

кровский, Александровский — этнические русаки. А потому что она основана на принципиальном отказе от самого понятия «русскость». Таким образом, ответ на поставленный в заглавии вопрос таков: *русская русофобия невозможна, она возможна лишь у нерусских или русских, не желающих быть русскими, — следовательно, тоже нерусских.*

Ленин в прошении о выдаче советского паспорта написал: «*Национальности нет*»⁵⁰. По-моему, надо с доверием отнестись к самоидентификации «*вождя мирового пролетариата*».

* * *

Естественно, русофобия в качестве государственной идеологии в стране, где русских — большинство, долго не смогла продержаться. С середины 30-х

Бухарину, в котором очень ясно определено отношение большевиков к России и русскому народу (и даже если письмо — апокриф, разница формулировок, содержащихся в нём, и большевистского официоза не столь уж велика): «Для меня современная Россия, т.е. С.С.С.Р., это — случайная, временная территория, где пока находимся мы и наш Коминтерн <...> Как вы не понимаете, что то, что дорого вам, — некая абсолютная самоцель (“Россия”, “Русь”), нас интересует лишь поскольку речь идёт о материале и о средствах для мировой революции? <...> Да, ваша Россия, конечно, погибает, в ней теперь нет ни одного класса, коему когда-либо и где-либо жилось пакостнее, чем в нашем совдепском раю <...>; мы экспериментируем над живым, всё ещё, чёрт возьми, живым народным организмом, как первокурсник-медик “работает” над трупом бродяги, доставшимся ему в анатомическом театре... <...> “Народ безмолвствует”... И будет молчать, ибо он, голубчик, не “тело Христово”, а стадо, состоящее из скотов и зверей. <...> На Россию мне *наплевать*, слышите вы это — *наплевать*, ИБО Я БОЛЬШЕВИК!!» (Наш современник. 1990. №8. С. 156–157, 159).

⁵⁰ См.: Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 89.

происходит некоторая «русификация» большевистской риторики⁵¹, наконец, Великая Отечественная война окончательно утверждает русскую идентичность (в советской «упаковке») в числе официально признанных ценностей. После этого открытая русофобия снова становится явлением маргинальным, уходит в диссидентские кружки (где не последнюю роль играли потомки «комиссаров в пыльных шлемах»), сам- и тамиздат, поменяв, правда, идеологическое обрамление — с коммунистического интернационализма на либеральный космополитизм.

Именно этот дискурс и стал отправной точкой для критического анализа в работе И.Р. Шафаревича. Именно он в конце 80-х сделался одним из важнейших элементов идеологии «демократов», а затем и официоза первых лет ельцинского правления. Но уровня общественного влияния и институционализации 20-х годов ему всё же достичь не удалось.

И коммунистическая, и либеральная русофобия сегодня, по сути, мертвы, будучи уделом небольшой кучки «изряднопорядочных». Но на наших глазах государственной идеологией становится новая — на сей раз, как это ни парадоксально, патриотическая — форма русофобии, замешенная на «россиянстве» и «евразийстве». При всей разнице с предшественницами суть её та же — отрицание русскости как базовой идентичности русских, растворение русскости в некоем наднациональном проекте. Но эта замаскированная великодержавной болтовнёй версия русофобства может стать гораздо опасней большевистской, ибо

⁵¹ Впрочем, Г.В. Свиридов вспоминает, что и во второй половине 30-х «слово “русский” было совершенно под запретом, как и в 20-е годы. <...> Впервые я услышал это слово в названии пьесы Симонова “Русские люди” уже во время войны, когда потребовалась (и обильно!) кровь» (*Свиридов Георгий*. Музыка как судьба. М., 2002. С. 423, 210).

основывается на широко применяемой практике замещения русского населения выходцами из бывших советских среднеазиатских республик.

Думаю, чем больше будет смещаться этнический баланс в РФ в пользу «евразийских братьев», тем откровенней и циничнее станут откровения очередных дерусификаторов России.

P.S.

Эта статья была уже написана, когда в Интернете появился «одобрямс» по поводу инициативы В.В. Путина о едином школьном учебнике истории, принадлежащий советнику президента Чечни Тимуру Алиеву:

«Нет даже смысла говорить о возможной поддержке или не поддержке данного предложения. Если мы думаем о будущем нашей страны, то инициатива президента — неизбежность, которая произойдет рано или поздно. <...> История Москвы — это скорее история Руси. Не случайно сторонники величать жителей РФ русскими кивают на учебники, утверждая, что история нынешнего российского государства — это история русских людей. Однако чтобы называться гражданами России, чтобы стать россиянами, нам нужен иной бэкграунд. Иначе мы так и останемся то ли русскими, то ли

москвичами (москвитами). Мы никогда не станем россиянами, не создав общей истории — истории всех территорий, ныне входящих в состав российского государства. <...> Разве на территории нынешней России существовало только Московское царство? А Тверское великое княжество, Булгария, Золотая Орда с Синей и Белой, Великое княжество Литовское? Разве мы, сегодняшние, не потомки людей, что некогда населяли те территории? И разве нынешняя Российская Федерация, подобно полноводной реке, вбирающей в себя ручейки и речушки, не впитала в себя опыт, политическую и этническую культуру всех тех мест?»⁵².

Что ж, грамотно сделано. Начинается с типичного восточного верноподданничества, а затем под камуфляжем «отказа от москвоцентризма» (тема на самом деле важная и актуальная) протаскивается отказ от *русоцентризма*. И что-то мне подсказывает, что не в пользу «Тверского великого княжества», а в пользу «Золотой Орды с Синей и Белой», а то и чеченского Имамата.

⁵² <http://vz.ru/opinions/2013/3/1/622621.html>

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

«РУССКИЙ КОМПЛЕКС»

К истории русофобии в Германии

Я не желаю быть втянутым в войну
с Россией из-за сотни тупых юнкеров.

Вильгельм II

Отношение немцев к России и русским представляет собой довольно динамичный, часто парадоксальный комплекс представлений, в котором намешано очень много различных оттенков чувств и противоречивых свойств¹: от взаимного притяжения — до отчуждения и полного отторжения. Их невозможно описать в одной статье уже из-за обилия постоянных изменений и дополнений — в ходе постоянных контактов, столкновений и конфликтов между нашими государствами, народами и культурами на протяжении как минимум трех веков. Здесь мы попытаемся кратко рассмотреть некоторые исторические аспекты и структурные элементы такого явления, как немецкая русофобия, всплески которой неизменно сопровождали отношения двух стран, особенно во времена их обострения и разрыва нормальной коммуникации последними².

¹ За рамками данной статьи остались такие важные темы, как «Германия и большевизм», «Нацистская русофобия», «Антирусские настроения в ФРГ в годы “холодной войны”» и др. Каждая из этих тем заслуживает отдельного рассмотрения.

² За исторически небольшой период времени Петр I связал брачными узами с немецкими династиями своих детей и племянниц: Анна Иоанновна была выдана за

Исторические корни немецкой русофобии

Русофобия в Германии, как и все феномены немецкого политического дискурса, имеет свою давнюю историю, в которой можно выделить несколько основных этапов. Впервые проблема России в немецком общественном сознании возникает вместе с внезапным появлением русских в «европейском концерте» в качестве нового мощного геополитического игрока в ходе и результате Северной войны. Тогда всю Европу впечатлил как «династический залп» Петра I по немецким княжествам³, так и последовавшее за этим втягивание империи Романовых

герцога Курляндского Фридриха Вильгельма (1710); Алексей Петрович женился на Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1711); Екатерина Иоанновна вышла замуж за герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского (1716); Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский стал мужем Анны Петровны (1725). Впоследствии браки с немецкими принцами и принцессами стали традиционными для династии Романовых.

³ Примечательно, что Елизавета Петровна, быстро утратившая интерес к управлению государством, рассматривала внешнюю политику на европейском направлении именно как продолжение семейных отношений с немецкими князьями. См.: *Анисимов Е.В., Эйдельман Н.Я.* В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988.

в семейные и внутривластные дела мелких государств Германии⁴.

Следующим событием, радикально повлиявшим на восприятие России немцами, стала Семилетняя война, закончившаяся для Пруссии скорее «чудесным спасением», нежели реальным результатом военных действий⁵. Именно тогда, в 1760 г., берлинцы впервые увидели казаков, о которых немедленно появились первые мифы...⁶

Здесь следует заметить, что, несмотря на брачные узы и близкое родство с правящими династиями других германских княжеств (Баден, Вюртемберг, Гессен, Гольштейн, Ольденбург и др.) Дома Романовых, именно прусский взгляд на Россию стал доминирующим при формировании общенемецких представлений об «угрозе с Востока». Это объясняется уже тем обстоятельством, что с 1795 г. Пруссия и Россия даже формально имели общую границу, а непосредственное соседство таких мощных игроков европей-

ской политики неизбежно порождало взаимную озабоченность возможными военными угрозами и вследствие этого — повышенную подозрительность и внимание друг к другу.

Немецкие историки в этой связи даже говорят о «политически-невротической напряженности», существовавшей между двумя странами и представлявшей собой колебание «между страхом и восхищением, фобийным защитным отталкиванием и страстным притяжением, причем встречными и зачастую взаимопереплетенными»⁷.

Важную роль в данном контексте сыграло одно из последствий ликвидации Речи Посполитой: с исчезновением Польши теперь именно Россия стала восточным соседом Германии, представ в глазах немцев воротами в дикую Азию⁸. С этих времен топоним «Восток» является неизменным структурообразующим элементом немецкого образа России — со всеми вытекающими последствиями...

При этом в XIX в. прусский и южнонемецкий образы России заметно отличались друг от друга. Если первый апеллировал к опыту совместной борьбы с Наполеоном и общему для двух стран консервативно-охранительному дискурсу правящих династий, то второй характеризовался большим кри-

⁴ Первое «чудо Бранденбургского дома» — под таким обозначением в немецкую историографию вошла поразительная неспособность русских и австрийских войск успешно завершить Семилетнюю войну после победы при Кунерсдорфе (1759). «Второе чудо» — внезапная смерть Елизаветы Петровны, за которой последовали выход России из войны и сепаратный Петербургский мирный договор между Россией и Пруссией (1762), заключенный после восшествия на престол императора Петра III. Согласно договору, Россия добровольно отказалась от занятых территорий, включая Восточную Пруссию.

⁵ Один из мифов, описанный в мемуарах пастора И.Г. Зейме, связан с именем Суворова: якобы тот забрал к себе ребенка, похищенного казаками в Берлине с целью выкупа, и позднее вернул его безутешной матери... См.: *Донатин В.С.* Суворов. М., 2012. С. 31–32.

⁶ *Кенен Г.* Между страхом и восхищением: «Русский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М., 2010. С. 7.

⁷ На протяжении XVIII в. Россия воспринималась немцами скорее как «Север», нежели как «Восток»; понятие «Восточная Европа» имеет гораздо более позднее происхождение. См.: *Lemberg H.* Der Russeistgenügsam. Zur deutschen Wahrnehmung Russlands vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg // *Das Bild «des Anderen»* / hrsg. Von *B. Aschmann, M. Salewski*. Stuttgart, 2000. S. 122.

⁸ Тогда как представители Рейнланда и Баварии «достаточно легко переходили на русофобские позиции, объясняя их неприязнью к тирании русского царя». См.: *Ланник А.В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012. С. 346.

тицизмом в отношении «русского депотизма» — не в последнюю очередь под влиянием австрийских притязаний на славянские земли на Балканах, где русские выступали нежелательными конкурентами Вены. Как говорит историк Леонтий Ланник, «пруссакам было очень сложно преодолеть 100-летнюю традицию дружбы, взаимопонимания и иногда и даже тесного союза двух консервативных монархий и особенно династий»⁹.

В целом в первой половине XIX в. в Германии сложилась следующая ситуация: правительственные круги Пруссии и других немецких государств были настроены в отношении России в основном благожелательно, поскольку видели в ней союзника в борьбе с революционной угрозой. Так, благодаря действию цензуры в Пруссии долгое время нельзя было опубликовать сочинения антирусской направленности. Однако в самом немецком обществе антирусские настроения явно преобладали, несмотря на совместные меры со стороны правящих кругов России и Германии. Ни усилия властей германских государств, ни попытки русского правительства сформировать положительный образ империи в Германии радикально не повлияли на это негативное восприятие: представители либеральных движений воспринимали Россию как оплот европейской реакции, как архаичное в экономическом, социальном и культурном отношении государство, враждебное прогрессивной Европе.

В контексте борьбы демократических и национал-либеральных течений с силами реакции Россия стала политическим символом и своеобразным водоразделом между ведущими идеологиями немецкого общества. Таким образом, русофобия, тесно связанная с борьбой с силами реакции, стала

элементом национального, либерального и демократического сознания в Германии, тогда как русофилия прочно вошла в арсенал консервативно-охранительного мышления¹⁰.

После образования второго Германского рейха и ускоренного формирования единой немецкой политической нации многие старые стереотипы восприятия русских (и других соседей) подверглись проверке и пересмотру в рамках новой имперской перспективы на Европу и место Германии в ней. Некоторые из них пережили саму кайзеровскую империю...

Так, во время обострения отношений между странами, наступившего после Берлинского конгресса 1878 года, влиятельный немецкий историк Генрих фон Трейчке писал о «слепой ненависти, которая чуть было не привела к отчуждению двух старых союзников, зависящих друг от друга», объясняя ее «мощными национальными страстями» и сильным влиянием на русский двор антигерманских партий¹¹.

Примечательно, что с 1880-х гг. монополю на интерпретацию и посредничество во всем, что касалось России, в Германии захватили антирусски настроенные прибалтийские немцы!¹²

¹⁰ *Heinrich von Treitschke*. Unsere Aussichten, in: *Preußische Jahrbücher*, Band 44. 1879, S. 559–576.

¹¹ Здесь можно вспомнить уроженца Курляндии Теодора Шимана (*Theodor Schiemann*), создавшего в 1902 г. по прямой рекомендации кайзера первую кафедру восточноевропейской истории. Его исследования носили откровенно русофобский характер, в духе традиционного остзейского презрения к русским, демонизации внешнеполитических планов России и т.п. Помимо прочего, «эксперт» Шиман читал лекции в Прусской военной академии и был постоянным консультантом кайзера и рейхсканцлеров по «русскому вопросу». См.: *Кенен Г.* Указ. соч. С. 40.

¹² Почти все известные немецкие интеллектуалы с началом войны записались на «служ-

⁹ *Заиченко О.В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века. М., 2004.

Однако подлинной лабораторией по переформатированию традиционных немецких предрассудков относительно русских в собственно русофобию стала Первая мировая война.

Первая мировая война как рубеж

Геополитическая катастрофа начала XX в. радикализовала все виды исторической вражды, все существовавшие до этого фобии. Под воздействием пропаганды даже люди прогрессивных убеждений не смогли избежать шовинистического соблазна использования упрощенных образов своего противника. Россия и Германия, несмотря на предшествовавшую войне интенсивную и многообразную взаимосвязь двух стран, не стали здесь исключением¹³.

Территория Восточной Пруссии, ставшая ареной военных действий, сыграла важную роль в формировании новых черт в образе русских — теперь они представляли не просто как враги, но и как носители абсолютного Зла. Гиперболизированные, мифологизированные представления о «русском варваре» стали ответом на травму, нане-

бу мысли с оружием» (*Gedankendienst mit der Waffe*), как образно выразился Томас Манн.

¹³ По некоторым данным, за кратковременное пребывание русских войск в Восточной Пруссии погибли 1620 гражданских лиц, 100 тысяч остались без крова. Но больше всего пострадало поголовье скота: в августе–сентябре 1914 г. в Россию было угнано 135 тыс. лошадей, 250 тыс. голов крупного рогатого скота, 200 тыс. свиней! См.: *Нелипович С.Г.* Восточно-Прусская операция 4 (17) августа — 2 (15) сентября 1914 г. // Доклады академии военных наук. Военная история № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006. С. 138. Эта история также стала использоваться (анти)военной пропагандой: Лев Троцкий в 1916 г. в Париже распространял информацию о том, что в Омске(!) находятся огромные стада восточно-пруссских овец...

сенную немецкому общественному сознанию вступлением русской армии в Восточную Пруссию¹⁴. При этом следы пребывания русских войск на немецкой территории впечатлили не только гражданских, но и военных, еще не помышлявших о «тотальной войне», но столкнувшихся с ее проявлениями на практике. Один из них писал: «Такой войны еще не было и никогда, вероятно, не повторится. Она ведется со звериной жестокостью. Русские сжигают все дотла»¹⁵.

Стоит ли объяснять, что означала Восточная Пруссия в «ментальной географии» элиты Второго рейха: здесь не просто располагались имения многих прусских офицеров, составлявших ядро германской армии, но и самим своим названием главное государство империи — королевство Пруссия — было обязано этому прибалтийскому герцогству, ставшему «восточным оплотом германства». Поэтому когда выяснилось, что от русского вторжения на историческую территорию рейха и династии Гогенцоллернов не пострадал лишь Кенигсберг и пять округов провинции, по всей стране была проведена широкая общественная кампания по сбору средств на восстановление Восточной Пруссии. В рамках частной инициативы была создана организация «*Ostpreußenhilfe*», объединившая свыше 60 обществ по всему рейху и действовавшая до середины 20-х годов¹⁶.

¹⁴ См.: *Гофман М.* Записки и дневники 1914–1918 гг. А., 1929. С. 151. Генерал Франсуа так описывает увиденное: «Весь горизонт на востоке полыхал горящими деревьями, горел и Эйдткунен. Это была типичная визитная карточка русских». См.: *François H.* *Marnes chlachtund Tannenbergl.* Berlin, 1920. S. 158. Цит. по: *Ланник Л.В.* Германская военная элита. С. 346.

¹⁵ *Fried von Batocki, Klaus von der Groeben:* *Adolf von Batocki. Im Einsatzfür Ostpreußen und das Reich. Ein Lebensbild.* Ralsdorf, 1998.

¹⁶ Цит. по: *Паушеф В.* Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 52.

Ужас перед вторжением «азиатов», распространяемый среди населения германской пропагандой, способствовал психологическому закреплению у немцев нового образа «русского врага»: не только солдаты, но и офицеры противника считались в лучшем случае «полукультурными», как писал фельдмаршал Гинденбург¹⁷. Все это легло в основу немецкого концепта русского солдата и особенно казака как *Mordbrenner* (нем. «поджигатель-убийца»). Так в Германии началась карьера дискурсивного конструкта «русские варвары».

Пропаганда военного времени довела отношение немцев к русским до полноценной русофобской истерии — чего, собственно, и добивались «ястребы» типа начальника Генерального штаба Мольтке-младшего, требовавшего от прессы «лучше обеспечить народный характер войны против России»¹⁸. Стоит ли говорить, что патриотичная немецкая пресса успешно справилась с этим заданием...

Немецкие интеллектуалы против панславизма

По мнению немецкого исследователя Дитриха Гайера, в XIX в. в Германии сложился своеобразный «русский комплекс», который навсегда стал неотъемлемой частью истории немецкого сознания. Это понятие обозначает «специфическое сочетание чувств культурного превосходства и политической неполноценности, причем эти чувства вновь и вновь концентрируются в комплексе агрессивных страхов и навязчивых идей, которые, претерпев парадоксальное извращение, продуцировали экспансионистские мечты и колонизаторские фантазии»¹⁹.

Как только заходит разговор о немецких интеллектуалах, известных своим негативным отношением к России, обычно сразу вспоминают Карла Маркса, который на самом деле был одним из самых фанатичных русофобов в XIX в. Как известно, Маркс и Энгельс считали «полуазиатский деспотизм» царского самодержавия смертельной угрозой революционному и национально-освободительному движению в Европе. При этом апофеоз русофобии Маркса и Энгельса пришелся на время Крымской войны (1853–1856), которую они призывали превратить в «священную борьбу европейских наций против России»...

Однако не менее мощным интеллектуальным течением в Германии, нежели марксизм, являлся пангерманизм, нуждавшийся в адекватном сопернике. Таким «симметричным врагом» для него и стал панславизм, носителями которого были объявлены Россия и ее руководство.

Вот как «глубоко укоренившуюся ненависть панславизма к немцам» объяснял один из духовных отцов пангерманизма — Генрих фон Трейчке: «в этих кругах никогда не забудут, что Россия в значительной мере была вырвана из варварства благодаря немецким силам и что еще сегодня в области политической и социальной жизни она нуждается в таланте, образованности и усердии немцев»²⁰.

Примечательно, что в необычайную силу этого полумифического общественного движения в России верили даже такие выдающиеся немецкие умы, как социолог Макс Вебер. Так, уже в ходе Первой мировой войны он писал о том, что Россия ведет войну «вследствие стремления к власти партии великого князя Николая Николаевича и панславистской мечты»²¹.

¹⁷ Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 342.

¹⁸ Цит. по: Кенен Г. Между страхом и восхищением. С. 7.

¹⁹ Heinrich von Treitschke. Unsere Aussichten.

²⁰ Weber M. Zur Politikim Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918 (Max Weber-Gesamtausgabe, Band 1/15), hrsg. von Wolfgang J. Mommsen. Tübingen, 1984. S. 341.

²¹ Mommsen W.J. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen, 1959.

Кстати, М. Вебер даже дал своеобразное рациональное обоснование русской враждебности в отношении Германии: якобы русские власти стремились к территориальной экспансии, чтобы не решать земельный вопрос внутри страны — объяснение с виду логичное, но абсолютно неправдоподобное²².

Вообще, мотив «славянской угрозы» занял чрезмерно большое место в антирусской пропаганде военного периода, если учитывать то, что панславянские устремления были характерны не столько для правящих элит Российской империи, сколько для определенного сегмента русской общественности и его периодических изданий («Новое время» и др.). В этом смысле явно мифическая опасность, якобы исходящая от стремления России господствовать над всеми славянскими народами, несмотря на всю свою абсурдность, отлично подходила для конструирования концепта «русской угрозы», от которой Германия должна защищаться всеми силами²³.

Стоит ли говорить, что многие элементы этого концепта позднее были использованы в рамках нацистского дискурса борьбы с «азиатской жидобольшевистской угрозой»: традиционные для немецкой русофобии образы России как «дикого Востока» стали своеобразными кирпичиками, из которых конструировалось идеологическое обоснование необходимости расширения германского жизненного пространства на восток и геноцида русских как «низшей расы».

Немецкие традиции русофилии

Отсутствие исторической конкуренции между Россией и Германией, как и отсутствие территориальных претензий друг к другу, осознавалось военными и политическими элитами двух

стран, среди которых временами формировались лагеря условных германо- и русофилов. Так, в конце XIX в. их лидерами можно считать О. Бисмарка и П.А. Шувалова. В дальнейшем за сближение двух стран выступали А. Тирпиц и С.Ю. Витте²⁴.

В целом до Первой мировой войны среди высших кругов двух стран в основном господствовал здоровый прагматизм в отношении друг друга, поскольку империям действительно было нечего делить — кроме Польши, к тому моменту разделенной уже более века. Примечательно, что антипольский консенсус властей двух стран некоторое время сохранялся даже во время войны: еще в 1916 г. в Познани была запрещена театральная постановка о польском восстании 1863–1864 гг. против русских, поскольку «она приветствует революционные идеи и освобождение Польши»²⁵.

Определенная схожесть двух стран, совпадение многих общественных проблем, общность тем, обсуждавшихся интеллектуалами России и Германии, являлись серьезным тормозом для формирования образа смертельного врага из традиционного партнера²⁶. Да и экономические противоречия между странами перед войной стали менее острыми — из-за конъюнктуры цен. А навязываемая проавстрийскими силами русофобия и вовсе означала утрату пруссаками суверенитета во внешней политике Германской империи...

Более того, по словам канцлера Бюлова, именно разногласия Бисмарка с Вильгельмом II относительно русской политики привели к падению «железного канцлера»²⁷. Сам кайзер также

²⁴ Там же. С. 342.

²⁵ Шлегель К. Немецкий образ России в первой трети XX века: к реконструкции образа // Вопросы философии. 1994. № 5.

²⁶ Бюлов Б. Воспоминания. М., 1935. С. 124.

²⁷ Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отноше-

²² Ланник А.В. Германская военная элита. С. 348.

²³ Там же. С. 340.

одно время надеялся, «договорившись с царем», стать хозяином положения при новом геополитическом раскладе — «настолько мощным казался альянс огромной России и стремительно растущей германской экономической мощи»²⁸.

Как бы то ни было, русофобам в германской элите оказалось не совсем просто заставить общественное мнение поверить в то, что Россия является смертельным врагом немецкого народа, угрожающим его существованию²⁹.

Примечательно, однако, что, по мнению некоторых исследователей, тот же Бисмарк являлся сторонником дружбы с Российской империей как раз благодаря своей русофобии — по отношению к «панславистской, революционной, нигилистической, агрессивной» России, которая возникла после «Великих реформ» XIX в. Именно поэтому он призывал заключить союз «с этой стихийной силой, которую мы не в состоянии уничтожить»³⁰.

Как говорит немецкий исследователь Герд Кенен, взгляды немцев на Россию никогда не определялись исключительно каким-то одним фактором — геополитическим, идеологическим или экономическим: «За три с лишним столетия между обеими странами сложились отношения совершенно особого, иногда почти симбиотического склада — художественные, научные, экономические, династические, семейные. Мировая война, революция и Гражданская война повредили

этим отношениям, но не уничтожили их совсем»³¹.

Часто проблемы взаимного обостренного восприятия русских и немцев можно объяснить именно исторически глубокой, хотя и неоднозначной близостью двух великих народов Европы. При этом характерной особенностью восприятия России в Германии было представление о ее парадоксальной двойственности, поскольку в ней одновременно сосуществовали несопоставимые по уровню развития сферы: например, архаичная система управления и высочайшего уровня литература. Не удивительно, что многие немецкие интеллектуалы попытались разрешить «русскую загадку»: что из этого считать истинной Россией? Среди них — Томас Манн, Р.М. Рильке и многие другие выдающиеся творцы и мыслители. Так, Рильке назвал Россию страной, «которая граничит с Богом», а Манн одним из первых написал о «святой русской литературе»³².

Более того, сегодня нам трудно представить, в какой мере старая Европа являлась единым духовным пространством: «Те, кто занимался творчеством и жил духовной жизнью, хорошо знали общее культурное наследие, читали одни и те же книги и философские труды»³³.

Немецкая русофобия сегодня

Существует ли сегодня феномен немецкой русофобии? Безусловно, причем и на политическом, и на интеллектуальном уровне, не говоря уже о низовом. Как пишет один из исследователей темы, Ганс-Эрих Фолькман, «изображение России или Советского Союза как страны, пропитанной азиатчиной и пропитанной ее печатью, не

ния в конце XIX века — 1914). М., 1996. С. 219.

²⁸ Видимо, немаловажную роль в этом сыграло позорное поражение России в войне с Японией: постыдный Портсмутский мир стал следствием не только очевидной отсталости военной организации или низкого уровня командного состава русской армии, но и общей архаичности романовского режима.

²⁹ Кенен Г. Между страхом и восхищением. С. 8.

³⁰ Там же. С. 12.

³¹ В повести «Тонио Крегер» (1905).

³² Эти слова принадлежат известной немецкой публицистке графине Марион Денхофф.

³³ Das Russland bild im Dritten Reich / hg. H.E. Volkmann. Köln u.a., 1994. S. 4 f.

утратило актуальности и после 1945 года». Согласно его, прямо скажем, очень радикальной позиции, антирусские предрассудки не просто тиражируются с помощью массовой литературы и СМИ, но даже являются одним из базовых элементов самопонимания немцев в ФРГ³⁴.

Не разделяя столь радикального подхода, отметим структурный характер русофобии в современной Германии — она характерна для определенных политических, интеллектуальных и культурных элит, специализирующихся на тематике, в которой не предусмотрено место для России и русских (евроатлантическое сотрудничество, культурный трансфер США–Германия и т.п.). Причем гораздо больше симпатий Россия традиционно вызывает у консервативной части истеблишмента, нежели у левых или либералов...

В основном же, как показывают опросы, отношение простых немцев к русским скорее позитивное³⁵.

Однако какова специфика современной «русофобии» в Германии? И многочисленные исследования, и мой личный опыт общения с немецкими друзьями и коллегами однозначно говорят об одном: сегодня немцам в основном не нравится в России то, что не устраивает в ней самих русских: политический архаичный режим РФ, подавление гражданских прав и т.д. Таким образом, они не слишком отлича-

ются от своих свободолюбивых предков. Так, согласно данным Института изучения общественного мнения Forsa, в качестве основной причины критического отношения к России опрошенные назвали большое социальное расслоение и ущемление демократических свобод. В ФРГ, как и на Западе в целом, людей беспокоит возвращение российских властей к риторике времен «холодной войны» и советским практикам «железного занавеса».

Забавно, что власти ФРГ — также подобно своим историческим предшественникам — пытаются «перевоспитать» своих граждан в «русском вопросе» — чтобы те не были слишком критичными в отношении путинской России. Так, выступая в декабре 2012 г. на открытии Форума германороссийских отношений имени Вальтера Шееля в Бад-Кроцингене, министр иностранных дел Германии Гвидо Вестервелле заявил, что «назидательный диалог с Россией вызовет лишь раздражение и причинит немало вреда». Это заявление он сопроводил дежурной оговоркой о различии позиций Германии и России в области прав человека, судебных решений и др.: «Конечно, мы не собираемся воздерживаться от критики, но ее надо выражать в духе дружбы и партнерства, на равных условиях». После этого глава внешнеполитического ведомства ФРГ сделал жест вполне в духе прусских королей — партнеров русского самодержавия: «Я обращаюсь с призывом к немцам, моим соотечественникам: в дебатах с Россией и о России нам нужно проявлять больше уравновешенности и больше уважения».

Стоит ли говорить, что, подобно реакционным германским князьям, нынешние власти ФРГ под «Россией» понимают не русский народ и не гражданское общество, а правящий в РФ режим, с которым на Западе вынуждены иметь дело...

³⁴ Согласно опросу фонда Forsa, проведенному осенью 2012 г., восемь из десяти немцев позитивно думают о русских. 88 процентов опрошенных называют нас «поразительно гостеприимными людьми», 78 процентов считают русских «смельчаками» и т.д. Примечательно однако, что 45% респондентов думают, что относятся к русским лучше, чем другие их соотечественники! См.: http://www.inopressa.ru/article/28Sep2012/welt/rus_germ.html

³⁵ <http://vz.ru/news/2012/12/4/610245.html>

Марк Любомудров

Мой рафтинг

Рафтинг является экстремальным занятием, предполагая определенную долю риска для жизни и здоровья участников.

Из энциклопедии

Уже почти столетие сапог русофоба-окупанта топчет Русскую землю, сея дыхание смерти. «Мы долго молча отступали...». Нет, мы не забыли ничего из нашей истории, из того, что с нами было в минувшем веке. Палаческий сапог русофоба оставил неизгладимые рубцы в нашей Памяти. У каждого из современников Великого Русского Поражения (будем мужественными — признаем, что это так!) — своя память, личный счет унижений, оскорблений, ударов, смертей и борьбы. Никого не обошла трагедия Родины (о вырождаках, т.е. вышедших из рода, я не говорю). Мы знаем: кровавая русофобия XX века началась с расстрелов по спискам членов Союза русского народа и массового уничтожения православного духовенства и других элитных слоев населения.

Я — русский православный националист. И был таковым от рождения. Мое мировоззрение было предопределено генетически. По счастью, мне не надо было учиться, чтобы распознать русофобию и русофоба. Всю жизнь я ощущал упертые мне в грудь кованые подошвы его сапог. Мой счет — все с того же, рокового семнадцатого. Полчища осатаневших мародеров «в пыльных шлемах» и кожаных куртках опустошили мои родовые гнезда в первые же месяцы после прихода их к власти. Это их сапоги пинали бездыханное тело моего ярославского деда-священника, расстрелянного латышско-большевистским зве-

рем только за то, что он был ревностным исповедником православия и до смерти остался верен своему пастырскому долгу (в 2000 г. Архиерейский собор РПЦ канонизировал его как св. новомученика). Палаческий русофобский след и на судьбе его вдовы, моей бабушки — лишенная всех прав (был и термин такой — «лишенцы»), она с лихвой познала зловещие порядки совдеповских тюремных казематов. Реквизировали все, достигнутое трудом и талантом, уморили голодом и холодом другого моего деда — петербургского.

Беспощадная русофобская дубина разбила жизнь моего отца, безвинно брошенного в сталинскую тюрьму по знаменитой 58-й статье (контрреволюционная деятельность). Выжил — чудом. По ночам не давали спать, гнали на садистски-изнурительные допросы. А вся «вина» его заключалась в том, что он был высокопорядочным и нравственно не сломленным человеком. И под пытками он не подписал ни одного из приписанных ему обвинителями измышлений. Отец рассказывал мне, как, потрясая кулаками, следовательно орал: «А почему вы не аплодировали на общих собраниях, когда объявляли о смертных приговорах врагам?» (по процессам 1930-х годов).

За лакированное голенище оккупанта-русофоба совались остатки фамильных драгоценностей нашей семьи, когда моя мать несла их в торгсин, отдавая за продукты, чтобы спасти своего младенца от голодной дистрофии. Отдала ведь и свое золотое обручальное кольцо...

Такова была политика, избегнуть которой не было дано русским людям.

Тяжесть и наглую русоненавистническую беспощадность большевистского режима я хорошо знал со школьных еще лет. По окончании выпускного 10-го класса по всем предметам в году в моем табеле не было ни единой даже четверки, одни пятерки. Но квоту по медалям распределили таким образом, что вместо золотой мне присудили серебряную. Этническая подоплека подобной дискриминации для меня тогда явилась вполне очевидной. И такая несправедливость была глубоко оскорбительной.

Свинцовая политическая атмосфера давила меня тем сильнее, чем больше и неотступнее я размышлял о России, ее судьбе и стремился ей послужить. Эту тяжесть чувствовали и многие из моих сверстников и единомышленников. Трудность нашего становления усугублялась тем, что в стране были затоптаны все источники правильных знаний, запечатаны интеллектуальные кладовые (спецхран!). На моих глазах неоднократно выталкивали вон и захлопывали двери учреждений и редакций перед национально и государственно мыслящими русскими людьми, нередко очень одаренными.

* * *

Мой профессиональный путь после окончания искусствоведческого факультета Ленинградского театрального института им. А.Н. Островского долгие годы был связан с Институтом театра, музыки и кино (ЛГИТМИК). Много сил отдавал я и общественным движениям национально-патриотической ориентации, сблизился и тесно сотрудничал с участниками московского т.н. «русского клуба» (В.В. Кожин, С.Н. Семанов, П.В. Палиевский, М.П. Лобанов, О.Н. Михайлов, А.Г. Кузьмин и др.).

В своей творческой деятельности я руководствовался доминантными для русской культуры критериями — реализма, национальной самобытности, духовной и нравственной содержа-

тельности искусства. Такая позиция со временем (особенно в 1970–1980-е гг.) встречала все большее сопротивление и нападки со стороны русофобски и космополитически ориентированных театрально-литературных кругов. Вокруг моих трудов, книг и статей возник фронт борьбы, стали множиться статьи, отзывы, письма — в них резко критиковалось не только мое творчество, но прежде всего — идейно-политические позиции.

Эти атаки во многом опирались на официальный политический курс, проводимый КПСС. Здесь уместно напомнить о погроме журнала «Молодая гвардия», который был трибуной русских патриотов, о злобно-русофобской статье «Против антиисторизма» кремлевского выкорымыша А.Н. Яковлева, о настойчивых преследованиях спецслужбами КГБ русских националистов (аресты и лагерные сроки В.Н. Осипову, А.И. Бородину и др.). Ведомство Ю.В. Андропова являлось гнездом воинствующих русофобов. Сам Юрий Владимирович был постоянно озабочен едва ли не главной целью — раздавить ненавистных ему «русистов».

В художественной среде, где осуществлялась моя творческая деятельность, отчетливо обозначились две противостоявшие друг другу силы — национально-русская (неуклонно сокращавшаяся и третируемая) и клан представителей «малого народа» (по терминологии Кошена–Шафаревича). В театральном мире русофобская группировка постепенно достигла полной гегемонии, захватив многие ключевые кадровые позиции (в режиссуре, театроведении, педагогике, Всероссийском театральном обществе — ВТО и т.п.) и создав касту неприкасаемых имен. И потому каждое независимое суждение, оценка, позиция были заведомо обречены на противодействие.

Публикация моего очерка о Вс. Мейерхольде (Режиссура в идейной борьбе 1930-х годов // Из истории русской советской режиссуры 1930-х

годов: Сб. Л., АГИТМИК, 1979) с вполне объективной оценкой этого лидера российских авангардистов, воинствующего русофоба и безбожника вызвало бурю протестов со стороны его поклонников.

Журнал «Театр» (1980, № 11) напечатал «Письмо в редакцию», в котором мой очерк подвергался безоговорочному осуждению. Меня обвинили в «явном искажении» портрета режиссера, в «огульном шельмовании», в «возрождении тенденциозных догматических оценок», в небрежении «указаниями партии». Был и намек на использование служебного положения: публикация, мол, была «облегчена тем, что автор является заведующим сектором театра и отв. редактором сборника», где появилась моя статья. По сути это письмо явилось деликатно оформленным политическим доносом с приглашением к оргвыводам. Калибр письма был многократно усилен именами подписантов: целое созвездие народных артистов СССР, заслуженных деятелей, докторов наук — Г. Товстоногов, О. Ефремов, И. Ильинский, Э. Гарин, В. Плучек, Е. Симонов, С. Юткевич и другие, всего 11 подписей. По странной закономерности — на которую я не мог не обратить внимания — начиная с 1980 г. участники этого деяния по одному в год ушли из жизни...

Признаюсь, меня озадачила подпись О. Ефремова. Я написал ему письмо, где выразил свое удивление, тем более что в той же статье, наряду с оценками Мейерхольда, выражалась поддержка «реалистической школы МХАТ и наследия его корифеев». Ефремов ответил мне: «Статью Вашу я решительно не принимаю ни как человек, ни как художник, ни как руководитель МХАТ». Я тогда не знал, что мировоззренчески он был (по собственному его признанию) чужд «русофильству».

Почти одновременно (1 августа) появилась и публикация народной артистки СССР Ангелины Степановой

в «Правде» с аналогичной критикой: «Предвзятость по отношению к современности... автор пытается принизить значение творчества советского режиссера-коммуниста Вс. Мейерхольда».

Неудачей завершилась моя попытка ответить на «письмо» на страницах самого же «Театра». Его главный редактор А. Салынский сообщил мне: «Редакция журнала разделяет мнение группы театральных деятелей... и потому не может принять Ваше предложение выступить с ответной статьей». «Театр» уже давно являлся трибуной клановых сил, непримиримых к любому инакомыслию

Тогда, в 1980-м, эта история как-то «сошла мне с рук». Но после прихода к власти тандема М. Горбачев — А. Яковлев «малому народу» была предоставлена полная свобода действий. И русофобия стала стремительно набирать обороты. Наши противники действовали грамотно, стремительно и беспощадно. Прежде всего Яковлев провел массовую кадровую зачистку в руководстве средствами массовой информации. Устранялись деятели с русской ориентацией. Не стали исключением и другие сферы культуры. Так подошел и мой черед.

К этому времени враждебность к моим работам стремительно возрастала. Она особенно усилилась после выхода в свет моей книжечки «Судьба традиций» (1983) и статьи «Театр начинается с Родины» (Наш современник. 1985. № 6). В них критиковались безыдейность, нравственная ущербность и русофобские тенденции в современном театре. В этом же ряду находилась и моя книга «Размышления после встречи» (1984).

Нападки на мои сочинения приобрели лавинообразный характер. С непримиримыми оценками, нередко в погромном стиле выступали Г. Товстоногов, М. Розовский, М. Ульянов, В. Плучек, Ю. Темирканов, В. Арро, В. Смехов; критики и искусствоведы

Ю. Лукин, В. Озеров, Ф. Чапчахов, И. Дедков, Вит. Вульф, В. Оскоцкий, К. Щербаков, М. Золотоносов, А. Ниннов, А. Урес, Ел. Щеглова; доктора искусствovedения П. Марков, М. Котовская, Ю. Дмитриев, А. Гаккель и даже небезызвестные Кукрыниксы. Доносительским письмом отметилась секретарь комиссии по наследию Мейерхольда М. Валентай. Некоторые тексты направлялись прямо в ЦК КПСС, в частности секретарю по идеологии М. Зимянину, в Госкомитет по радио и телевидению и, конечно же, ректору АГИТМИКа, где я работал, Н.М. Волынкину. Позднее, в телевизионной программе «Взгляд», которая брала у меня интервью, ее ведущие в эфире назвали меня «известным черносотенным погромщиком», допустив до экрана 55 секунд из пятнадцатиминутного интервью.

«Глубокое возмущение» моих оппонентов вызывало утверждение, что Мейерхольд не чувствовал национальной самобытности русского искусства, одевал его в «чужестранные одежды»; как о вопиющей крамоле писали — «главная цель критика в том, чтобы противопоставить “кочевнический дух” Мейерхольда — “национальной почвенности” Станиславского, русскую школу реализма “иным национальным тяготениям” Мейерхольда». Меня обвиняли в «глубоком невежестве» и «крайней тенденциозности», а также в «крикливом, сенсационном тоне».

Не имея научно и логически обоснованных аргументов для опровержения моих оценок, критериев и взглядов, противники прибегали к хорошо обкатанным и привычным для них приемам фальсификации художественного процесса, политической дискредитации, приклеиванию ярлыков с обозначениями идеологической неблагонадежности, забвения марксистско-ленинских принципов, «чуждости советской идеологии», отсутствия «классового подхода», «интернационализма»,

«устремленности к коммунистическому идеалу» и т.п. А. Герцен в свое время называл подобное «полицейской точкой зрения».

Конечно, стали появляться у меня и сторонники, хотя и весьма немногочисленные. Помогали журналы «Молодая гвардия», «Наш современник», «Огонек» (до появления там В. Коротича), давая возможность печататься. В профильно-театральных изданиях двери для меня были закрыты. Заперты наглухо. Дорогим для меня явился автограф Валентина Распутина на подаренной мне книге его повестей и рассказов: «Марку Николаевичу Любомуудрову с поклоном за его статьи о театре, и не только о театре — о России и о нас, россиянах, — искренне В. Распутин. Март 1986». Благодарен я и печатно поддержавшим меня тогда И.О. Горбачеву и С.Ф. Бондарчуку.

Поддерживал меня и композитор Георгий Свиридов, с которым я находился в переписке и имел несколько встреч. Он ясно видел государственнические корни русофобии. Свиридов писал, имея в виду и мою судьбу: «Раньше травлю (в которой не стеснялись ни в выражениях, ни в справедливости и доказательности обвинений) инспирировали руководящие организации путем соответствующего постановления или личного указания (например, в речи или выступлении). И в такой травле участвовали видные деятели искусства, литературы или науки и т.п., создавая видимость общественного мнения. Теперь же государство, инспирируя подобную травлю (как например травлю талантливого, честного критика М. Любомуудрова), стоит как бы в стороне, а деятели определенного толка расправляются с критиком, высказавшим неудобные взгляды, поливают его грязью, клеветают, выгоняют с работы».

Эта дневниковая запись была опубликована уже после смерти композитора в его книге «Музыка как судьба».

* * *

Тем временем мой рафтинг, который я проходил в одиночку, вступил в полосу, где поток стал неистово бурным, с обилием валунов, крутых поворотов и обрывов.

С укреплением на вершине власти антирусского тандема изменников Родины Горбачева–Яковлева у моих врагов руки были развязаны. Как мне было известно, по отмашке Яковлева (о чем шепнул мне на ухо, выйдя из кабинета в коридор, один из министерских руководителей) начали кампанию по изгнанию меня из института.

Мои противники энергично взялись за работу. Действовали по хорошо обкатанной в совдеповские времена схеме: прежде чем совершить «жертвоприношение», надо истерзать жертву проверочными комиссиями с заранее предуказанными оценками и выводами. Весь 1986 г. одна за другой создавались «комиссии». Они состояли из надежно ангажированных сотрудников, которые хорошо знали, зачем их нанимают и что надо делать. Были комиссии партийная, министерская, межвузовская, межсекторальная и другие. Все они пришли к единодушному итогу: деятельность театрального сектора развалена, и все свидетельствует о полной профессиональной непригодности и творческой несостоятельности руководителя. Авторы этой провокационной, клеветнической кампании быстро «забыли» о том, что годом ранее ученый совет института единогласно переизбрал меня на очередной пятилетний срок работы, а деятельность сектора получила высокую оценку.

Помимо комиссий меня ежемесячно (а порой и чаще) прорабатывали на партийных и иных собраниях, нагнетая шельмующую истерию и накапливая обвинения — в антипартийности, в подрыве устоев советского марксистского искусствознания и даже с намеками на самый ужасный «грех» — русский национализм. Доносами были

завалены обком партии, Министерство культуры, даже и ЦК КПСС.

Стиль происходившего хорошо передает не так давно опубликованное «Петербуржским театральным журналом» (2008. № 4) письмо режиссера С. Добротворского своему коллеге: «В институте был исторический ученый совет, на котором четыре часа топтали известного Вам Марка Любомудрова. Самые целомудренные эпитеты звучали как “черносотенец”, “антисемит”, “ортодокс”. Все четыре часа Любомудров сидел в первом ряду и ел грейпфрут. Зрелище, скажу я Вам, захватывающее...»

Я и мои сторонники в составе сектора придерживались взглядов, традиционных для русской классической культуры, — приверженности принципам реализма, психологической достоверности искусства, приоритетности его нравственно-просветительского предназначения. Мы разделяли эстетику и идейные установки корифеев МХАТа, в частности кредо Станиславского, который полагал, что самое важное в творчестве — раскрыть и передать «жизнь человеческого духа», а его соратник Немирович-Данченко призывал к «театру мысли», к «мужественной простоте», с которой необходимо «претворять большие идеи спектакля».

Чтобы пресечь эту национально-самобытную художественную линию, руководству института сильные мира сего (понимай — «архитекторы перестройки») предписали убрать меня с должности. Для этого придумали «досрочное переизбрание»... В сущности, это была образцовая русофобская атака на исконные устои и ценности русской национальной цивилизации и культуры.

В марте 1986 г. на заседании ученого совета меня забаллотировали при соотношении голосов: 31 — за отрешение от должности, 7 — против. Выступавшие члены совета А.Я. Альтшуллер, Ю.А. Смирнов-Несвицкий, С.К. Бушueva прямо говорили, что Любомудрова

необходимо убрать за «чуждые взгляды». Через месяц ректор В.П. Яковлев подписал приказ — уволить в связи с «профессиональной несостоятельностью».

Когда я вспоминаю об этих событиях, на память приходит одна из раздраженных телеграмм Ленина в Реввоенсовет Республики: «Что за слабость? Национальная черта русского человека — не может добить врага». Вот уж современному «малому народу» такого упрека не сделаешь. И нам есть чему от них поучиться.

Почти одновременно противник предпринял еще один демарш против строптивного «чужака». Скрытно от меня провели исключение из членов Союза театральных деятелей (ранее — ВТО), в котором я состоял с 1961 г. Я узнал об этом не сразу и из случайного разговора. Все мои попытки дознаться у чиновников о причинах такого решения успеха не имели. В Москве мне отказались показать стенограмму заседания, на котором меня исключали. Но протокол заседания бюро секретариата Правления СТА РСФСР мне все же дали подержать в руках. На несколько мгновений, но мне этого оказалось достаточно.

Я узнал, что мне инкриминируют нарушение п. 10 (раздел 3) Устава, где говорилось, что член Союза «всей своей творческой деятельностью должен отстаивать и развивать высокие этические традиции русского советского и мирового сценического искусства, изживать в своей среде премьерство, ложь, лицемерие, угодничество, комплиментарность, групповщину, любые проявления национализма и шовинизма». Далее в протоколе значилось: «Комиссия и секретариат единодушно пришли к выводу, что своей деятельностью на страницах печати тов. Любомудров М.Н. нарушает этот пункт устава».

Заседание происходило 15 марта 1988 г. под председательством народного артиста СССР М.А. Ульяно-

ва. В голосовании за мое исключение приняли участие и проявили полное «единодушие» народные артисты СССР Ю.К. Борисова, Э.А. Быстрицкая, В.В. Васильев (будущий худрук Большого театра), В.К. Васильева, В.С. Лановой, Р.Д. Нифонтова, известные режиссеры Б.А. Покровский, В.В. Фокин, А.В. Бородин, Б.А. Морозов, драматург А.И. Гельман и, разумеется, «главный эксперт СТА РСФСР» А.Я. Рубинштейн. Как видим, против неисправимого «шовиниста» и раскольника Любомудрова в очередной раз применили артиллерию самого крупного калибра...

После этого я попросил о встрече с руководителем СТА М.А. Ульяновым. Такая беседа состоялась. К моему удивлению, Ульянов встретил меня в окружении трех «телохранителей» — А.И. Гельмана, А.В. Бородина и сотрудника аппарата СТА В. Урина. Наша дуэль состоялась в соотношении один к четырем... Фонограмму этой беседы я позднее опубликовал в еженедельнике «Русский вестник» (1997. № 2–4). Меня обвиняли в стремлении расколоть СТА, в поисках некоей «касты, злых сил, которые опасны для будущей истории России».

Из текста М. Ульянова: «Вы утверждаете, что в том, что с нами происходит, виновата каста, захват определенными националами действующих мест. Вы только пока об этом не говорите четко —... спасай Россию! Но в общем позиция такая у Вас есть... Мы в Союзе всячески выкорчевываем все разговоры о кастовости, в особенности о некоей размытости русского начала» и т.п. Более радикален был Гельман, который прямо заявил: «Ваши взгляды — вне спора, эта позиция просто аморальна». Он же пытался уговорить меня покаяться и отречься от своих «взглядов», тогда, мол, мы вас восстановим в СТА.

Через неделю после этого разговора в газете «Советская культура» (1988. 16 апреля) появилось интервью

с М. Ульяновым, где были повторены прежние обвинения в «шовинизме», «национализме» и «нетерпимости» (!! — М.А.), имевших место «в течение многих лет». Главный пункт приговора сводился к следующему: «При этом в своих выступлениях он все время намекает на засилье в русском театре чуждых ему художников нерусской национальности, вносящих в наш театр преднамеренную “порчу”».

(Если у вас, уважаемый читатель, возникает вопрос, существует и существовало ли в российском театре «засилье» лиц «нерусской национальности» — откройте справочник СТА и получите исчерпывающий ответ.)

* * *

Между тем маршрут моего рафтинга сделал неожиданный зигзаг. Мой одинокий челн стремительно несся в бушующих, ядовитых потоках русофобии. Иногда казалось, они вот-вот опрокинут его... Меня уволили из ЛГИТМИКа с «волчьим билетом». Однако в этот момент неожиданно я получил приглашение от В.А. Чернушенко, ректора Ленинградской консерватории, — поступить к ним в научно-исследовательский сектор. Поразившись его смелости, я с благодарностью принял приглашение. Два года я трудился на поприще музыкальной социологии. Вместе с тем я уверен, что эти два года Чернушенко вспоминает как чудовищный кошмар, ибо за то, что он принял меня на работу, местный клан «малого народа» подверг его свирепому преследованию. Незамедлительно потоки клеветы обрушились и на меня. Злобствующие русофобы развязали против меня очередную кампанию травли.

Консерваторская газета «Музыкальные кадры» (1988. 22 ноября) опубликовала некоторые из доносов-обличений, с которыми мои противники обращались в разные инстанции. Менее чем через месяц в партбюро консерватории поступило протестное

заявление, в котором утверждалось, что мое присутствие в этом учебном заведении позорит его. Был перечислен хорошо знакомый мне набор обвинений: якобы я пропагандировал «шовинистическую идею: русским искусством должны заниматься лишь люди, чистые в расовом отношении»; мое имя служит «синонимом реакционных тенденций в искусствознании», будто бы я причастен к «позорному движению... пресловутой “Памяти”»; мои статьи содержат лишь «весьма примитивные и консервативные оценки», а деятельность в целом «носит антипатриотический характер». Письмо завершалось призывом уберечь «репутацию Ленинградской консерватории от темного пятна!».

Считаю полезным назвать авторов, преподавателей консерватории, подписавших этот грубоклеветнический документ: н. а. СССР, профессор Ю.Х. Темирканов; профессор В.А. Успенский, А.А. Лазько, И.А. Мусин; доктора искусствоведения Л.Е. Гаккель, А.Г. Данько; заслуженный деятель искусств М.Г. Бялик; композитор Г.И. Баншиков. Разумеется, партбюро отозвалось соответствующим партийным традициям образом, указало ректору — коммунисту Чернушенко на неправильную практику принятия ответственных решений без учета общественного мнения». И тотчас была образована комиссия (!) по проверке работы научно-исследовательского сектора.

Все очень знакомо: опять фальсификация фактов, отсутствие доказательств, использование в качестве жупелов всякого рода ярлыков, акцент на политической стороне обвинений. И главное — жажда карательных мер, призыв к оргвыводам. Стратегическая цель подобной людоедской практики весьма прозрачна: инакомыслящий должен быть уничтожен, а взгляды его упразднены.

Идеология «малого народа» диктовала монополию одной точки

зрения. Я бы назвал ее либерально-космополитической по фразеологии, и воинствующе русофобской по сути. В своем ответе «Кое-что о “традициях высочайшей порядочности”» (Музыкальные кадры. 1988. 29 декабря) я напомнил о типичном методе партноменклатурных репрессий совдеповского времени, которые исследовались многими русскими писателями. В частности, в романе гениального Андрея Платонова «Чевенгур», герой которого, «человек с международным лицом» Копенкин, подобно консерваторским профессорам, действовал без колебаний: «Мое дело — устранять враждебные силы. Когда все устроено — тогда оно само получится, что надо».

Напомнил я и мнение по поводу сходных дискуссий той поры писателя В. Распутина. Обличая подложный характер антирусских выпадов, он писал: «Взятый мстительно и дружно жупел с русским национализмом — это бессовестная подделка». Я и сам не раз убеждался в абсолютном бесстыдстве своих противников. Господствовала всеиспепеляющая (можно бы сказать — лютая) ненависть к русским началам. Нормальной научной полемики здесь и быть не могло. Ибо искали не истину, а жаждали одного — скорейшей расправы над оппонентами. Русофобам — плюнь в глаза — божья роса...

Одновременно систематическому шельмованию подвергли и Чернушенко. Мне было жаль его. Под натиском консерваторских русофобов он в свое «оправдание» говорил на ученом совете: «Но посмотрите, я же недавно принял в штат пять евреев. А с Любомудровым я даже ни разу не встречался». Что было сущей правдой. Мои неоднократные попытки попасть на прием к ректору ни разу не увенчались успехом. В конце концов через третьих лиц Чернушенко попросил меня подать заявление об уходе. Я, конечно, его тут же подал.

Так завершился консерваторский этап моего рафтинга.

* * *

1980-е оказались чрезвычайно насыщенными — событиями, встречами, столкновениями, напряженной общественно-политической жизнью и острейшей борьбой — взглядов, концепций, группировок. Усилился процесс размежевания — идеологического, эстетического, политического и отчасти этнического. Главным критерием явилось отношение к России, к русскому народу, к нашему историческому и культурному наследию. Все более отчетливым становился ярко выраженный русофобский характер и пафос либерально-космополитического направления. И в этот период, еще с начала 70-х, по компетентному свидетельству А.И. Солженицына (в его замечательной книге «Двести лет вместе») еврейский «разгон против русского — всё набирался».

С другой стороны, в духовном пространстве общества стремилось утвердиться русское национально-патриотическое направление, в задачи которого входило возрождение отечественной культуры, классических традиций в литературе, музыке, живописи и других сферах жизнедеятельности народа. Крепнувшее русское национальное самосознание искало путей отстоять свое лицо.

В эту пору сфера моих интересов сместилась в область литературной жизни. Вместе с небольшой группой литераторов я участвовал в попытке оздоровить деятельность ленинградской организации Союза писателей России. Мы повели борьбу за то, чтобы выделиться в самостоятельную ячейку, стать независимыми от тогдашнего писательского руководства. Дело в том, что городская организация в подавляющем большинстве состояла из евреев, многие из которых были настроены русофобски. При их поддержке руководство осуществляло антирусскую

дискриминацию — в приеме новых членов, утверждении издательских планов, творческих поездок, вечеров, разных привилегий.

Чтобы не быть голословным, приведу наблюдения писателя В.Ф. Козлова, который некоторое время был в составе литературской ревизионной комиссии. Он свидетельствовал: «При мне в Союз писателей принимались молодые литераторы примерно в таком соотношении (это сохраняется и по сию пору) (речь идет о 1989 г. — М.Л.) — десять человек еврейской национальности и один русский... У нас в Ленинграде полное большинство захватили литераторы еврейской национальности». Козлов обращал внимание на решающую роль в этом процессе прозаика Даниила Гранина и поэта Михаила Дудина (женатого на еврейке). Их властью «за восемь лет и были приняты семьдесят человек, из которых только семеро были русскими по национальности» (см. журнал «Ленинградская панорама». 1989. № 11–12).

К слову, сходной была и издательская политика, и не только в Ленинграде, но и в Москве. Вадим Кожинов, рассмотрев деятельность издательства «Советский писатель» за десять лет (с 1981 г.), обнаружил следующее: если разделить издававшихся критиков и литературоведов на две категории — «патриотов-почвенников» и «авангардистов-западников», то «Советский писатель» издавал их в пропорции примерно 1:30. В Ленинграде это соотношение, вероятно, выражалось как 1:60...

Ленинградская писательская организация той поры была форпостом воинствующей русофобии, гнездом еврейского расизма и шовинизма. Хочу подчеркнуть: мы ничего не имели против евреев как таковых. Нас возмущала русофобия, антирусская кадровая политика представителей «малого народа» (напомню — это понятие не имеет жесткой этнической привязки). Однако напомню и выводы И. Шафа-

ревича в его знаменитой работе «Русофобия»: «По-видимому, в жизни “Малого Народа”, обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература “Малого Народа” пропитана точками зрения еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой».

И мы повели борьбу за восстановление справедливости. В нашу инициативную группу входили литераторы П. Выходцев, В. Козлов, Е. Туинов, А. Шевелев, Н. Утехин, А. Стерликов, ваш покорный слуга. Нас энергично поддержали прозаик Сергей Воронин, поэтесса Элида Дубровина, а также Валентин Пикуль, который хотя и жил в Риге, но пребывал в составе Ленинградской писательской организации. Так обозначился еще один период моего рафтинга.

В январе 1989 г. газета «Московский литератор» (в Питере публикация оказалась невозможной) напечатала наше коллективное заявление в секретариат Союза писателей. Мы просили «в порядке эксперимента» зарегистрировать наше литературное объединение как самостоятельное и подчиненное непосредственно республиканскому правлению. Нашу группу мы назвали «Содружество».

С 1934 г., когда был образован Союз писателей СССР, он управлялся авторитарно и имел монолитную организационную структуру. Наша попытка размежевания была первой за 55 прошедших лет. В заявлении группы (написать его поручили мне) говорилось: «В Лен. писательской организации (ЛПО) утвердился и активно действует определенный клан — сплоченная наподобие мафии группа литераторов захватила ключевые позиции в руководстве организации и совершенно деформировала ее работу, преследуя, как правило, узкогрупповые цели, да-

лекие от литературных задач». Мы обращали внимание на то, что «руководящий клан, жестко контролируя себе послушных, одновременно парализует силы значительной группы ленинградских писателей — прежде всего тех, кто отстаивает независимые от клана идейно-творческие позиции».

Мы требовали коренных перемен в кадровой политике — покончить с групповой монополией, а также такой «организации работы Союза, при которой все его члены имели бы равные и реальные права и возможности для реализации своего таланта». Мы протестовали, в сущности, против русофобии, против расовой дискриминации, против нарушений прав русского меньшинства и преследований по национально-этническому и политическому мотивам. Мы жаждали Независимости и Справедливости!

Это заявление стало важным этапом во все более обострившихся русско-еврейских отношениях. Уже один только групповой его характер считался криминальным. В Совдепии сам факт коллективного письма трактовался как вопиющий криминал. Монополию на власть, контроль, решение кадровых вопросов, издательства и СМИ, экономические рычаги — еврейские националисты считали и считают своей естественной привилегией. За 70 лет советского русофобского режима, нередко предоставлявшего детям Израйля вседозволенность, некоторые евреи приобрели особый менталитет, психологию оккупантов («эта страна!»). Поэтому наша попытка вырваться из русофобских цепей, наша «непокорность» (непривычная особенно в Ленинграде) поначалу ошеломила противника, который, придя в себя, оказал бешеное сопротивление.

Нас немедленно обвешали жуткими ярлыками, объявили шовинистами, раскольниками, провокаторами, клеветниками, «раздувателями» межнациональной розни и «дрязг», скандалистами и т.п. Скучно перечислять...

Как и в былые времена, по меткому выражению Станислава Куняева о литературной борьбе 1930-х, «все началось с ярлыков». Было сделано все, чтобы похоронить нашу инициативу. Наше скромное желание равноправия было расценено как наглый бунт на всегда величаво-спокойном писательском корабле.

Мы не знали, чем кончится начатая борьба. Над русскими головами по-прежнему нависала мрачная политическая глыба всесильного ЦК КПСС, руководимого тогда оголтелыми русофобами Яковлевым и Горбачевым. У многих сохранялся привычный, десятилетиями внедрявшийся страх перед кремлевской дубиной, перед спецслужбами (все силы КГБ уходили на слежку и ловлю русских националистов), перед террором со стороны «малого народа». Общая атмосфера общественной жизни была уже достаточно конфликтной.

Цитирую свой дневник от января 1989 г.: «Время кошмарное. Мы вступили в период возрастающего хаоса и погрома. Растет и русско-еврейское противостояние. Видно уже отчетливо, что правительство и ЦК КПСС — на содержании у американского Сиона — и все энергичнее помогают двум процессам: 1. Разграбление страны с одновременным уничтожением природы, среды обитания. 2. Геноцид русских — голодом, измором, отравленной едой, пьянством, нищетой и пр.».

От нас требовалось мужество, патриотическая стойкость, неотступность и твердая воля. События испытывали нас на прочность, гражданскую смелость и политическую бескомпромиссность.

Вскоре из Москвы пожаловала «комиссия» (ох уж эти комиссии — они всегда были универсальным силовым инструментом гос- и партноменклатуры всех времен) во главе с писателем Владимиром Санги — для проверки и умиротворения «конфликта». На 24 января 1989 г. назначили общее

собрание Ленинградской писательской организации. Всем было ясно, что предстоит тяжелое сражение. Я помню, как не хотелось идти на это собрание, терзали мрачные предчувствия, ведь соотношение сил было чудовищно неравным. Некоторые из нашей группы — из песни слова не выкинешь — «заболели», сослались на «острую занятость» и пр. Не хотелось бы думать, что они «сдрейфили».

Снова обращаюсь к своему дневнику, вот моя запись после собрания: «Пришлось идти на это собрание, поскольку приехала комиссия из Москвы, и наше отсутствие истолковали бы как “бегство”. Была вся еврейская орда — человек двести пятьдесят, а нас оказалось всего четверо. Кроме меня — А. Стерликов, Ю. Помозов, Э. Дубровина. Все мы и выступали. Собрание — оно проходило в Белом зале на втором этаже — длилось почти пять часов. В основном страсти бушевали вокруг вопроса — каков полный состав нашей группы, кто еще подписывал заявление. Особенно усердствовали, поджигая собравшихся, А. Нинов, В. Арро, В. Воскобойников, В. Кавторин. Неоднократно с мест раздавались истерические вскрикивания, преимущественно женские (кто именно, разобрать не удалось, я сидел во втором ряду) с такими, к примеру, текстами: “Вы нам прямо скажите, что вам надоели наши жидовские морды”, “что тут рассуждать, разве не известно всем, что Любомудров и другие — органические антисемиты”... и т.п.

На этом беспримерном собрании — такого в своей жизни я не видел еще ни разу — по ярости, ненависти, озлобленности этой ощеренной толпы. Кидались как крысы, лавиной. Нинов потребовал подать на нас в суд за клевету на писательскую организацию. Кавторин заявил: Любомудров — далекий от литературы человек, незаконно протащенный в Союз московской кликой... Мое выступление слушали в гробовой тишине, а после его оконча-

ния в дальних рядах зала даже раздались аплодисменты. Я начал так: “Мы забыли, что мы — люди. Мы забыли, что мы — разные люди. И уважение к различиям, к инакомыслию — норма общежития, мера уважения друг к другу... Мне стыдно, что наше собрание атмосферой более походит на камеру дознания, на застенки, чем на обсуждение, диалог творческих людей, писателей... Впрочем, эта атмосфера, видимо, предопределена еще той казарменно-бюрократической структурой, каковой являлся писательский союз в сталинско-бериевские времена. А форма организации и порождает ее стиль, атмосферу общения...”

Сразу после меня к микрофону бросился журналист Ходоров (из журнала “Нева”), который с неприкрытым злорадством сообщил: “Да, выступление Любомудрова произвело сильное впечатление, но знаете ли вы, уважаемое собрание, что два дня назад на вечере журнала “Наш современник” в Доме культуры железнодорожников Марк Николаевич заявил, что наш город болен эпидемией русофобии”... Мне долго не давали вернуться на свое место, засыпая градом провокационных вопросов: Почему вы выступали на секретариате СП в Москве? Кто еще подписал заявление? Выскочил к трибуне пушкинодомец А. Бритиков: “Вы мне ответьте, кто эта мафия, о которой написано в письме, кто эти люди?”

Все лица искажены злобой и ненавистью, желанием уничтожить и просто убить. Потом выступили А. Стерликов и Ю. Помозов, они говорили о нездоровой атмосфере в организации, о преследовании и дискриминации русских национально мыслящих литераторов. Э. Дубровина говорила на надрыве, тоном вконец замученного человека, который уже на грани гибели или самоубийства. Поскольку ее исповедь (иначе не назовешь) была напряженно-откровенной, произносилась тихим голосом, ее не перебивали, дали до-

сказать до конца» (*конец дневниковой записи*).

Э. Дубровина выступала с такой трагедийной силой, что даже наши «каннибалы» на какой-то момент онемели. Столько скорби и взыскующей справедливости было в ее словах! Ощущалась выстраданность каждой фразы. Она тоже говорила о драматической участи русских литераторов, о несостоявшихся, искусственно заглубленных судьбах, напоминала о нравственных и духовных традициях нашей великой литературы, которые нуждаются в поддержке и развитии. Говорила сердцем, которое разрывалось от боли.

Через месяц состоялось отчетно-выборное собрание Ленинградской писательской организации. Вместо А. Чепурова, которого посчитали, видимо, слишком вялым, «клан» избрал ответственным секретарем В. Арро. Атмосфера в зале имела все тот же характер — местечково-склочный, визгливый и злобный. В выражениях по-прежнему не стеснялись. В. Кавторин, разразившись бранью по адресу «Содружества», прямо заявил, что «надо бить в морду»...

Обращаюсь снова к своему дневнику: «Прения. Первым выступил Сергей Воронин. Выступил мощно: “Я буду говорить о судьбах русских писателей в условиях групповщины...” Довольно скоро его стали перебивать, начался гвалт, шум. Воронин отбивался как лев, — отвечал смело, напористо, энергично. Но тут подоспел “регламент”, и ему так и не дали договорить до конца. Потом выступили представители “Содружества” В. Козлов, Ю. Помозов, Н. Утехин, Е. Туинов, Йоле Станишич и я. Всем нам мешали, заглушали криками и никому не дали договорить, завершить свою речь до конца. Обструкция была истерической. Противник явно потерял равновесие, исходил злобой и клокочущей ненавистью.

Но главную задачу мы, по-видимому, выполнили. Противная сторона сама

себя разоблачила: стало очевидным, что ни на какое мирное “общезитие” с русскими она не пойдет. В президиуме сидели председатель республиканского правления С.В. Михалков, секретарь правления Э.Ю. Зимин, первую половину собрания — секретарь обкома КПСС Ю.А. Денисов» (*конец дневниковой записи*).

В своем выступлении С.В. Михалков по обыкновению пытался лавировать, однако с реверансами в еврейскую сторону. Вот фрагмент его речи: «Я русский с пятнадцатого века. Но как не стыдно сегодня говорить, что кончают самоубийством по вине евреев. Можно договориться до того, что во всем виноваты коммунисты и евреи. Сами виноваты...» Но поскольку Михалков все же юлил, а от него ждали решительного осуждения нашей группы, то вскоре и ему стали орать из зала — «Регламент!». И тоже не дали закончить выступление.

Почти год продолжалась наша борьба. Нападки на «Содружество» не прекращались. Даже и «главный интеллигент» страны Д.С. Лихачев поучаствовал в этом. Сегодня мне очевидно, что дерзость наша была просто невероятной. Мы посягнули на доселе неприкасаемое. Напомню, что сами слова «русский» и «еврей» были строго табуированы режимом. Их произнесение мгновенно наказывалось обвинениями либо в шовинизме, либо в антисемитизме; надо ли пояснять, что запретными они были преимущественно для русских. Понятно и неистовство представителей «малого народа», привыкшего к монополии своей власти, к безнаказанности русофобской позиции — наш отпор оказался для них полной неожиданностью. Прощаться с монополией очень не хотелось. Посягновения на диктатуру «клана» могли показаться катастрофой.

Но все же мы победили. В ноябре 1989 г. пленум Союза писателей РСФСР принял решение «выделить ассоциацию “Содружество” в само-

стоятельную областную Ленинградскую писательскую организацию». Руководство Союза трусило, партийный диктат был еще очень силен. Помню дрожащие пальцы председателя собрания Ю.В. Бондарева — когда, читая, он держал перед собой наше заявление. Я с огромным уважением отношусь к этому выдающемуся писателю, с ним нас связывали достаточно короткие отношения. Но — так было. Мы заставили поставить вопрос о нашей организации на общее голосование. Нас тогда крепко поддерживала русская провинция, писатели В. Распутин, Вас. Белов, Т. Глушкова, Ан. Буйлов и многие другие. Большим перевесом голосов пленум принял решение в нашу пользу.

Были сняты барьеры на путях вступления в Союз талантливых литераторов. Появилась возможность независимо решать вопрос о приеме в Союз достойных людей, близких нам идейно, мировоззренчески, эстетически. Ранее процедура искусственно затягивалась на годы. Имевшие по многу книг и статей, например, А. Ершов, Н. Утехин долгое время не пропускались в организацию. Мое вступление ленинградская организация затянула на семь лет. В конце концов меня приняли решением московского секретариата, помогли мои столичные соратники.

* * *

Наша победа стала важным рубежом в борьбе национал-патриотов с русофобией. Это противоборство становилось все более открытым и результативным. В ряде случаев появилась возможность закреплять успех организационно. В сущности, мы выступили против политического режима, который идеологически был антирусским. И оставался таковым вплоть до его ликвидации в 1991 г. Наш опыт послужил примером некоторым другим писательским организациям, в которых произошло похожее плодотворное размежевание.

Вспоминаю, как возмущало меня то, что редакторы в СМИ и в издательствах неизменно начинали знакомство с твоей рукописью с подсчета того, сколько раз упомянуто в ней слово «русский». Считалось допустимым, если роковое слово встречалось не более двух-трех раз даже на объемную книгу. Довод звучал официозно-непреклонно: «Какие русские? Вы забываете, что мы не русские, а — советские». Подобные свидетельства можно найти и у других писателей. Например, прозаик Ю.С. Скоп, сибиряк по происхождению, возмущался: «В Москве меня прежде всего попытались приучить к забвению собственной русской национальности; в издательствах у меня из рукописей постоянно вычеркивалось слово “русский”... в издательстве “Современник”, например, это слово может присутствовать в рукописи не более трех раз» (см.: Московский литератор. 1988. 5 февраля). С наименьшей категоричностью требовали цитат кого-либо из кремлевских дебилоидов, что-нибудь про «новую общность — советский народ». Вспоминаю про это, и тошнота подступает к горлу...

На собрания, связанные с «расколом», сбегался весь литературный Ленинград. Помню, на упомянутое январское собрание пришел Борис Стругацкий. Сидел во втором ряду, смотрел на все изучающим, холодно-презрительным взглядом. Мы со Стругацким одноклассники, но тогда здороваться друг с другом уже перестали. До конца 1970-х наш школьный класс почти ежегодно собирался вместе. На каком-то этапе Борис перестал ходить на встречи. Разрыва вроде бы и не было, не было и ссор, все произошло естественным образом. Постепенное идейно-политическое размежевание привело нас к разным полюсам.

Не могу не коснуться в этой связи романа братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя», изданного в том же горячем 1989 году.

В одной из глав выведен персонаж по имени Марек Парасюхин. По авторской характеристике (легко предположить) это вариант русского патриота. Марек напевает «Боже, царя храни», в графе «национальность» неизменно пишет «великоросс», предлагает проект «решения национального вопроса в пределах Великой России, с учетом угрожающего размножения инородцев», а также утверждает, что «Третья мировая уже идет... сионизм против всего мира». Разумеется, у этого персонажа «белесовато-бесцветная физиономия... васильковые глаза... белобрысые волосы».

Конфликт между героем романа (от его лица ведется рассказ) и Марекком возникает из-за того, что герою не понравились политические взгляды Марека. Какова же реакция на такое инакомыслие?

Меня, помню, ошеломила та поистине бездонная, неистовая сила ненависти, которую испытывает к Марекку главный герой-повествователь. Он называет Марека мерзкой поганкой, сукой поганой, непотребной тлей, поганой мордой, дрянью, скотиной, не давая тому, как говорится, рта раскрыть. Дело не ограничивается ругательствами. Происходит свирепая физическая расправа. Герой в садистском упоении признается: «Глаза у меня застлало. Отвратительное чувство априорной безнаказанности владело мною». А затем он неожиданно набрасывается на все еще недоумевающего Марека: «Я врезал ему левой между глаз... прицелился вцепиться зубами ему в нос... я швырнул его по лестнице вниз, я гнал его пинками пролет за пролетом... лицо его разбито в кровь, ни единой пуговицы не осталось на пальто... всего-то и надо было, что раздавить мерзкую поганку... я кинулся на него сверху. Убить. Наверное...»

И вся эта звериная кровожадность возникла — так в романе — только из-за того, что Марек — «другой», у него иные, свои «проекты» и убеждения.

У меня родились тогда подозрения, что Борис Натанович вложил в эту сцену расправы над неугодным чужаком и свои мысли и чувства. Здесь — тайна, возможно, восходящая к талмудистской мистике и заповедям, вроде «лучшего из гоев — убей». Невольно вспомнились и бессмертные «Протоколы», и книга В.В. Розанова «Об осязательном и обонятельном отношении евреев к крови». Впрочем, возникала в памяти и беспримерная разнузданность некоторых наших писательских собраний...

Осталось добавить, что в десятом классе, в котором учился Борис Натанович, был только один ученик по имени Марк (польское — Марек) с двухсоставной фамилией. И — припоминаю — я действительно иногда в графе «национальность» писал «великоросс». Я прочел роман уже после наших баталий 1989 года, и ассоциации мои сомкнулись.

* * *

Общественная жизнь продолжала бурно развиваться. Едва ли не важнейшим событием стали выборы депутатов в Верховный Совет СССР (1989). Предложение баллотироваться на повторных выборах по Ленинградскому городскому национально-территориальному округу № 19 было для меня неожиданным. Я долго не соглашался на настойчивые уговоры и нажим, который оказывали на меня друзья. Подписал свое согласие участвовать в выборах поздно ночью, накануне последнего дня регистрации кандидатов.

Мой рафтинг совершил еще один крутой вираж, войдя в зону, опасную своей неизвестностью и непредсказуемостью...

На одну депутатскую вакансию претендовали 34 зарегистрированных претендента. Шансов победить было ничтожно мало. Но я решил использовать возможность получить трибуну на радио и телевидении, которую

предоставляли правила предвыборной борьбы. Составить свою программу мне не представило никакого труда — необходимость патриотического пробуждения русского народа, национального, духовного и культурного возрождения России я с давних пор утверждал и пропагандировал в своих книгах, статьях, докладах. Именно это и привлекло симпатии общественных кругов, выдвинувших меня в депутаты. Моим программным лозунгом стали слова «Возродим Россию!». Мотивы были изложены в предисловии к программе: «Дорогие соотечественники! Россия — наш общий дом — приведена в состояние крайнего разорения, развала и одичания. И никто, кроме нас самих, не выведет Родину из кризиса». Далее я указывал на многолетнюю дискриминацию России и русских во всех сферах жизнедеятельности, включая политику, экономику, науку и культуру. С трудом удалось опубликовать мои тезисы в газете «Смена» (1989, 11 мая).

Не буду перечислять всего «пакета» моих предложений. Укажу на те, которые касались национального вопроса. Именно они тотчас вызвали ожесточенную полемику. Я требовал: «Исправить все перекосы в национальной политике. Воспитывать уважение народов друг к другу. Соблюдать принцип пропорционального представительства наций на всех уровнях, начиная от низкооплачиваемых физически тяжелых работ и кончая сферой управления. Восстановить справедливое, пропорциональное представительство наций в органах массовой информации (газеты, журналы, радио, ТВ), при приеме на учебу, в сферах культуры и искусства, в области формирования научных и творческих кадров, их подготовке и аттестации».

Особо важным я считал следующий пункт: «Противодействовать открытой и завуалированной пропаганде русофобии, прикрывающейся лозунгом

“борьбы с национализмом и шовинизмом”».

Призывал еще «пересмотреть практику искусственного перемещения народов, административно-командное заселение коренных русских областей в центральной и северо-западной России представителями южных и среднеазиатских республик, что отрицательно сказывается на жизни и коренных жителей, и переселенцев». Так что миграционная замена населения началась еще с начала 70-х годов, когда эшелоны с южанами были двинуты на Русь. Не Ельцин–Путин придумали эту антирусскую диверсию, а советники Брежнева, которые все были из «пятой колонны»...

В трехдневных теледебатах каждому было дано по 5 минут, всего — 15. Два дня выступления транслировались и на Москву. На третий — московский канал был перекрыт. К общему стыду, о России, о русских интересах не вспомнил почти никто из 34 ораторов... На это обратил внимание один из кандидатов, инженер А. Пыжов. Выступая, он задал вопрос: «Почему на выборах по национальному округу никто из претендентов, кроме Любомудрова, не выдвинул национальной программы, отвечающей специфическим заботам России?»

По подсчету оргкомитета к концу третьего дня теледебатов студия приняла 1400 телеграмм и более 600 телефонограмм. Из них 205 были адресованы мне. Моя программа привлекла повышенное внимание. Один из характерных вопросов звучал так: «В своей программе Вы упоминаете об опасности русофобии — что это такое и как проявляется, назовите имена русофобов». Пришлось разъяснять. Наиболее бурные отклики вызвал тезис о национально-пропорциональном представительстве, — возмущение и грозные окрики одних и энергичная поддержка со стороны других. Как мы знаем, и сегодня, почти через четверть века подобное требование порождает

мгновенный и яростный протест у русоненавистников.

В последние минуты теледебатов я получил две телеграммы, которые мне особенно дороги. Привожу их полностью. Первая: «Ваш голос — это не глас вопиющего в пустыне. Мы Вас слышим. Ленинградцы». И вторая: «Марк Николаевич, спасибо, что Вы подняли голос в защиту русского народа. Я полька, выросла в России. Мне больно, как оскорбляют, незаслуженно обвиняют русских другие народы СССР. Русские всегда были интернационалистами, добрыми, терпеливыми. Сами досыта не ели, помогали другим. Сейчас РСФСР самая бедная республика. Добивайтесь возрождения России. РСФСР пора преобразовать в Российскую Советскую Социалистическую Республику со своей столицей и самостоятельным правительством. Надо поставить Россию в равноправные условия с другими республиками. Огласите мою телеграмму. Нейфельд Нинель Яновна. Участник Великой Отечественной войны. Дочь польского интернационалиста».

По итогам голосования победил с очень большим отрывом юрист Н.В. Иванов. В народе тогда была сильна иллюзия — страну спасут адвокаты, правоведы, милиционеры... Кандидаты народно-патриотической ориентации (вместе со мной их оказалось девять) собрали в совокупности 12,36 процента голосов. Социологи Ленинградского университета провели свой анализ итогов — исследовали участок, где избирателями были студенты и аспиранты. Результат: «Сторонники развития не только малых, но и больших наций, включая возрождение русской культуры, — В.А. Ефимов, М.Н. Любомудров, И.В. Красавин и др. — были поддержаны около 5 процентами избирателей».

Ох уж эти пять процентов! На протяжении всего XX века самые самоотверженные, жертвенно служившие России ратоборцы ни разу не смогли обратить на выборах у русского на-

рода более пяти процентов голосов. Брагам Родины пришлось потрудиться несколько веков, чтобы достичь столь ошеломляющего результата.

* * *

1990-е явились свидетелями невероятного торжества русофобии. Опереточные кунштюки ГКЧП, государственный переворот Ельцина. Разгон Съезда народных депутатов СССР, беловежские соглашения. Рыночная революция цен после гайдаровских реформ, грабительская приватизация по Чубайсу. И кульминация — расстрел законной и худо-бедно, но русской власти в октябре 1993 г.

Тогда, в конце сентября, я несколько дней провел в «Белом доме» среди своих друзей — писателей и журналистов. 4 октября я был в Ленинграде и расстрел смотрел по телевизионной трансляции. Почти сразу же написал статью — «Россия на кресте», где есть и такие строки: «Было ощущение, что стреляют в меня, стреляют в Родину. Ведь так случилось, что волею судеб “Белый дом” стал ее олицетворением. Незабываемая трагическая картина. Кадры хроники садистского ритуального жертвоприношения, хладнокровного убийства русских людей, осажденных в здании».

Президиум Верховного Совета РФ накануне точно определил происходившее: «Президент пошел на крайние, заранее запланированные действия по свержению конституционного строя и свертыванию демократии. В России совершен государственный переворот, введен режим личной власти Президента, диктатуры мафиозных кланов и его проворовавшегося окружения». В сущности, в стране установилась диктатура русофобии, против русского народа был развязан жесточайший террор.

Русофобия... Весь XX и начало XXI века прошли под знаком оголтелой, свирепой русофобии. Говоря словами Зб. Бжезинского, «русские — лишний народ». И судя по всему, этот приго-

вор мировой закулисы окончательный и обжалованию не подлежит.

Чтобы воссоздать исторический контекст, вынужден повторить свои ответы на вопросы журнала «Русский дом» (июнь 1998).

«— Каково нынешнее положение России и на чем основывается Ваша оценка?»

— Третья мировая война продолжается, война всех сил мирового зла против России. Это психотронная, информационная война прежде всего. Цель наших врагов — геноцид русского народа и ограбление страны. Международной иудео-масонской олигархии вкупе с штурмовыми отрядами “малого народа” внутри государства удалось достичь ошеломляющих успехов: захвачена центральная власть, все средства массовой информации (т.е. оружие массового поражения); в руки противника попали все национальные богатства страны, взяты под контроль и в значительной степени разоружены армия и военно-промышленный комплекс. Русская земля подверглась неслыханному грабежу и разорению. Безостановочно усиливается политика агрессивного вымаривания населения. Россия переживает самую страшную в своей истории катастрофу».

Тогда же я высказал свой прогноз на «ближайшее будущее» (таков был еще один вопрос журнала): «Мы должны быть готовы к еще более тяжким испытаниям. Неизбежно дальнейшее развитие кризиса, финансовый крах государства, девальвация рубля и т.п. Правящая клика, упившись кровью и золотом, уже не может остановиться (как всякий вампир) в своей страсти к наживе и человеческим жертвоприношениям (геноцид!). Поэтому в высшей степени наивно и глупо ждать каких-то “улучшений”. Разбой будет продол-

жаться. Если не вмешается Господь, это может затянуться на годы... Вряд ли народ решится на вооруженное сопротивление. В русском населении все еще слишком много безбожников и трусов... За последние десять лет я не знаю почти ни одного серьезного законодательного решения в пользу русского народа. Уповать на благодеяния “карманно-оппозиционных” Совета Федерации и Думы не приходится».

За минувшие пятнадцать лет многое ли изменилось? Я готов повториться. Правда, были и знаковые события, вектор противостояния русских русофобскому режиму стал более отчетливым, множились примеры стихийно возникающего отпора антирусскому террору: Кондопога, Харагун, Сагра и др.

Наиболее внятно пафос справедливости, национального достоинства, чести и свободы выразился в лозунгах молодежного авангарда, вышедшего на Манежную площадь в памятный день 11 декабря 2010 года: «Москва — русский город», «Россия для русских», «Русским в России — русскую власть», «Путин, уйди сам!» и т.п. Если это не проект «русской идеи», то достойная основа для русской, точнее — великорусской национальной идеологии. И все яснее прорисовывается мятежный «Русский ответ» на «Русский вопрос», главнее которого сегодня нет ничего.

Сегодня русофобия переживает очередной виток своего подъема. Одно из многих свидетельств тому — очень содержательная и беспощадная статья Вл. Бондаренко «Антирусская культура» (Завтра. 2013. № 8), в которой он обличает Кремль и его поделщиков в «осознанном тотальном разрушении нашей национальной культуры».

И мой рафтинг продолжается... Кондопогу и Манежную мы не забыли.

Сергей Жаворонков

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ КОРНИ РУСОФОБИИ

Опыт новейшей истории

Для начала хотелось бы сделать несколько важных оговорок. Я не претендую в настоящей статье на уровень ученого теоретика, давая определение слову «руссофобия» и исследуя все ее формы и виды от древних времен до наших дней. Ведь «руссофобия» зачастую понимается крайне широко.

Например, мне доводилось слышать соответствующее обвинение в адрес подпольных в СССР и многочисленных ныне представителей школы историков-норманнистов. Как же так — утверждают, что не сами русские создали государство, а при чьем-то содействии или влиянии? Всё, руссофобы.

Руссофобией часто объявляют любое уважение к иностранным институтам. «Низкопоклонство перед Западом», как это называлось в сталинские времена. Сейчас в пору говорить о популярном в обществе «низкопоклонстве перед Китаем», трубящем о каких-то выдающихся достижениях этой несвободной и бедной, с душевым ВВП в разы ниже российского, страны.

Руссофобией часто объявляют констатацию каких-то бед русского общества — сейчас или в прошлом. Ну, скажем, написал, что в России много пьют или много убивают (и то, и то, кстати, статистический факт) — всё, руссофоб.

Часто руссофобами объявляют просто любого приверженца другой политической концепции — к примеру, в девяностые этот ярлык использовался тогдашней оппозицией против сторонников Бориса Ельцина, а в нулевые, наоборот,

был взят на вооружение официальной пропагандой против антипутинской оппозиции. Хотя, разумеется, что среди тогдашних сторонников и противников Ельцина, что среди сегодняшних сторонников и противников Путина настоящих руссофобов довольно мало.

Я бы дал такое краткое определение руссофобии: «Руссофобия — это политическая концепция, которая утверждает изначально присущую русскому народу и не поддающуюся исправлению злонамеренность и/или неполноценность».

То есть русский в представлении руссофоба — это нечто вроде опасного для человека зверя, ну волка например. Этот зверь рожден опасным, безопасным он быть не может («сколько ни корми»), ничего поделаться с этим нельзя. Надо из гуманных соображений держать его либо в зоопарке, либо где-то далеко в лесу, а лучше всего пристрелить. Ничего не поменяется, если на место волка мы поставим какое-то другое животное, не опасное, но наделенное, по мнению судящего, дурными качествами. Свинью, скажем, или крысу, или таракана какого-нибудь.

Кроме того, хотелось бы сразу сузить тему — речь сейчас пойдет о явлении, когда руссофобию проповедуют сами русские, люди русской культуры. Руссофобия со стороны иностранцев — явление во многом другого порядка. Во-первых, иностранец не обязан считать русских дружественным народом — он вполне может считать их врагами, да и бывали периоды истории, когда русские

и какой-либо еще народ действительно находились или находятся не в самых теплых отношениях. Во-вторых, иностранец, как правило, имеет значительно меньше информации о жизни в России и реальных русских, нежели российский русофоб. В-третьих, российский русофоб фактически занимается самоуничтожением, он говорит о себе. Он может сколько угодно придумывать отговорки, что у него бабушка была еврейка, а прадед армянин, но всем — включая русофоба — понятно, что это именно отговорки.

Впрочем, Валерия Новодворская в свое время одна из первых выдвинула концепцию просвещенного меньшинства. В книге «По ту сторону отчаяния» она писала в частности: *«...Хочу сразу оговориться. Я не уважаю свой народ. За исключением тех, кто пришел в августе к Белому Дому и не отрекся потом от демократии, как отреклись Власов и М. Челноков. Я его люблю и жалею, я отдам за него жизнь. Но уважать его мне не за что, власти всех сортов вьются над ним, как стервятники. Но стервятники над живыми не летают...»*.

Баба Лера впоследствии давала много дополнительных характеристик этого самого просвещенного меньшинства — те, кто за Егора Гайдара, те, кто за Джохара Дудаева и его вольную «Ичкерия», и даже те, кто за капитализм, — определения, страдающие несколькими проблемами. Во-первых, из социологии очень давно не следует, что большинство русских против капитализма как такового, во всяком случае, если его понимать в дилемме «капитализм как система свободного ценообразования и предпринимательства versus советская экономическая система». Или вот к «Белому дому» в августе 1991 г. вышло явно немало сторонников Ельцина, только что избранного президентом России на выборах, когда о фальсификациях даже и не говорили, набравшего в первом туре 57,3%, а его противники не вышли никуда вовсе, и нет никаких оснований подозревать большинство — тех, кто остал-

ся сидеть дома — в том, что оно состоит из тайных поклонников КПСС. Получается, что меньшинство = большинство. Абсурд.

Впрочем, опытный русофоб без труда дополнит свое представление о просвещенном меньшинстве дополнительными ограничителями, вроде той же «Ичкерии» или иных явно непопулярных конструкций. Смысл этих ограничений — создать такое комфортное для себя пространство, в котором он и ему подобные были бы «настоящим большинством», одновременно являясь в обществе маргинальным меньшинством.

* * *

Я не случайно начал с Новодворской, и вовсе не потому, что в поисковике ее фамилия рифмуется со словосочетаниями из серии «Новодворская о русских». На примере ее богатой биографии хорошо видны истоки политической русофобии. Националистам — да и демократам — ее биография известна плохо, обычно помнят лишь, что вроде в советское время ее посадили в психушку, после выпустили, потом она выступала против коммунистов и стояла в одиночных пикетах, обклеив себя ватманом с разными эпическими фразами, а теперь пишет колонки в «New Times». Мало кто обращал внимание вот на какую особенность биографии Новодворской. Новодворская — профессиональный политический неудачник, сектант.

Причем начинала она неплохо, имея авторитет «жертвы коммунистических репрессий». Но Демократический союз, одну из первых демократических организаций, она развалила, доведя его численность до нескольких человек, а большинство своих соратников обвинила в работе на КГБ, ничем не доказав это голословное утверждение. А ведь Демократический союз (ДС) был пусть не выдающимся, но ярким явлением 1987–1990 гг., достаточно сказать, что его газета «Свободное слово» выходила тиражами в десятки тысяч экземпляров и ее, продававшуюся по рублю при цене со-

ветской прессы в несколько копеек, расхватывали на тогдашних митингах как горячие пирожки. Идя на шаг впереди общей волны, начиная критиковать Ленина, когда все говорили только о Сталине, говоря о капитализме, когда вокруг говорили о перестройке и ускорении, ДС в конце восьмидесятых имел и нормальную для тогдашних «неформалов» численность, и выступал в роли своего рода идейного авангарда демократического движения.

Кстати говоря, в ДС была и фракция «демократических коммунистов» — да-да, тех самых коммунистов, которых Новодворская позже призывала карать. В 1991 г., совершив резкий кульбит, Новодворская выступила против Ельцина в поддержку ГКЧП (!), выдвинув параноидальную теорию о том, что главный коммунист-заговорщик — это как раз Ельцин, а ГКЧП — это так, несчастные, обманутые им люди. Осенью 1991 г. Новодворская публиковалась в газете «День» А. Проханова. В середине 1992 г. новый кульбит — просвещенная пассионария переходит на сторону Ельцина, объявив главным врагом «недобитых коммунистов» из Верховного Совета РСФСР. В 1993 г. она — гость съезда партии власти, «Выбора России»; впрочем, руководство партии благоразумно отказалось включать ее в партийный список. А так, глядишь, история русского парламентаризма пополнилась бы фигурой не менее веселой, нежели Жириновский или Марычев.

В 1994–1995 гг. Новодворская ругает Ельцина за предательство реформаторов, после начала чеченской войны пишет статьи о том, что Ельцин заслужил смертную казнь. В 1996-м — новый кульбит: Новодворская за Ельцина против коммунистов, агитирует за правительство «молодых реформаторов». В 1999-м, в связи с началом второй чеченской войны, Ельцин опять стал плохим. Не желая слишком утомлять читателя перипетиями бурной политической карьеры бабы Леры, отмечу, что и Е. Гайдар, и А. Чубайс, в симпатии к которым

признавалась Новодворская и которых иногда несправедливо к ней приравнивают, в разные периоды истории так же, как и Ельцин, оказывались для нее «предателями», после чего опять становились «либералами» и т.д. и т.п.

Отношения Валерии Ильиничны с избирателями не заладились сразу. В 1993 г., не попав в список «Выбора России», она поехала попытать счастья в Ивановскую область, планируя выдвинуться по одномандатному округу. Но дикий народ почему-то не побежал ставить за нее автографы, а для регистрации тогда требовался 1% подписей от числа избирателей, то есть в среднем где-то около пяти тысяч подписей. Рисовать подписи Новодворская то ли не смогла, то ли не захотела, таким образом позорно не справившись даже с самым начальным этапом кампании.

Позже Новодворская несколько раз баллотировалась в Москве, по месту жительства, в округах на северо-востоке — в Государственную Думу в 1995 и 2003 гг., в Московскую городскую думу в 1997-м. На этот раз подписи она сдавала и ее регистрировали — но тогда, по большому счету, регистрировали всех и к подписям особо не придирались. Результат колебался в пределах 3–4%. Притом, опять же, никаких претензий к честности подсчета голосов не предъявлялось. И винить Новодворской на самом деле некого: в Москве избирали по округам депутатами и Сергея Адамовича Ковалева, и Константина Натановича Борового. Последний четырежды баллотировался в депутаты на основных и дополнительных выборах, и вот в декабре 1995 г. таки добился результата. Просто Ковалев и Боровой сумели провести избирательную кампанию, а Новодворская — нет.

Теперь повернемся в другую сторону политического поля. 1995 год, декабрь. Либералы горюют над итогами парламентских выборов, когда ДВР Е. Гайдара не прошел в Думу, а думское большинство составили коммунисты, аграрии да жириновцы. Но не повезло «красно-коричневому» Эдуарду Лимонову, кото-

рый баллотировался по Ленинградскому округу в Москве, — он набрал всего 5% голосов. Лимонов, как и Новодворская, человек творческий, порывистый, и его мнения периодически менялись. В нулевые годы, когда большинство статусных либералов трусливо попрятались от нового авторитаризма, именно вчерашний сторонник диктатуры Лимонов стал видным деятелем оппозиционного освободительного движения, заслужив авторитет как личным мужеством, так и мужеством активистов своей организации. Так что я вовсе не собираюсь ругать персонально его, просто так уж получилось, что писатель очень ярко сформулировал вполне узнаваемую позицию.

В предновогодней «Лимонке» 1995 г. он писал: «Узнав о результатах выборов, подумал: “Избирателей нужно бить ногами. Они выбрали прошлое”».

Новый год Россия будет встречать такой же больной шизофреничкой. Более того, отказавшись от услуг радикальных докторов, она обеспечила себе болезнь еще на четыре года. Население, конечно, беспробудно... напьется в две недели Рождества (два) и Новых годов (два) и будет право. После такого свиного выбора только и остается свиноски напиться. Теперь страна будет изживать еще одну иллюзию: что КПРФ и ее пенсионеры-лидеры МОГУТ. Да давно не могут, не стоит у них, разве на лицах и брюках не написано?.. После тупой и неблагодарной работы по убеждению граждан с двумя извилинами, что у меня этих извилин сотня, взял я бабенку нерожалую да портвейн и отдохну дней десять. Чего и вам желаю. С Новым годом, олухи и козлы!.. Я испытываю страсть к моей нации — к духовному сообществу людей действия и мысли, воинов, солдат, крестьян, казаков, философов-царей, поэтов — большевистских цезарей. Нацию каких-нибудь вологодских крестьян и Петра Великого, нацию завоевателей и ученых и прекрасных русских женщин. Историческую нацию людей прошлого и будущего, объединенных общей идеей Рос-

сии, нашей небесной и земной Родины. Избиратель России опять струсил. Не хватило храбрости выбрать новых людей. Посему выбрали старых — пенсионеров КПРФ, жириновцев, черномырдинцев, рахитов из “Яблока”. И даже выбрали такой мусор истории, как всяческие буничи, гдланы и Старовойтовы. Фактически состав Думы остался прежним, что и в 1993 г. Почему? На выборах 17 декабря 1995 г. худшие, ублюдочные люди-овощи сделали свой коллективный антинациональный выбор. Большинство электората — спятившие от дряхлости с ума старики и старухи выбрали прошлое. Эти старики и старухи не есть нация. Это больные выродки, слабоумные люди, которым нельзя доверять выбор даже участкового милиционера, не то что депутатов парламента. Вместе с моими ребятами я ездил по избирательным участкам 17 декабря и был подавлен и физическим уродством избирателей, и чудовищно низким умственным развитием большинства из них. Беспомощно вглядываясь в бюллетени, избиратели буквально мычали, ничего не соображая. Один идиот-старик так старательно засунул вместе с бюллетенем пальцы в урну, что пришлось вынимать их всей избирательной комиссией, иные опустили в урны свои паспорта. На лице многих был ужас полного непонимания. Впечатление от лицемерия избирательного процесса и избирателей — удручающее. Банда старых беспомощных животных наводнила участки. Судьбу России должны решать не эти, с трудом дотягивающие до человека, организмы в шапках и сапогах, но лучшие люди России. Политический курс России, то, какой ей быть, должен решать авангард нации... Нормальные выборы с таким, как у нас, электоратом невозможны. Возможно только клиническое действие, приводящее к шизофреническим результатам. Вообще идея выбора стадом животных пастухов из самих животных ущербна сама по себе. Вожака не выбирают, он появляется

сам, и его превосходство над стадом и индивидуумами в стаде несомненно, почти никогда не оспаривается. А если оспаривается, то решается физическим или интеллектуальным поединком с претендентом, а не количеством поднятых за претендента лап и копыт».

Поменяйте тут Бунича на Шафаревича, да хоть вставьте в качестве ругательного персонажа самого Лимонова — ничего не изменится, перед нами яркий манифест кандидата, проигравшего выборы. Юрий Карякин, восклицавший после победы Жириновского в декабре 1993 г. «Россия, ты одурела!», — это зеркальное отражение народного депутата Павлова, рассуждавшего в передаче Караулова в том же 1993 г. про то, что он лично готов застрелить Ельцина, несмотря на волю избирателей. Поиски просвещенного диктатора — то ли Сталина, то ли Пиночета — точно так же начинались по итогам очередных выборов.

Надо вспомнить, что выборы в России начиная с конца восьмидесятых напоминали непредсказуемые качели, как и должно быть при демократии. Конец восьмидесятых: избрание нескольких сот «демократов» в Верховный Совет СССР, они были в меньшинстве, но уже сам факт появления инакомыслящих в парламенте имел огромное значение. Выборы в Верховный Совет РСФСР 1990 г.: победа «демократов». Апрельский референдум: победа «демократов». 1993-й: боевая ничья, в парламент проходят примерно в равном числе и сторонники Ельцина, и противники, и эклектичный Жириновский, неожиданно реализовавший спрос на «третью силу». 1995-й: победа антиельцинской оппозиции. 1996-й: реванш Ельцина. 1999-й: почти равное количество голосов за КПРФ и «Единство», возвращение правых либералов в парламент, очень пестрый состав парламента с шестью блоками, преодолевшими барьер. Избрание Владимира Путина, в котором многие видели то, чего хотели: патриота, либерала, человека здравого смысла...

А вот дальше, когда этот человек

здравого смысла решил сделать Россию своей частной собственностью, с выборами — все больше и больше — начали происходить чудеса. Сначала массовая практика отказов кандидатам в регистрации. Потом закрытие партий, потом различного рода фальсификации — от хитрых «каруселей» до наглой рисовки протоколов с удалением избирателей. Ну и прочие радости: фактический запрет на финансирование оппозиции, 282-я статья УК и тому подобное.

В начале девяностых в целом идеи неспособности русского народа к свободе и саморегулированию власти посредством выборов была логично популярнее среди борцов с «антинародным ельцинским режимом», проигрывавших выборы «демократам» (хотя и не всегда, треть губернаторов избиралась от оппозиции). Оппозиция тогда не понимала некоторых вещей, которые позже объяснит Путин: бывает не только так, что оппозиция не занимает пост президента, бывает, что она не имеет ни единого депутата в парламенте, ни одного губернатора или мэра крупного города, зачастую вообще ее представителей тотально не регистрируют в качестве кандидатов в депутаты.

В нулевые удивительным образом оказалось, что те самые либералы, которых власти вышвырнули из парламента, которых запретили финансировать, против которых чудовищными и нарастающими темпами фальсифицировались выборы — речь идет в любом случае о **миллионах голосов** — стали массово рассказывать о себе как о каком-то удивительном меньшинстве, которое чуждо русскому народу. Сюда можно отнести и творчество откровенно кремлевское, вроде Леонида Радзиховского, и вполне оппозиционное — вроде Юлии Латыниной.

Некоторые лжелиберальные русофобы доходят и до поддержки изменения состава населения России через сокращение доли русских. Вспомним Романа Доброхотова, рассказывавшего на «Радио Свобода» про две трети русских

ксенофобов и нацистов и яростно отстаивающего массовый завоз мигрантов из Средней Азии. Настоящий либерал, журналист Дмитрий Бутрин хорошо возразил ему тогда: «...говорить о том, что две трети русского народа являются детьми малыми, которые нуждаются в защите государством от вредных влияний, это до некоторой степени нацистская практика».

* * *

Но давайте разберемся. Может быть, русские действительно плохо голосуют, если исходить из либеральных взглядов? Почему бы эту тему не обсудить: никто же не удивляется, когда мы говорим о тотальном голосовании черного населения США за Барака Обаму или почти столь же тотальном голосовании американцев русского происхождения за Митта Ромни.

В 2011 г., например, в русской Московской области за «Единую Россию» голосует 33% избирателей даже по официальным данным (для сравнения: в Чечне — 99%), а общественные организации мигрантов из Средней Азии официально призывают голосовать тех, кто имеет российские паспорта, за «Единую Россию». Современная история — как постсоветского пространства, так и Ближнего Востока, показывает, что как раз этнические меньшинства являются обычно электоральной базой любого авторитаризма, оптом продавая голоса общины в обмен на материальные привилегии.

Возможно, либералов обманывает редкое исключение из правил, которое имело место в конце 80-х — начале 90-х. Скажем прямо, речь идет о евреях, которые действительно в массе своей были настроены значительно более антикоммунистически, чем основная масса населения, много евреев было и среди активистов демократического движения, на что любили указывать его критики. В КС «ДемРоссии» количество евреев иногда приближалось к половине от его состава. Но это все давно в прошлом. Сейчас

любой антисемит может проверить списки руководства либеральных организаций и не найти там ярко выраженного еврейского присутствия, официальные еврейские организации соревнуются в восхвалении Путина.

Все это вполне понятно и объяснимо: если в позднем СССР евреи находились если не в трагическом, но всё же несколько в ущемленном положении — к примеру, из-за неформальных национальных квот в ряде областей, ограничивающих верхний порог их присутствия, то путинский режим ничем, никак специфически не обижает евреев. Как будто издеваясь над здравым смыслом, лжелиберальные адепты прогрессивных национальных меньшинств, ссылаясь на евреев, оправдывают массовый ввоз в Россию мусульман из Средней Азии, которые вовсе евреям не дружественны.

Словом, вывод мой таков: русофобия девяностых и нулевых в значительной степени вызвана травматическим шоком от возвращения в страну демократии. Ведь демократия — это система, которая не гарантирует вечной власти сторонникам той или иной концепции. Однако, проигрывая выборы, то та, то иная сторона примерно одними и теми же словами начинала объяснять, что русский народ плох и глуп. И даже кликала на свою голову прогрессивного диктатора. «Как природа требует вождя / И ее окутывает дождь, / Так народы требуют вождя, / И уже пришел великий вождь» — писал какой-то незадачливый претендент на эту роль в запомнившемся мне выпуске маргинальной ультранационалистической газеты 90-х; память моя, однако, ни фамилии автора, ни названия газеты не сохранила.

Русским не нужен великий вождь, русские сами могут и должны выбирать себе начальство, и на этих выборах будут побеждать то левые, то либералы, то националисты. В этом нет ничего страшного, это нормально. А какова альтернатива демократии, к которой русские якобы не способны, — сегодня хорошо видно.

АЛЕКСЕЙ ЗАХАРОВ:

«ОБЩЕСТВО В ОДИН ГОЛОС КРИЧИТ: ДОЛОЙ НЕЛЕГАЛЬНУЮ ИММИГРАЦИЮ!»

Всеволод Радченко, политолог:

— Алексей, нас сподвигло прийти к Вам Ваше знаменитое обращение о проблеме миграции, получившее большой резонанс в обществе, в Интернете разлетевшееся. Вы, наверное, ожидали, какой эффект оно произведет, потому что проблема на самом деле давно назрела. В своих интервью Вы сами эту тему давно педалируете. Когда Вы осознали, что эта тема важная, что скоро, возможно, будет какая-то точка невозврата и что нужно что-то предпринимать?

Алексей Захаров, Президент рекрутингового портала Superjob.ru:

— Меня эта тема системно заинтересовала во время кризиса 2008 года, когда в стране происходило большое количество увольнений, в том числе низкоквалифицированных рабочих, и по регионам ситуация была сложная, непонятная — и работодатели вели себя нервно, и власть беспокоилась. Я тогда входил в думскую рабочую группу по рынку и обратил внимание на то, что у нас открыт рынок труда для неквалифицированной миграции, при том, что у нас ожидаются свои массовые увольнения. Я подумал: надо что-то делать, потому что если ничего не делать, станет только хуже. Тогда я говорил, что у нас еще есть лет 10, чтобы ситуацию поправить, поэтому давайте принимать меры. Наверное, с этих пор, с 2008 года, я внимательно смотрю на то, что происходит именно на черном

рынке труда и, на мой взгляд, ситуация усугубляется не просто от года к году, а от месяца к месяцу. А мер, чтобы этому противостоять, никаких не предпринимается.

Я понимаю, что Государственная Дума ничего не может сделать, она только утверждает решения, которые спускаются сверху. Что все решается в Администрации Президента и Правительстве, что без согласования с президентом никакое решение не проходит. Нет у наших депутатов никакой законодательной инициативы, нет права закрыть рынок труда и принять какой-то закон, закрывающий границы. Мы все возмущаемся, говорим об одном и том же, при этом все эти разговоры как вода в песок. Я высказался на канале «Эксперт», энное количество посмотревших мое интервью со мной согласились. Я высказался на радиостанции «Вести ФМ», некое количество людей возмущалось. Внутри общества это возмущение растет, пружина сжимается, а никаких решений не принимается при том, что все понимают, что происходит. Все, кому положено, находящиеся на высоких постах, прекрасно все понимают.

Я имею достаточно широкий круг общения с чиновниками на высших постах — с президентом лично или с премьером лично не знаком, но через одно рукопожатие знаком с какими-то там не последними чиновниками. Я считаю, что идиотов у нас в высшей

власти нет — там все умнейшие люди, и они многие вещи, быть может, по-своему видят. Может, они не видят пробок, они не знают, сколько стоят деньги, потому что по магазинам не ходят, но информация до них доходит. Вопрос — как информация подается. Президенту приносят дайджест — вопрос, что там написано, какая там информация. Поскольку мы, наше агентство, в информационном поле живем давно и активно сотрудничаем с большим количеством средств массовой информации, нас знают, у нас много эксклюзивной информации по рынку труда, у нас налаженные связи с коллегами. Получилось так, что, когда мы распространили это письмо, пошел вал перепостов в Интернете. Все радиостанции подхватили ту тему. Это произошло потому, что все главные редактора этих радиостанций, все журналисты думают одинаково. Когда по всем радиостанциям звучало мое письмо президенту Путину, журналисты читали не мое письмо, они читали свое письмо. Сложилась такая ситуация, что вокруг этой темы есть полный общественный консенсус — 98–99%.

Есть разные темы — политические, экономические, по большинству из них нет консенсуса во власти, нет консенсуса между властью и оппозицией, внутри оппозиции по ключевым темам не могут между собой договориться, каждый считает, что он прав, и другого не слышит. А здесь все, кто любит Путина, кто не любит Путина, коммунисты, демократы, националисты, интернационалисты насчет ситуации на рынке труда и завоза огромного количества рабов в страну — все мы думаем одинаково. Поэтому это громко прозвучало, и дальше коллеги-журналисты добились комментариев от министра труда, от Федеральной миграционной службы, от вице-премьера.

А. З. Я ожидал реакции от всех своих знакомых, близких и незнакомых — то есть от общества в первую очередь. Ждал ли я личного ответа от Владимира Владимировича Путина? Нет, конечно. По меньшей мере было бы странно ожидать, что через два дня в послании Федеральному собранию он произнесит фразу: «Да, я давеча читал Захарова и абсолютно с ним согласен». Или «не согласен» — бред. Я реакцию президента ожидаю в виде каких-то действий

В. Р. Путин, когда обращался к Федеральному собранию, как человек гибкий и дипломатичный, естественно, сказал так, что трактуй, как хочешь. С одной стороны, мы будем жестко бороться с нелегальной миграцией, с другой — начинаются какие-то послабления. Особенно это проявилось после новогодних праздников — не в речи, а в тот же день, когда Депардье предоставили гражданство Российской Федерации, тихой сапой отменили квоты на найм мигрантов

А. З. Я читал этот закон, там не все так страшно. В первую очередь речь идет о людях, которые живут здесь и имеют вид на жительство. Это не касается тех, кто не имеет разрешения на работу в стране. Там идет речь о том, что если человек живет в стране и имеет вид на жительство, то ему не надо дополнительно получать разрешение на работу. Вид на жительство до сих пор получался сложнее, чем разрешение на работу. Надо будет смотреть на правоприменительную практику, но пока этот закон облегчает больше жизнь тем, кто к нам не едет, — например, американским физикам-ядерщикам. Пока нет оснований ожидать, что наши физики-ядерщики будут со швейцарскими или американскими физиками-ядерщиками конкурировать на нашей территории. Пока идет отток у нас. Этот закон больше направлен на то, чтобы облегчить пребывание здесь людей, которых мы хотели бы видеть, но они к нам не едут.

В. Р. Возвращаясь к проблеме миграции. Может, имеет смысл объединить усилия людям бизнеса и тем политическим силам, которые давно эту проблему озвучивают, и сделать национально мыслящее лобби, лоббирующее интересы наших с вами сограждан, и не только заявлять, но и делать совместные проекты.

А. З. Но нам нечего лоббировать. 100% людей во власти, с которыми я беседовал с глазу на глаз, абсолютно со мной согласны. Вопрос, перед кем лоббировать. Ли Куан Ю в Сингапуре, чтобы сохранить власть на протяжении тридцати с лишним лет, приходилось прилагать определенные усилия к сохранению власти. Эти усилия были направлены на образование, на обеспечение народа определенными благами, но не за счет государства — там замечательная система, которая позволяет людям самим работать и быть независимыми от государства и чиновников. Но они очень зависимы от той системы, которая была создана. Ему приходилось каждого сделать собственником недвижимости, в стране 100% граждан владеют недвижимостью. Чтобы каждый рабочий играл в гольф. Да, на разных полях играют в гольф министр и обычный рабочий. Но и тот и другой произносят одинаковую фразу: «Я сегодня был в клубе, я играл в гольф». То есть для того чтобы сохранить власть, пришлось построить такую систему.

У нас для сохранения власти наша элита делает прямо противоположное. То есть нужно, чтобы как можно больше было необразованных людей, чтобы было как можно больше людей, потерявших представление о своих корнях, потерявших представление о том, что такое хорошо и что такое плохо, что такое Господь Бог, несмотря на то что Церковь мы поддерживаем и восстанавливаем, завезти как можно больше непонятно кого и дать им российское гражданство, и они будут благодарно голосовать за ту власть, которая пре-

доставила им гражданство. Но мне кажется, что те, кто принимает решения, все прекрасно понимают, но смелости что-то сделать и понимания собственной ответственности нет. «Но есть и Высший Суд, наперсники разврата!».

В. Р. Может, здесь «просто бизнес»? Что называется, «ничего личного»? Понимание есть. Но всегда есть возможность куда-то улететь, где-то есть запасные аэродромы, дети уже за границей...

А. З. С нашей элитой получается следующее: когда эти люди находятся каждый сам по себе, это нормальные люди, переживающие, болеющие за страну, но когда они собираются вместе, происходит что-то странное. Они перестают переживать за страну, и решения, которые принимаются, одно страшнее другого. Очень часто они просто бессмысленны. Очень часто вокруг какой-нибудь государственной темы, в том числе по вопросам, связанным с рынком труда, делается большой шум, появляются инициативы, начинают работать министерства, но в результате гора рождает мышь.

Надежда Шалимова, шеф-редактор журнала «Вопросы национализма»:

— Но мы должны знать, что предложить. Известно, что за границей осталось 25 миллионов русских. Россия должна считаться их территорий. Может, имеет смысл предложить этот проект, предоставить им гражданство?

А. З. Люди свободны, они свободно перемещаются. К сожалению, процент перемещения мозгов от нас сильно превышает процент перемещения мозгов к нам. Нет никаких исследований, что есть 25 миллионов русских, которые хотят переехать к нам. Расклад там следующий: «Ты хочешь вернуться в Россию? — Да». «А вернешься? — Нет». Есть относительно небольшой поток высочайших профессионалов, которые перемещаются ту-

да-сюда, и даже есть прецеденты, когда ведущему ученому с мировым именем российского происхождения здесь предоставляются условия — лаборатории, институты, но все равно они живут на два дома. Они в общем-то никуда не уезжают, эта не та эмиграция, которая была в 80-е годы, когда люди закрывали квартиру на ключ и уезжали навсегда. Те, кто уехал за последние 10–15 лет, они не уехали навсегда, они просто переехали туда, где им комфортней.

Н. Ш. А те, кто остался после распада Советского Союза на чужой территории?

А. З. Все, кто хотел, уже переехали.

Н. Ш. Далекое не всегда. Проблема в том, что им сложно получить российское гражданство.

А. З. Мне кажется, что системно мы никого и никуда не репатрируем. Смотрите, что у нас происходит — принято решение об облегчении порядка получения российского гражданства...

Н. Ш. Но не для русских!

А. З. Дело в правоприменении. Принято решение об облегчении получения российского гражданства гражданами бывшего СССР. Но если вам комфортно за рубежом, у вас бизнес в Грузии, Латвии или где-то еще, а у вас нет российского гражданства, вы можете получить российский паспорт, вам будут рады. Такие люди попадают под действие этого закона, но они никуда не поедут. А поедут как раз те, кого нам не хотелось бы видеть здесь в большом количестве, потому что эти люди здесь не адаптируются и они приезжают не строить здесь великую Россию, они приезжают строить здесь некий Таджикистан на нашей территории либо халифат, причем большинство из них даже таких слов-то не знают, но те, кто их завозит и руководит всеми этими потоками, они это прекрасно понимают.

В. Р. Но есть люди, которые хотят поехать, которые высказывают такое желание, но спрашивают: «А где я буду жить, где буду работать?», а государство им не помогает. Если сравнить ситуацию с ситуацией в Германии и Польше, где государства поддерживают своих уроженцев и предоставляют им субсидии...

А. З. Государство не обязано. Здесь ситуация несколько другая. Чем меньше государство делает что-то конкретное, тем лучше для всех вокруг. Другое дело, что государство у нас не создает тех условий, чтобы что-то происходило без его вмешательства. Законодательная база ужасна, она противоречива, например, по закону в Москве построить ничего нельзя. Законы таковы, что все, что строится в Москве, незаконно. Если ты по одному закону законно построил, то обязательно другой закон это сделает незаконным. Вот такие условия. Общая комфортность жизни такая, что мы боимся по вечерам выходить на улицы и боимся 14-летних детей одних отпускать на другой конец Москвы. Я в 8 лет из Нижнего один ехал в Москву. Сейчас кто-нибудь решится 8-летнего ребенка в поезде одного отправить из Нижнего в Москву? Испереживаешься, что будет. Поэтому люди не едут к нам, не потому что им кто-то в чем-то не помогает. Они не едут ровно по тем причинам, по которым к нам не едут американские физики-ядерщики.

Н. Ш. Они не едут по разным причинам. Мы имеем опыт практической реализации проекта. Наши кубанские товарищи пару лет назад начали проект по помощи репатриантам, которые хотят на Кубань приехать, и сталкиваются там с проблемами. С одной стороны, государство официально провозглашает курс на возвращение соотечественников, даже декларируют, что им должны дать какие-то подъемные, но на практике это всего лишь слова. И люди хотели бы приехать — да, это

не великие умы, не великие программисты, это обычные простые люди, как и среднеазиаты, которые едут сюда. Только среднеазиату порой бывает легче здесь обосноваться, чем русскому, который знает, что когда он придет, ему будут вставлять палки в колеса.

А. З. У нас законодательная база такова, что чиновник так делает, действуя по закону — не потому что он не хочет давать вам гражданство, а потому что он обязан действовать по закону. Вопрос с получением гражданства затянется на три года. При этом криминальное получение гражданства — на что не идут наши соотечественники, они от этого уезжают — занимает три недели.

В. Р. Есть в Прибалтике примеры, когда государство взяло и аннулировало все гражданство, полученное после 40-го года, когда были аннексированы эти территории. Вопрос: сейчас люди, которые, здесь обосновываются и получают вполне легально гражданство — кто им может гарантировать, что потом не будет проведена какая-либо проверка?

А. З. За много лет утечет много воды. Тут вопрос имеет, на деле, даже не один, а множество вариантов решений. Проблема в том, что они не реализуются. Было энное количество инициатив от президента, в том числе законодательных. Написаны какие-то законы, дано указание к 2015 году обеспечить въезд из стран СНГ хотя бы по загранпаспортам, потому что иначе мы не сможем наладить хоть какой-то пограничный контроль. Ну, хотя бы к 15-му году, а можно раньше, и Ромодановскому дать орден, если он обеспечит все это хотя бы к 14-му году или к середине 13-го. Есть конкретная задача, по которой что-то должно системно контролироваться. Тогда есть гарантия, что хоть что-то будет сделано. Сейчас же какая претензия к Федеральной миграционной службе — что

она по закону не имеет право пускать по внутренним паспортам, а потом мигранты растворяются. А потом в «Вестях» репортаж про 60 китайцев, которые где-то в тайге нелегально валят лес. Ведь речь идет не только о Средней Азии. Когда мы говорим о нелегальщине и размытии российских этносов (кто-то из социологов пытался мне оппонировать: «где вы насчитали столько таджиков») — не надо забывать: есть Китай, туда еще посмотрите. Уже у нас в Благовещенске они — и это та же самая проблема. Уже и в Подмосковье, и в Москве вьетнамских рабочих ловят. Ситуация вышла из-под контроля. При этом с Китаем у нас нет безвизового режима, с Вьетнамом нет безвизового режима. И все равно их сюда завозят.

То есть это огромный бизнес на торговле людьми, который курируется высшими сотрудниками Федеральной миграционной службы — кем конкретно, я не знаю, но всем известно, что у нас всю проституцию курируют менты, всю наркоторговлю курируют менты. Без местного силовика никакая наркоторговля невозможна, а наркотиками торгуют в открытую. Есть полная уверенность, что вся нелегальная миграция контролируется конкретными чиновниками Федеральной миграционной службы в свою пользу.

В. Р. Помимо советов, готовы Вы были бы присоединиться к каким-то практическим проектам? Естественно, гражданское общество не в силах сделать то, что в силах сделать президент с его вертикалью власти, но нажать разные болевые точки, чтобы это лучше дошло до верхов, мы в состоянии. Эти проекты могут быть разнообразны — от помощи, вот у вас рекрутинговое агентство...

А. З. У нас не рекрутинговое агентство. Нужно понимать: все рекрутинговые агентства являются нашими клиентами, они составляют, наверное, одну десятую процента от всех наших клиентов. С нами работают 600 тысяч

компаний, но мы с ними не работаем. В нашей базе данных 7 миллионов человек, которые ищут работу. Наша задача — связать информационно работодателей и соискателей, связать их напрямую и с ними в этом процессе не участвовать.

В. Р. Вы можете стать той площадкой...

А. З. Мы уже являемся той площадкой, куда может прийти абсолютно любой человек, в том числе не имеющий российского гражданства, разместить свое резюме и найти работу в России, и таких примеров сотни и тысячи. Мы уже все это делаем, и этот процесс ничем не отличается технологически для граждан России

В. Р. Я просто хотел сказать, что вы являетесь посреднической площадкой, у вас есть знакомые в бизнесе, вы сидите в центре некоторой паутины, у вас масса связей и вы знаете, где и какой бизнес в чем-либо заинтересован. Я понимаю, в силу демпинга люди вынуждены заниматься наймом более дешевой рабочей силы, но, возможно, есть какой-то бизнес более социально ответственный, который искал бы выход на нормальных, непьющих трудоспособных русских людей из, например, бывших стран СССР...

А. З. Так не бывает. Такого бизнеса нет, ни одного. Никто не ищет людей так. Если нужен непьющий — то будь он негр преклонных годов, будь он гражданин России... Я ищу не национальность, не гражданство, я ищу навыки, поэтому мне, как бизнесмену, все равно — если есть тот навык, который меня устраивает, и есть этот навык у человека, который, условно, бывший соотечественник, и есть вакансия на Superjob... При этом нужно понимать, что огромное количество бизнесменов, абсолютное большинство бизнесменов при прочих равных возьмут на работу своего бывшего соотечественника, который говорит по-русски, а

не неквалифицированного приезжего из Китая. Но что происходит: наши соотечественники, которые возвращаются, например, они находятся на легальном положении и их надо брать на работу легально, а вот тех, кого надо взять на работу нелегально и потом нелегально выкинуть — с ними вроде проще. Для многих бизнесменов это тяжелый выбор. Либо ты уменьшаешь свою прибыль, а значит, не купишь жене сапоги, либо ты являешься законопослушным. При этом в последнее время чаще и чаще от конкретных бизнесменов, моих знакомых, такое слышу: мы пробовали, брали гастарбайтеров, но отказались потом, настолько ужасное качество работы — и не потому что люди идиоты, а потому, что они русского языка не знают, им объяснить сложно, и пьют они не меньше, чем наши. Может, сначала не пьют, а потом начинают бухать хуже даже наших, потому что люди абсолютно непривычные к тяжелым алкогольным напиткам. И уже обосновавшиеся и покрутившиеся здесь гастарбайтеры хотят совсем другие деньги. И многие бизнесмены отказываются от них — я знаю такие примеры в строительстве, в сельском хозяйстве... Но они отказываются по чисто экономическим причинам. Чтобы с большим удовольствием брали соотечественников, нужно отрезать с другой стороны поток нелегалщины, о чем я и говорил. До тех пор, пока мы не отрезали поток нелегалщины, никакие легальные потоки даже с миллионами или десятками тысяч возвращенцев ничего не изменят.

В. Р. У нас не отрежут поток нелегалщины, пока со стороны общества не будет отдельных представителей бизнеса...

А. З. Общество в один голос кричит об одном и том же: долой нелегальную иммиграцию! Я, как представитель этого общества, который выходит на тех людей, которые принимают решения, принимают участие в принятии реше-

ний, я до них свою точку зрения доношу. Более того, их точка зрения на ситуацию полностью совпадает с моей. Что незаконная миграция — это хорошо — ведь нет такого мнения! Разве что отдельные специалисты из Высшей школы экономики — и все! Хотя я уважаю в целом социологическую школу ВШЭ, но в данном случае их социологи говорят: нам нужны мигранты. Но другие говорят: нет! Демографы, как один — с именами, еще советские, они со своей стороны на это смотрят. Специалисты по рынку труда, мои коллеги, говорят то же самое, медики с третьей стороны — все говорят одно и то же. Не надо вокруг чего-то там объединяться, потому что все, включая высшую власть, — мы все думаем одинаково. На мой взгляд, нужны жесткие политические решения.

В. Р. Они бывают сверху, когда снизу давят. Пока не было Манежки, Аслан Черкесов мог гулять на свободе, но случилась Манежка — и наверху зачесались.

А. З. Не сильно, думаю, пока...

В. Р. Не сильно, но Черкесова посадили.

А. З. Слава Богу, я думаю, будь это Черкесов или Иванов, за преступления надо сажать.

В. Р. Я думаю, и СМИ, и народные протесты, и какие-то конкретные практические проекты, они по-разному влияют на власть. Например, в ближайшее время Национально-Демократическая партия планирует провести общероссийскую кампанию по отмене безвизового режима со странами Средней Азии и Закавказья. Вы бы поддержали информационно такой проект? Мы будем ходить по домам, будем делать пикеты — это же инициатива Путина, что если будет 100 тысяч подписей, то инициатива каким-то образом рассматривается. Мы не особо верим в чудеса, но тем не

менее мы готовы это сделать. Вы готовы поддержать этот проект?

А. З. Лично? Нужно смотреть на конкретику. Снова скажу, компания не поддерживает никаких политических проектов. Но, поскольку у нас сейчас лучшие возможности в стране для оперативной социологии, мы в информационном поле можем эту тему активно поднять. Началась какая-то акция — мы можем выяснить, как население страны, в зависимости от пола, возраста, дохода и так далее, относится к идеям, которые озвучили на акции, и дальше нашим друзьям-журналистам сообщить, поддерживается ли эта акция массой населения, и они это печатают. Или эта акция проходит незамеченной. И в этом может быть наша поддержка в информационном поле, что это есть, об этом напишет еще энное количество журналистов, которые бы об этом писать не стали, но просто они привыкли цитировать интересную социологическую статистику, которую мы даем.

Настасья Иванова, журналист:

— Вы говорили, что со многими чиновниками общались, которые в принципе плохо относятся к нелегальной миграции, потому что она нелегальна. Но Россия заключала двусторонние договоры с Таджикистаном о миграции. У нас есть Таможенный союз, который через Казахстан позволяет мигрантам из других государств валить валом. Как часто эти чиновники ссылались на геополитический фактор? То есть миграция — плохо, конечно, но нам нужно держать эту территорию?

А. З. Не ссылаются они на геополитический фактор — во всяком случае те, с кем я разговаривал. Когда мы говорим, условно, на кухне или в бане, все заявляют, что надо с этим что-то делать.

Н. И. А что же геополитика постоянно всплывает в риторике российской власти?

А. З. Спросите власть. Вопрос — что дальше? Что мы можем сделать? Ничего мы не можем сделать. Но я вам скажу, когда власть испугается. Когда гастарбайтеры выйдут вместо болельщиков «Спартака» на Манежку. 7 тысяч болельщиков «Спартака» можно закатать катками в асфальт. С 7 тысячами болельщиков «Спартака», из которых никто не готов умирать, за редким исключением, ОМОН знает, что нужно делать. Вот сегодня у меня нет ни малейшего сомнения — при необходимости легко вывести на Красную площадь 100 тысяч гастарбайтеров, которые умирать будут, потому что им терять нечего, и ОМОН с ними не справится. И наше государство любимое, которое принимает решения, дожидается именно этого. И только это — и больше ничто другое их не вразумит.

В. Р. Вы считаете, что повлиять может только большая кровь?

А. З. Я считаю, что повлиять может только большой испуг. Я вообще противник революций, крови... Я вообще считаю, что политическая борьба (у меня гуманитарное образование и я историю всегда любил и изучал), что политическая борьба никогда ни к чему хорошему не приводила. В результате революций на месте одного бандита оказывался еще более кровавый, более голодный бандит. Поэтому любое революционное потрясение, любое силовое свержение власти, которое мне кажется маловероятным в России... Учитывая, что почта и телеграф сейчас так просто не возьмешь.

В. Р. Но у нас сейчас все законы как из сказки про Чиполлино, налог на воздух...

А. З. Да, налог на воздух... Поэтому здесь надо, чтобы испугались. Чуть-чуть — но испугались. Болельщики еще раз не выйдут в количестве 7 тысяч.

Н. И. Сейчас они считают, что контролируют мигрантов? И если да, то через какие механизмы?

А. З. Они контролируют бизнес на мигрантах. Контролирует ли государство мигрантов? Нет.

Н. И. А как сами власти оценивают свою способность контролировать мигрантов?

А. З. Это вы меня спрашиваете? Я считаю, что, пока жареный петух не клюнет, русский мужик не перекрестится. И вся наша история, опять же не путинская Россия, а Россия еще до Ивана Грозного показывает, что мы всегда, к сожалению, ждем, пока клюнет жареный петух. Я очень не хочу всяких жареных петухов, поэтому я поднимаю громко какие-то вопросы. И мой посыл следующий: ребята, ну вы не ждите, пока жареный петух в задницу клюнет, он ведь уже клюв занес, потому что они-то пересидят где-то, а если я, не дай Бог, окажусь в метро на Манежке, когда там 100 тысяч гастарбайтеров вдруг зачем-то решат взять Кремль. И что мне делать? Им-то по барабану, они сели на вертолет — и улетели, а я-то здесь, я не хочу никуда уезжать, я здесь хочу жить. Поэтому это не ко мне. Вопрос ко мне: зачем написал письмо? Я ответил. Нужно ли лоббировать? Не нужно, потому что у нас здесь полный консенсус.

В. Р. Но ведь национальные диаспоры лоббируют свои интересы.

А. З. Нет национальной диаспоры у России.

В. Р. Мы вынуждены ее создавать, иначе мы не выживем.

А. З. Мы должны не допускать появления на территории Российской Федерации каких бы то ни было национальных диаспор. А создавать в противовес чеченской или армянской диаспоре русские диаспоры — это бред, и не будет никогда такого. Мы здесь у себя дома, на своей территории. Наша зада-

ча — не противопоставлять диаспору диаспоре и кавказской круговой поруке русской круговую поруку.

Н. И. А каким образом можно избежать появления национальных диаспор в России, ведь это процесс довольно естественный? Запрещать создание национальных организаций?

А. З. Мы сейчас снова придем к жесткому контролю миграционных потоков и политике ассимиляции. Ничего другого не придумано. То есть допускается ровно столько в единицу времени людей, которым позволено что-то делать, сколько российское общество сможет ассимилировать. Сколько мы можем сделать этнических таджиков русскими по культуре, по вероисповеданию, столько мы и пускаем. В Швейцарии и Японии с этим успешно работают.

В. Р. Швейцария в последние годы голосует за партии, которые с этим работают.

А. З. Работают. Но все-таки страновые различия накладывают свой отпечаток. У нас есть опыт Российской империи, жесткий опыт, сталинский опыт тоже весьма жесткий. Если мы не можем по-другому контролировать, надо вводить институт прописки. И если кто-то говорит, что это не демократично и нарушает права человека, я лично считаю, что права человека можно нарушать, и я противник демократии — вот в этом. Значит, так — потому что других способов я не вижу. Ну не демократично, но при Ли Куан Ю по индексу демократии Сингапур был последним в списке, сильно за Советским Союзом. Потому что он такое с оппозиционерами выделял, и так красиво, что нам и не снилось, что называется.

Н. Ш. Авторитаризм тоже может быть разным.

А. З. Правильно, это вопрос цели. У Ли Куан Ю авторитаризм был на-

целен на то, чтобы из Сингапура, вонючей деревни, сделать великую страну. Он это сделал, жестко, в том числе собственных друзей сажая за коррупцию. Ему не так часто это приходилось делать, потому что все знали, что он чист, а у него не заржавеет. Да, я понимаю — это тяжелейшая политическая нагрузка, это одиночество великого деятеля — у него нет друзей, потому что начинаешь слишком доверять, и дальше ты в товарище разочаровываешься и вынужден его на 30 лет отправлять в тюрьму за коррупцию. Да, человек одинокий — но результат налицо. Что мы можем в России? Мы можем в России ждать лидера. Может тот лидер прийти к власти демократическим путем?

Н. Ш. Может.

А. З. Нет, это Ваше убеждение, что может, мое убеждение — что нет. И история России и история любой большой страны показывает, что этого не бывает, и в Соединенных Штатах президент выбирается не демократическим путем, а путем консенсуса элит, и никакой демократии там, на мой взгляд, нет. Это слово придумано для того, чтобы огромную массу обывателей держать под контролем сникерсами и поить кока-колой, чтобы она была уверена, что она что-то решает. Ничего она не решает.

Н. Ш. Все зависит от того, как вы определяете демократию, потому что демократия — это и есть консенсус.

А. З. Да, надо о терминах договариваться. Поэтому Земский собор, новая династия — почему бы и нет? Да, это тоже демократический выбор.

Н. Ш. У меня такой вопрос, несколько в сторону. Поскольку вы уже 15 лет на рынке труда, меня интересует материальная сторона вопроса. Один и тот же труд в разных регионах оплачивается по-разному. Например, труд слесаря-сантехника или дорожника.

Та же уборка снега, когда в Москве получают от 18 до 30 тысяч рублей, а в регионах тот же снег, те же лопаты, а он получает 4–8 тысяч. На ваш взгляд этот фактор влияет на миграционные потоки, на перемещение в крупные центры в погоне за достойной оплатой труда?

А. З. Это вопрос стратегических задач, которые ставит себе государство в своем развитии. В данной ситуации, которая есть у нас, — это нормально, когда люди в мегаполисах получают больше, чем в деревнях. Эта ситуация по всему миру, потому что затраты на жизнь тоже разные. Одно дело, у тебя есть участок с картошкой — и тебе нужно только на соль и на спички. Нет у тебя участка с картошкой — и тебе нужно что-то еще делать, зарабатывать. Если это Москва — нужно еще чего-то больше. Дальше вопрос: сколько есть таких центров? Например, те же Штаты — это полицентричное образование, там нет, условно говоря, Москвы. Если ты живешь в Вашингтоне, а ты в Нью-Йорке — ну и живи. А я живу в Лос-Анджелесе, и твой Нью-Йорк ничуть не лучше, чем мой Лос-Анджелес или наша Оклахома. Развитие Штатов от штата к штату очень разное и разные кластеры занимают разным, но там, тем не менее, нет одного центра, который бы высасывал все соки из всей страны. У нас здесь, конечно, ситуация другая, у нас есть резиновая Москва, исторически так сложилось, что все центры принятия решений здесь, все финансовые центры здесь, и это все в себя, как в воронку, затягивает. Ну можно с этим что-то сделать?

Н. Ш. Может, предложить децентрализацию? Например, Москва, Самара, Казань, Новосибирск...

А. З. Нужно создавать условия. Должны быть созданы невыносимые условия для бизнеса в Москве, гораздо более льготные условия развития бизнеса для того, чтобы построить какую-

нибудь фабрику, шоколадную, к примеру, или по производству туалетной бумаги в каком-то другом регионе, который мы хотели бы развивать. Но нужно понимать, что развивать что-то за Полярным кругом — это бред с точки зрения логистики. Но Сибирь — да, надо развивать, Дальний Восток — там достаточно благоприятный климат, там можно вести сельское хозяйство, рекреация, и природные ресурсы близко. То есть можно сделать что-то такое. Для меня, скажем, был вариант убедить всех наших сотрудников, что компания снимается и мы едем работать во Владивосток. Интернет... Нам все равно, где, но говорю: ребята, ваш уровень жизни во Владивостоке повысится автоматом. Я, да, смогу платить вам зарплату на 30% больше, потому что с меня возьмут меньше налогов ваших, НДФЛ, на 30%. Еще там налог на прибыль меньше, чем в Москве, и купить там трехкомнатную квартиру-студию на 300 метров стоит, как половину «однушки» в Зеленограде. Я уверен, что огромное количество людей скажет: «поехали!». Это не решается в день, в два, в год. Но это возможно сделать в 10 лет.

Н. И. Речь идет именно о бизнесе или государстве? То есть мы возвращаемся к идее молодежныхстроек, когда возникают проекты в Сибири или на Крайнем Севере, даются какие-то льготы и отток населения идет туда, развивается внутренняя миграция, люди, которые сидели без работы, едут туда.

А. З. Люди едут туда, где есть работа, работа есть там, где бизнес может извлекать повышенную прибыль. У нас малый и средний бизнес, несмотря на огромное количество деклараций, очень тяжело развивается, а основным налогоплательщиком у нас является крупный бизнес, контролируемый государством — сырьевой, у них всех штаб-квартиры в Москве, и вахтовым методом что-то там добывается. Поэтому это непростая задача. Вопрос,

есть ли методология решения таких задач исторически? Есть. Будет поставлена задача — будет она решаться, пока же решается задача переселить всех в Москву.

Н. Ш. А как вы считаете, нужно ли только бизнесу заниматься созданием рабочих мест? Может, имеет смысл приложить государству усилия и 50% собственного производства в этих точках и организовывать? Создавать стратегические заводы, оборонные.

А. З. Государство — это абстракция. У нас был государственный капитализм, не было никакого государства. Был конкретный директор на конкретном заводе, который создавал конкретные рабочие места под какую-то конкретную задачу. У нас тратятся сотни миллиардов рублей в год как раз на то, о чем Вы говорите, на создание рабочих мест, на опережающее переобучение находящихся по угрозе увольнения, еще на всякую чепуху — по линии Минтруда это сотни миллиардов. Это на 100% выброшенные деньги. Они даже не украдены, они просто спаленные и слитые в унитаз. А процесс не дает никакого эффекта вообще.

Н. И. А почему?

А. З. Если бы я был министром труда, я бы не занимался этими процессами, я бы вообще все прекратил. Как рассуждает чиновник? Дает государство денег — глупо не брать. Мы боремся с безработицей — на это идут огромные деньги. Я считаю, что вообще не надо бороться с безработицей, надо за занятость бороться. А как бороться за занятость? Это создавать условия для бизнеса, чтобы он создавал рабочие места.

В. Р. Есть такое правило: «критикуя — предлагай». У вас, в Superjob, я знаю, есть экспертный исследовательский центр. Возможно, имело бы смысл какую-то альтернативную программу предложить для развития хотя бы одного депрессивного региона?

Если бы вам поручили такой регион, вы бы смогли в отдельно взятом регионе сделать маленький рай внутри России?

А. З. Это невозможно, потому что у нас федеральное законодательство едино для всей страны, и у нас совершенно по-разному чувствуют себя регионы, у нас есть совершенно разные губернаторы и разное развитие у регионов. Часто ставят в пример Белгородскую область, где губернатор уже несколько лет совершает чудеса развития. У нас Груздев в Тульской области, и там, насколько я знаю, достаточно вменяемая активная команда молодых министров пришла, а Тула — депрессивный регион. Они там пытаются что-то сделать. Но у меня есть знакомые, которые сельским хозяйством занимаются в Тульской области. У них процесс получения земли, которая никому не нужна сто лет, этот процесс у них занял год — и это по закону, никто не мешал, все готовы были помогать, местные чиновники были «за». Они собирались развивать бизнес, через месяц начать работать и планировать бизнес-планы, сельское хозяйство, закупку скота. В результате они начали через год. И потом еще местная федеральная антимонопольная служба проверяла местную администрацию: провели ли конкурс, победила ли именно эта компания? А там больше никого не было, никому эта земля не сдалась. То есть сидят местные антимонопольщики, которым заняться нечем, но у них есть регламент, значит, надо проверять. И они единственную сделку, которая у них прошла за последние 10 лет — слава Богу, что наконец-то кто-то пришел, брошенная земля стоит — так они еще и дергали этих людей, которые эту землю абсолютно законно выкупили по аукциону, по стоимости, которую назначало государство. Никто никаких взяток не хотел, все готовы были помогать, но не могли люди сделать что-то быстрее. Здесь 30 дней, там 30 дней, следующая бумажка — еще 30 дней, на регистрацию — еще 30

дней, — все это у нас делается по закону последовательно, и чиновник, при всем желании, не может вам сделать за три дня, иначе на него кто-то накапает, и придут проверять — а чего это он сделал за три дня? Наверное ему где-то что-то отстегнули. И этот чиновник деградирует, потому что условия такие. Конечно, здесь очень много нужно менять.

В. Р. То есть если ты не поменяешь систему...

А. З. Конечно, речь идет о системных вещах, которые надо менять, и они должны революционно меняться сверху. То есть революция нужна не в том, чтобы выйти на улицу, растоптать ОМОН и пролить кровь. Революция должна быть в том, чтобы отменить половину законов, которые действуют, а вторую половину упростить, чтобы люди понимали, что там написано. Вот мы сейчас начали Трудовой кодекс переводить на русский язык, потому что мы не знаем Трудовой кодекс. Попробуйте его почитать. Любой нормальный человек умрет с тоски, потому что там куча бреда, который вообще никому не нужен, который можно в какое-нибудь приложение засунуть. И это все написано таким канцелярским языком, что даже если ты хочешь... Допустим, я условный работодатель, который хочет соблюдать Трудовой кодекс в отношении своих работников, но я только начинаю малый бизнес, я предприниматель, я не юрист. И вот я, как предприниматель, начинаю читать Трудовой кодекс и прихожу в ужас — я не понимаю, чего вы от меня хотите? Пошли вон, я как-нибудь по совести буду работать, попаду я в Трудовой кодекс или нет — неважно.

У нас же есть законодательный акт, доступный даже дебилу, называется «Правила дорожного движения». Это тоже нормативный акт, который огромное количество людей соблюдает и знает наизусть, потому что за несоблюдение чего-то, например, за об-

гон по встрече, следуют определенные санкции. А у нас же огромное количество законов не соблюдается, потому что они написаны так, что понять их невозможно. А дальше я задаю вопрос: можно ли Трудовой кодекс написать так же, как «Правила дорожного движения»? Вот мы и начали переводить и публиковать по главам перевод Трудового кодекса на Superjob.ru. Сейчас будем в еженедельном режиме, по главе, по три главы — потому что я его читаю, и мне самому тошно. Вот мы сейчас переведем Кодекс, потом — Закон о занятости и, быть может, какое-нибудь общественное движение переведет законы Российской Федерации на русский язык, потому что начинаешь переводить на русский язык и видишь всю абсурдность некоторых глав, которые в некоторых законах присутствуют. Но у нас же ни чиновники не читали законов, ни граждане не читали законов. У нас никто законов не знает, и все законы нарушают.

По государственным программам миллиарды выделяются для того, чтобы научить российским законам гастарбайтеров, которые не знают русский язык и к нам приезжают. Я говорю: ребята, ну это же бред, ну лучше украдите денег, зачем бред писать, зачем подставляться так на всю страну? Поэтому мне, конечно, кажется, что система абсолютно нерабочая, что все, что происходит вокруг, оно живет не благодаря, а вопреки существующей системе. И чем реже с системой соприкасается малый и средний бизнес, тем лучше. Он хочет как можно меньше это государство видеть. В принципе, любой бизнес хочет как можно меньше видеть государство, тут мы не одиноки. Но где-то законодательная база такая, что понимаешь — вот Правила дорожного движения для экономики, которые в состоянии осознать нормальный, вменяемый, со средним образованием человек. Пример Грузии: можно как угодно относиться к Саакашвили, но то, что там сделано в области за-

конодательства, уже много чего дает. Потому что чиновник, по большому счету, одинаковый — что в Грузии, что в России. Он бережет свою задницу и не принимает никаких решений, и не хочет, и не будет принимать никаких решений, если он может не принимать никаких решений. Поэтому у него должна быть такая бумажка, чтобы ему было выгодней принимать решения, чем не принимать. То есть здесь огромная системная работа. Может она быть проделана, если 100% депутатов Государственной Думы будут от оппозиции? Нет. Потому что система политическая, которая законодательно, по Конституции, такова, что не может Государственная Дума что-либо сделать. Нет у нее права голоса, никто ее ни о чем не спрашивает. Это чисто представительский орган для спускающая пара. Это монархическая авторитарная система.

В. Р. Если Госдума не может в силу законов, то исполнительная власть почему не может?

А. З. Вспомним господина Ивана Ильина — он много писал о совести монархии. Здесь либо она есть, и тогда прилагаются какие-то усилия...

В. Р. Но подобная монархия, по моему, в 1917 году закончилась, когда она не смогла что-то сделать.

А. З. Ну и та монархия тоже была не идеальная, идеальной монархии не бывает. И Миша Романов, наверное, был не идеален в 1613 году. Не бывает идеала, Царства Божьего на земле не будет.

В. Р. Но тут имеется в виду, когда власть забывает про свои функции.

А. З. Поэтому у нас, к сожалению, страной правит бюрократия, поэтому здесь нужна революция сверху против бюрократии. У нас в истории были революции сверху против бюрократии. Это была революция Ивана Грозного с опричниной и вырезанием слоя бюрократии, которая мешала воплощать

в жизнь то, что нужно было, и, по российской традиции, щепок было много вокруг. Это была революция Петра, который снова, в том числе и физически, вырезал высшую бюрократию, и не только высшую, и менял ее на другую, которую заставлял работать. Это была революция Сталина, который тоже вырезал в том числе и высшую бюрократию, в том числе и своих друзей ради высших целей. Народу полегло миллионами и людей вообще не при делах каких-то. Это наша история. Мы в философском плане ждем следующую революцию сверху, больше ничего произойти на этой территории исторически не может.

В. Р. Но может произойти, как в 17-м, тогда смогла...

А. З. Смогла, потому что власть на тот момент утратила рычаги влияния. Я считаю, что сейчас власть абсолютно жестко все контролирует.

Н. Ш. Приглашали ли Вас, как специалиста, в чиновники?

А. З. Побывать чиновником меня не приглашали, потому что меня можно пригласить только министром труда, потому что все остальное никакого смысла не имеет. А должность министра труда у нас занимает Максим Анатольевич Топилин, молодой министр — меня на эту должность никто не приглашал.

Н. Ш. А если пригласили бы — пошли бы?

А. З. Если пригласили бы, я бы сказал, что я собираюсь делать, что собираюсь революционно поменять. На каждом месте нужно иметь человека, который реализует некую стратегию, которую государство хочет реализовывать. Есть министр, в задачу которого входит реализация этой стратегии — пожелаем ему успеха. Если у нас есть задача поднять медицину на некий уровень, такой, какой нам нужен, то нужен человек, который эту

задачу будет реализовывать. Соответственно на каждом направлении нужен некий человек, который, в зависимости от времени, может быть разный. Это может быть человек, который все разрушит — перед ним ставят такую задачу, потому что там ничего не сделаешь. Потом его отправили в отставку, втихаря наградили и поставили другого, который тихо все соединит. То же самое в любой компании, в любой корпорации задача — подобрать команду, которая сможет реагировать на те вызовы, которые есть сейчас, и что-то делать. Здесь мы ничего нового не придумаем. Так что позовут меня на должность министра труда — моя позиция известна, что я буду жестко контролировать трудовое законодательство и миграционное законодательство, буду вмешиваться в дела Федеральной миграционной службы, если понадобится. Но ведь это не только моя позиция, есть достаточно большое количество людей с такой же позицией, аппаратные чиновники, гораздо более профессиональные, чем я. Потому что я понимаю, что я, как бизнесмен, может быть, чего-то и достиг. Но все-таки бюрократический аппарат — это особая тема, и с ней тоже нужно уметь обращаться. Поэтому в моем случае мне придется полностью уничтожить старый бюрократический аппарат, потому что он не будет работать так, как я привык. И либо я буду строиться под аппарат и он будет мною управляться — это же все понятно. Не приглашают! Поэтому я не очень стремлюсь во власть, потому что я исхожу из того, что если бы Господь Бог хотел бы, чтобы я был президентом Российской Федерации, я давно был бы президентом Российской Федерации, и никто бы этому процессу помешать не мог.

Н. Ш. Но может, мы лидера ждем вместо того, чтобы двигать кого-то? У нас сейчас много лидеров, которые являются прекрасной альтернативой, но, к сожалению, мы мало о них что

знаем; может, им имеет смысл обратиться к обществу со своей программой, со своими предложениями?

А. З. Может быть. Бизнесмен во власти, если он профессионал и его приглашают для того, чтобы решать какие-то конкретные задачи — это замечательно, и у нас достаточно много во власть бизнесменов приходит. Вопрос в том, что задачи, которые перед ними ставят, скорее, не требуют их бизнес-навыков, и многие, покрутившись там, уходят — если это чистый бизнесмен-предприниматель, потому что он понимает, что он в этой системе сделать ничего не может. Потому что, если он у себя в компании выделяет ресурсы, то завтра будет сделано или послезавтра. Или кого-то уволит. Тут он понимает, что никто ничего не делает, что у него нет рычагов кого-то уволить, ресурсы потрачены — результата нет. Он весь выдохся, потому что у себя он работал, когда хотел — приезжал, когда хотел — уезжал. Он работал круглосуточно, мозгами, но физически он не торчал у себя в офисе с 7 утра до 11 вечера. А наши бедные чиновники, они на инфарктах работают с 7 утра, без выходных, до 11 ночи — занимаются государственным делом. Действительно люди работают на износ, вопрос в другом — что КПД у них низкий. А так, физически, они действительно работают на износ. Это люди несвободные, у них нет ни минуты, все расписано по часам — тут совещание, там совещание. Я так не могу. Я не могу находиться два часа на совещании, где ничего не обсуждается. Я даже, приходя на экспертные встречи, говорю: либо вы мне скажете сейчас, либо я вам сейчас скажу что-то, либо я пошел. Потому что мы новое хотим что-то узнать или друг на друга посмотреть? Не могу слушать пленарные заседания — мне жизни жалко на них.

Н. Ш. Тем не менее, если Вас вдруг позовут министром труда, то вы заранее не отрекаетесь?

А. З. Нет, но я сразу скажу, что на совещания в правительство будет приходить мой заместитель. И только на этих условиях я буду министром труда, потому что я буду работать. Я не собираюсь тратить по полдня, слушая доклады своих коллег. Я могу в случае необходимости по телефону поговорить. Я готов стать министром труда, но у меня есть ограничения — я не буду ходить по совещаниям и буду принимать решения сам, что я буду делать вот это. Нужно это сделать? Я сделаю. Не сделаю — через год уйду в отставку, освобожу место.

В. Р. Вы упомянули, что бизнес, он не национален, потому что главное, чтобы эффективно работал человек. Тем не менее мы знаем наличие национальных бизнесов национальных диаспор. У них принцип — трудоустраивать своих земляков, и это действует. Я хочу сейчас спросить немного о другом. На бытовом уровне я не общаюсь с высшими чиновниками, я общаюсь с вполне обычными людьми. Я хожу в обычные кафе и рестораны, хожу в обычные парикмахерские, и везде есть тенденция в последнее время — набирать персонал, который не родной нам по фенотипу, они, как правило, даже толком не могут нас понять. Людей это начинает раздражать. Таких заведений все больше и больше, и все меньше и меньше таких заведений, где тебя понимают. Вопрос следующий: как Вы считаете, на рынке сформировался уже спрос на клубный (я сейчас поясню, что я имею в виду) бизнес на уровне эконом-класса и прочего — для своих? То есть когда ты приходишь, и тебя порекомендовали два друга, к примеру, и ты знаешь, что тебя будет обслуживать человек, который тебя понимает.

А. З. Если мы говорим о том, есть ли спрос на клубный бизнес для своих, то спрос есть, и наши Селезневские бани, в которые я хожу последние лет 20, — это тот самый английский клуб, условно, для своих, где мы приходим, мы

устанавливаем порядки, мы поддерживаем дисциплину в парилке, и если кто-то пришел не по приглашению, у него нет права голоса, когда открывать парилку, когда закрывать. Право голоса есть у меня, я 20 лет там. Клуб такой. В нашем клубе и грузины, и армяне, и кого только нет. При этом есть уже сейчас в Москве диаспорные клубы, куда вас не пустят и меня не пустят, потому что они закрыты — это только для грузин, только для таджиков или только для китайцев. Поэтому самое первое — есть ли такие клубы, объединенные по национальному признаку? Есть. Есть ли на них спрос? Есть. Но такого быть не должно. Мы с вами уже вспоминали вопрос диаспорный — не должно быть в России такого понятия, как диаспора с правом голоса, чтобы власть в России общалась с какой-то диаспорой. У вас диаспора? Списочек! Чемодан-вокзал... Вы говорите, что мы от их диаспоры будем защищаться своей диаспорой — это тупиковый путь. Защищаться надо, уничтожая диаспоры. Не физически уничтожая, а не допуская проявления каких-то диаспор, которые организуются. Есть понятие «русская диаспора Парижа». Она кого-то напрягает, эта русская диаспора Парижа? Нет, это аморфное понятие. Есть главный представитель русской диаспоры Парижа, который может от имени этой диаспоры выступать и что-то требовать? Нет такого, и нет проблем с русской диаспорой Парижа. Но почему-то в Москве у нас есть такая-то диаспора и все знают, что вот это — лидер диаспоры, который сам себя назначил лидером или его бандиты выбрали. Что это? Есть у вас диаспоры — так вы должны молчать о том, что у вас мафия...

В. Р. В этой бане это понимают и поддерживают?

А. З. Понимают и поддерживают. Когда вышло это письмо, меня поддерживали, одно дело, русские националисты, но более того — меня поддержа-

ли узбекские националисты, таджикские националисты, которые живут в Таджикистане и Узбекистане, которые любят свою страну, они мечтают о великом Таджикистане, им смотреть на то, что происходит с их согражданами у них в стране и как с их согражданами обращаются у нас в стране — у них сердце кровью обливается. Мне за свою державу обидно, а им не менее обидно за Таджикистан. И они писали нам письма поддержки, националисты таджикские. И я с огромным уважением к этим людям отношусь. Поэтому, с одной стороны у нас, конечно, власть все контролирует, но она контролирует так — она думает, что что-то контролирует через диаспору.

В. Р. Но если мы законом не можем повлиять?

А. З. В соревновании диаспор русская диаспора проиграет, потому что наши генетические посылы, христианские в первую очередь, не позволят нам вести себя так, как позволяют вести себя горцу, который не имеет христианских ценностей — «не убий», «не укради». Потому что у него ценности другие. Это не хорошо, не плохо — это данность, которую нужно понимать. То есть убить — это доблесть, украсть — это доблесть. Не у всех, но у большого количества. То есть это не считается грехом. Мы должны осознать, что это может быть долгий процесс ассимиляции, изменения мозгов — арабы с евреями сколько времени не могут договориться, давайте вспомним. Поэтому тут нужно рассчитывать на столетия сложной работы, национальной, адаптационной. Если наше дело правое, то мы победим, а если мы встаем на ту же самую линейку и начинаем дешевым нашим национализмом бороться с их диаспорностью, мы проигрываем. У нас разная пассионарность. Против варваров варварскими методами невозможно бороться.

Н. Ш. Просто на ассимиляцию мы тратим ресурсы, которые не вкладываем в собственный народ, эта ассими-

ляция нам может стоить потери собственной идентичности.

А. З. Конечно, поэтому это нужно жестко контролировать. Даже если внутреннюю миграцию нам надо контролировать пропиской, значит, снова вводим режим прописки.

Н. Ш. В Конституции нужно закрепить право русского народа на собственное государство?

А. З. Мне кажется, что даже постановка вопроса не может быть такой.

Н. Ш. А какой?

А. З. У нас уже есть свое государство. От Калининграда до Владивостока — это мое государство, мне не надо, чтобы это было где-то записано. Оно мое, если так задуматься, даже от Риги и до Владивостока.

Н. Ш. Почему европейские страны могут себе это позволить, а Россия — нет?

А. З. Потому что европейские мононациональные страны — это одно, а Российская империя — это другое, поэтому здесь вопрос такой: мы что, хотим иметь Россию в рамках Московского княжества? Давайте запишем: мы хотим иметь империю, а я империалист, я родился в империи, у меня сознание имперское, значит империя у меня, в моем сознании простирается от Казани и Астрахани до Владивостока, и манси — мой брат, потому что мы живем в одной империи. И я хочу жить в империи и готов, как большой брат, давать возможность автономии хантам и манси. Это вымирающие народы, и это позиция сильного. В данном случае вопрос: мы себя кем ощущаем? На мой взгляд, все закреплено историей, право русского народа на жизнь в Российской империи без границ закреплено историей русского народа, оно у нас в генах сидит. И Конституцию пишем мы. И мы обязаны не допускать и говорить о том, что диаспоры — это плохо, такого понятия вообще не должно быть,

диаспора такая-то, диаспора другая в Москве. Потому что Москва — это интернациональный город, и нет ни элина, ни иудея, что называется. Все мы здесь христиане. Вы мусульманин? Хорошо, мы позволим вам...

В. Р. Дело в том, что исторически русский народ полагается на государство.

А. З. Русский народ, как и любой народ, полагается на государство в определенных вещах. Иногда государство теряет силу, и дальше мы с вами видим смутное время — одно, другое, третье, и сейчас мы с вами живем в некое смутное время, когда вроде как все понимают трагичность ситуации, но власть ничего не делает в силу полной импотенции что-то сделать, то, что, в нашем понимании, она должна сделать. Но я вижу, что власть делает абсолютно все и все делает правильно для того, чтобы оставаться у власти и завтра не оказаться на месте Мубарака или Каддафи. Она жестко контролирует то, что ей нужно для сохранения власти. И глупо требовать от людей, которые принимают решения, чтобы они сделали что-то такое, что завтра расслабит ситуацию и придет новый лидер, как в Грузии, и вот демократия — пошли сажать министров Саакашвили одного за другим.

В. Р. Завинчивание котла не всегда способствует сохранению власти.

А. З. Отлично, кто-нибудь из наших власть имущих хочет, чтобы его, как соратников Саакашвили, посадили? А им всем есть что предъявить? Или, если завтра Греф у нас окажется в Лондоне, мы узнаем про него гораздо больше, чем узнали про Бородину, и если завтра господин Костин окажется в Лондоне, мы узнаем о нем гораздо больше, чем мы узнали про Бородину, и если завтра Собянин окажется в Лондоне, мы узнаем о нем гораздо больше, чем про Лужкова, и если Путин окажется в Лондоне, мы узна-

ем гораздо больше про всех остальных. Кто-нибудь из них этого хочет? Нет. Они понимают, что задница происходит? Понимают. Есть у них идеи, как из этой задницы выбраться? Нет — вот проблема-то. Они бы и хотели, и там могут быть не меньшие патриоты, чем мы с вами, здесь сидящие, и плачут по ночам в подушку о будущем страны, быть может, реальными искренними слезами. Но они в заднице, и у них на сегодняшний день нет идей, как выбраться из этой задницы, потому что распусти — и кто, Немцов, что ли, будет возглавлять, или Удальцов, Гудков? Ну не смешите меня. Где фигуры? Они сами выжгли эту поляну.

Н. Ш. Нужно надеяться на Господа?

А. З. Вы меня спрашиваете, и я отвечаю. В этой ситуации России остается надеяться исключительно на Господа Бога, на то, что мы, покаявшись в своих грехах, будем молиться, чтобы революции у нас не было и Господь Бог даровал бы нам хорошего правителя.

Н. И. То есть Вы надеетесь на чудо?

А. З. Да, я надеюсь на чудо. Но для меня чудо, поскольку я, конечно, плохой православный, и верующий еще хуже, но для меня чудо — это некая абсолютно объективная реальность.

Н. И. Тогда можно говорить об очень пессимистичном прогнозе.

А. З. С точки зрения истории, длинной ретроспективы, я абсолютно пессимистичен. То, что я оцениваю ситуацию, как полную задницу, это не говорит о том, что я готов завтра пойти и повеситься от безысходности. При этом я делаю то, что от меня зависит. Господь Бог меня сюда поставил, у меня есть возможность говорить громко — я говорю громко. Есть возможность помогать миллионам людей искать работу — я это делаю на своем месте. Мог бы и лучше, я ленивый человек. Могу я конкретным чиновникам или депутатам говорить свое мнение?

Могу. Могу я это мнение в экспертных советах выражать? Могу. Ну был я какое-то время членом экспертного совета при Министерстве труда, пригласили меня пару раз на заседания — больше не приглашают, я же говорю то, что думаю.

В. Р. И последний вопрос. У нас есть несколько проектов, связанных с деятельностью НДП. Как Вы относитесь к сотрудничеству с нами в рамках этих проектов?

А. З. Мы открыты к сотрудничеству, мы дружим со всеми, с кем-то мы дружим больше, а с кем-то меньше. Вот писали по поводу моего обращения: «Как вы могли выступить на телеканале “Дождь”! Это же враги, а вы к ним пришли — вы должны были их игнорировать!» Но «Дождь» был первым, кто выдал телевизионную картинку в тот же день. Уже на следующую

день пошли остальные каналы, поэтому для того чтобы донести свою точку зрения, я ее буду представлять в Государственной Думе, в экспертном совете «Деловой России», через государственные средства массовой информации, оппозиционные средства массовой информации. У меня есть точка зрения, и я эту точку зрения готов отстаивать. Если моя точка зрения совпадает с чьей-то в каких-то моментах, то я готов вместе эту точку зрения отстаивать. У всех людей позиции разные, просто я исхожу из того, что если где-то мы друзья — хорошо, здесь мы можем дружить. Главное, чтобы не были врагами, ненавидящими друг друга, а если у нас просто разные взгляды, то, как правило, большинство разных взглядов сводится к тому, что мы все хотим идти в одну точку, но кто-то считает, что надо так идти, а кто-то считает, что надо идти по-другому.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

ЕЛЕНА ГАЛКИНА

ЭФФЕКТ ВАРЁНОЙ ЛЯГУШКИ, или НОВЫЙ ЭТАП РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РФ

По миру давно уже бродит одна популярная биолого-политологическая история. Вроде бы биологами конца XIX в. был проведён эксперимент по воздействию на лягушку высоких температур. Выяснилось, что если лягушку сразу окунуть в кипящую воду, она оттуда выпрыгнет. Но если изначально комфортная, прохладная вода будет медленно нагреваться до кипения, лягушка не почувствует опасности и сварится заживо.

Нынешний, важнейший этап реформы образования стартовал, с одной стороны, сравнительно тихим введением в действие с 2010 г. нового стандарта начального общего образования, с другой — подписанием 83-ФЗ от 8 мая 2010 г., который поставил всю российскую социальную сферу на рыночные рельсы. Следующим шагом стало принятие новых образовательных стандартов (ФГОС) для средней школы — уже на фоне «широкого общественного обсуждения». Закон «Об образовании в РФ», подписанный президентом Путиным 29 декабря 2012 г., был последней недостающей деталью в этой машине, без которой она в полную силу не могла заработать. Он вступит в силу уже с 1 сентября 2013 г., за исключением некоторых незначительных положений.

Основные документы данного этапа, принятые различными органами ветвей власти на разном уровне — от

федеральных законов до приказов МОН и постановлений Главного государственного санитарного врача¹, образуют концептуальное идейное единство, в котором чётко прослеживаются три составляющие:

— меры, непосредственно направленные на последовательный отказ государства от социальных обязательств, закрепление за образованием статуса услуги, а не неотъемлемого права гражданина, снижение финансовой ответственности федерального центра в сфере образования и воспитания;

— изменения в законодательстве, связанные с расширением возможностей коммерческой активности

¹ Например, с сентября 2011 г. действуют новые СанПиН с абсолютно невыполнимыми для большинства школ требованиями, включая современное покрытие футбольного поля, нормы унитазов на количество учеников, дренажные устройства и т.п. (см.: Российская газета. 16.03.2011). Эти СанПиН не являются основанием для выделения денег на ремонт, а используются региональными департаментами образования для давления на несговорчивых директоров, особенно в условиях начавшегося слияния школ. Если руководство и/или коллектив школы против присоединения к другому учреждению образования (по законодательству, согласие должно быть добровольным), школу можно закрыть в связи с несоответствием санитарным требованиям.

и финансовой независимости образовательных организаций;

— меры по существенному снижению содержательных требований обязательных (бесплатных, согласно Конституции РФ) стандартов образования и повышению вариативности содержания образования на уровне образовательных организаций; меры по предупреждению возможной протестной активности преподавателей и студентов.

Итак, сначала власть преобразует большинство бюджетных учреждений в «автономные организации», финансирование которым будет выделяться регионами и муниципалитетами под определённый госзаказ.

Школа теперь официально сможет сделать платными уроки, не включённые в обязательный компонент образовательного стандарта. То есть именно содержание стандарта — главная деталь в сложном механизме официального превращения школ в салоны образовательных услуг, где за установленную плату можно будет приобрести плохую копию того, что советские дети получали безвозмездно.

Федеральные стандарты для школы

Главное «достижение» федеральных стандартов (ФГОС) для начальной и основной школы (а именно в рамках стандарта по законодательству РФ гарантируется бесплатное образование) — это резкое сокращение содержательной части. Предыдущая система, сформированная в конце 1990-х, предполагала развёрнутый стандарт по каждому предмету, где основное место занимал «Обязательный минимум содержания основных образовательных программ» (для литературы это перечень произведений и основ теории для изучения примерно на 0,5 п.л.). Школы не имели права по своему усмотрению выкинуть Достоевского или Буни-

на «за ненадобностью». Отныне же все требования по литературе занимают чуть более половины страницы².

В качестве приложения к ФГОС разработано «Фундаментальное ядро общего образования», где литературе уделено целых 3 страницы, хотя ни одно произведение или автор всё равно не упомянуты³. Реальное же содержание вынесено в отдельные «примерные программы». То есть манипуляции реформаторов привели к тому, что на уровне закона гарантируется преподавание лишь той самой половины страницы. Поэтому произведений можно не читать, а заниматься подготовкой к обязательному ЕГЭ — учить детей ставить крестики в тестах. Именно результаты ЕГЭ (для 9-го класса — государственной итоговой аттестации, ГИА) являются сейчас основными показателями «эффективности» учителя, на их основе выплачиваются различные надбавки⁴.

Наибольшую известность получил ФГОС для старшей школы — благодаря бдительности учителей, которые в его проекте обнаружили, что количество обязательных предметов планируется сильно сократить, причём половину оставшихся составят физкультура, основы безопасности жизнедеятельности и дисциплина «Россия в мире», очень похожая на советскую политинформацию. Под открытым письмом против принятия этого проекта за несколько дней подписалось более 20 тыс. преподавателей и родителей. Письмо было заме-

² Федеральный государственный стандарт общего образования. Утверждён приказом МОН РФ от 17.12.2010 № 1897. С. 9.

³ Фундаментальное ядро содержания общего образования / Под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. М.: Просвещение, 2009. С. 14–16.

⁴ Подробнее о ЕГЭ см.: Галкина Елена, Колинченко Юлия. Реформа образования как превентивная национальная политика // Вопросы национализма. 2011. № 6. С. 122–136.

чено, стандарт подвергся некоторым изменениям, но...

17 мая 2012 г. А.А. Фурсенко одним из последних своих приказов подписал новый ФГОС для старшей школы. Заметных уступок обществу в нём не оказалось. Даже увеличение обязательной части содержания образования несущественно: с 60% до 2/3 от объёма бесплатной программы. Единственно, отстоял своё право на обязательность иностранный язык. И теперь результаты освоения программ в большинстве случаев предполагают хоть и щепотку, но *знаний*, а не «общих представлений», как раньше.

Но что это будут за знания, в стандарте не указано. Требования к выпускникам даны в самом общем виде. Например, результатом изучения словесности должно стать «знание содержания произведений русской, родной и мировой классической литературы, их историко-культурного и нравственно-ценностного влияния на формирование национальной и мировой».

По сравнению с современными документами школам будет предоставлена невиданная раньше свобода самим определять содержание образования, опираясь на упомянутое выше «Фундаментальное ядро содержания общего образования». Можно только догадываться, какие произведения определит каждая школа самостоятельно, исходя из своих коммерческих интересов, пожеланий родителей и проч. То есть мечта реформаторов об исключении слишком сложных романов Толстого и Достоевского будет с лёгкостью исполнена. В то же время такого базового навыка, как грамотная речь, стандарт не предполагает.

Декларируется возможность индивидуальной образовательной траектории и свободы выбора для учащихся, но в тексте стандарта эта свобода имеет крайне ограниченный характер.

Определены три обязательных предмета на выпускные экзамены: сло-

весность, математика, иностранный язык. Больше для получения аттестата не требуется, даже по выбору. Можно предсказать с уверенностью, что на практике это будет означать: школа вольна снять с себя обязательства по качественному бесплатному преподаванию всех предметов, по которым не предусмотрена аттестация в виде ЕГЭ. Ведь внешний контроль качества отсутствует (даже на углублённом уровне). Соответствие содержания школьного курса профильному необязательному ЕГЭ тоже нигде не гарантируется.

А поскольку ЕГЭ по профильным предметам нужны для поступления в вуз, то неотвратима будет и такая схема: даже на углублённом уровне преподаётся нечто не соответствующее формату и содержанию ЕГЭ, а подготовка к единому экзамену — уже за деньги.

Обязательных бесплатных предметов, как и в прежнем варианте стандарта, 9 или 10 (для школ с родным нерусским). Из них шесть дисциплин должны изучать все школьники, вне зависимости от своих пожеланий или с минимальным выбором:

- русский язык и литература (да, это теперь один предмет),
- математика (алгебра и геометрия тоже объединены⁵),
- история/«Россия в мире» (один из этих предметов на выбор),
- иностранный язык,
- физкультура,
- ОБЖ.

Оставшиеся 3 предмета (или 4 для школ с нерусским родным) вроде бы можно выбрать.

Схема выглядит просто, но тут как раз и начинаются подробности. Во-

⁵ По поводу «словесности» и математики в проекте нигде нет указаний, что на эти двоянные предметы будет уделено то же количество времени, что и до слияния. Ничто не мешает на региональном уровне радикально сократить учебные часы. Ведь главный критерий — приличные результаты ЕГЭ, а этого можно достигать разными способами.

первых, обязательно нужно выбрать ещё один предмет из образовательной области «Естественные науки» (естествознание, экология, физика, химия, биология).

Вполне логично и прагматично, что именно эта область оказалась нелюбимой падчерицей реформаторов. Ведь подготовка хорошего учителя по физике или химии — дорогое удовольствие для государства, на все школы не хватит, особенно при нынешних темпах закрытия педагогических вузов. В своё время Т.В. Абанкина, к. экон. н. и директор Центра прикладных экономических исследований и разработок НИУ ВШЭ, ломала голову, как разрешить эту проблему, и предлагала: «Нужно переходить на модульную организацию учебного процесса — не весь год по часу изучать физику, а компактно, когда есть соответствующие педагоги»⁶.

С новым стандартом бродячих физиков не потребуется, интегрированные курсы «обо всём и ни о чём» — естествознание или экологию — может преподавать хоть учитель рисования, хоть завхоз. В этом на более высоком уровне давно убедились вузовские гуманитарии, которые с конца 90-х успешно читают обязательный курс «Концепции современного естествознания» и даже пишут по нему учебные пособия.

А в перспективе ничто не препятствует воплотить программу для малокомплектных школ, озвученную министром Фурсенко пару лет назад: «Давайте создавать учительские дома, где не на каждого ученика приходится один учитель, а где директор — он же и учитель, живет там вместе с женой»⁷.

⁶ Будагагин М. Бесплатно-оплатная школа // Взгляд. Деловая газета. 02.06.2011. <http://vz.ru/society/2011/6/2/496343.html>

⁷ Учительские дома могут решить проблему малокомплектных школ, считает Фурсенко // Педсовет. Org / <http://pedsovet.org/content/view/12304/249/>

Но вернёмся к букве стандарта. Таким образом, реальный выбор ученика касается лишь 2 (двух) предметов, но и он не так свободен, как кажется.

Вводятся профили обучения: естественно-научный, гуманитарный, социально-экономический, технологический, универсальный. Это логичный ход, потому что де-факто профильная специализация старших классов укоренилась в большинстве школ с 1990-х гг.

Индивидуальный учебный план должен включать 3 предмета на углублённом уровне. В стандарте написано «не менее трёх», но при 31 часе учебной нагрузки в неделю, которые данным стандартом устанавливаются, это следует читать как «не более».

Глубоко можно изучать и некоторые обязательные предметы (математика, словесность, история, ин. яз.), и «выборные», но все они должны относиться к «соответствующей профилю обучения предметной области и (или) смежной с ней предметной области». То есть нельзя выбрать углублённую биологию или математику, а остальное — из общественных наук. Матан категорически противопоказан новому поколению российских гуманитариев. А формальное слияние алгебры и геометрии в математику дают школе возможность свести этот предмет к бессмысленной профанации пары часов в неделю, тем паче на базовом уровне математика не предполагает никаких знаний, одни представления и «владение навыками использования готовых компьютерных программ при решении задач».

Зато ничуть не поколеблено положение физкультуры (напомню, уже год как 3 часа в неделю, а не 2) и бессмысленных ОБЖ.

Также фигурирует в числе обязательных дисциплин загадочный индивидуальный проект, выполнение которого растянуто на год или даже на два. На выходе он должен представлять собой «учебное исследование»

или разработанный проект: «информационный, творческий, социальный, прикладной, инновационный, конструкторский, инженерный, иной». Перечисление этих разнообразных форм однозначно указывает на то, что в реальности отведённые школой часы будут на 99% израсходованы школьником на личные нужды, а изготовление при нынешней информационной открытости «проекта» займёт максимум 1–2 часа. Подобные же индивидуальные проекты предусмотрены во всех классах с 1-го по 11-й в обязательном порядке. Они будут выполняться под руководством учителя — «руководителя», рецензироваться и защищаться на ученических конференциях. Принципиальные отличия от поделок, макетов, рефератов, которые выполнялись учениками ранее безо всяких упоминаний в стандарте, во-первых, в том, что на это отводятся специальные часы в рамках бесплатного обучения (а значит, сокращается время на изучение классических основ наук), во-вторых, процесс подготовки и защиты индивидуального проекта — прекрасная возможность для «зачистки» школы от неугодных учеников (см. ниже), которые хорошо успевают по основным предметам.

Текст стандарта показывает, что как ни садятся разработчики документа, всё равно вылезает из всех щелей главная идея: дать руководству школ возможность легко профанировать бесплатную обязательную программу и добывать себе подножный корм, ставя родителей в безвыходное положение. Не как сейчас — таясь и подвергая себя хоть теоретической, но опасности, а совершенно открыто, на законных основаниях.

История дискуссий вокруг ФГОС, полтора года борьбы педагогов, учёных, общественных деятелей в защиту конституционного права каждого гражданина России на бесплатное и качественное образование показали, что власть глуха к экспертам и профес-

сионалам и полна решимости любым способом сожрать остатки социального государства.

Подводные камни закона «Об образовании в РФ»

Эпохальный документ был подписан В.В. Путиным под новый год, 29 декабря 2012 г. Это событие означает, что со званием социального государства России придётся распрощаться и готовиться к перемещению в уютную компанию африканских стран по рейтингу Индекса развития человеческого потенциала.

Принимался закон в атмосфере ещё более бурной дискуссии, чем стандарт для старшей школы. Между первым и вторым чтением в Думу и Общественную палату поступило несколько десятков тысяч поправок и предложений.

Среди поправок, что были внесены депутатами и регионами на рассмотрение Комитета по образованию Госдумы, были те, что могли привести законопроект в соответствие с Конституцией, остановить коммерциализацию образования, гарантировать образовательным учреждениям автономии, преподавателям и воспитателям — достойную оплату и приемлемые условия труда, а детям — право на доступное и качественное образование⁸. Эти поправки, главным разработчиком которых является профсоюз «УЧИТЕЛЬ», были предложены депутатами от КПРФ и «Справедливой России», и судьба их оказалась ожидаемо незавидной, как и большинства поправок Олега Смолина. Чуда не произошло. Они были отклонены Комитетом.

Ненужными россиянам, в том числе, были сочтены:

— преємственность программ всех ступеней образования и, таким обра-

⁸ См., в частности: *Галкина Елена*. Дьявольские детали // Эксперт. № 43 (825). С. 70–73.

зом, государственные гарантии бесплатного предоставления учащимся знаний, достаточных для поступления в вуз;

— доступные людям любого достатка детские сады (за них теперь придётся платить в разы больше);

— свобода совести и отделение Церкви от государства и школы от Церкви;

— соблюдение принципа автономии (самоуправления) образовательных организаций;

— установление максимальной продолжительности рабочей недели педагогов (для предотвращения перегрузок педагога и обеспечения качества работы);

— гарантии академических свобод преподавателя и ограничение всевластия руководства образовательных учреждений.

Всего этого российские граждане теперь лишены.

Также в чёрный список попали предложения национальных республик по повышению статуса родного языка (например, были идеи проводить итоговую аттестацию школьников на родном языке или вообще отдать вопросы изучения государственных языков республик в ведение правительств этих регионов).

Отвергнуты были и законодательные гарантии выделения на образование не менее 6% бюджетных расходов (как и сам этот принцип).

Особенно упорно власти отстаивали статью 87 «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования», которую многие эксперты не без оснований считают прямым нарушением ст. 13 и 14 Конституции РФ, в частности определению Российской Федерации как светского государства, где признается идеологическое многообразие, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Де-

путаты так яростно защищали привилегии религиозных объединений нести свет своих истин в образовательные учреждения, что отклоняли даже предложения членов фракции «Единая Россия».

Всего было отклонено около тысячи поправок.

Удалось депутатам сделать и что-то общественно-полезное, хотя это и крохи, требующие для рассмотрения увеличительное стекло. Так, были приняты некоторые предложения Олега Смолина по образованию для инвалидов и электронному обучению. Чудом спасено было от катастрофы дополнительное образование (кружки и секции, детские дома творчества и т.д.). В 1-й редакции законопроекта планировалось полностью переложить его финансирование на чалые плечи муниципалитетов. После многочисленных протестов появилась норма об обязательных субвенциях местным бюджетам, включая расходы на оплату труда, приобретение учебников и учебных пособий, средств обучения, игр, игрушек (за исключением расходов на содержание зданий и коммунальных расходов). Нормативы будут определяться на уровне субъекта федерации.

Ещё одно полезное нововведение — запрет на оказание платных услуг педагогом в качестве индивидуального предпринимателя, если это приводит к конфликту интересов. Проще говоря, вне закона объявлена порочная практика учителей и преподавателей вузов заниматься репетиторством с учениками, которые учатся или готовятся поступать в данное учебное заведение. Но, если посмотреть на закон в целом, инициатива эта далеко не так благородна, как выглядит на первый взгляд. На её основе может быть объявлена образцово-показательная охота на учителей, которые кормятся этим промыслом, тем паче абсолютное большинство из них вообще не зарегистрировано в качестве ИП. А ведь для многих хороших учителей в провин-

ции репетиторство давно стало основным источником существования, и это неудивительно, ибо выжить на одну зарплату при ставке 6–8 тыс. рублей невозможно.

С остальными улучшениями хуже, ибо, если вчитаться внимательно, они существенно ограничены либо вообще представляют собой пустые, ничем не подкреплённые слова.

Так, благодаря федеральным СМИ граждане РФ уверены, что наконец-то было решено предоставить педагогам гарантии зарплаты не ниже средней по региону. Однако в суровой реальности поправка выглядит так: «Расходы на оплату труда педагогических работников муниципальных общеобразовательных организаций, включаемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации в нормативы... не могут быть ниже уровня, соответствующего средней заработной плате в соответствующем субъекте Российской Федерации, на территории которого расположены такие общеобразовательные организации» (часть 3 ст. 99). Если переводить с канцелярского на русский, эта гарантия предоставлена не всем педагогам, а лишь работникам муниципальных учреждений. Таким образом, официально обрекаются на законную нищету преподаватели федеральных вузов. Кроме того, речь идёт не о ставке, а о зарплате, для получения коей учитель, как правило, перерабатывает в 1,5–2 раза⁹. И в-третьих, в статье присутствует лукавая формулировка «расходы на оплату труда», т.е. это муниципалитеты будут выделять деньги школам, исходя из данного норматива, а уж директора школ разберутся, как освоить данный фонд, в соответствии со своими представлениями и возможностями, которые предоставляет им знаменитый 83-ФЗ от 08.05.2010.

⁹ Актуальная статистика зарплат и нагрузки по регионам — на портале «Завуч.Инфо» (<http://www.zavuch.info/statistic/>).

С сельскими школами ещё печальнее. Профсоюз «УЧИТЕЛЬ» добивался, чтобы ликвидация или реорганизация всех муниципальных образовательных учреждений, в том числе и в городах, была невозможна без информированного добровольного согласия на реорганизацию обучающихся и их законных представителей. На выход со второго чтения получилась лишь невнятная фраза о сельских школах: «Принятие решения о реорганизации или ликвидации муниципальной общеобразовательной организации, расположенной в сельском поселении, не допускается без учета мнения жителей данного сельского поселения». Как видим, ничто не помешает ликвидационной комиссии закрыть школу, приняв мнение жителей к сведению.

Какие-то здравые идеи были восприняты Комитетом, но исчезли из текста поправок на стадии дальнейшего согласования:

— окончательно исключено положение о максимум 20% оплаты родителями от реальной цены детского сада,

— сняты ограничения по стоимости общежития для студентов,

— отменены льготы по оплате коммунальных услуг пенсионерами — учителями сельской местности.

Между тем кое-какие поправки, числом около семисот, были восприняты властью гораздо более благосклонно. Председатель Комитета Александр Дегтярёв оказался прав: текст законопроекта на 60–65% обновлен по сравнению с той версией, которая поступила в Госдуму в августе. И надо констатировать, пока общественность отвлеклась на списки неэффективных вузов, модернизация законопроекта состоялась нешуточная.

В частности, свои предложения в профильный комитет Госдумы внесла Общественная палата, точнее, её комиссия по образованию под руководством архитектора нынешней реформы Ярослава Кузьмина. Странное дело,

но почти все они оказались приняты, причём если не по форме, то по существу. А среди них есть группа поправок поистине разрушительной силы.

Во-первых, появилась новая статья 14 «Язык образования», согласно которой «образование может быть получено на иностранном языке в соответствии с образовательной программой и в порядке, установленном законодательством об образовании и локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность».

То есть разрешается получение профессионального образования (на общее среднее наложены ограничения в виде обязанности изучать русский) полностью на иностранном языке. *Речь идёт о бесплатном государственном образовании.* Понятны благие намерения реформаторов по части изучения дисциплин на упрощённом английском. Но первыми бенефициарами данных нововведений будут совсем не ведущие вузы Москвы и Петербурга, а отдалённые республики и края РФ.

Грандиозные перспективы регионов в этом плане открываются ещё и потому, что в поправках заложено право субъектов РФ и даже муниципалитетов открывать вузы самостоятельно, без согласования с центром.

Эти поправки — прямой путь к дезинтеграции России, поскольку реализованы они будут сначала в виде китайских вузов на Дальнем Востоке и в Сибири, исламских — в Поволжье и на Кавказе, а уж потом появятся полноценные англоязычные в Москве и Петербурге.

В целом после всех доработок идея закона стала кристально чистой и незамутнённой: федеральная власть использует любые возможности для снятия с себя социальных обязательств перед гражданами. Она прекрасно вписывается в основной тренд последних лет — демонтаж механизмов массовой вертикальной мобильности и социального государства как такового.

Административный диктат

Оборотная сторона такого взгляда на конституционные права граждан в области образования — очень своеобразное понимание разработчиками проекта академических свобод в учебных заведениях. Настолько своеобразное, что по сравнению с законопроектом и Университетский устав Александра I 1804 г. кажется верхом свободы и самоуправления. Так, в п. 12 ст. 27 прописан запрет на создание и деятельность организационных структур политических партий, религиозных организаций и организаций (объединений) в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Но в частных школах это допустимо, при том, что закон предполагает возможность обучения в них за государственный счёт.

В п. 3 ст. 48 педагогическим работникам запрещается использовать образовательный процесс в целях политической агитации, принуждения их к принятию политических, религиозных или иных убеждений или отказу от них, для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Насколько сильнодействующими могут оказаться эти положения в наших реалиях, можно представить, вспомнив, что судебная экспертиза признаёт экстремистскими лозунги типа «Пора кончать с этой странной экономической системой». Тем паче совсем неясно, что это за загадочные *иные убеждения.* Относятся ли к ним золотое правило нравственности и принцип социальной справедливости? Не разжигает ли социальную рознь объективный анализ причин революции 1917 г.? Особенно яркими красками играет это положение на фоне ФГОС, переполненных обязанностями педагогов духовно-нравственно и патриотически воспитывать подрастающее поколение.

С другой стороны, закон обязывает образовательные учреждения всяче-

ски *содействовать* деятельности общественных организаций, в том числе детских и молодёжных, не запрещённой законодательством РФ. Под какую из приведённых статей подпадёт деятельность пионерской организации или движения «Наши»?

Подпункт 9 п. 1 ст. 34 утверждает право учащихся на защиту, в частности, от психического насилия со стороны преподавателя. Что представляет собой психическое насилие, проект не определяет. Чуть ниже указано, что учащийся, в отличие от преподавателя, имеет право на свободу совести и выражения своих убеждений.

Таким образом, закон даёт руководству школы или вуза де-факто право репрессировать неугодного педагога в связи с наличием у него каких-либо *убеждений*, отличных от представлений начальства. Зато, отобрав у ребёнка конституционное право на равный доступ к качественному бесплатному образованию, государство предоставляет ему возможность отстаивать, к примеру, убеждение в божественном сотворении мира около 7 тыс. лет назад, а также сосуществовании людей и динозавров в допотопное время.

Тем паче в законе имеется ст. 87 «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования», содержание которой вообще противоречит ст. 13, 14 Конституции РФ. Даже в Российской империи, где Церковь не была официально отделена от государства, в университетах не было богословских факультетов, а теперь, в начале XXI в., нам предлагаются федеральные стандарты вузов по теологии!

Реализация совокупности этих положений закона на местах, особенно в регионах с высокой религиозностью руководства и/или населения, приведёт к самому настоящему возврату в средневековье.

Дорожная карта ликвидации образования

Закон об образовании весьма подробно, на всех стадиях его принятия был рассмотрен научно-педагогическим сообществом и практически единодушно оценен негативно, хотя это ни на йоту не изменило позицию парламента и президента. Но к его подписанию, по крайней мере, мы были морально готовы. Сюрпризом же оказалось, с каким энтузиазмом и напором этажи вертикали бросились претворять в жизнь букву и, главное, дух оного.

События развивались в детективном ключе. На старый новый год журнал «Огонёк» опубликовал интервью архитектора реформы, ректора Высшей школы экономики Ярослава Кузьминова. В ходе беседы реформатор поделился своим инновационным взглядом на приоритетные направления российского высшего образования: *«Всем очевидно, что в России от четверти до трети вузов никакого отношения к образованию не имеют. У нас ежегодно выпускают сотни и тысячи заведомо невостребованных специалистов по проектированию летательных аппаратов и машиностроительных заводов, по текстильному машиностроению»*¹⁰.

Что правящей верхушке РФ не нужно самолётостроение, что политическая воля направлена на окончательное уничтожение остатков соответствующих научных школ как нерентабельных, мы и раньше подозревали, но столь откровенен Кузьминов был впервые. Цифры набора нынешних первокурсников, определяемые в Минобрнауки, нацелены на 5–6-летнюю перспективу, а не на сегодняшний день. То есть проектирование летательных аппаратов Кузьминов видит ненужным нашему государству и через это время.

¹⁰ «До трети вузов образования не дают» // Огонёк. 14.01.2013. № 1 (5261).

Таким образом, деиндустриализация и отказ от наукоёмких технологий являются сознательной политикой. Видимо, Кузьминов полагает, что всё, что не востребовано в современной экономике РФ, «никакого отношения к образованию» не имеет. По крайней мере, такие выводы можно сделать из контекста.

Неудивительно, что материал «Огонька» вызвал живой интерес преподавателей высшей школы и других заинтересованных лиц. И на странице интервью один из комментаторов (в твиттере — Василиса Перфильева) впервые обратила внимание на распоряжение правительства №2620-р от 30 декабря 2012 г., которое тихо осело на сайте в предпраздничный вечер и висело бы там вплоть до своей реализации, не замеченное даже профессиональным сообществом. Но документом заинтересовался Иван Курилла, профессор Волгоградского госуниверситета, и опубликовал ссылку с комментариями в своём блоге, хорошо известном в среде коллег¹¹.

Таким образом, распоряжение, содержащее «дорожную карту» политики власти в сфере образования и науки до 2018 г., стало достоянием гласности и было внимательно изучено теми, кто объектом данной политики является. Оказалось, что число учителей средней школы за эти 6 лет планируется сократить на 7,6%, а нагрузку оставшихся увеличить на 19,3%.

Но данные цифры выглядят ещё невинно по сравнению с планами в отношении высшей школы. За 6 лет правительство собирается **сократить 44% профессорско-преподавательского состава**, иными словами, **оставить без работы 139 427 специалистов**. Сохранивших рабочее место ждёт увеличение аудиторных часов на 28% (использованы подсчёты В. Перфильевой)¹².

При этом число студентов на 1 преподавателя увеличится с 9,4 человек в 2012 г. до 12 в 2018 г.

Но это лишь абсолютные цифры, включающие всех преподавателей высшей школы. В реальности увольнений будет ещё больше. На с. 105 распоряжения указано, что в 2018 г. среди студентов вузов должно быть не менее 30% обучающихся по программам **прикладного бакалавриата**. На 2012 г. их не было вообще, и неудивительно. Как пишет «Российская газета», «прикладной бакалавриат — программы прежних техникумов, но если раньше техникум давал среднее профобразование, то бакалавриат — это уровень высшего образования»¹³. После получения такого образования выпускник сможет сразу приступить к исполнению обязанностей высококвалифицированного рабочего. По программам прикладного бакалавриата будут обучать и колледжи, которые приобретут статус вузов, и нынешние вузы, если имеют соответствующую материально-техническую базу.

Судя по цифрам на с. 67 «дорожной карты», количество студентов колледжей (среднее профобразование) к 2018 г. сократится на 30%, а преподавателей и мастеров — на 35%, или 74 тыс. Но в данном случае, судя по всему, эти люди не пополнят ряды безработных, а сменят статус, став преподавателями высшей школы. Если действительно будет так, получается, что работы лишатся **ещё несколько десятков тысяч специалистов**, преподающих в вузах сегодня.

Как конкретно будет проходить превращение средне-специального образования в высшее, предположить сложно, потому что понятие «прикладной бакалавриат» в новом законе об образовании отсутствует. Вот так:

¹¹ Блог Ивана Куриллы: <http://alliruk.livejournal.com/591399.html>

¹² <http://twitpic.com/brjid5/full>

¹³ *Ивойлова И.* Учителям добавят льгот, а студентам — прав // Российская газета. 24.01.2013. <http://www.rg.ru/2013/01/24/lgoty-site.html>.

в законе нет, а в распоряжении правительства — есть, и с последствиями, от которых зависят судьбы высшего образования в целом и десятков тысяч его работников в частности.

Чего же планирует правительство добиться этими мерами? Вы не поверите, но... «повышения качества высшего профессионального образования и развития кадрового потенциала высшего профессионального образования», а также «создания опережающего научно-технического задела в Российской Федерации по приоритетным направлениям развития науки и технологий».

А дабы ректорский корпус повышал качество и развивал кадровый потенциал в дружелюбной и приятной атмосфере, в тот же день, **30 декабря 2012 г.**, вышло ещё одно распоряжение правительства, суть которого отражена в его названии, что для нормативных актов в РФ большая редкость: «Об утверждении перечня федеральных бюджетных и казенных учреждений, в которых предельный уровень соотношения средней заработной платы руководителя учреждения и средней заработной платы работников учреждения в кратности от 1 до 8 может быть увеличен по решению федерального государственного органа — главного распорядителя средств федерального бюджета, в ведении которого находится учреждение, в отношении руководителя указанного учреждения».

Иными словами, до настоящего момента зарплата руководителей федеральных бюджетных и казенных учреждений **не могла быть больше, чем в восемь раз**, средней заработной платы работников данного учреждения (*от этого ректоры и иные начальники очень страдали — приходилось напрягаться и придумывать разные схемы, дабы достичь достойного уровня оплаты тяжкого труда*). Нововведение коснется не всех учреждений, а лишь тех, что упомянуты в перечне, в том числе МГИМО, МАИ,

МГТУ им. Н.Э. Баумана, МГСУ, РГУ нефти и газа, МГТУ ГА, университетов путей сообщения, внешней торговли, а также почти всех региональных классических университетов.

Заметьте, речь идёт о перспективе неограниченного разрыва между зарплатами преподавателей этих достойных вузов и зарплаты их начальства (причём только зарплаты!), которая теперь может превышать профессорскую хоть в сто, хоть в тысячу раз.

Если связать эти два документа, логично предположить, что таким способом власти цинично подкупают членов Российского союза ректоров. Можно не сомневаться, что с такой стимуляцией поддержка ректорским корпусом начинаний партии и правительства только окрепнет.

Правда, оставшимся преподавателям тоже запланирован приз — повышение «средней заработной платы профессорско-преподавательского состава» к 2018 г. до 200% к средней з/п по региону. Но какой ценой? Если в советском вузе средняя учебная нагрузка составляла 600–700 часов в год, то сейчас это обязательно не менее 900 часов, а если будет реализована «дорожная карта», то станет около 1100.

При таком раскладе на повышение квалификации и занятия наукой у преподавателя времени не остаётся (а правительство почему-то ждёт роста удельного веса РФ в мировых научных журналах). Да и качество обучения будет только падать, если студентов в группах всё больше, а времени на них меньше и меньше. В итоге процесс обучения превратится в промышленный конвейер для первичной обработки древесины. Поэтому из вузов по собственному желанию будут уходить те, кто привык работать творчески и качественно. Они найдут применение своему профессионализму — не столько в других странах, сколько в частных вузах, свободных от феодально-бюрократического маразма.

Однако это ещё не всё, чем порадовали нас власти в последнее время. На сайте Минобрнауки был опубликован проект приказа «Об утверждении Порядка применения к обучающимся и снятия с обучающихся мер дисциплинарного взыскания», в котором сильно упрощается процедура отчисления из школы подростков 15 лет и старше. В отличие от распоряжений, этот приказ почему-то сразу заметила пресса. Не знаю, был ли это сознательный отвлекающий манёвр власти, когда большой и ключевой вопрос затуманивается шумихой вокруг малого, но до боли принципиального. Однако в данном случае проблема, которую создаёт приказ, не менее важна для будущего России.

Суть документа такова: если раньше для отчисления хулигана необходимо было согласие районного/городского отдела образования и комиссии по делам несовершеннолетних, то Минобрнауки предлагает наделить такими полномочиями сами школы. Причём изгнать из школы за неуспеваемость будет нельзя, зато можно — за «неоднократные дисциплинарные проступки», а в чём они заключаются — решать школе.

Надо видеть контекст приказа: он появился не в вакууме, а вписан в симфонию нового закона об образовании, 83-ФЗ и федеральных образовательных стандартов. Хотя закон даёт право на получение бесплатного среднего полного образования (11 классов), статья 43 Конституции РФ гарантирует обязательность только основного общего (9 классов). Это принципиальный момент. Если нарушитель школьных порядков достиг пятнадцати лет и уже учится в 10-м классе, из статей 43 и 60 Закона об образовании следует, что он может быть отчислен из школы со справкой без обязательного перевода в другое учебное заведение, проще говоря, в никуда. Далее этот человек имеет право получить бесплатно среднее профессиональное образование

(пойти в колледж фактически с потерей года), но не закончить школу.

2013 г. — начало обширной коммерциализации средней школы. Начинают в полную силу действовать все законы и акты, легитимирующие этот процесс. Заметнее всего пострадают ученики старших классов, которым стандарты бесплатно гарантируют очень куцый набор знаний, большая часть которых совершенно не пригодится при поступлении в вуз (физкультура, ОБЖ). Это вызовет неизбежные конфликты старшеклассников из малообеспеченных семей с администрацией школы... А приказ Минобра поможет директорам разрешать такие споры оперативно и однозначно в свою пользу. Тем более под «негативное влияние» можно подвести что угодно, вплоть до рассказа одноклассникам о митингах протеста или изложение теории прибавочной стоимости. Платежеспособные родители с готовностью подтвердят.

Одно радует в этой мрачной картине. Даже если всё это сбудется, исторический опыт гласит: встреча профессуры, уволенной из вузов, с подростками, изгнанными из школ за политику, неизбежна. И последствия не заставят себя ждать.

Вниз по лестнице, ведущей вверх: РФ и страны «первого мира»

В контексте развитых стран Европы и США Россия пока выглядит вполне на уровне. Но это пока, потому что цели и меры, принимаемые правительствами стран, совершенно противоположные.

Третичное образование (включая уровень, соответствующий советскому среднему специальному) имеют среди граждан 25–64 лет: в Канаде — 50% (высшее, в т.ч. бакалавриат — 26% от всего населения), в Германии — 26% (16%), в Израиле — 45% (30%), в Южной Корее — 36% (24%), в Финляндии — 37% (22%), в Швеции — 34%

(25%), в Великобритании — 37% (27%), в США — 40% (30%), в РФ — 54% (20%)¹⁴.

Ожидается, что из молодых людей 15–25 лет в странах Западной Европы и США в течение жизни закончат магистратуру 47% девушек и 32% юношей. В Китае, по прогнозам, как минимум бакалавриат закончат 14% молодых людей, без учёта половых различий¹⁵.

При этом во всех развитых странах Запада доля выпускников вузов увеличивается (в среднем с 20 до 40%, т.е. в 2 раза с 1995 по 2010 г.), а выпускников «техникумов» — уменьшается¹⁶. Также увеличивается и доля молодых людей, защитивших диссертации: с 1% в 2000 г. до 1,6% в 2010¹⁷. То есть когда авторы реформы образования в РФ говорят о том, что слишком много молодых людей стало поступать в вузы и это вредно для экономики, они лукавят дважды. Во-первых, и это чисто российская тенденция, увеличивается только численность «платников», бюджетные места сокращаются — их стало меньше по сравнению с 1995 г.¹⁸. Во-вторых, в развитых странах также происходит заметное увеличение студентов и аспирантов.

При этом в развитых странах уровень безработицы среди людей с высшим образованием почти в 2 раза меньше, чем у тех, кто его не имеет¹⁹. Зарплата лиц с высшим образованием, как правило, в 1,5 раза больше, чем у тех,

кто имеет среднее специальное²⁰. Следовательно, человек с высшим образованием всегда более востребован. Даже если предлагается вакансия, не требующая диплома вуза, скорее возьмут человека, у которого таковой имеется, чем квалифицированного рабочего, который ранее трудился в близкой области. Потому что высшее образование — это и показатель обучаемости, способности к самоорганизации, широты кругозора. Такому человеку гораздо быстрее переучиться, если речь идёт о сходных областях. Да и в РФ та же ситуация — вспомните, сколько выпускников МВТУ и МФТИ в 90-е стали прекрасными бухгалтерами и т.п., пройдя максимум пару месяцев переподготовки.

Но РФ начала XXI в. характеризуется очень низкой степенью вертикальной мобильности: уже на уровне среднего образования социальные группы воспроизводят сами себя. Основным багажом ребёнка является социальное положение и культурный капитал его родителей, школа корректирует эти факторы весьма незначительно по сравнению с развитыми странами. Так, вероятность того, что ребёнок людей, не имеющих высшего образования, сможет поступить в гимназию, составляет лишь 20%. Группу безнадёжности составляют школы, где высшее образование менее чем у 30% родителей. У детей из таких школ, где трети семей денег хватает только на самое необходимое, очень мало шансов поступить даже в завалящий вуз²¹. В этих школах 57% отцов — рабочие и лишь 2% — руководители предприятий. В гимназиях, где около 80% родителей с высшим образованием, отцов — руководителей предприятий 11%, а рабочих — всего 12%.

Массовая практика поборов с родителей на «ремонт» и «подарки»

¹⁴ Education at a Glance, 2012. OECD Indicators. P. 34.

¹⁵ Ibid. P. 61.

¹⁶ Ibid. P. 63. Но только 19% из выпускников имеют степень магистра — см.: Ibid. P. 70.

¹⁷ Ibid. P. 64.

¹⁸ Сараев В. Элеонора Леопольдовна приступила к докторской. График 5 // Эксперт. № 9 (841). 1 марта 2013 / <http://expert.ru/expert/2013/09/eleonora-leopoldovna-pristupila-k-doktorskoj/media/184935/>

¹⁹ Education at a Glance, 2012. OECD Indicators. P. 121. РФ сведений по этим параметрам не предоставила.

²⁰ Ibid. P. 150.

²¹ Такие школы в зарубежной социологии называют *disadvantaged* — обездоленные.

сложилась ещё в середины 90-х. Ещё раньше стали появляться платные дополнительные предметы, но в «обездоленных» школах такие услуги не предлагаются, как правило, вовсе, в средних их в 2006 г. посещали 10% детей, а в престижных такие факультативы охватывали до 25% учеников²². Но посещение этих занятий раньше было делом добровольным. В 2011–2012 гг., после принятия новых стандартов, ситуация стала принципиально меняться: во многих школах директора взяли практику вводить «обязательные» платные уроки. Хотя это незаконно, родители предпочитают смиряться, особенно если дорожат школой — ведь всем известно, что если директор поставит цель выжить ребёнка из школы, он своего добьётся²³.

На Западе тоже велико неравенство шансов на образование. Вероятность получить третичное образование повышается почти в 2 раза, если вуз или техникум закончил хотя бы один из родителей²⁴. Но в отличие от России в странах центра мир-системы есть

²² Добрынина Е. Школа неравенства // Российская газета — федеральный выпуск. 27.02.2006. № 4005.

²³ Так, по опросу на популярном петербургском «родительском» форуме Littleone 53% проголосовавших в 2011–2012 гг. столкнулись с практикой навязывания платных факультативов администрацией. Это информатика, история города, иностранные языки. Обычно родители подчиняются устному требованию директора либо ребёнок просто не ходит на урок. Лишь в очень редких случаях родители осмеливаются на жалобу в РОНО. Тогда директор разрешает конкретно жалобщикам за урок не платить, а остальные продолжают вносить деньги (<http://forum.littleone.ru/showthread.php?t=5608719>).

²⁴ Education at a Glance, 2012. OECD Indicators. P. 102. Наименее зависимы от статуса родителей дети в Австралии, Канаде, скандинавских странах и Испании, где третичное образование получают 25% молодых людей, чьи родители его не имели.

осознание, что чем интенсивнее вертикальная мобильность на основе личных способностей, тем интенсивнее развивается экономика, ибо люди — основной элемент производительных сил общества, и забивать гвозди компьютером глупо.

Поэтому с 1950–1960-х гг. в странах континентальной Европы действуют государственные программы борьбы с неравенством шансов на образование. К нашему времени они достигли определённых успехов, но перемены происходят очень медленно, потому что упираются в семью, социальное положение и культурный капитал родителей. Оказалось, что школа, бесплатная и меритократическая по идее, не очень эффективно выравнивает шансы, потому что и атмосфера в семье часто не позволяет ребёнку из низших страт подготовиться к урокам, и родители не ориентированы на получение чадом высшего образования (ведь им тогда грозит содержать ребёнка на несколько лет дольше). Даже учителя относятся предвзято: для получения рекомендации в гимназию выпускнику начальной школы, если его родители — рабочие, надо учиться в 1,5 раза лучше, чем отпрыску служащего²⁵. В дневной школе эти факторы исключить невозможно, и социальный лифт даже при благоприятных условиях поднимается медленно, в течение нескольких поколений.

В СССР, где, в соответствии с концепцией «неклассового» общества, система образования была одной из самых эгалитарных в мире, у ребёнка, хотя бы один родитель которого имел высшее образование, было значительно больше шансов окончить институт, чем у его одноклассника из рабочей семьи. Причём в эпоху «застоя» новая

²⁵ См., напр.: Гайсслер Р. Неравенство шансов на образование — причины и следствия // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. СПб.: Алетейя, 2008.

элита уже наладила собственное воспроизводство, и советское общество стагнировало, теряя преимущества перед Западом в использовании человеческого потенциала²⁶. То есть современная российская тенденция к остановке социальных лифтов, во-первых, противоположна динамике развития большинства стран «первого мира» и, во-вторых, имеет начало ещё в советской эпохе, как и сама РФ является естественной наследницей СССР.

Этап 2010–2012 гг. завершает законодательное оформление коммерциализации образования и может рассматриваться как последний подготовительный во внедрении модели образования с минимальным государственным финансированием и доминирующей ролью частной инициативы в развитии учреждений образования и воспитания. Данная модель известна как «англо-саксонская». В Великобритании и США налоговая система построена таким образом, что бизнесу легче адресно поддержать определённую школу или вуз, чем платить налоги.

Но в России, стране с иной социально-экономической спецификой (отсутствие традиций и законодательных условий для социальной

ответственности бизнеса, низкий уровень доходов большинства населения, нестабильный и крайне узкий средний класс) заставить эту модель работать нереально.

С учётом развития отечественной системы образования в рамках континентальной европейской модели в течение последних трёх столетий внедрение англо-саксонской модели приведёт к резкому снижению качества образования на всех ступенях. И как следствие — к окончательному переходу России в состояние общества двух культур с непреодолимой пропастью между безответственной элитой, покупающей технологии и воспитывающей отпрысков в других странах, — и тёмным, униженным и пассивно-агрессивным народом. Век назад Российской империи пришлось убедиться, что в эпоху модерна такое общество крайне нестабильно, потому что агрессия неизбежно переходит в активную фазу.

P.S. Современные исследования опровергают историю о варёной лягушке. По утверждению зоологов, в кипящей воде земноводное погибнет сразу. Если же температуру воды повышать постепенно, лягушка будет терпеть, но не до мучительной смерти в кипятке, а до «критического теплового максимума», по достижении которого она обязательно выпрыгнет из сосуда — конечно, если в нём имеется достаточное отверстие.

²⁶ Связь между образованием отца и сына в нач. 1970-х гг. в СССР — 0,49, почти тождественно США (0,45); см.: Шкарлатан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. С. 103.

Виталий Худошин:

«ПАТРИОТИЗМА В НАШЕЙ ШКОЛЕ ХВАТАЕТ»

Надежда Шалимова, шеф-редактор журнала «Вопросы национализма»:

— Скажите, пожалуйста, зачем создаются так называемые образовательные холдинги?

Виталий Худошин, кандидат философских наук, почетный работник общего образования Российской Федерации, преподаватель истории и обществознания, директор средней школы № 141 г. Москвы:

— Холдинги создаются именно в шаговой доступности в зависимости от местоположения, чтобы удовлетворить все запросы населения. Представьте себе, что, допустим, я очень хочу, чтобы у меня был математический профиль, а школа, в которую я хожу, мне такой возможности не дает. То есть мне приходится идти, как родителю, и просить, чтобы взяли в соседнюю школу, а там нет мест, еще что-то — много разных трудностей. А в холдинге возможностей больше для родителей — то есть предоставляется несколько школ, несколько детских садов. Можно варьировать, создавать многопрофильные школы. Допустим, очень большой спрос на биологический профиль и математический, на гуманитарный — лингвистический. У нас классы зависят от количества детей. Должно быть 25 человек, а у нас, допустим, 8. Как с ними работать? У нас два девятого класса. В соседней школе шаговой доступности тоже два девятого класса. Из четырех девятого классов можно много больше профилей различных сделать, чем из двух.

Н. Ш. Объясните, что из себя будет представлять физически холдинг?

В. Х. Холдинг — это как институт. У нас, допустим, в институте есть различные филиалы. Есть лингвистическое отделение, историческое — и так далее, много разных зданий. Так и здесь — будет не одно помещение, а несколько. Не хватает, положим, сейчас помещений — у нас количество детей, идущих в первый класс, уже 86. Естественно, я столько народа не могу посадить в одном здании. А тут будет увеличение площадей — то есть мы сможем варьировать и площадями, ведь учителя могут и здесь работать, и там — совмещать, если они хотят больше часов. Или, например, физика, химия, биология — предметы специфические. У них получается в классе всего по одному-два часа, и, конечно, если у учителя мало часов, у него мало возможностей. А теперь он может преподавать в одном здании несколько дней, в другом здании — несколько дней; здесь может находиться три класса, в другом здании может находиться три класса — они могут пользоваться и нашими помещениями, и соседней школы, так же можно будет использовать помещения детских садов, потому что в одном детском садике есть определенные помещения, где можно заниматься дополнительным образованием, а в другом — нет.

Н. Ш. Вы описываете идеальную ситуацию. Допустим, возьмем какой-нибудь спальный район, три школы рядом, все плохие, все без специализации. И вот их объединят в холдинг —

есть ли смысл такого объединения именно для них?

В. Х. Любое объединение в холдинг добровольно. Если администрация, коллектив и родители хотят объединиться, то они объединятся. И не бывает плохих школ, бывает, что чего-то не хватает в одной школе и есть в другой. Конечно, есть много моментов риска — нужно, чтобы люди остались на месте, потому что может быть сокращение, или чтобы была корректировка должностных обязанностей — но все решаемо, если нормальный мудрый руководитель и хорошая команда. Они сделают так, чтобы, если учитель хочет, у него было бы больше часов, а дальше посмотрим, как оно будет внутри — кто-то на другую работу, например, перейдет, захочет заниматься чистым творчеством, дополнительным образованием — ради Бога, пусть занимается дополнительным образованием.

Н. Ш. Видимо, сокращения будут неизбежны, потому что коллектив станет в три раза больше...

В. Х. Сейчас у каждого учителя нагрузка приличная, поэтому как такового большого сокращения, я думаю, не будет, потому что каждый востребован. Если учитель захочет больше часов, то будет возможность. Сейчас не так уж много молодежи стремится в образовательные учреждения, несмотря на то что сейчас у нас повышаются зарплаты, что повышается престиж школ. Все равно молодежь мало идет в школы, хотя иногда наши бывшие ученики идут в школы, и это приятно — но работает в основном старшее поколение, и многих из них приходится уговаривать — возьмите еще часы.

Н. Ш. А бюджет будет выделяться как на три школы или как на одну?

В. Х. Бюджет будет выделяться согласно нормативу. У нас выделяются деньги по нормативу — это от числа детей зависит. Поэтому чем больше будет востребована школа, тем больше будет выделяться денег. Сейчас конку-

рировать будет легче — ведь холдинг даст и это, и это, и это. Родители смотрят — и такой предмет есть, и такой, большое количество языков, большое количество профилей — мы скорее сюда пойдем, чем поедем через две остановки на метро в другой холдинг, где всего лишь одна или две школы — и больше ничего. А тут родители смогут удовлетворить свои потребности с детского садика по 11-й класс.

Н. Ш. Объединение школ в холдинги, как понятно из Ваших слов, — это их личное решение. То есть школа может и остаться автономной?

В. Х. Конечно, но будет очень сложно тогда конкурировать в образовательном процессе, потому что конкуренция уже через полгода, через год будет ощущаться.

Н. Ш. А что будет со школой, которая не выдержит конкуренции? Расформируют? Перепрофилируют?

В. Х. Не расформируют, но, думаю, они потом сами попросятся присоединить их к какому-то холдингу, потому что ведь в любом случае учителя захотят получать хорошие деньги — если им не будут платить, они сами будут искать хорошие зарплаты. Поэтому когда учителя будут уходить, как администрации вести себя? Они будут понимать сами, что делать.

Н. Ш. То есть о насильственной ликвидации каких-то школ речи не идет?

В. Х. Нет, конечно. У нас есть такие уникальные школы, как Театральная школа Казарновского, авторские школы — они, естественно, должны остаться. Есть дети, которые занимаются именно в этих школах. Они готовы заниматься по индивидуальным специализированным программам.

Н. Ш. В школах будет представлено несколько программ или одна?

В. Х. Сейчас у нас для первых классов идет одна программа. Конечно же, сейчас делается общий стандарт, чтобы все могли по одной программе идти. А потом — пожалуйста, в четвертом классе мы спрашиваем родите-

лей, какое они хотят углубление. Если они хотят шестидневку — любое углубление — это больше часов, то пожалуйста, мы можем углубить какой-то предмет или ряд предметов.

Н. Ш. Это чисто московская затея — холдинги?

В. Х. Мы дружим с итальянской школой, в Италии идут те же процессы. Если одна школа заполнена, а другая стоит полупустая, они объединяются, получается два здания, можно использовать базу второго учреждения.

Н. Ш. Хотелось бы, чтобы Вы охарактеризовали реформу образования. Есть ли резкое сокращение бюджета на школы?

В. Х. Напротив, идет постоянное увеличение бюджета. Если раньше бюджет школы был 39 тысяч на ребенка, то сейчас по нормативу на ребенка дается в начальной школе 83 тысячи, а если старшеклассник, у которого шестидневная рабочая неделя, то это 123 тысячи. Хотя нам бы должны давать денег намного больше. Увеличиваются учительские зарплаты. Сейчас, по сравнению с 2011 годом, мы увеличили зарплаты в два раза.

Н. Ш. Вы можете привести примеры зарплат, чтобы было понятно, о чем речь идет?

В. Х. Средняя заработная плата постоянно варьируется, сейчас ее хотят довести до 50 тысяч.

Н. Ш. А сейчас какая?

В. Х. В зависимости от нагрузки. У нас на ставку получается сейчас от 35 до 80 тысяч. Если учитель с утра до вечера работает с детьми, с неуспевающими, потом работает с одаренными детьми, специально готовит их, классное руководство у него есть, то он может получать большую зарплату, потому что он не только отрабатывает свои часы, а у него есть какая-то дополнительная нагрузка.

Н. Ш. Считаете ли Вы, что коллектив школ может принимать участие в подготовке или корректировке каких-либо обучающих программ, или в под-

готовке учебников, или предлагать министерству собственные методические разработки?

В. Х. Это и происходит сейчас, огромное количество конкурсов, когда именно предложения учителей идут на портал, где создаются различные инициативные группы. Именно от учителей приходят новшества и инновации.

Н. Ш. Что за последние 5–10 лет было предложено снизу, в том числе в новый Закон об образовании? Например, если речь идет о сокращении числа учеников, потому что должно быть не более 20 учеников; 30–35 — это перебор, в этом случае падает качество образования, качество преподавания, ложится нагрузка на учителей поведенческая, эмоциональная — эти процессы были учтены?

В. Х. 35 человек в классах сейчас нет, в среднем — 25–27. Конечно же, все эти сообщества, которые у нас сейчас в московском образовании, они именно хотят обратную связь, они получают обратную связь от учителей, и даже по четвергам у нас проводятся селекторные совещания, идет обратная связь — можно задать вопрос, можно поспорить. Просто этих новшеств сейчас настолько много, что даже не успевают осознать, настолько быстро все меняется. Посмотрите, как за последнее время оснастились школы, повысились зарплаты.

Н. Ш. Почему же идет противодействие сейчас со стороны родителей и ряда специалистов, говорят, что качество образования ухудшается, что мы теряем науку, мы теряем детское образование, мы оглушаем своих детей этими программами — где непонимание тех людей, которые об этом пишут?

В. Х. Нужно постоянно проводить мониторинг, как у нас проводится. Никто же не старается бежать за количеством. Можно создать в округе несколько холдингов, показать, какой будет итог, показать положительные

моменты, остальные потом подключатся. Так и делается во многих округах, остальные смотрят, что положительного происходит, это же очень интересно. Потому что раньше переходили мы на аутсорсинг, никто же этого не знал, все ужасались, а на самом деле ничего в этом плохого не было, наоборот, это многим было подспорьем. Потому что нельзя бояться нового, мы должны идти вперед. Нужно догонять Запад и обгонять его. Я считаю, что у нас огромный потенциал в российском образовании.

Н. Ш. То есть вы считаете, что тезис о снижении качества образования в российской школе не соответствует действительности?

В. Х. Как измерить качество образования? Это очень сложная вещь. Если говорить о поступлении в вузы, о количестве медалистов, оно растёт. Даже Единый государственный экзамен претерпел большие изменения, прислушались именно к учителям, выбрали, что помогает логику развивать, над чем нужно поработать — подход изменился. Но ЕГЭ — это не панацея, нужно что-то менять, делать другой вариант. Не все предметы нужно, я считаю, сдавать в форме ЕГЭ, потому что ребенок должен уметь говорить, выстраивать свои мысли, уметь доносить мысль. Этот минус ЕГЭ. Но у нас сейчас ЕГЭ только для нескольких обязательных предметов, а многие вузы выбирают устную форму экзамена, они вправе это делать, хотя раньше говорили — только ЕГЭ, а сейчас уже другие формы.

Н. Ш. А школы готовят к сдаче устного экзамена?

В. Х. Литературу никто не отменял...

Н. Ш. Но ее сократили, насколько я знаю, из программы изъяты Крылов, Радищев, Гоголь, Грибоедов, Жуковский, Баратынский, Рылеев, Кольцов, Алексей Толстой, Майков, Лесков, сократили Пушкина и Лермонтова, причем те произведения, где фигурируют слова «русский народ».

В. Х. Я не согласился бы, что литературу сократили, в этом году мы оставили литературу в полном объеме. У Москвы были другие учебные планы, у нас больше отводилось часов, сейчас выровняли на уровне Федерации, теперь как у всех. Но мы оставили литературу в том же количестве, что и было, — каждая школа выбирает, что ей нужно.

Н. Ш. Вопрос по поводу религиоведения. Зачем этот предмет нужен, с какой целью он введен?

В. Х. У нас основы религиоведения читают в четвертом классе. Там несколько блоков, которые могут сами же родители выбирать — это общее ознакомление, либо это основы православия, либо что-то еще. Ведь у нас многоконфессиональный город, очень большой, и каждый, быть может, хочет что-то такое почерпнуть свое, национальное. Нужно только, чтобы нормальный человек преподавал, компетентный, нейтральный.

Н. Ш. А с Вашей точки зрения может быть священнослужитель допущен до преподавания этого предмета? Речь о пресловутых «батюшках в школах».

В. Х. Школа — это светский институт, у нас государство светское, и школа отделена от Церкви. У нас много предметов, на которых с детьми ведется разговор о том, чтобы они вели себя хорошо, чтобы они вели себя терпимо по отношению друг к другу. Даже литература наша, там много всего, относящегося к этому. Учитель, в принципе, добру должен учить ребенка, иначе зачем он в школе преподает? Отдельно нет необходимости вводить дополнительно еще кого-то.

Н. Ш. Вы защитили диссертацию, Вы директор школы. Наверняка у Вас есть свое представление об образовании в России. Что бы Вы хотели осуществить, но к этому есть препятствия?

В. Х. В принципе, я считаю, что у нас никогда ничего особо не навязывают. Хочешь что-то сделать — делай. Все

зависит от того, как и что мы толкуем сами, используя свой опыт. И система образования так и связана сейчас, чтобы создать школу и руководителей нового поколения, которые были бы примером всем, которые свой положительный опыт могли бы внедрить на большой пласт территории, чем сидеть только в одном своем маленьком учреждении.

Н. Ш. Сейчас говорят о том, что педвузы ликвидируют; кто будет работать в школах?

В. Х. Педвузы разве ликвидируются? Они объединяются, но о сокращении речи не идет. Просто идет объединение вузов, школ — этот процесс идет во многих странах, в Италии, например.

Н. Ш. Насколько ваша школа типична?

В. Х. Я очень рад, что мы создали такой коллектив, где все болеют за общее дело. Старая закваска осталась, старый дух школы. У нас же школа с этнокультурным (русским) компонентом, русский язык, литература на особом месте, осталась связь между поколениями.

Н. Ш. Не могу не задать наш традиционный вопрос, потому что наш журнал представляет позицию русских националистов. В других национальных государствах в школах закладывают дух собственной нации, несмотря на то что во многих государствах есть несколько народов. Но есть основополагающий народ, который является создателем государства. И в школах в программах заложены компоненты, которые за каждым гражданином закрепляют принадлежность к собственной нации. Люди говорят о себе не «я гражданин Франции», а «я француз». Закладывается ли сейчас в нашей школе это понятие — «я русский» — или размывается до бесконечности? Если закладывается — то как, и если размывается, то зачем?

В. Х. Я думаю, что не закладывается, потому что в основе нашей идеологии

толерантность — что не должно быть ваших и наших, что все мы одинаковы, что есть незыблемые постулаты человеческие, которые одинаковы, какой бы нации мы ни были. Школа и должна закладывать все эти основные моменты, а потом ребенок пусть выбирает, что он хочет — но уже потом.

Н. Ш. Ребенок, заканчивая школу, понимает, что он русский?

В. Х. Я не думаю, что он понимает, что он русский. Дух патриотизма закладывать нужно, а вот что «я русский»...

Н. Ш. Они понимают, что они русские, что они основа, они создали это государство; учителя истории, литературы, музыки закладывают это понимание?

В. Х. У нас школа с русским компонентом, поэтому мы больше говорим о русских писателях, о русских историках. Конечно, посвящаем этому больше времени, потому что это у нас и в программе заложено, чтобы ребенок понимал, что Россия — замечательное государство, оно действительно великое, с великой культурой, которое воспето многими поколениями художников, музыкантов, чтобы они гордились ею, но и чтобы не забывали, что в мировом сообществе русская культура, русские традиции имеют большое значение.

Н. Ш. Люди выходят из школы, они гордятся этим, но уезжают работать в другие страны. Закладывается ли сегодня в школах понимание того, что нужно возрождать свою страну, потому что ты русский или потому что ты татарин?

В. Х. Конечно, закладывается. С самого детства, с природоведения, с литературы, даже с картинок в учебниках — это все равно проникнуто Россией. Я считаю, что патриотизма в нашей школе хватает, сейчас в каждой школе постоянно ведется такая работа, нельзя сказать, что этого нет. Мне кажется, здесь больше страхов, чем реальных проблем.

Сергей Петров

Был ли в Древней Руси национализм?

Нередко высказывается мнение, что национализм в Европе представляет собой явление современной эпохи, связанное с образованием национальных государств. В частности утверждается, что националистические настроения были полностью чужды Древней Руси, в которой враждебное отношение к представителям других народов было обусловлено исключительно религиозными различиями. Попробуем разобраться, насколько подобные утверждения соответствуют действительности, на основании русских письменных памятников XI–XV вв.

Самое раннее пространное изложение древнерусской этнической картины мира мы находим в «Повести временных лет» (ПВЛ) (начало XII в.). В ней летописец, основываясь на библейском повествовании, рассказывает о разделе мира после потопа между тремя сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Яфетом: «По потопа бо 3-е сынове Ноеви розделиша землю: Симъ, Хамъ, Афеть. Яся вѣстокъ Симо-ви... Хамови же яся полуденья часть... А Афетови же яся полунощная страна и западная... Симъ же, и Хамъ и Афеть, разделивше землю, и жребии метавше, не переступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части»¹. Еще раз о разделении земель между сыновьями Ноя летописец говорит после рассказа о разрушении Вавилонского столпа, тут же объявляя о происхождении собственно

славян: «По раздрусении же столпа и по разделении языкъ прияша сынове Симовы вѣсточныя страны, а Хамовы же сынове полуденья страны. Афетови же сынове западь прияша и полунощныя страны. От сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ словенескъ, от племени же Афетова, нарецаемеи норци, иже суть словене»².

Итак, в представлении древнерусского книжника юг (Африка) относится к наследию Хама, восток (почти вся Азия) — к наследию Сима, а север и запад (Европа и часть Западной Азии) — к наследию Яфета. ПВЛ подробно описывает обитателей западных и северных стран: «Въ Афетови же части седить русь, чюдь и вси языце: меря, мурома, всь, мордва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, югра, литва, зимигола, корсь, летьгола, либь. Ляхове же, и пруси и чюдь приседаютъ к морю Врярскому. По сему же морю седять варязи семо къ вѣстоку до предела Симова, по тому же морю седять къ западу до земли Агаряньски и до Волошьскы. Афетово же колено и то: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агляне, галичане, волохове, римляне, немци, корлязи, венедици, фрягове и прочии, приседаютъ от запада къ полуденю и съседятъ съ племенем Хамовомъ»³. В Яфетов жребий также входят «сарматы, тавриани, Скуфия». На юге Средиземное море отделяет Яфетов жребий от жребия Хамова (Африки). Также можно определить

¹ Библиотека литературы Древней Руси (Далее — БДР). Т. 1. СПб., 1997. С. 62, 64.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 62, 64.

границу, отделяющую Яфетов жребий на востоке от жребия Симова. В число потомков Яфета летописец включает, объединяя их под общим именем «все языце», балтские, финские и угорские племена. Далее он пишет, что «из Руси можетъ ити по Волзе в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жеребий Симовъ»⁴. Булгар и Хорезм («Хвалисы») здесь включаются в Симов жребий, из чего следует, что на востоке Европы граница между уделами Яфета и Сима проходит по линии раздела балтско-финских и тюркских племен.

ПВА вновь перечисляет балтские и финские племена при описании этнической ситуации в Русском государстве: «На Беле озере седятъ весь, а на Ростове озере меря, а на Клещине озере седятъ меря же. А по Оце реце, где втечетъ въ Волгу, языкъ свой — мурома, и черемиси свой языкъ, и мордва свой языкъ. Се бо токмо словенскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новгородци, полочане, дръговичи, северо, бужане, зане седятъ по Бугу, послеже же вольняне. И се суть инии языце, иже дань дают Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимегола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колена Афетова, иже живутъ на странахъ полунощныхъ»⁵. Мы видим, что балты и финны рассматриваются как народы, родственные славянам, но стоящие на более низкой ступени иерархии колена Яфетова и принужденные платить дань славянской Руси.

Еще более отчетливо та же мысль выражена в «Летописце Переяславля Суздальского», отражающем летописный свод великих владимирских князей начала XIII в. Он в целом основывается на тексте ПВА, но добавляет к нему определение подвластных Руси балтско-финских племен как «исконных данников и конокормцев от начала»: «По Белоузериу си Весь, а на

Ростове езере Меря, на Клищине езере Мряжа; а по Оце седятъ языкъ свой Мурома, и Черемиса, Мордва, языци рознии. Се бо токмо руски языкъ: Словене, Поляне, Древлане, Новгородци, Полочане, Дрегвичи, Севера, Божане, еже по Боугу седятъ, после же Вельнци назвашася. А се данници даютъ Руси дан: Чюд, Меря, Весь, Моурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Имь, Литва, и сперва исконнии данници и конокормци, Зимгола, Корсь, Нерома, сиречь Жемоть, Либь»⁶.

В «Слове о погибели Русской земли», написанном, по всей видимости, около 1238 г. уроженцем Переяславля Суздальского, мы находим мысль о божественном предопределении Руси повелевать как балтско-финскими племенами, так и Восточной Европой в целом: «Отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарь, от болгарь до буртасъ, от буртасъ до черемись, от черемись до морьдвы, — то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьския страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрю, князю киевскому, деду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дети своя полошаху в колыбели. А литва из болота на светъ не выникываху, а угры твердыху каменные города железными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо не въехалъ, а немци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера»⁷.

Из народов жребия Симова ПВА первыми подробно представляет болгар в рассказе под 986 г. об их посольстве к русскому князю Владимиру.

⁶ Чтения в Обществе истории и древностей Российских (Далее — ЧОИДР). Кн. 4. М., 1898. С. 9.

⁷ БЛДР. Т. 5. СПб., 2000. С. 90.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ Там же. С. 68.

Целью посольства было попытаться обратить Владимира в мусульманскую веру, поэтому этот рассказ является одновременно и первым представлением на страницах русской летописи ислама. Последний описывается как религия, потакающая низменным человеческим порокам, чем и пользуются болгарские послы, пытаясь склонить сластолюбивого князя принять ее: «Приидоша болгаре веры бохъмичи, глаголюще, яко “Ты князь еси мудръ и смыслень и не веси закона; да веруй въ законъ наш и поклонися Бохъмиту”. Рече Володимиръ: “Кака есть вера ваша?” Они же реша: “Веруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрезатьуды тайныя, а свинины не ести, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творити блудную. Дасть Бохъмитъ комуждо по семидесять женъ красенъ, и избереть едину красну, и всехъ красоту възложит на едину, и та будеть ему жена. Зде же, рече, достоить блудъ творити всякый. На семь же свете аще будет кто убогъ, то и тамо, аще ли богатъ есть зде, то и тамо”. И ина многалестъ, еяже нелзе писати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бе бо самъ любляше жены и блужение многое, и послушаше сладко. Но се бе ему не любо: обрезание удовъ и о неядении свиныхъ мясь, а о питьи отинудъ рекъ: “Руси веселье питье, не можемъ безъ того быти”»⁸.

Вслед за болгарскими послами к Владимиру прибывает греческий философ, который укрепляет князя в его неприятии ислама: «По семь прислаша греци къ Володимиру философа, глаголюще сице: “Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя принять веру свою. Ихъ же вера оскверняет небо и землю, иже суть прокляте паче всехъ человекъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на няже пусти Богъ камень горущее и потопа я, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть день погибели ихъ, егда придеть Богъ судити на землю и погу-

бити вся творящая безаконье и скверны деющая. Си бо омывають оходы своя, поливавшеся водою, и въ ротъ вливають, и по браде мажутся, наричюще Бохмита. Тако же и жены ихъ творят ту же скверну и ино же пуще: от совокупления мужьска вкушаютъ”. Си слышавъ, Володимиръ плюну на землю, рекъ: “Нечисто есть дело”»⁹.

Описывая события полуторастолетней давности, автор ПВЛ несомненно выражал взгляды своих русских современников. А это значит, что в начале XII в. на Руси господствовало мнение, что ислам — это вера, которая «оскверняет небо и землю», а ее приверженцы «прокляты паче всех человек». Причем отвращение к исламу испытывалось не только на идеологическом, но и на физиологическом уровне, о чем свидетельствуют баснословные рассказы о религиозных обрядах мусульман.

Убежденность в том, что подобные обряды действительно существовали у мусульман, была на Руси широко распространена, о чем свидетельствует ее отражение в целом ряде древнерусских письменных памятников. Наиболее примечательный из них носит полное название «Слово святого Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят» и датируется разными исследователями периодом от XI до XIV в. В основе его лежит славянский перевод Слова св. Григория Богослова на Богоявление, посвященного обличению античного язычества. Русский автор или авторы добавили к нему обличение иных языческих вер, к которым они причисляли и ислам. Его тема трагивается в «Слове» три раза.

Во-первых, в ряду того, что надлежит отвергать правоверным христианам, упоминается имя мусульманского пророка: «Мы же сихъ, чада, отмъщемся нечестивыя жьртвы: дьяволя служения и кладения треть, критьска-

⁸ БДР. Т. 1. С. 132.

⁹ Там же. С. 134.

го оканьнаго учителя, Моамеда проклятаго срачиньскаго жерца»¹⁰. Вслед за этим приводится уже известное нам по «Повести временных лет» описание исламских обрядов болгар: «От фюфильскихъ же и отъ араитьскихъ писании научышеся болгаре, отъ срамныхъ удъ истекающею сквърну вкушаютъ [рекуще, яко тем вкушениемъ очищаются греси]. И суть всехъ языкъ сквърнеише и проклятеише»¹¹. Наконец, объясняется происхождение этих обрядов. Оказывается, Коран повествует, что Осирис родился через задний проход и из-за этого был провозглашен богом. В память об этом арабы, болгары, туркмены и все прочие мусульмане омывают себе задние проходы водой, а потом эту воду пьют: «Того же Осириса скажетъ книга лъживая и сквърнная срачиньскаго жърца Моамеда и Бохмита проклятаго, яко нелепымъ проходомъ проиде, рожаяся, того ради и богомъ его нарекоша. И от толе начаша мыти гузице срацини, и болгаре, търкмени, и олико ихъ есть въ вере тои, и омытье то въливають въ рѣть»¹².

Баснословность подобных рассказов для нас не имеет никакого значения, потому что мы рассматриваем здесь не ислам как таковой, а отношение к нему и к исповедующим его народам в древнерусском государстве. Как уже очевидно, отношение это крайне отрицательное. Причем идеологические мотивы здесь неразрывно связаны с генеалогическими, т.е. этническими. Ислам был верой жребия Симова, как христианство было верой жребия Яфетова. Важные подробности древнерусских представлений о происхождении мусульманских народов содержатся в статье ПВА под 1096 г., повествующей о половецком нашествии на Киев. По-

мимо вполне традиционного возведения сарацин к Измаилу в ней утверждается, что хорезмийцы и болгары являются потомками сыновей Лота Моава и Аммона, рожденных от него его собственными дочерьми: «сынове бо Моавли — хвалисе, а сынове Амоновы — болгаре, а срацини от Измаила... Темже хвалисе и болгаре суть от дщерию Лотову, иже зачастую от отца своего, темже нечисто есть племя ихъ»¹³. Таким образом, нечистота ближайших к Руси мусульманских народов обосновывается не только их религией, но и их происхождением.

Господство в Русском государстве подобных взглядов должно было если не полностью исключить, то по крайней мере свести к минимуму любые этнические контакты между русскими людьми и народами жребия Симова. Прямой запрет на подобные контакты был введен законодательно на государственном уровне уже в XI в. Церковным уставом Ярослава Мудрого. 19-я статья Устава гласит: «Аще жидовин или бесерменин будет с рускою, на иноязычницах митрополиту 50 гривен, а рускую поняти в дом церковный»; 51-я статья: «Аще кто с бесерменкою или съ жидовкою блуд створить, а не лишится — церкви отлучится и христьян, а митрополиту 12 гривенъ»¹⁴. Как видим, русскую женщину, вступившую в половую связь с иудеем или мусульманином, надлежало навечно заточить в монастырь, а русскому мужчине, вступившему в половую связь с мусульманкой или иудейкой, грозило отлучение от церкви.

Запреты на контакты, в которые с русскими могли вступать восточные народы — по определению летописца, «Болгаре и Жидове и вся погань»¹⁵,

¹³ БДР. Т. 1. С. 264.

¹⁴ Древнерусские княжеские уставы 11–15 вв. М., 1976. С. 88, 90.

¹⁵ Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (Далее — ПСРА). Т. 2. Стб. 591.

¹⁰ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А.И. Пономарева. Вып. 3. СПб., 1897. С. 232.

¹¹ Там же. С. 233, 231.

¹² Там же. С. 233.

распространялись и на пищевую сферу. Русским строго запрещалось употреблять блюда и напитки, приготовленные иноверцами, неприготовленные же продукты разрешалось употреблять только после их очищения. Вот несколько примеров. 122-я статья «Заповеди ко исповедающимся сыном и дочерям» гласила: «Аще кто вкуситъ что снадно жидовско, или болгарьска, или срачиньска, а не ведая, постъ 8 дни, а поклонъ какъ ему отецъ оукажетъ, аще ли ведая, то 2 летъ»¹⁶, 19-я статья Правила из Схоластиковой кормчей: «Аще кто въкоуситъ погана хлеба или мяса, любо жидовьска, или водоу исъ сосуда ихъ пиеть, 3 дни да поститься»¹⁷, 27-я статья «Правила с именем Максима»: «Аще жидовинъ испечетъ хлеб сам и принесет ли мед, не прияти от него. Аще ли поперъ или рыбу, то, измывше, молитва створити»¹⁸ и т.д.

* * *

Наряду с распространенной точкой зрения на происхождение мусульман от Сима в Древней Руси бытовало и мнение об их происхождении от Хама. Его мы, в частности, встречаем в Сокращенной Палее русской редакции. Этот памятник, излагающий историю человечества, согласно библейским и апокрифическим источникам, был составлен в XIII–XIV вв. на основании греческого оригинала с многочисленными дополнениями. В частности, в нем излагается история о благословении Ноем Сима и Яфета и проклятии им Хама. Повествование следует библейскому оригиналу, но с существенным дополнением: «И бяхоу сынове Ноеви, сына Аламехова, Симъ, Хамъ, Афетъ разплодишася по земли. И начатъ Нои делати землю. Насади виноградъ и испивъ Нои вина отъ

плодовъ своих и упився возлегъ спати и обнажися в домоу своемъ. И видевъ сынъ Ноевъ Хамъ отецъ Ханаоновъ обнажение отца его Ноа и шед Хамъ возвести обема братом своим. Симъ же и Афетъ взявше ризу на обе раме свои и идоста опаки и покрыста нагоу отца своего и лицом же своим опаки зря и не виде наготы отца своего. Истрезви же ся Нои от вина. Разумевъ Нои сотвори ему сынъ средни зло. Сынъ же старшей и меншей сотвори ему угодно. И рече Нои: Благословенъ Господь Богъ Симовъ и Афетовъ. Проклятъ боуди Хамъ. Рабъ буди братома своима. И распространит Богъ Сима и Афета. *Хамово же племя разделися во все поганьскыя языки. Приаша веру Бахметчу иже оскверни землю. Их же Нои намени холопи. Иже холопи быша верою. Веровавшие в жидовьского холопа Бахмета*»¹⁹.

Выделенный отрывок отсутствует в Библии и греческом оригинале Палеи, из чего следует, что он был добавлен русским автором и отражает взгляды, бытовавшие на Руси. Согласно этим взглядам, последователи ислама являются потомками Хама, расселившимися среди языческих народов. Будучи в силу проклятия Ноя наследственно предрасположенными к рабству, они приняли веру, основатель которой Мухаммад был рабом евреев.

Впрочем, более распространенный в Древней Руси взгляд на происхождение мусульман от Сима также предполагал их рабское положение, поскольку возводил их к Измаилу и его матери Агари, рабыни Сарры (отсюда распространенное в средневековых русских текстах именование мусульман измаильтянами и агарянами). Эта история подробно излагается уже в самом раннем памятнике русской словесности — «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона

¹⁶ Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. Книга 3. М., 1912. С. 126.

¹⁷ Там же. С. 134.

¹⁸ Там же. С. 53.

¹⁹ Книга бытия небеси и земли (Палей Историческая) с приложением Сокращенной Палеи русской редакции. Труд Андрея Попова // ЧОИДР. Книга 1. М., 1881. С. 14–15.

(между 1037 и 1050 гг.), где, впрочем, раба Агарь представлена как прообраз иудейства, а свободная Сарра — как прообраз христианства: «Образъ же закону и благодети Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра... Роди же Агарь раба от Авраама, раба робичишь, и нарече Авраамъ имя ему Измаиль... По сихъ же видевши Сарра Измаила, сына Агариина, играюща съ сыномъ своимъ Исаакомъ, и ако приобидень бысть Исаакъ Измаиломъ, рече къ Аврааму: “Отжени рабу и съ сыномъ ее, не имать бо наследовати сынъ рабынинъ сына свободныя”... И отгнана бысть Агарь раба съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныя, наследникъ бысть Аврааму, отцу своему. И отгнани быша иудеи и расточени по странам, и чяда благодетьнаа христианни наследници быша Богу и Отцу»²⁰.

Нужно полагать, что именно убеждение в происхождении мусульман от рабских колен Хама или Сима обусловило решительное отличие в отношении древнерусского законодательства к мусульманским пленным в сравнении с христианскими: «Если Россія могла приложить к христианским государствам — Литве, а потом Швеции те начала, которые были выработаны в отношениях Русских княжеств, то никак не могла сделать того и относительно Татар. Это были бусурмане, варвары, с которыми вечная война. Все усилия наших Царей направлены к тому, “чтобы рука христианская высилась над бесерменством”. Борьба должна была кончиться покорением Россией Татар. Поэтому на пленных мусульманах нет этого характера срочного рабства... Уложение [царя Алексея Михайловича] постановило относительно пленных мусульман, принимающих православие: 1) Если они принадлежат православному, то остаются в их владении, но владельцы не могут их продавать, а могут только поступаться по добродетели безденежно (Улож. гл. XX, ст. 97).

Если они принадлежат Русским подданным неправославным христианам и нехристианам, то получают свободу, заплатя 15 рублей владельцу (Улож. гл. XX, ст. 71). Вообще пленный мусульманин, бывший в частном владении и не принявший православие, был в полном рабстве по Уложению (Улож. гл. XX, ст. 99, 100)»²¹.

Однако потомками Измаила в Древней Руси считались не только мусульманские народы, но и тюркиязычники. Как было сказано выше, иранские племена — «сарматы, тавриани, Скуфия» — причисляются «Повестью временных лет» к колену Яфета. В отличие от них, тюркские племена южнорусских степей причисляются через Измаила к колену Сима. Впервые об этом говорится в статье ПВА, рассказывающей о разгроме Печерского монастыря половцами в 1096 г: «Въ 20 того же месяца, въ день пятокъ, въ час 1 дне, прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай, хыщникъ, къ Киеву внезапу, и мало в городъ не вогнаша половци, и зажгоша болонье около города, и увратишася на монастыре, и пожгоша монастырь Стефанечъ, деревне и Германечъ. И приидоша на монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликоша около монастыря и поставиша 2 стяга предъ ворота монастырьскими, намъ же бежащимъ за домъ монастыря, а другимъ ушедшимъ на полате. Безбожнии же сынове Измаилеви высекоша врата монастырю и устремишася по кельямъ, высекающе двери, изношаху, еже аще обретаху у кельи... Убиша бо от брата на шея несколько оружьемъ безбожнии сынове Измаилеви, пущении на казнь хрестьяномъ»²².

Далее летописец останавливается на происхождении кочевых тюркских

²¹ Лохвицкий А.В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. С. 3–4, 14–15.

²² БДР. Т. 1. С. 262, 264.

племен подробнее: «Ишьли бо си суть от пустыня Етревьския, межи вьстокомъ и северомъ, ишьло же есть ихъ колень 4: торкмене, и печенези, торци, половцы. Мефедий же свидительствует о нихъ, яко 8 колень пробегле суть, егда исече я Гедеонъ: осмь ихъ бежа в пустыню, а 4 исече... Измаилю роди 12 сына, от нихъже суть торькмени, печенези, и торци и половци, иже исходят от пустыне»²³. Мефодий, на которого здесь ссылается русский летописец, — это живший в III–IV вв. епископ города Патар в Ликий, которому приписывалось широко распространенное в христианском мире «Откровение». В книге Мефодия повествуется об истории мира от сотворения до второго пришествия Христа, разделенной на семь периодов по тысяче лет каждый. Особую роль «Откровение Мефодия Патарского» отводит происшедшим от Измаила племенам мадианитян. Разбитые израильским судьей Гедеоном и бежавшие в Етревскую пустыню, они должны были вернуться оттуда в последнее, седьмое тысячелетие. Именно с этими народами и были отождествлены на Руси языческие тюркские племена, подвергавшиеся набегам южнорусские земли.

При этом необходимо заметить, что понятия язычества и ислама в Древней Руси четко не разграничивались, а скорее ислам считался одной из разновидностей язычества. Восточные народы — как мусульманские, так и языческие, одинаково причислялись к потомкам Измаила. «Повесть временных лет» противопоставляет половцев христианской Руси как язычников: «Якоже се и ныне при насъ половци законъ держать отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящеся о семъ, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомякы и сусолы, и поимають мачехы своя и ятрови, и ины обычая отецъ своихъ. Но мы же, християне, елико земель, иже верують въ святую Троицю, и въ единое крещение, и въ едину веру, законъ

имамъ одинъ, елико в Христа крестихомъся и въ Христа облекохомся»²⁴. В то же время в «Летописце Переяславля Суздальского» мы находим подобное же противопоставление, но в нем половцы уже выступают как мусульмане: «Якож и Половци законъ Магметевъ дръжать: кровь пролиати ради и хвалящеся о семъ, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, и поимають мачехи своя и ятрови, и оходы женъ подмывающе и въкушаютъ, обычай очь имуть. Мы же християни, елико земель, иже верують въ святоую Троицю, въ единое крещение, въ Христа крестихомъся»²⁵.

Войны, которые вела Русь с народами жребия Симова, имели одновременно характер национальный и религиозный. Приведем из ПВЛ описание наиболее крупного похода русских князей против половцев, состоявшегося в 1111 г.: «Поидоста на половце Святополкъ съ сыномъ, Ярославъ, и Володимерь съ сынми, и Давыдъ со сыномъ. И поидоша, возложивше надежду на Бога и на пречистую матеръ его, и на святыя ангелы его. <...> И оттуда идоша Върьскла, ту же завътра, въ среду, хрестъ целоваша и възложиша всю свою надежду на хрестъ со многими слезами. И оттуде приидоша многи реки въ 6 неделю поста, и поидоша к Донову въ вторникъ. И оболочишася во броне, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимерь пристави попы своя, едуче предъ полкомъ, пети тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородици. <...> В пятницу завътра, месяца марта въ 24 день, собращася половци, изрядиша половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши, възложише надежду свою на Бога, и рекоша: “Убо смерть намъ zde, да станемъ крепко”. И целовашася другъ друга, възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго. И бывшую же сосуту и брани крепце,

²³ Там же. С. 264.

²⁴ Там же. С. 72.

²⁵ ЧОИДР. Кн. 4. М., 1898. С. 11.

Богъ вышний возре на иноплеменники со гневомъ, падаху предъ хрестьяны. И тако побежени быша иноплеменници, и падоша мнози врази наши, супостати, предъ рускыми князи и вои на потоце Дегея. И поможе Богъ рускымъ княземъ. И въздаша хвалу Богу въ ть день. И заутра, суботе наставше, празноваша Лазарево възкресенье, Благовещенья день, и похваливше Бога, проводиша суботу, и в неделю приидоша. Наставшю же понеделнику страстныя недели, паки иноплеменници собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции и тмами тмы. И оступиша полки рускыи. И посла Господь Богъ ангела в помощь русьскымъ княземъ. <...> И падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьемы ангеломъ, яко се видяху мнози человеци, и главы летяху, невидимо стинаемы на землю. И побиша я в понеделникъ страстный, месяца марта въ 27 день. Избьени быша иноплеменнице многое множество на реце Салнице. И спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ, и Давыдъ прославиша Бога, давшаго имъ победу таку на поганья, и взяша полона много, и скоты, и кони, и овце, и колодниковъ много изоимаша руками. И въпросиша колодникъ, глаголюще: “Како васъ толка сила и многое множество не могосте ся противити, но воскоре побегосте?” Си же отвещеваху, глаголюще: “Како можемъ битися с вами, а друзии ездяху верху васъ въ оружьи светле и страшни, иже помагаху вамъ?” Токмо се суть ангели, от Бога послани помогать хрестьяномъ. Се бо ангель вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменники, русьскыи князи»²⁶. Примечательно, что данное предприятие русских князей имело характер в прямом смысле крестового похода, при этом противники Руси постоянно именуются иноплеменниками, т.е. подчеркивается их национальная чуждость.

Такой же характер крестовых походов имели войны русских князей против мусульманских булгар, например, поход Андрея Боголюбского в 1164 г.: «Иде князь Андреи на Болгары с сыномъ своимъ Изяславомъ и с братомъ своимъ Ярославомъ и с Муромьскимъ княземъ Гюргемъ. И поможе имъ Богъ и святая Богородица на Болгары — самехъ исекоша множество, а стягы ихъ поимаша, и одва в мале дружине оутече князь Болгарьскыи до Великаго города. Князь же Ондреи воротися с победою, видевъ поганья Болгары избиты, а свою дружину всю сдраву. Стояху же пеши съ святою Богородицею на полчище подъ стягы. И приехавъ до святое Богородици [и до пешецъ] князь Андреи с Гюргемъ и со Изяславомъ и съ Ярославомъ и со всею дружиною, оудариша челомъ передъ святою Богородицею [и почаша целовати святою Богородицю] с радостью великою и со слезами, хвалы и песни въздавающе ей. И шедше взяша градъ ихъ славныи Бряхимовъ, а переди 3 города ихъ пожгоша. Се же бысть чудо новое святое Богородици Володимер[с]кое, юже взялъ бяше с собою благоверныи князь Андреи и принесъ ю с славою [и] постави ю въ святеи Богородице Володимери в Золотоверсеи, идеже стоять и до сего дне»²⁷.

Более подробно этот поход описывается в рассказе об установлении на Руси праздника Покрова Пресвятой Богородицы: «Месяца августа въ 1 день празднуемъ всемилостивому Христу Богу нашему и пречистой его матери. Ведети есть о сем нам возлюбленна братиа пантократорный день милости Божиа празднуемъ. Благодетивому и верному царю нашему князю Андрею оуставившоу се праздновати со царем Маноуилом повелениемъ Лоуки патриарха и митрополита Костянтина всея Роуси и Нестера епископа Ростовьскаго. Маноуилоу царю

²⁶ БДР. Т. 1. С. 298, 300.²⁷ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352–353.

мирно в любви и братолюбии живоущу съ благочестивымъ княземъ нашимъ Андреемъ слоучися имъ въ единъ день изити на брань, ономоу изо Царяграда на Срацины, а сему из Ростова на Болгары. Обычай же имаше князь Андрей егда к воеви идяхоу всегда чистою душею и иконоу владычица наша Богородица приснодевья Мариа и Крестъ прозвитера два въ священных ризах ношахоу и тоу прииметь от святых тинъ плоти и крови Господня и соущи с ним глаголя се: Владычице Богородице родивши Христа Бога нашего оуповааи на тя весь не погибнетъ. Азь рабъ твои имею тя стеноу и покровъ и Крестъ Сына твоего ороужие на брани обоуду остро и огнь опаляя лица противных наших хотящих с нами брани. И падоша вси на колену пред святою Богородицею со слезами целоующе. И взяша четири города Болгарския и Бряхимовъ в Каме и воротився от сеча вси и видеша лоуча огнены от иконы Спаса нашего владыки и Бога и весь полкъ его открытъ он же воротився опять и попали города огнемъ и положи землю ту поустоу а прочии города осади дань платити. Тож видение Маноуиль царь тамо виде въ единъ день августа въ 1 праздновати оуставиша милости божиа человеколюбиа яко же рече пророкъ его же хощю помилоую помилованъ боудеть и ныне владыко тако покры вся люди роусския земля оуповающаа на тя темъ вси припадаем ти»²⁸.

Заметим, что автор рассказа проводит прямую параллель между походом русского князя Андрея на болгар и походом греческого царя Мануила на сарацин, т.е. представляет их как усилия в общей борьбе христианских яфетических народов против мусульманских народов удела Симова. При этом

представление о единстве христиан-яфетитов не ограничивалось только православными, но распространялось также и на католиков. Наиболее ярко это отражено в рассказе о Третьем крестовом походе, помещенном в Ипатьевской летописи под 1190 г.: «В то же лето иде цесарь немецкый со всею своею землею битися за гробъ Господень. Проявилъ бо бяшетъ ему Господь ангеломъ, веля ему ити. И пришедшимъ имъ и бьющимся крепко с богостудными тыми агаряны. Богу же тако попустившу гневъ свои на весь миръ, зане исполнися злобъ нашихъ вся земля. И си вся наведе на ны грехъ ради нашихъ, — во истину судъ створи, и правы судьбы его, — и преда место святыня своя инемъ, иноплеменьникомъ. Сии же немци, яко мученици святии, прольяха кровь свою за Христа со цесари своими. О сихъ бо Господь Богъ нашъ знамения прояви: аще кто от нихъ в брани от иноплеменныхъ убьени быша, и по трехъ дньехъ телеса их невидимо из гробъ ихъ ангеломъ взята бывахуть. И прочии, видяще се, тосняхуться пострадади за Христа. О сихъ бо воля Господня да сбьсться и причте я ко избранному своему стаду, в ликъ мученицкыи. Се бо створи Господь за грехы наша, казнья всь миръ и паки обращая, яко же сгрешихомъ, и безаконновахомъ, и не оправдихомъся пред нимъ. Кто бо свестъ умъ Господень и таиная его творения кто вестъ?»²⁹.

С точки зрения русского летописца, немцы ведут общую с русскими борьбу против иноплеменников-агарян, которые в 1187 г. захватили Иерусалим: «Во дни наша преда Господь градъ Ерусалимъ святы беззаконнымъ темъ агаряномъ»³⁰. Как и Владимира Мономаха в 1111 г., немецкого императора Фридриха Барбароссу побуждает выступить в крестовый поход ангел Господень. Западные христиане для ав-

²⁸ Забелин Ив. Следы литературного труда Андрея Боголюбского // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим обществом. № 2–3. М., 1895. С. 46–47.

²⁹ Ипатьевская летопись. ПСРА. Т. 2. Стб. 667–668.

³⁰ Там же. Стб. 655.

тора записи в Ипатьевской летописи включаются в понятие «мы», что отражает убеждение в единстве яфетического христианского мира в противостоянии мусульманским семитическим народам.

* * *

Теперь рассмотрим вопрос о том, каким образом русское сознание восприняло наиболее болезненное в своей истории столкновение с Востоком — татарское нашествие. К сожалению, зачастую исследователи, занимающиеся этим вопросом, упускают из виду текст, являющийся ключевым для его понимания, которым является уже упоминавшееся «Откровение Мефодия Патарского». Как говорилось выше, Мефодий предсказывал, что в седьмое тысячелетие мировой истории разбитые Гедеоном измаильтяне вернутся из Етревской пустыни. Ни одно из земных царств не сможет устоять перед их натиском: «Съи бо Гедионъ съсече плъкы их и отгна их от вселенныа въ поуустыню Ефривьскоую из неже беаху и оставшыи 12 колень обеты сътворише къ Израилитом и изыдоше въ пустыню вьнетрънюю колень 9. Хотет же единою изыти и опоустети всю землю приети и страны вьса и оудръжати вьходом мирнымь от Египта до Ефиопии и от Ефрата до Индии и от Тигра до вьхода царства Монитова и севера до Рима и до Драча и Гигита и Солуня и Алваней даж до Понтъскаго море. И сугубь боудеть яремь их на выи всехъ языкъ. Не боудет же царство на земли еже възможе победити ихъ»³¹.

Первоначально русские книжники отождествили с предсказанными Мефодием измаильтянами половцев и родственные им тюркские племена южнорусских степей. Однако с по-

явлением татар это отождествление было перенесено на них, что видно уже из описания в Лаврентьевской летописи первого столкновения Руси с татарами на Калке: «Того же лета явишася языци, их же никто же добре ясно не весть, кто суть, и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вера ихъ. И зовуть я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенези. Ини глаголють, яко се суть, о них же Мефодий, Патомьский епископъ, сведетельствует, яко си суть ишли ис пустыня Етревьскы, суще межю востоком и севером. Тако бо Мефодий рече: “Яко къ скончанью времени явитися тем, яже загна Гедеонъ, и попленьятъ всю землю от востока до Ефранта, и от Тигръ до Понетъскаго моря, кроме Ефиопья”»³². Почти такой же текст находим в Новгородской I летописи. В отличие от Лаврентьевской и Новгородской, Галицко-волынская летопись называет татар моавитянами: «Приде неслыханая рать, безбожнии моавитяне, рекомыи татарьве, придоша на землю половецькую»³³.

Если в летописных рассказах о сражении русских с татарами на Калке отождествление татар с измаильтянами Мефодия Патарского приводится как лишь одна из версий, то в повествованиях о нашествии на Русь полчищ Батыеа они называются измаильтянами уже прямо и без оговорок: «Придоша безбожнии измаилтяне, преже бивъшеся со князя рускими на Калкохъ» (Галицко-волынская летопись); «Князь же Юрьи выступи изъ Володимирия и бежа на Ярославль, а въ Володимири затворися сынъ его Всеволодъ съ матерью и съ владыкою и со всею областью своею. Безаконьнии же Измаильти приближишася къ граду, и оступиша градъ силою, и отыниша тыномъ всь» (Новгородская I летопись); «О пленении Рускыа земля отъ Батиа. Слышано бысть на восточней стране

³¹ *Истрин В.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. С. 104–105.

³² БЛДР. Т. 5. С. 92.

³³ Там же. С. 204.

въ роде Измаилове, сына Агарина, рабыни Авраамовы, яко смири Господь Богъ Рускую землю нахождениемъ безбожныхъ иноплеменникъ, таурмень» (Тверская летопись).

Мефодий Патарский определенно указывает, что иго измаильтян будет не благоволением к ним Бога, а наказанием за грехи христиан: «Глаголетъ бо Богъ къ Израилю Моисеомъ: “не зане любит те Господь Богъ дает ти наследити землю сию, нь за грехи живущихъ на ней”. Сице и сыновом Измаилевомъ не зане любить их Господь Богъ дастъ им силу одръжати вса земле христианьскау нь за безаконие их и грехы. Тьчна бо темь скръбь не бысть ниже имат быти въ всех родехъ... Сего ради оубо Богъ предасть их въ руце варваромъ, от нихже выпадоуть въ грехъ и осквернетсе жены их скврнными и наложат на не иго свое сынове Измаилевы»³⁴. Ту же самую мысль выражают русские летописцы при описании татарского нашествия: «За умноженъе безаконий наших попусти Богъ поганяя не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дель. И сими казньми казнить нас Богъ, нахоженъем поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшесе от пути своего злаго» (Лаврентьевская летопись); «Да кто, братье и отци и дети, [и не плачется] видевше Божие поущение се на всеи Русьской земли. Грехъ же ради нашихъ попусти Богъ поганяя на ны. Наводить Богъ, по гневу своему, иноплемьники на землю, и тако съкрушеномъ имъ въспоманутся къ Богу» (Новгородская I летопись).

По предсказанию Мефодия, власть измаильтян над миром будет временной. В конечном счете они будут побеждены «греческим царем», который покорит их самих власти христиан: «Не боудет же царство на земли еже възможе победити ихъ даже до числа время седморичныхъ и посемь побеждени будоут царствомъ гръчскимъ и по-

винутсе емоу. Сие бо царство возвеличитсе паче всехъ царствий езыческихъ и не потребитсе ни единымъ царствомъ. Имат бо оружие имже всехъ победит... И нападет на нихъ страхъ отвсюду и жены их и чеда ихъ и доещеи младенца их и вси плъци ихъ соуции на земли их въ руце гръчскаго цара предадетсе оружиемъ и пленом и пагубою и смрътию. И будет иго цара гръчскаго на нихъ седмь седмицею паче еже бе иго ихъ на Грьцехъ. И будоут въ тоузе велице и глади и жежеди и скръби и будоут раби сами и жены и чеда их и поработеть работавающимъ им. И будетъ поут ихъ гръчаишыи стократицею»³⁵. Подобно Мефодию, епископ Серапион Владимирский (ум. в 1275 г.) в своих проповедях предсказывал, что татарское иго над Русью прекратится, когда русский народ покается в своих грехах: «Кто же ны сего доведе? Наше безаконье и наши греси, наше неслушанье, наше непокаянье. Молю вы, братье, кождо васъ: внидите в помыслы ваша, оузрите сердечнымъ очима дела ваша, — възненавидете их и отверзете я, к покаянью притецете. Гневъ Божии престанеть, и милость Господня излеетсе на ны; мы же в радости поживемъ в земли нашей»³⁶.

В наиболее полном виде теологическое истолкование ига измаильтян над Русью изложено в Житии Михаила Тверского, написанном в 1319–1320 гг. духовником тверского князя игуменом Александром. Согласно ему, обращение Руси в христианство вызвало ярость дьявола, который в отместку начал склонять русский народ к грехам. Стремясь вернуть русских людей на путь истины, Бог наслал на них разнообразные наказания, самым суровым из которых стало татарское нашествие: «Господь же премилостивый Богъ божественнымъ своимъ промыслениемъ на последний векъ яви благодать свою на русскомъ языке: приве-

³⁴ *Истрин В.* Указ. соч. С. 109.

³⁵ Там же. С. 112.

³⁶ БДР. Т. 5. С. 374.

де великого князя Владимира русскаго въ крещение: Вълодимеръ же, просвещень Святаго Духа благодатию, введе всю землю русскую въ крещение. Оттоле распространися святая вера по всей земли, и бысть веселие и радость велика в новопросвещенных людехъ; точию единъ дияволь сетовашеся, побеждаемъ от тех, имиже преже техъ чтим бываше, жертву приимаю и вся угодная. Сего не терпя, врагъ душ наших опрометашеся, льстивый, како бы съвратити с праваго пути ихъ; и вложи в сердце ихъ зависть, ненависть, братоубийство; нача въсхитити и имения сынъ подо отцемъ, брат менший под старейшим братомъ, умножися неправда и злоба многа въ человецехъ, и предашеся въ слабость света сего скороминующаго. Господь же премилостивый Богъ, не терпя видети погибающа от диявола род нашъ, претяше намъ казньми, хотя нас обратити от злобъ нашихъ, посла на ны казнь, овогда глад, овогда смерть въ человецехъ и скотехъ; конечную же пагубу преда нас в руке измаилтяном. Оттоле начяхомъ дань даяти по татарьскому языку. И егда коему княземъ нашим доставашеся великое княжение, хожаше князи русстии въ Орду къ цареви, носящи множество имения своего»³⁷.

Игумен Александр указывает, что наибольшей жестокости татарское иго над Русью достигло после воцарения в Орде Узбека и принятия им ислама: «А в Орде седе иныи царь именемъ Азбьякъ, поиде въ богомерзкую веру срачиньскую, и оттоле наипаче не пощаде ни нача роду крестьянскаго, яко же бо о такихъ рекоша царьския дети, иже пленени во Вавилонъ, сице глаголааху: “Предасть ны в руке царю нечестивому и законопреступному, и лукавнейшому паче всея земля”»³⁸. Особенно ярко отношение русского книжника к исламу проявляется во вставке, которую он

сделал в цитату из Книги пророка Даниила: «Игумен Александр сравнивал Узбека с жестоким вавилонским царем Навуходоносором II, о котором рассказывала Библия. Приведенный выше отрывок заканчивается стихом 32 из III главы Книги пророка Даниила. Последняя сохранилась в трех славянских переводах, восходящих к Лукиановскому и Исихиевскому греческим изводам. Однако ни в греческих, ни в славянских текстах 32 стиха III главы Книги пророка Даниила нет слова “законопреступну”. Становится очевидным, что оно вставлено самим автором Повести о Михаиле для усиления отрицательной характеристики Узбека»³⁹.

Как и Мефодий Патарский и русские летописцы, описывавшие татарское нашествие, автор Жития Михаила Тверского указывает, что Бог не благоволит к законопреступной власти, но лишь использует ее как орудие наказания: «Егда бо Господь, градъ Иерусалимъ казня, предасть в руке царю Титу римьскому. И паки, егда Фоце Царьградъ предасть в руке, такоже не Фоку любя, но Царьградъ казня за людская согрешения. И еже се бысть за наша согрешения»⁴⁰. При этом он ясно дает понять, что иго измаилтян является временным явлением, используя для этого примеры из истории: «Власть хана над Русью автор Повести сравнивал с властью Тита над Иерусалимом и Фоки Каппадокийца над Константинополем. Пример с Фокой особенно красноречив. Сотник Фока удерживал императорский трон лишь в течение восьми лет, после чего власть снова перешла в руки “законных”, с точки зрения средневековых хронистов, императоров. Тем самым тверской писатель давал понять, что и власть татар-

³⁷ БДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 70.

³⁸ Софийская I летопись старшего извода. ПСРА. Т. 6. Вып. 1. С. 377–378.

³⁹ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 251–252.

⁴⁰ Софийская I летопись старшего извода. ПСРА. Т. 6. Вып. 1. С. 377–378.

ского хана является временной. Ее существование он ставил в прямую зависимость от “наших согрешений”, под которыми понимал, как в этом можно было убедиться выше, моральные недостатки, а также, что особенно важно, феодальные распри, выступления младших князей против старших»⁴¹.

При Узбеке ислам окончательно стал государственной религией Улуса Джучи. Сообщая об этом событии, игумен Александр называет ислам «богомерзкой сарацинской верой», что полностью соответствует взгляду, распространенному на Руси еще до татарского нашествия. В составе государства Джучидов оказались две традиционно исламские области — Булгар и Хорезм, и именно они, особенно Хорезм, сыграли решающую роль в его исламизации: «С самого момента своего создания Золотая Орда оказалась в окружении исламских государств. Тесные контакты с ними, в том числе и с теми, которые вошли в Улус Джучи — Волжской Булгарией и Хорезмом, — обеспечили возможность проникновения мусульманства в Орду на раннем этапе ее существования... Крупные хорезмийские и, возможно, болгарские купцы, слившись с феодальной знатью Орды в роли откупщиков, советников, дипломатов, “писцов”, оказывали влияние на политический курс страны... Господствующее положение ханифитского мазхаба в Золотой Орде объясняется огромным значением, которое имели среднеазиатские области, а также Волжская Булгария для становления золотоордынской культуры в целом»⁴². Как было показано ранее, болгары и хорезмийцы считались на Руси нечистыми народами, происходящими от кровосмесительной связи Лота с собственными дочерьми.

⁴¹ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 254.

⁴² Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. С. 37, 36, 32.

Первая попытка ввести ислам в качестве государственной религии Орды была предпринята еще ханом Берке: «По мнению М.Г. Сафаргалиева, победа Берке в значительной мере была облегчена благодаря поддержке его кандидатуры со стороны мусульманских купцов, привлеченных еще при Бату золотоордынской администрацией в качестве откупщиков дани. Одновременно он нашел опору в среде мусульманского духовенства Хорезма и Булгара, желавшего видеть на троне не язычника, а магометанина»⁴³.

Передача татарской дани с Руси на откуп мусульманам вызвала в 1262 г. восстание в Великом княжестве Владимирском, в результате которого мусульманские откупщики были изгнаны или истреблены: «Избави Богъ от лютаго томленья бесурьменьскаго люди Ростовския земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганых, изволиша вещь, и выгнаша из городовъ, из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля. Окупахуть бо ти оканънии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть, роботяще резы и многы души крестьяньския раздно ведоша. Видевше же человколюбець Богъ, послуша моленья Матерня, избави люди своя от великыя беды. Томъ же лете оубиша Изосиму преступника, то бе мнихъ образомъ точью, сотоне съсудъ; бе бо пьяница и студословець, празнословець и кощюньникъ, конечное же отвержесе Христа и бысть бесерменинь, вступивъ в прелесть лжаго пророка Ма[х]меда; бе бо тогда Титямъ приехалъ отъ цесаря Татарьского, именемъ Кутлубии, золь сый бесурменинь, того поспехомъ оканный лишеникъ творяше хрестьяномъ велику досаду, кресту и святымъ церквамъ поругаяся; егда же люди на врагы своя двигшася на бесурмены, изгнаша, иныхъ избиша, тогда и сего

⁴³ Там же. С. 21.

беззаконного Зосиму оубиша в городе Ярославли, бе тело его ядь псомъ и ворономъ»⁴⁴. Насилие со стороны мусульман связывается с именем Берке также в сообщении о смерти последнего: «Въ лето 6773 (1266)... Того же лета умре царь Татарский Беркаи, и бысть ослаба Руси отъ насилия бесермень»⁴⁵.

Ненависть русских людей к мусульманам была обусловлена не только насилием с их стороны, но и тем, что, как мы помним, ислам изначально считался на Руси худшей из всех религий: «Ихъ же вера оскверняеть небо и землю, иже суть прокляте паче всехъ человекъ» («Повесть временных лет» под 986 г.). В древнерусских памятниках мы неоднократно встречаем утверждения о том, что мусульмане не только худшие из язычников, но и слуги дьявола. Приведем несколько примеров.

Так, рассказ о татарских зверствах и княжеских усобицах в Курском княжестве под 1284 г. летописец заканчивает словами: «сътворися радость диаволу и его поспешнику бесерменину Ахмату»⁴⁶. В повествовании тверского летописца об убиении в Орде тверских князей Александра и Федора татары хана Узбека представляются как домочадцы дьявола: «Сего же ненавидя вселукавый и злыи советник ненавидя добра человеку, вселися посреде беззаконных людей, учаше, аки своих домочадцевъ, на князя Александра и наполниша беззаконному царю горесных слов лстивых, изыде смрадная слова изо усть его»⁴⁷. Автор сказания о нашествии на Русь Едигея в 1408 г. утверждает, что «безаконии Изма-

илтяне... самоеднии волци христианскимъ людемъ обретаются научением отца ихъ сатаны»⁴⁸.

В соборном послании русского духовенства Ивану III от 13 ноября 1480 г. говорится, что татар насылает на Русь дьявол: «на нюже свирепуетъ гордый онъ змий, вселукавый враг дьяволь, и воздвизаетъ на ню лютую брань поганымъ царемъ и его пособники поганыхъ языкъ, ихъже последняя зря... во дно адово, идеже имуть наследовати огонь неугасимый и тму кромешную»⁴⁹. Летописец Василия III, повествуя о захвате крымским ханом Мухаммед-Гиреем в 1522 г. Астрахани после его опустошительного похода на Русь годом ранее, заявляет, что помощь ему в этом через мусульманского пророка оказал сам Сатана: «Съи же злыи сыроядецъ не унасытился крови православныа, но своеа веры беззаконныа хотя кровью напоити ненаяситныи свои гортан и своему закону поругатель быти въсхоте, пошелъ на царство Хасторканьское... Окаанныи же злу пророк их Магмед, взяв силу и крепость у отца своего сатаны, из ада подаст ему, пришед к Хасторкани, воя их победил и царство взял»⁵⁰. Подобные примеры можно продолжать до бесконечности.

Как знамение того, что грехи Руси прощены Богом, были восприняты победы над татарами Дмитрия Московского, прежде всего Донское побоище. Прямое указание на это мы находим в «Задонщине» (1380-е гг.): «И отскочи поганый Мамай от своеа дружины серым волком и притече к Кафе граду. Молвяше же ему фрязове: “Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю?.. А не бывати тебе в Ба-

⁴⁴ Лаврентьевская летопись. ПСРА. Т. 1. Стб. 476.

⁴⁵ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 72.

⁴⁶ Там же. С. 81.

⁴⁷ Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века // Археологический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 39.

⁴⁸ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 156.

⁴⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 137.

⁵⁰ Цит. по: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 161.

тыя царя: у Батыя царя было четырёхста тысящ окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил Богъ Рускую землю за своя согрешения"... Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуютъ его. Тако господь Богъ помиловал князей руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Непра, на поле Куликове, на речке Непрядве»⁵¹.

О том, что победа на Куликовом поле была одержана по воле Бога, говорит уже краткая летописная повесть о Донском побоище: «Поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичу, а Мамаевы полци погании побегоша... Богъ бо невидимою силою устраши сыны Агаряны, и побегоша... Иноплеменници же гоними гневомъ Божиимъ и страхомъ одержими суще»⁵². Более четко эта точка зрения изложена в пространной летописной повести о Куликовской битве: «Хотя человеколюбивый Богъ спасти и свободити род христианский молитвами пречистыа его Матере от работы измалтския, от поганого Мамаея... Помянулъ еси, Господи, милость свою, избавилъ ны еси, Господи, от сыроядецъ сих, от поганого Мамаея, и от нечестивых измайлович, и от беззаконных агарянь, подаваа чсть, яко сынъ, своей матери»⁵³.

«Задонщина» также прямо говорит о том, что противостояние между Русью и Ордой имело не только вероисповедную, но и национальную природу. Победа на Куликовом поле была победой русских как народа жребия Яфетова над татарами как народом жребия Симова и расплатой за поражения на Каяле и Калке: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него

же родися русь православная... И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша родъ Афетов. И оттоля Руская земля седить невесела; а от Калатския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи — князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за веру християнскую... Снимемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на Восточную страну — в Симов жребий»⁵⁴.

Летописные повести о Куликовской битве также подчеркивают одновременно иноверческую и инородческую природу татар. Так, в краткой повести они именуются «поганим родом Измалтеским», «сынами Агариными» и «иноплеменниками»⁵⁵, а пространная повесть называет их предводителя Мамаея «плотным [т.е. плотским] дьяволом», а их самих — «нечестивыми измайловичами», «беззаконными агарянами», «треглавными зверми сыроядцами» и «содомлянами»⁵⁶.

Поколебать убеждение русских людей в том, что критическая точка в «истории спасения» Руси пройдена, уже не могли никакие последующие успехи татар, в том числе взятие Москвы Тохтамышем два года спустя после победы на Дону. Летописный рассказ, ближайший по времени к этим событиям, определяет их как «зло пришествие Тохтамышево и горкое поганыхъ нахождение»; Тохтамыш движется на Русь «съ всею силою своею и съ всеми своими безбожными полкы Татарскими»; после взятия Москвы

⁵¹ БДР. Т. 6. С. 116.

⁵² Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 130.

⁵³ БДР. Т. 6. С. 120, 134.

⁵⁴ Там же. С. 104.

⁵⁵ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 129–130.

⁵⁶ БДР. Т. 6. С. 122, 132, 134.

татарами «въ церквахъ же и въ олтарехъ убиство съдеаша и кровопролитя сътвориша окааннии, и святая места погании оскверниша». Летописец традиционно объясняет происшедшее как наказание за грехи русских людей: «Сии вся приключишася на христианствомъ роде отъ поганыхъ, грехъ ради нашихъ»⁵⁷.

В то же время это и все последующие наказания решительно отличаются от того, чем было Батыево нашествие. Примечательно, что автор пространной повести о взятии Москвы Тохтамышем сначала объясняет нашествие татар «гневомъ Божиимъ, за оумножение греховъ нашихъ», а затем приписывает помощи Бога победу Владимира Серпуховского над одним из татарских отрядов: «Князь же Володимеръ Андреевичъ стояше, ополчився, близъ Волока, събравъ силу около себе; и неции отъ Тотаръ, не вѣдуще его ни знающе, ехаше на ны; он же о Бозе оукре[пи]вся и оудари на нихъ, ти тако милостию Божиею овыхъ оубиль, а иныхъ живыхъ поималъ, а нии побегоша»⁵⁸.

Еще более укрепили русских людей в их убеждении в Божественном заступничестве события 1395 г., когда войска Тамерлана достигли южных рубежей Руси, а им навстречу выступили русские войска во главе с Василием I. На Руси Тамерлану приписывали намерение повторить нашествие Батыя: «Прииде [Темир Аксак] ратью на цесаря Тактамыша, и бысть имъ бой на месте, нарицаеме Ораинскомъ, на кочевища цесаря Тактамыша; и прогна цесаря Тактамыша. Оттоле възгоресе оканный, нача мыслити въ сердци своемъ тако и Рускую землю поплени, аки преже сего, за грехи попустившю Богу, поплени цесарь Батый Рускую землю, а гордый и свирепый Темир Аксакъ то же помышляше, хочеть взя-

ти Рускую землю. И собра все вое свое, проиде всю орду и всю землю Татарскую, прииде близъ предель Резаньския земля, взя градъ Елечь, и князя елечьскаго изнима, и многи люди помучи. И се слышавъ, князь Василей Дмитриевичъ собра воя своя многи, поиде с Москвы и къ Коломне, хоте ити противу ему въ стретение; пришедъ ратью, ста на брезу у Оки реки. Темиръ Аксаку же стоящю на единомъ месте 15 дни, помышля, оканный, хоте ити на всю Рускую землю, аки второй Батый, разорити кръстьянство»⁵⁹. Однако Тамерлан внезапно развернул свои войска и ушел обратно, причем случилось это после того, как в Москву из Владимира была доставлена Владимирская икона Богоматери.

На Руси это было воспринято как ясное знамение прямого покровительства Бога русскому народу. Автор «Повести о нашествии Темир Аксака» откликнулся на эти события замечательными по поэтической силе словами: «Милостивъ бо есть Богъ и силенъ, елико хочеть — и можетъ, еще ныне милостивъ на насъ, яко избавил ны Господь изъ руки врагъ нашихъ татаръ, избавил ны еси от сеча и от меча, и от кровопролития: мышцею силы своя разгналъ еси враги наша, сыны Агарини, рукою крепкою и мышцею высокою устрашилъ еси сыны Измаиловы; не наши воеводы прогнаша Темир Аксака, не наши воинства пострашили его, но силою невидимою нападе на нь страх и трепеть, страхомъ Божьимъ устрашилъ гневомъ Божимъ гонимъ бе, подщався и отиде от Руския земля, отступивъ поиде прочь отнюду же прииде, земли Рустей отнюду же не прикоснуса, ни оскорби, ни остужи, ни вреди ея, но поиде безъ врата. Мы же въстахомъ и прости быхомъ, онъ же заиде исчезе; мы ожихомъ и прости быхомъ, помощь наша от Господа, сотворшаго небо и землю»⁶⁰.

⁵⁷ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 131–133.

⁵⁸ Новгородская IV летопись. ПСРА. Т. 4. Часть 1. С. 326, 337.

⁵⁹ БЛДР. Т. 6. С. 234.

⁶⁰ БЛДР. Т. 6. С. 238, 240.

Хотя впоследствии татарские нашествия и продолжают рассматриваться как Божье наказание, в них все чаще видят проявление собственной злой воли ордынских правителей или же вдохновляющего их дьявола. Так, Ростовский епископ Вассиан в своем послании Ивану III 1480 г. в связи с нашествием хана Ахмата говорит о «скорби и бедах от безбожных варварь, Богу тако изволшу нашего ради согрешения», но при этом призывает великого князя оказать решительное сопротивление «оному окаанному мысленному волку, еже глаголю страшливному Ахмату, хотя изхитити из уст его словесное стадо Христовых овецъ»⁶¹.

Обращаясь ко временам Батыева нашествия, Вассиан заявляет, что власть измайльтян над Русью была нарушением должного порядка вещей и явилась лишь следствием грехов русских людей: «Но точию нашего ради согрешения и неисpravления к Богу, паче же отчаания, и еже не уповати на Бога, попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаанного Батыя, иже пришед разбойнически и поплени всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска. И тогда убо прогневахом Бога, и Богъ на ны прогневался и наказа нас, яко же чадолюбивый отецъ»⁶². Покаяние приведет Русь не только к победе над татарами, но и к их покорению: «Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле из-

раильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит»⁶³.

Как мы помним, в «Откровении Мефодия Патарского» предсказывалось, что измайльтяне будут в конечном счете покорены «греческим царем». К второй половине XV в. Русь оказалась единственным в мире независимым православным государством, поэтому вполне естественным было перенесение этого пророчества на русского великого князя, а тем самым и связывание с его именем надежд на конечное торжество яфетитов над измайлитами.

* * *

Из вышеприведенного краткого очерка можно сделать вывод, что в средневековую эпоху русские люди были отнюдь не чужды национализма. Народы для них четко делились по принадлежности к благословенному уделу Яфета (Европа) и к проклятым уделам Сима и Хама (Азия и Африка). Эта граница примерно совпадала с разделительной линией между христианством и исламом. Средневековое сознание было глубоко религиозно, и любое явление неизбежно окрашивалось для него в религиозные тона. Было бы интеллектуальной нечестностью отрицать существование националистических настроений в Древней Руси только на том основании, что эти настроения были тесно переплетены с вероисповедными.

⁶¹ БДР. Т. 7. СПб., 2000. С. 388.

⁶² Там же. С. 394.

⁶³ Там же. С. 396.

Дмитрий Павлов

«Русь от Карпат до Камчатки»

Восход и закат галицкого русофильства

После украинской «оранжевой революции» в конце 2004 г. в российском обществе произошел всплеск интереса к широкому кругу проблем, связанных с историей формирования государственности нашего юго-западного соседа. Этот масштабный политический кризис стал большой неожиданностью для многих ученых, экспертов и простых обывателей. Не меньшей неожиданностью, а по сути настоящим открытием стало и то обстоятельство, что среди движущих сил тогдашней украинской оппозиции заметно выделялись националистические силы, которые предлагали радикально отличающееся от общепринятых представлений видение парадигмы развития своей страны и ее взаимоотношений с Россией. Этот когнитивный шок немедленно вылился в бесконечные и по большей части неконструктивные диспуты на страницах прессы и на просторах сети Интернет, где представители условно «общерусского» и «самостийного» лагерей пытались и по-прежнему пытаются доказать друг другу истинность своей позиции¹.

В общем контексте различных дискуссий по украинской проблематике одним из ключевых камней преткновения является отношение к современной Западной Украине и ее вкладу

в формирование национальной идентичности граждан нового независимого государства. Дело в том, что оплотом националистических сил на современном политическом поле является именно этот регион — точнее, его ядро в виде трех областей Галичины (Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской). Среди жителей этих мест организации, декларирующие стремление утвердить идеи украинского национализма в масштабах всей страны, всегда находят высокий уровень поддержки², намного, иногда в разы, превышающий результаты в соседних областях.

Данный факт служит поводом для восхищения у «сознательных» («свідомих») украинцев, которые видят в своих галицких собратьях подлинных носителей народного духа и национальных ценностей. При этом их противники указывают на их «чуждость» русскому (и даже собственно украинскому) этнокультурному пространству: Галичина на протяжении долгого времени находилась под властью Польши и Австро-Венгрии, что не могло не привести к появлению некоторых специфических особенностей в менталитете потомков людей, неког-

¹ Обмен мнениями на тему русско-украинских отношений, выливающийся, как правило, в трансляцию стереотипных утверждений и часто заканчивающийся вульгарными оскорблениями, сделался уже притчей во языцех и стал обозначаться посредством неблагозвучного мема «*хохлосрач*».

² Так, на президентских выборах 2004 г. оппозиционный «оранжевый» кандидат Виктор Ющенко во Львовской области набрал практически «советский» результат — свыше 92%. На недавних парламентских выборах (октябрь 2012 г.) в той же области с результатом 38% победила националистическая партия «Свобода», которую ряд украинских экспертов считает ультрапарадикальной.

да населявших земли древнерусского Галицко-Волынского княжества. Уровень неприятия этой группы населения Украины доходит до того, что оппоненты иногда начинают вешать на них коллективный ярлык «предателей», «испорченных русских», «рагулей» и т.д.³

Недостаточное знакомство с историей этого края, который действительно очень поздно — только в 1939 г.⁴ — оказался в едином политико-правовом пространстве как с остальной Украиной, так и с Россией, а также наличие идеологического диктата в науке в условиях тоталитарного режима (не признавались никакие научные конструкции, отклоняющиеся от ортодоксального «советского украинства») вплоть до Перестройки не позволяли

не только с должной мерой объективности судить об исторических процессах, протекавших в Галичине на протяжении последних столетий, но и выработать сбалансированный подход в решении всех связанных с ними проблем. Поэтому не удивительно, что после распада Советского Союза как в России, так и на Украине стали регулярно появляться работы, отличавшиеся высокой степенью идеологической ангажированности и неадекватным уровнем политизации. Главным яблоком раздора авторов этих публикаций стала история противостояния русофильского и украинофильского (или просто «русского» и «украинского») идейно-этнополитических течений, которое развернулось во второй половине XIX — начале XX вв. в Галиции, входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи.

В свете господствующих в России стереотипов сложно поверить в то, что когда-то в «бандеровском крае» могло существовать, не говоря о том, чтобы представлять какую-то силу, движение, которое отстаивало культурное, языковое, а иногда и политическое единство с общерусским (восточнославянским) пространством «от Карпат до Камчатки». Однако реальность в прошлом такого движения, которое к тому же породило целую плеяду талантливых, пользовавшихся широким признанием деятелей, является неоспоримым фактом, поэтому приверженцы обеих точек зрения вынуждены предлагать какие-то объяснения причин его возникновения и развития. Ведь под манифестом священника И. Наумовича, опубликованном во львовской газете «Слово» в 1866 г.: «Русь Галицкая, Венгерская⁵, Киевская, Московская, Тобольская и др. с точки зрения этнографической, языковой, литературной, обрядовой — это одна и та же Русь... Мы настоящие русские» — мог-

³ Пожалуй, наиболее распространенным коллективным пейоративным прозвищем западных украинцев, которое несет в себе весь комплекс негативных стереотипов, является «*бандеровцы*». Исторически так в 1940–1950-е гг. в Советском Союзе называли участников антисоветского сопротивления, воювавших в рядах вооруженного крыла возглавляемой Степаном Бандерой Организации Украинских Националистов — Украинской Повстанческой Армии (УПА). Это слово приобрело выражено негативное смысловое наполнение вследствие его тотальной демонизации со стороны советской пропаганды, а также из-за многочисленных жертв операций УПА из числа советских военнослужащих и сотрудников карательных органов (НКВД–МГБ–КГБ), должностных лиц официального режима, польской общины Западной Украины и просоветски настроенного населения. Впрочем, с точки зрения бойцов этой армии и ее нынешних сторонников слово «бандеровец» несет исключительно позитивную коннотацию.

⁴ Пребывание в Галиции частей Русской императорской армии в Галиции в сентябре 1914 — мае 1915 г. во время Первой мировой войны было слишком коротким в исторической перспективе и не оставило значимого отпечатка на судьбе края.

⁵ Современная Закарпатская область Украины.

ло подписаться немало подданных императора Франца-Иосифа.

Наиболее примитивной, если не сказать вульгарной попыткой показать причины появления национальных движений является ссылка на внешнеполитические факторы. Например, некоторые российские публицисты склонны усматривать в природе украинфильского движения исключительно козни австрийского правительства, стремившегося выработать у своих восточнославянских подданных особую идентичность, противостоящую русской. Их украинские оппоненты, наоборот, видят в галицких русофилах — их они предпочитают с некоторой долей презрения именовать «москвофилами»⁶ — платных агентов российской разведки, которым удалось «обдурить» немногочисленных простофиль из местных жителей. Разумеется, подобные однобокие и резкие оценки не могут удовлетворить серьезных исследователей, которые в относительно недавнее время выпустили ряд работ, содержащих взвешенную оценку описываемых процессов и учитывающих всю сложность политической, международной и этноконфессиональной обстановки той эпохи.

С особым удовлетворением можно отметить, что такого сбалансированного подхода придерживаются и некоторые современные западноукраинские ученые. Так, львовские историки Елена Аркуша и Марьян Мудрый в своей статье «Русофильство в Галичине в сер. XIX — нач. XX в.: генезис, этапы развития, мировоззрение» пишут, что «русофильство было результатом скорее внутренних особенностей развития украинского общества. Его никак нельзя объяснить только внешними причинами — “русскими деньгами”, которые поступали на поддержку те-

чения, или москвофильской пропагандой русского правительства и его представителей. Эти факторы играли минимальную роль и должны быть отнесены к группе второстепенных... Русофильство на галицкой почве во 2-й пол. XIX — начале XX в. было не какой-то предательской по отношению к украинству позицией, а сложным общественно-политическим явлением, до определенной степени — закономерным этапом в процессе формирования украинской нации»⁷.

Близких взглядов придерживаются и другие западноукраинские специалисты — Ольга Киричук и Иван Куций (должен отметить, что в общем означенную позицию разделяет и автор этих строк). Для этих же исследователей характерен и отказ от злоупотребления негативно окрашенным термином «москвофильство», который нередко используется в качестве пропагандистского клише применительно ко всем украинцам, не скрывающим тех или иных симпатий к России и русскому народу.

По мнению И. Куцего, общерусская идентичность, которую пропагандировали сторонники русофильства, не отождествлялась ими с собственно русской (великорусской) идентичностью. Под понятием «русский», «общерусский» галицкие русофилы понимали все восточнославянское, «панрусское» пространство и при этом осознавали этнокультурную, языковую и историческую самобытность его регионов⁸. Поэтому, с точки зрения историка, «москвофилами» можно называть только небольшую группу деятелей, которые отождествляли себя

⁶ Именно так изначально называли представителей русофильского течения представители польских политических кругов Галиции.

⁷ Аркуша О., Мудрый М. Русофильство в Галичині в середині XIX — на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів, 1999. С. 232–234.

⁸ Куций І. Галицьке русофильство XIX ст.: генеза історичної свідомості // Український історичний журнал. 2006. № 6. С. 72.

с Российской империей прежде всего в политическом смысле.

* * *

Проблема формирования национальной идентичности русин⁹ (именно так именовало себя восточнославянское население Галиции) стала актуальной после Австрийской революции 1848–1849 гг., когда народы, населявшие многонациональную империю Габсбургов, стали выдвигать решительные требования национального и экономического характера. Эти события, известные также как «весна народов», поставили вопрос ребром: по какому сценарию галичане из первичного «этнокультурного субстрата» будут превращаться в классическую нацию эпохи Модерна.

История ответила на этот вопрос далеко не сразу: лишь к 20-м годам XX в. выбор основной массы русин был окончательно сделан в пользу украинской национальной идентичности. Этому кульминационному моменту предшествовали многосложные процессы, которые были обусловлены пограничным, окраинным положением региона между различными цивилизационными полюсами: между Российской и Австро-Венгерской империями, между «русским» и «польским» мира-

ми, между православием и католичеством.

Еще в XIV в. земли Галицко-Волынского княжества оказались в сфере влияния польских королей, которые сохраняли власть над этой территорией вплоть до конца XVIII в. Поляки стремились установить не только механизмы политического контроля, но и интегрировать эту территорию посредством проведения культурно-религиозной унификации. По целому ряду внешних и внутренних причин православная иерархия Речи Посполитой в XVI в. начинает склоняться к унии с Римом, которая и была заключена на Брестском соборе 1596 г.

В соответствии с решениями собора, православный епископат и священство должны были стать частью католической церкви, принять все её ключевые догматы, признав верховную власть Папы; за ними должны были последовать и рядовые миряне. При этом вновь присоединенные епархии получали право сохранять привычный византийский богослужебный обряд. Уния встретила ожесточенное сопротивление у части православного духовенства и мирян, и потому окончательное утверждение грекокатоличества в Галиции произошло лишь в XVIII в. Вплоть до сер. XIX в. сохранение восточного обряда служило барьером против полонизации русинского населения: в политической, экономической и культурной жизни края доминировали поляки, которые крайне презрительно относились к своим восточнославянским собратьям, находившимся внизу тогдашней социальной иерархии.

В 1772 г., после раздела Польши, Галиция была присоединена к Австрии. Это событие благоприятно сказалось на жизни русинского населения: власть польских магнатов была ограничена, грекокатоликам было даровано равноправие с католиками латинского обряда. Несмотря на то что вплоть до присоединения Западной Украины к СССР в 1939 г. поляки продолжали главен-

⁹ В идеологически ангажированных публикациях как с русской, так и с украинской стороны часто совершается манипуляция терминами, обозначающими восточнославянское грекокатолическое население Галиции XIX — нач. XX в., которое, в зависимости от позиции конкретного автора, называется то «русскими», то «украинцами». Авторы этих работ не принимают во внимание то обстоятельство, что оба этих этнонима указывают на уже состоявшиеся национальные проекты Модерна, оформившиеся только в пер. пол. XX в. Идентичность же галицких русин в указанный период носила этноконфессиональный, а не «национальный» характер, поэтому слово «русин» мы считаем наиболее нейтральным и корректным.

ствовать в политической, экономической и культурной жизни края, у галицких русин появился потенциальный защитник в виде австрийского императора, который мог служить противовесом польским устремлениям к тотальному господству. Именно поэтому в 1848 г., когда начались выступления польской шляхты и союзных ей сил, требовавших для себя больших политических и национальных прав, русины их не поддержали, а заняли лояльную по отношению в Вене позицию.

Впоследствии «австрийский патриотизм» был характерен для большинства русинских идейных течений и организаций; ситуация изменилась лишь перед Первой мировой войной, когда некоторые русофильские деятели стали однозначно ориентироваться на Россию как силу, способную «завершить дело Ивана Калиты» — объединить в одном государстве все русские земли.

Революция 1848 г. привела в движение не только поляков, но и немногочисленную интеллектуальную элиту галицких русинов, которая объединялась вокруг грекокатолической церкви (она являлась на тот момент фактически единственным институтом, позволявшим галичанам сохранять свою этноконфессиональную идентичность) и была в значительной мере представлена ее же иерархами — епископами и священниками. Именно при содействии Церкви и покровительстве австрийских властей была образована первая политическая организация русинов — «Главная русская рада» (ориг. — «Головна руска рада»). Ее председателем был избран униатский епископ Григорий Яхимович, вместе с другими иерархами он играл решающую роль во вновь образованном органе.

Именно с деятельностью «Главной русской рады» связана первая публичная декларация представителей галицкого русинства. 15 мая 1848 г. в первом номере газете «Зоря Галицкая», выполнявшей функцию печатного ор-

гана рады, появилось воззвание, в котором в частности говорилось: «Мы, русины галицкие, принадлежим к великому *руському* народу, говорим на одном языке и насчитываем 15 миллионов чел., из которых два с половиной миллиона в земле Галицкой обитает».

В украинской историографии эту декларацию принято считать едва ли не первым открытым утверждением о существовании отдельного украинского народа, сделанном на официальном уровне. Однако, на наш взгляд, в такой оценке присутствует некоторое упрощение. Дело в том, что в упомянутом воззвании под «руським народом» понималось население не только современной Украины, но и Беларуси. Связано это с тем, что, как было сказано выше, ключевую роль в «Главной русской раде» играли грекокатолические иерархи, которые усматривали основания считать «своими» все земли в составе Российской империи, которые когда-либо находились под юрисдикцией грекокатолических епископов. Они, будучи деятелями церковными, приоритет отдавали конфессиональному, а не этнокультурному фактору при определении границ национальной общности.

Это подтверждает сохранившийся рассказ о визите лидеров русин к губернатору Галиции графу Стадиону фон Вартгаузену в том же 1848 г. Во время беседы губернатор обратился к прибывшей делегации с вопросом: «Кто вы?» На это прозвучал ответ: «Мы рутены» (латиноязычное наименование русин, широко употреблявшееся в позднее Средневековье и раннее Новое время). Стадион уточнил: «Вы такой же народ, как население России?» На это они сказали: «Население России — схизматики, мы себя к нему не относим»¹⁰.

¹⁰ *Пукіш В.* Як галицькі москвофіли ХІХ ст. «вчили» закарпатців (<http://zakarpattya.net.ua/Blogs/87638-IAk-halytski-moskvofily-KHKh-st.-vchly-zakarpattsviv>).

Важно отметить, что до 1870-х гг. еще не успело произойти четкого идейного оформления различных лагерей в русинском движении Галичины и, соответственно, размежевание между ними также не могло иметь место. Главным фактором, объединявшим все его ветви, служила негативная консолидация против поляков, чья местная элита периодически предпринимала попытки культурно-языковой ассимиляции восточнославянского населения. Также в русинской среде существовало отчетливое осознание своей общности с православным населением к востоку от австрийской границы. Правда, вопрос о том, до каких рубежей простирается эта общность — до Днепра, Дона или Тихого океана, тогда практического значения не имел: легитимность монархии Габсбургов сомнению не подвергалась.

Впрочем, уже применительно к середине XIX в. можно говорить о зарождении четырех различных проектов развития галицко-русинской идентичности, которые условно можно обозначить как «пропольскую», «прорусскую», «австрорусинскую» и «чисто русинскую» (последняя впоследствии эволюционировала в «украинскую»), причем часто они тесно переплетались между собой.

На протяжении третьей четверти XIX в. среди этих проектов однозначно доминировало русофильство, что признается даже таким корифеем украинской историографии как Н. Полонская-Василенко. Этому способствовало сразу несколько факторов.

Во-первых, русины составляли наиболее угнетенную часть одной из самых бедных провинций Австрийской империи, где только в 1848 г. было отменено крепостное право. В роли угнетателей выступали, как правило, поляки, и потому у русинской интеллигенции возникало желание компенсировать комплекс безвинного страдальца путем отождествления себя с соседним великим народом и его

могущественной державой — именно таковой представлялась в сознании галичан Российская империя. Такой образ России только укрепился после похода русской армии через Галицию в Венгрию с целью подавления разгоревшейся там революции. Встреча с мощной армией, чьи солдаты и офицеры говорили на понятном языке и исповедовали родственную веру, произвела неизгладимое впечатление на широкие слои общества.

Во-вторых, развитие национализма как общеевропейского феномена сопровождалось интересом к собственным историческим корням. А они тесно переплетались с общерусским древом, с коим их объединяли многовековые политические, культурные, религиозные и этнолингвистические узы. Игнорировать этот факт не представлялось возможным: само созвучие этнонимов «русин», «русский», «русский» способствовало распространению русофильских идей¹¹. Поэтому не удивительно, что уже в 1849 г. на страницах главной русинской газеты «Зоря Галицька» появляется четверостишие, подписанное А. Галиченко, которое можно назвать настоящим манифестом панрусизма:

Чій же то Кієвъ съ гробами святими?
Чіє Подоля, Волянь, Оукраина?
Чижь Москвитяне не намъ побратими?
Все Русь святая, всё *русска* родина!¹²

В-третьих, на руку русофилам играли распространенные в Восточной Европе идеи панславизма в разнообразных интерпретациях. В случае русин Галиции неизбежной была ориентация на родственные восточнославянские

¹¹ До последней четверти XIX в. слова «украинец» и «украинский» не употреблялись в идейно-политической дискуссии в Галиции. Широкое их использование начинается только в последнем десятилетии XIX в.

¹² Цит. по: *Аркуша О., Мудрий М.* Указ. соч. С. 257.

этнические массивы — малорусов и великорусов.

И, наконец, в-четвертых, росту культурного русофильства способствовало желание русинской интеллигенции ощущать себя носителями высокой аристократической культуры, которая бы не уступала польской. Поскольку в результате многовекового иностранного владычества такой культуры появиться просто не могло, а местный народный фольклор уже не мог удовлетворять потребности образованных граждан, выбор русофилов пал именно на русскую культуру, которая в силу языковой и ментальной близости представлялась единственной альтернативой полонизации.

Хорошо известно, что конфессионально-обрядовые различия традиционно отделяли русинов от поляков в Галиции. Однако к середине XIX в. доминировало представление, что русинское население отличалось от польского только народным диалектом и церковным обрядом, являясь составной частью польской политической нации. Его подтверждало существование т.н. «*Gente Rutheni natione Poloni*» — полонизированной русинской шляхты и мещанства, интеллигенции, включая значительную часть грекокатолического духовенства. Лидеры русофилов, часть которых, как ни парадоксально, вышла именно из этой среды, оказались в авангарде борьбы со сложившимся положением дел.

Наиболее видным представителем русофильского лагеря принято считать историка Дениса Зубрицкого (1777–1862), который посвятил немало работ доказательству неправомерности исторических претензий поляков на Восточную Галицию. Есть основания полагать, что его прорусская ориентация укрепилась в результате контактов с русским историком и публицистом Михаилом Погодиным, который в 1835 и 1842 гг. посещал Львов.

Важной вехой в консолидации движения стало участие в работе вновь

созданного органа местного самоуправления — Галицкого краевого сейма, где депутаты-русофилы смогли получить треть мандатов и создать собственную фракцию — «Руський сеймовый клуб». Несмотря на то что из-за куриального принципа формирования сейма большинство оказалось в руках поляков, участие в работе представительского органа способствовало приобретению им организационных навыков и выдвижению нового поколения общественных деятелей — Богдана Дидицкого, Ивана Наумовича, Теофила Павликова.

Серьезным шагом в институциональном развитии русофильского движения стала основанная Б. Дидицким в ходе избирательной кампании газета «Слово». Другим фактором консолидации стала «азбучная война» — реакция на предпринятую губернатором-поляком А. Голуховским попытку ввести латинский алфавит, провалившуюся благодаря оказанному сопротивлению.

В этот же период происходит становление основных русофильских научно-интеллектуальных центров. Главным звеном среди таких организаций стал Ставропигийский институт во Львове. В этом элитарном учреждении работали лидеры русофильского движения: издавали историческую, художественную и учебную литературу, занимались различными исследованиями. Они, впрочем, не стремились замыкаться в узких рамках верхушки галицкой интеллигенции и пытались найти пути проникновения в широкие народные массы, основную часть которого составляло крестьянство.

Для этих целей в 1874 г. Иваном Наумовичем было основано Общество имени Михаила Качковского. Эта организация издавала книги для народа, устраивала по городам и селам бесплатные народные читальни, учреждала общества трезвости, приюты и бурсы для беднейших учеников, общественные хлебные склады, ссудные

и сберегательные кассы, экономические выставки и народные чтения. Общество имело свои отделения по всей Восточной Галиции. Кроме народных книжек содержания исторического, сельскохозяйственного и т.п., общество ежегодно издавало иллюстрированный календарь. Число активных членов общества достигало, как правило, 4–5 тыс. человек.

* * *

В 1870-е гг. русофильское движение начинает утрачивать монополию сначала в идейном, а затем и в политическом дискурсе. Это было связано со становлением движения «народовцев» — либерального течения, представленного, как правило, галицкой образованной молодежью.

«Народовцы» находились под влиянием идей деятелей киевского Кирилло-Мефодиевского братства (Т. Шевченко, М. Драгоманова, П. Кулиша и др.), члены которого высказывались за либерализацию общественно-политической жизни и развитие собственно украинской культуры (которая тогда не рассматривалась как нечто сугубо отдельное или тем более противоположное русской культуре). Импульсом для развития этого движения в Галиции (при том, что его идейные корни произрастают из малороссийских губерний, входивших в состав Российской империи) стали меры запретительного характера в отношении малорусского наречия, перечисленные в «Эмском указе» императора Александра II. В результате этого издательская и культурная деятельность украинцев перенеслась в Галицию, где она могла осуществляться в более свободных условиях. Целый ряд украинофильских деятелей, таких как П. Кулиш и М. Драгоманов, переезжают во Львов, где способствуют достаточно быстрому распространению своих идей. Украинское движение группируется вокруг таких организаций, как «Просвита» (основана в 1868 г. и вско-

ре стала крупнейшей в Галиции структурой, занимавшейся народным просвещением) и «Общество имени Тараса Шевченко» (1873 г.). «Народовцы» начинают усиливать свое влияние и в местном сейме.

Несмотря на конкуренцию русофилов и «народовцев», оба этих движения довольно долго сохраняли партнерские отношения. Связано это было с тем, что практически до конца XIX в. оба течения объединяла антипольская консолидация, а вопрос о том, с каким этнокультурным пространством себя отождествлять — с панрусским «от Карпат до Камчатки» или украинским от «Сяна до Дона» — носил тогда не вполне ясный и достаточно абстрактный характер, не имея практического политического значения. Поэтому и те, и другие на протяжении десятилетий заседали в едином неформальном клубе — «Руськой раде», образуя единые фракции в представительских органах различных уровней.

Однако ситуация поменялась в конце столетия. Историк Олег Неменский считает моментом окончательного оформления украинского движения как антипода русскому («первой публичной презентацией украинства») дату 25 ноября 1890 г. В этот день в Галицком Сейме депутаты Юлиан Романчук и Анатолий Вахнянин заявили с трибуны сейма, что «православно-униатское население Галицкой Руси, называющее себя русским, на самом деле не имеет ничего общего с русским народом», а является украинцами¹³. В историографии это событие называют началом «Новой эры» — временем, когда украинофилы самостоятельно взяли курс на достижение компромисса с поляками и австрийцами.

Этим событиям предшествовали изменения в политическом климате Галиции в 1880-е гг. Власти дали понять,

¹³ Неменский О. Чтобы быть Руси без Руси. Украинство как национальный проект // Вопросы национализма. 2011. № 5. С. 102.

что подозревают в русофильском течении политический потенциал, могущий обернуться опасным сближением с Россией. Показателем этих опасений стал «процесс Ольги Грабарь» в 1882 г., когда желание крестьян одного из сел перейти в православие суд стремился представить как следствие целого заговора русофильской интеллигенции во главе с крупнейшим русофильским деятелем Адольфом Добрянским и его дочерью, по имени которой процесс и известен. Несмотря на тяжесть обвинений, подсудимым удалось доказать свою невиновность, развеяв абсурдные подозрения в измене. Однако для русофильского лагеря это был серьезный сигнал: австрийцы и поляки дали понять, что будут препятствовать движению, в котором видят зерно сепаратизма. Бесспорно, это не могло не развязать руки радикальным элементам в «народническом» течении, которые могли теперь позволить себе взять курс на развитие украинской национальной идеи как не только независимой от «общерусской», но и во многом ее отрицающей.

Новый расклад сил обусловил перегруппировку сил в русофильском лагере. Осознание того, что украинство будет пользоваться привилегиями со стороны правительственных кругов, привело наиболее последовательных русофилов к пониманию: совмещать политический лоялизм австрийскому престолу с культурно-лингвистической «общерусскостью» больше не получится. Дополнительным фактором, превратившим русофильское и украинское течение во враждебные группировки, стал переход высшей иерархии грекокатолической церкви на строго украинские и одновременно антиросийские позиции. Связано это было с избранием Андрея Шептицкого — представителя знатного полонизированного шляхетского рода — митрополитом Галицким.

Шептицкий был в частности убежден в «неполноценности» право-

славной церкви, находившейся вне общения с Римом, и потому считал необходимым проводить миссионерскую деятельность как в Малороссии, так и в «большой России». Поскольку униатская церковь являлась, пожалуй, единственным безусловным авторитетным институтом для всех слоев русинского населения, который на протяжении столетий препятствовал полной их ассимиляции в польско-латинскую среду, то распространявшиеся Шептицким идеи не могли не находить отклика по крайней мере у значительной части духовенства и мирян¹⁴.

В 1900 г. русофилы образовали Русскую народную партию, во главе которой оказались такие лидеры идейного течения, как Б. Дидицкий, В. Дудикевич, О. Марков, О. Мончаловский. Фактически это стало ответом на образование годом ранее Украинской национально-демократической партии (была основана вышедшими из основанной в 1890 г. Украинской радикальной партии Иваном Франко, Евгением Левицким и Вячеславом Будзиновским).

Противостояние с украинским движением породило не только организационные проблемы (не вникавшим в «тонкости» конфликта простым русинам было крайне тяжело сделать выбор между течениями, различия между которыми не носили для него практического характера), но и идей-

¹⁴ До 1900 г. подчиненное положение грекокатоликов по отношению к Папе не особо препятствовало русофильским настроениям в среде духовенства и мирян. В качестве иллюстрации можно упомянуть тот факт, что первый памятник Пушкину за пределами Российской империи был воздвигнут в 1907 г. в селе Заболотовцы на Львовщине. Инициатива создания обелиска принадлежала униатскому священнику-русофилу Ивану Савюку, деньги на строительство собрали его прихожане. В 1916 г. памятник был демонтирован австрийцами, однако восстановлен по инициативе жителей села в 1988 г.

ные. Наличие растущей силы, само существование которой бросало вызов основам традиционного панрусизма, вынуждало русофилов делать выбор в пользу «официальной» концепции «русскости», которая доминировала в Российской империи. Однако данная концепция была чрезмерно «москвоцентричной» (на это указывает также и О. Неменский) и не позволяла малорусам и белорусам занять в ней достойное, объективно причитавшееся им положение. В условиях же Галиции, чей народ пребывал в наибольшей изоляции от «русского мира» как восточнославянского православного пространства и где успели возникнуть сугубо региональные формы идентичности, предпочтение именно такого варианта «имперской русскости» ставило его адептов в априорно проигрышное положение.

Так, чтобы максимально дистанцироваться от украинофилов в лингвистической сфере, русофилы стали активнее использовать русский литературный язык (вместо бывшего в ходу ранее «язычия» — смеси церковнославянского, русского языков и местного наречия, изобиловавшего полонизмами). Поборники же украинства разрабатывали собственную версию литературного языка, отдавая предпочтение славянизмам (главным образом полонизмам). Этот «новодел», также будучи не вполне близким народному языку, тем не менее более органично воспринимался на галицкой почве по сравнению с тем, как звучали русские литературные нормы.

В итоге украинское движение, пользовавшееся к тому же благоприветствием со стороны властей, сумело заметно вырваться вперед — его представители безоговорочно одерживали верх на выборах. Если в Галицком сейме в результате выборов 1901 г. оказалось примерно равное число представителей от обоих течений (6 русофилов против 7 украинцев), то в дальнейшем баланс резко меняется в поль-

зу украинцев: 19 против 9 в 1908 г. и 33 против одного в 1913 г. А ведь до сер. 1880-х гг. соотношение было диаметрально противоположным.

Свои неудачи признавали и сами представители движения на страницах прессы. «Надо сознаться, что мы всегда относились к этому вопросу как-то боязненно, — писал журнал “Галичанин”. — Для нас “украинцы” представляли всегда русскую партию, мы считали себя связанными с ними каким-то пожизненным брачным союзом, который не может быть расторгнут иначе, как разве по смерти одной стороны. Хотя мы инстинктивно сознавали и видели, что непосредственным последствием этого несчастного мезальянса **будет преждевременная смерть не нашего союзника, а наша**, что наш мнимый супруг алчно ожидает скорейшего нашего исхода в вечный упокой»¹⁵.

Объяснить это поражение исключительно кознями австрийцев и поляков и другими внешними факторами не представляется возможным, причины следует искать более глубокие.

Одно из фундаментальных преимуществ украинского проекта состояло том, что его общая программа в большей степени отвечала задачам превращения «донациональной» этноконфессиональной общности в нацию эпохи Модерна. «Народовцы» вдохновлялись демократическими идеями европейских, в том числе и российских писателей, которые призывали к таким жизненно необходимым для современной нации вещам, как скорейший слом сословных перегородок, введение единого и всеобщего образовательного стандарта, распространение языковых норм, максимально возможно доступных для широких слоев общества. Именно в украинской, а не русофильской среде пышным цветом проросли находившиеся тогда в общеевропейском тренде социалистические идеи,

¹⁵ «На чистую воду» // Галичанин. 1908 (№ 8).

ярким выразителем которых был, например, поэт и ученый Иван Франко.

Мировоззрение же русофилов носило выражено традиционалистский характер, в нем ставился слишком явный упор на сохранение в неизменном виде таких общественных институтов, как монархия, Церковь, аристократия. Эти интегральные свойства идеологии движения (кстати, в неадекватном ретроградном консерватизме часто «застревали» и русские националистические и протонационалистические организации Российской империи) объективно мешали ему стать подлинно национальной силой. Ведь работа над созданием нации заключается не только в решении межэтнических и языковых проблем, но и в серьезной реконструкции социальной структуры общества.

Русофил Андрей Каминский в работе «Загадка Украины и Галичины», изданной во Львове уже в конце 1920-х гг., высказал весьма интересную, хотя и несколько, на наш взгляд, упрощенную точку зрения на достоинства и недостатки обеих партий:

«Из двух главных группировок галичан одних поляки называли народовцами, вторых — москвофилами. Однако суть обоих наилучшим образом выразили бы другие названия: «оппортунисты» и «панрусы», потому что одни приспособляли свою русскую совесть к требованиям австро-польских патронов, а вторые полагали изначально, что галичане, хоть немного и другие, нежели «москалы», но и «мы», мол, «то же, что и они, мы Русь и они Русь». Позднее оппортунисты эволюционировали, прикрываясь маской укрепления украинства в сторону службы на патронов, а нравственно слабые в сторону меркантилизма. «Панрусы» же воспротивились им, отбросили всякое украинство и стали считаться «руссами», русскими. Они совершали ошибку, отвергая украинство (не только утопическое или оппортунистическое, но и реальное), украинский провин-

ционализм: все то, что можно видеть, слышать, трогать — то есть украинство этнографическое, научное, литературное, бытовое, которым изобилует как раз Галичина и которое должно считаться исходной точкой на пути к «панрусскости». Они часто опускались в комизм и безысходность.

Оппортунисты же, тяжко греша «москвофобией», работали в меру сил — а многие и во все силы — на поле просветительском и хозяйственном. «Панрусы» витали в мечтах о русском величии, грешили недостатком культурного и экономического действия, но инстинкт их был позитивный... Москвофилов надо было призывать к труду культурного и хозяйственного характера, беря за основу галицко-русский провинционализм, но панрусскость надо было им оставить и тем самым ее адаптировать в той мере, в которой ею обладали украинцы с берегов Днепра, то есть в полной мере; и в большей мере, чем панрусскость, которая была свойственна самим москвофилам, которые ограничивались высокохудожественной литературой».

* * *

Несмотря на неудачи русофилов в идеологической борьбе накануне Первой мировой войны, разразившийся в 1914 г. глобальный международный конфликт мог коренным образом переломить ход борьбы двух национальных проектов в Галиции. Царская администрация во главе с графом Г.А. Бобринским, которая получила контроль над регионом в результате удачного наступления императорской армии осенью 1914 г., планировала мероприятия по его интеграции в имперское пространство посредством русификации. Однако менее чем через год австрийские войска восстановили свой контроль над провинцией, что не позволило провести системные меры в этом направлении.

В этот же период внутргалицкое противостояние, которое до того раз-

ворачивалось на страницах газет и в залах заседаний сейма, перешло в новую, горячую фазу: пролилась кровь. Сначала австрийские власти развернули крупномасштабные репрессии против всех галичан, заподозренных в симпатиях к России. Десятки тысяч реальных или мнимых сторонников России прошли через концентрационные лагеря Талергоф и Терезин, несколько тысяч были казнены по приговору военно-полевых судов (часто поводом для ареста служили доносы украинофилов и поляков). С одной стороны, это обескровило русское движение и привело к его дезорганизации. Но с другой, оно приобрело мученический ореол, который позволил ему возродиться (пусть и не в таких масштабах, как раньше) уже в возрожденной Польше, частью которой по окончании войны стала Галиция.

Тогда же первая кровь пролилась и с украинской стороны. В 1914 г. на австро-венгерской стороне вступил в бой против русских войск легион Украинских сечевых стрельцов, насчитывавший около 7 тыс. человек. Впоследствии его бойцы стали основой для Украинской Галицкой Армии, защищавшей в 1918–1919 гг. Западно-Украинскую народную республику. Тот факт, что украинское движение совершило серьезную, пусть и неудачную попытку создать национальное государство и отстоять его в борьбе с поляками, произвело большое впечатление на население края, которое отныне все охотнее отождествляло себя именно с украинством.

Неудивительно, что десятки тысяч представителей галицкой молодежи (причем лучшей ее части) в 1920–1930-е гг. активно вливаются в украинские националистические организации — прежде всего Организацию Украинских Националистов (ОУН), ставшую едва ли не главной внутриполитической проблемой для межвоенной Польши. Ее члены продолжили вооруженную борьбу с поляками по-

средством не только пропаганды, но и громких убийств высших польских чиновников — сторонников ассимиляции, а также представителей государственной администрации на местах. Эти и другие резонансные акции, организаторы и исполнители которых подвергались суровым репрессиям вплоть до смертной казни, вели к росту популярности националистов и окончательному утверждению их идей: пролитая за убеждения кровь является, наверно, самым сильным средством распространения всякой идеологии.

«Фактор крови» стал ключевым в истории украинской национальной борьбы и в период Второй мировой войны, когда члены ОУН и Украинской Повстанческой Армии вступили в бескомпромиссную вооруженную борьбу с теми, кого они считали врагами Украины, — поляками, немцами и, конечно, советско-большевистской карательной машиной, ожесточенное сопротивление которой продолжалось в течение целого послевоенного десятилетия (эта тема может служить предметом для отдельного фундаментального исследования).

Русское движение, естественно, такими масштабами не отличалось. К концу 1930-х гг. оно постепенно сходило на нет, хотя периодически депутаты от него в количестве одного-двух человек избирались в польский парламент. Однако окончательно оно было ликвидировано не поляками и даже не украинцами, а официальными органами тоталитарного советского режима, который установил контроль над Галичиной в 1939 г. В Советском Союзе отвергались любые формы украинства, кроме «национального по форме, социалистического по содержанию», поэтому все русофильские и украинские националистические организации были закрыты¹⁶. Однако если

¹⁶ Интересно отметить, как на практике советская власть относилась к галицким русофилам, ничем ей не угрожавшим. Когда одно-

последние сумели относительно легко адаптировать свои многочисленные кадровые и материальные ресурсы для ведения подпольной деятельности, то для русофилов этот удар стал своего рода «последним гвоздем в крышку гроба». После 1945 г. во Львове действовал лишь маленький полудиссидентский кружок, состоявший из деятелей старшего поколения.

* * *

Итак, с середины XIX по середину XX в. русофильское движение в Галиции прошло несколько этапов своего развития — от морального и интеллектуального лидерства до полного упадка. Оно породило целый ряд ярких интеллектуалов, политиков, литераторов, публицистов и настоящих мучеников, отдавших жизнь за русское дело. Как справедливо отмечают современные украинские исследователи, имен-

му из лидеров этого течения Семену Бендасюку выдавали паспорт гражданина СССР, то от него потребовали указать в графе национальность «украинец». Для Бендасюка это было совершенно неприемлемо, и он отказался. В результате талантливый публицист и опытный юрист оказался без работы; остаток дней он проработал при церкви Св. Георгия во Львове, где изготавливал и продавал восковые свечи.

но русофильское течение выступило решающим противовесом стремлениям польской элиты ассимилировать галицких русин. Несмотря на то что оно в силу ряда внутренних и внешних причин потерпело поражение, многолетний труд его участников не пропал даром.

Благодаря русофилам предки современных западных украинцев познакомились с лучшими образцами русской культуры задолго до присоединения их земли к Советскому Союзу. Именно эти люди способствовали широкому распространению русского слова — устной речи и печатных изданий, которые проникали во все уголки Галичины. Поэтому, даже несмотря на шок от столкновения с советской действительностью сталинского образца, пришедшей в прикарпатские города и села в 1940-е гг., для многих украинцев русский язык и культура продолжали восприниматься как свидетельство выдающихся достижений как минимум не чужого соседнего народа, а не только как средство речевой коммуникации и набор девиантных поведенческих стереотипов представителей партийной бюрократии, карателей из НКВД и люмпенизированных элементов, приехавших с подсоветской территории на Западную Украину в послевоенное время.

АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВ

«БОСНИЙСТВО»

И «НЕООСМАНИЗМ» КАК ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ БАЛКАН

Ислам все увереннее выходит на мировую арену как сильный и самостоятельный актор. Но исламский мир не представляет собой единого и цельного субъекта действия, а состоит из ряда субъектов разного уровня. В каждом конкретном случае политической активности ислама конкретные акторы обнаруживают определенную специфику действий и видения реальности. В одних случаях ислам оказывается лишь зеленой тряпкой, наброшенной на прагматические устремления государственной элиты, в других — сам подчиняет себе ход событий.

Одной из арен, на которой разворачивается деятельность акторов, использующих исламскую риторику, являются Балканы — знаменитая «пороховая бочка Европы». Поэтому для того чтобы оценить специфику задеятвования ислама в национальной геополитике, уместно сравнить две близкие геополитические концепции: панисламизма в версии боснийского идеолога Али Иметовича и возрожденного сегодня турецкого неоосманизма. Нас интересует прежде всего «этническое содержание» этих концепций, поэтому главными критериями сравнения мы определим следующие:

— субъект истории, к которому обращается концепция;

— очерчиваемые концепцией границы, в которых должен доминировать выбранный исторический субъект;

— способ легитимации устремлений субъекта политического действия;

— форма осуществления этих устремлений;

— сторонники, на которых опирается субъект.

«Исламская декларация» Иметовича: программа создания «боснийской нации»

Основные геополитические положения «боснийского» проекта мы можем увидеть в эпохальном историческом документе «Исламская декларация» Али Иметовича. Этот документ представляет собой характерный пример мусульманской мысли, выраженной средствами европейской интеллектуальной традиции. Здесь, в отличие от типичных мусульманских идеологических документов, мы видим не абстрактные рассуждения и постоянную отсылку к Корану и хадисам, а замечательный пример рационального мышления, поставленного на службу апологетике исламизма как направления политической мысли. Документ содержит в себе характеристику состояния исламской уммы и исламской религии в современном автору («Исламская декларация» написана в 1970 г.) мире. Это состояние характеризуется как «плачевное», и наряду с этим предлагаются выходы из кризиса ислама и пути достижения доминирования мусульманской «уммы» в Европе и мире.

Изетбегович исходит из принципа превосходства ислама над любыми другими группами идей и социальными силами, при этом он прогнозирует рост активности мусульман в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Он заключает: «Epoha pasivnosti i mirovanja prošla je zauvijek»¹ («Эпоха пассивности и миролюбия кончилась»). Границы будущего «Исламского государства», а точнее, уммы, господствующей на всем своем протяжении и политически солидарной, Изетбегович определяет в пределах «от Марокко до Индонезии».

При этом будущий лидер независимой Боснии критически относится к националистическому концепту, воспринятому «исламскими народами». В качестве наиболее «отрицательного» примера он рассматривает Турцию Ататюрка, что отличает его подход от многих мусульманских геополитических концепций: «Турция как исламское государство владела миром. Турция как плагиат европейской государственности представляет собой третьеразрядную страну, которых больше сотни на Земле»².

Главный императив политического поведения мусульманина определяется Изетбеговичем так: «Мусульманин может погибать с именем Аллаха на устах, прославляя Ислам, либо бежать с поля битвы»³. При этом будущий боснийский лидер достаточно метко и тонко подмечает основной смысл превращения мусульманских государств в светские, равно как и смысл перехода от «детерминанты веры» к «детерминанте нации» у исламских народов, у которых изначально не было предпосылок для секуляризации общественной жизни, в отличие от христианских народов Европы. При этом Изетбегович истолковывает смысл понятия

«народ» в примордиалистском ключе, уделяя огромное значение его «духовной независимости».

Будущий архитектор «боснийской нации» определяет «исламский порядок» как сочетание «исламского общества» и «исламской власти»: «Помимо того, что Ислам является религией, он одновременно имеет единую философию, единую мораль, единый порядок жизни, один стиль, одну атмосферу — одним словом, одно объединяющее начало жизни»⁴. Автор подчеркивает космополитическое и объединительное содержание ислама: «Ислам содержит принцип Уммы — то есть идею объединения всех мусульман в единое сообщество — религиозное, культурное и политическое»⁵.

Особого внимания заслуживает предложенное Изетбеговичем определение «сферы действия» двух общественных концептов: «Ислам определяет идеологию, а панисламизм — политику»⁶. Для идеолога «боснийства» характерно представление о республиканской природе исламской власти⁷. Здесь мы можем увидеть и некий отсыл к возможности «существования» элементов западной демократии и ислама.

Таким образом, субъект истории, к которому обращается Изетбегович, — это исламская умма, представляющая ему единым сообществом, способным на единые действия. Понятие «народ» в «Исламской декларации» имеет явно подчиненное значение.

Изетбегович выбирает достаточно эффективный способ легитимации политических устремлений «Уммы»: главным субъектом права у него выступает Аллах, с именем которого только и может «погибать на поле боя» мусульманин независимо от его национальной принадлежности.

¹ *Izetbegovic A. Islamska Deklaracija. Sarajevo, 1990. P. 2.*

² *Ibid. P. 3.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid. P. 12.*

⁵ *Ibid. P. 16.*

⁶ *Ibid. P. 16.*

⁷ *Ibid. P. 17.*

Показателен и выбор конкретного способа осуществления предложенного Изетбеговичем проекта. Он считает необходимой религиозную революцию в исламских странах. Но для создания её предпосылок следует сначала совершить в этих странах «политические революции» — причем только в тех из них, которые либо являются «чисто мусульманскими», либо в которых мусульмане составляют подавляющее большинство.

Резюмируя, мы можем сформулировать суть подхода Изетбеговича к вопросам геополитики следующим образом.

Исламское мировоззрение рассматривается как самостоятельная форма мировоззрения, отличная от идеологии и превосходящая любые другие формы мировоззрения (идеологии). Умма признается «суверенным сообществом», а контуры некоего желаемого образования мусульман определяются в пределах от Марокко до Индонезии. «Панисламизм» рассматривается идеологом «боснийства» в качестве внешнеполитического выражения ислама как религии. В то же время Изетбегович истолковывает слово «народ» в примордиалистском смысле и, в рамках исламской политической традиции, выступает против разделения власти на религиозную и светскую.

«Неоосманизм» как политический проект

Неоосманизм как явление турецкой внешней политики впервые заявил о себе в 1974 г., когда турецкая армия оккупировала Кипр⁸. С тех пор Турция начинает активно позиционировать себя как сильная региональная держава.

⁸ Милош Б. Марковић. Преко прошлости у будућност: повратак турске на простор бивше Југославије // Политеиа, Београд, 2/2011. С. 68

ва. В начале 2000-х гг. к власти в стране пришла партия «Справедливости и развития», проявляющая сильные неоосманистские устремления. Действующий министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу является членом этой партии и главным «идеологом» неоосманизма. Собственно, говоря о неоосманизме, мы говорим прежде всего о новой внешней политике Турции — внутреннее состояние которой принципиально не менялось.

Итак, в чем же состоит суть политики неоосманизма?

Прежде всего — в стремлении влиять на государства, находящиеся на территориях, некогда принадлежавших Османской империи. Необходимость этого влияния, как пишет Ахмет Давутоглу в книге «Стратегическая глубина», обусловлена желанием обезопасить внутренние области Турции. Что касается Балкан, то профессор Дарко Танаскович отмечает⁹, что собственно самоидентификация Турции как европейской державы немыслима без постоянного ее присутствия и влияния на Балканах. Поэтому активная роль Турции в данном регионе — это не просто направленная на защиту турецких экономических и геополитических интересов политика, это политика по сохранению самой сути этого государства.

Таким образом, в рамках «паносманистской» концепции «субъектом истории» выступает само турецкое государство. При этом границы влияния, намеченные приверженцами «неоосманизма», совпадают с границами влияния бывшей Османской империи — то есть включают в себя южные Балканы, Закавказье, Средний Восток.

Способ легитимации этих претензий — утверждение исторического права Турции влиять на процессы там,

⁹ Tanaskovich D. Turkey and the Balkans: Old traditions, new Aspirations // Israel journal for foreign affairs, 6:2. 012. С. 53

где исторические и культурные связи местных народов с Турцией являются прочными. В поддержании этих связей Давутоглу усматривает особую «стабилизирующую» миссию Турции.

Что касается общей стратегии реализации заявленных планов, то здесь турецкая дипломатия действует осторожно и изощренно. Характеристикой неосманской дипломатии можно назвать «двухвекторное влияние». А. Давутоглу говорит о том, что необходимо искать поддержки и союза как с США, так и с «Организацией “Исламская конференция”» (ОИК) — сообществом исламских государств¹⁰. Один из исследователей политических процессов на просторах бывшей Югославии Олег Валецкий пишет о поддержке Турцией представителей мирового исламизма. В частности, это выражалось в организации перевоза боевиков в Боснию в период гражданской войны 1992–1993 гг.¹¹. Однако в процессе реализации «стратегии неосманства», в отличие от боснийской практики, Турция предпочитает преимущественно действовать в рамках международных норм.

Выясним теперь, как соотносятся между собой эти концепции.

Турция, не позиционируя себя как «исламское государство» в полном смысле этого понятия, тем не менее проводит сегодня политику, направленную на усиление позиций ислама в мире, поддерживая как исламские государства, так и исламистов.

Являясь сильной региональной державой, Турция безусловно не обладает реальным потенциалом объединения под своим лидерством мусульманского мира, однако работает на создание

предпосылок для возможного объединения Уммы — сотрудничая для этого даже с шиитским Ираном.

Формы осуществления Анкарой ее геополитических устремлений носят преимущественно скрытый характер. Из-за «двунаправленности» ее политики Турция обречена на воспроизведение светской и демократической политической риторики. Тем не менее она поддерживает связи с международными исламистскими группировками, в том числе с действующими сегодня в Сирии, в определенном смысле работая на создание в гипотетическом будущем абсолютно новых форм государственности, предсказанных в том числе А. Изетбеговичем, — например, в виде воссоздания исламской политической системы на протяжении «от Марокко до Индонезии».

Также нельзя не обратить внимания на удивительно схожую «двуликость» обеих рассматриваемых нами концепций современной исламской геополитики — архитектора «боснийской нации» Изетбеговича и стратегов «неосманства». Тесно сотрудничая с европейскими государствами, имеющими интересы на Балканах, и с США — немаловажным фактором силы как на Балканах, так и на Среднем Востоке, и Изетбегович, и Турецкое государство весьма тесно кооперируют с исламистскими структурами.

Сегодня сложно говорить об исламизме как о едином политическом субъекте. Однако политическая практика исламских лидеров, в мировоззренческом и культурном плане близких к Европе, подтверждает наличие у них некоторых общих элементов политической стратегии. Так, следует отметить, что обе упомянутые нами концепции «нации» — «боснийская» А. Изетбеговича и используемая Анкарой «неосманская» — не отводят государству и религии однозначно определенного положения. Поэтому в случае предсказанного глобально-го цивилизационного «сдвига» (т.н.

¹⁰ Davutoglu A. Strategijska dubina — međunarodni položaj Turske // Политеиа, Бања-Лука, 2/2011. 2 Poglavlje. С. 214.

¹¹ Валецкий О. Сербская политика в Боснии и Герцеговине и фактор «исламского фундаментализма» // http://artofwar.ru/w/waleckij_o_w/text_0610.shtml

«столкновения цивилизаций», по С. Хантингтону) даже такие внешне вестернизированные мусульманские государства, как Турция и Босния, относительно легко могут отойти от «националистической парадигмы» формирования собственной геополитики, зародившейся при заключении Вестфальского мира и распространившейся ныне на весь мир.

«Неоосманизм» и геополитика Балкан

Особого рассмотрения заслуживает стратегия «неоосманизма» с точки зрения проникновения Турции на Балканы. Сербский исследователь Миролуб Евтич полагает, что взятие Анкарой «на вооружение» стратегии «неоосманизма» фактически означает превращение исламского фактора в детерминанту внешней политики Турции.

Ахмед Давутоглу обосновывает активную позицию Турции на Балканах тем, что после распада биполярной структуры мировой политики в мире сформировались большие «зоны» геополитического и стратегического вакуума¹². В них существует большой риск дестабилизации и региональных конфликтов, а скрытые, замороженные ранее конфликтогенные ситуации выливаются в полномасштабные конфликты. Балканы в этом плане, в отличие от севера Европы, являются регионом с масштабным конфликтогенным потенциалом.

Давутоглу указывает две основные «оси», которые определяют современное содержание «геополитики Балкан»: Сава-Драва и Моравско-Вардарская. Центром Моравско-Вардарской оси является Косово. Вопрос о контроле над этими «осями» имел, по мнению Давутоглу, большое значение как во время Второй

мировой войны, так и в период «холодной войны». Эти линии характеризуются большой конфликтогенностью и тем, что на них сталкиваются интересы региональных и глобальных субъектов политики. Как пишет Давутоглу, «на этом перекрестье варварские устремления сербского руководства во главе с Милошевичем обрели простор для действий»¹³.

«Боснийский вопрос» Давутоглу рассматривает в двух ракурсах: в ракурсе отношений между глобальными политическими акторами и в ракурсе отношений между ближайшими соседями Боснии и Герцеговины, прежде всего отношений с Сербией и Хорватией.

В ракурсе отношений между глобальными политическими акторами Давутоглу определяет Балканы как пробный «полигон», на котором пробуют силы мировые акторы, действующие в новых формах и новых условиях. В частности, агрессия против Югославии 1999 г. видится ему как пример пробной мобилизации военных и дипломатических сил глобальных акторов.

Давутоглу видит три основных системных противостояния, которые повлияли на развитие кризиса на Балканах:

- 1) противоречия между интересами США и Европы (преимущественно Германии);
- 2) противоречия на европейском континенте между Британией и Францией, Германией и Россией;
- 3) противоречия между международными организациями.

Взгляд Давутоглу на балканскую геополитику может показаться российскому эксперту весьма оригинальным. Так, например, турецкий министр считает, что сербы под руководством бывшего президента Милошевича творили разного рода преступления при поддержке Запада, принявшего на воору-

¹² Davutoglu A. Ibid. P. 190.

¹³ Ibid.

жение тезис Хантингтона о «столкновении цивилизаций» — и, следовательно, проводящего политику, направленную против ислама. Подобный взгляд очень хорошо подкрепит позицию Миролюба Евтича относительно неосманизма, высказанную выше, — в таком контексте обращение Турции к наследию Османской империи можно рассматривать в качестве «цивилизационного ответа» мира ислама на «не слишком дружественную» политику Запада.

Соединенные Штаты, по мнению турецкого министра, добровольно признали Балканы сферой интересов Европы, но тем не менее постоянно играют на противоречиях между европейскими государствами. Именно процесс передела «сфер влияния» в Европе стал одной из основных причин распада Югославии. Германия вследствие своей исторической инерции тяготела к контролю над Словенией и Хорватией, к побережью Адриатического моря. Другим важным актором на Балканах является англо-французский блок, который выступил на «сцену» после принятия резолюции ООН, определяющей статус Боснии и Герцеговины, причем с определенными выгодами для сербов (sic!). Благодаря противоборству Германии и англо-французского блока на Балканах сложилось некоторое равновесие, способствующее замораживанию конфликта в бывшей Югославии. «Дейтонские соглашения» разграничили сферы влияния, причем США являются важным фактором силы в регионе.

Именно влияние США на югославянские страны помогло лишить Россию возможности полноценно участвовать в решении кризиса, ликвидировало возможность появления традиционно «просербского союза» Франции и России.

Одновременно Давутоглу признает, что антисербская военная кампания и внутренние политические перемены в Сербии являются звеньями

одной цепи — и использовались с целью «укротить» Сербию и сделать ее безопасной для акторов, стремящихся влиять на ситуацию в регионе. Этот тезис подтверждает правоту Олега Валецкого, который считает сербский народ великим, но в силу ряда причин ограниченными современными политическими рамками, в которых ему дозволено защищать свои интересы — а потому, в сущности, беззащитным перед другими государствами.

Давутоглу также говорит о том, что действия региональных и глобальных акторов в Косово неизбежно откликаются в Македонии, Черногории, Сербии, Боснии, Санджаке и Албании, непосредственно затрагивая интересы Турции на Балканах, влияя как на ее положение в регионе, так и на ее позицию в НАТО.

Босния, в понимании Давутоглу, является «наконечником» «стратегической дубины», важным государством, способным обеспечивать защиту интересов Турции в регионе. Однако для того чтобы Босния была эффективным союзником, необходимо, по его мнению, выполнение четырех важных стратегических условий.

1. Контроль над территорией, связывающей Мостар с морем, как важное средство экономического и политического объединения. В этой местности живут преимущественно хорваты, и она является причиной ряда разногласий между хорватами и босняками.

2. Обеспечение связи между Центральной и Восточной Боснией вплоть до линии протекания Дрины, где сербы осуществляли самые интенсивные этнические чистки. В этой области особенно важен коммуникационный канал Сараево–Горажде, который необходимо укреплять. Эта линия, по мнению Давутоглу, имеет большое значение как для ограничения сербских поползновений, так и для обеспечения безопасности мусульман в центральной Боснии, и в конечном итоге — для

обеспечения их единства с мусульманами Санджака и Косово. При этом разделительная линия, проходящая по реке Дрине и Восточной Боснии, по мнению турецкого министра, является одной из наиболее чувствительных областей балканской геополитики. В свое время сербы, стремясь изменить «этнический баланс» в Боснии в свою пользу, уделяли особое внимание этой области. Давутоглу считает, что боснийские чиновники должны уделять много внимания интеграции этой области в федерацию Боснии и Герцеговины. В то же время нарушение связи между Боснией, Санджаком и Косово будет означать попадание босняков в хорватскую сферу влияния, а равно и попадание Санджака и Косово в сербскую сферу влияния.

3. Мусульмане должны эффективно контролировать коридор с Севера до Юга — пространство, разделяющее принадлежащие Республике Сербской земли на две части (линия «Приедор — Добой — Брчко»).

4. Компактность проживания боснийских мусульман, что подразумевает обеспечение связи между Центральной Боснией и Бихачем. В случае конфликта эта линия может быть нарушена. Также слабой чертой всей мусульmano-хорватской федерации является возможность возникновения конфликтов из-за контроля хорватов или мусульман над ключевыми пунктами Боснии.

Как легко можно заметить, Давутоглу настаивает на неизбежности нового конфликта в Боснии, который будет связан с обеспечением более выгодных геополитических позиций боснийских мусульман. Турецкий эксперт считает сербские области Санджак и Косово неотъемлемой частью боснийской геополитической картины, из чего следует неизбежная включенность этих областей в конфликт, который подспудно прогнозируется турецким министром.

Проблема Косова

Теперь нам необходимо разобрать позицию неоосманистов относительно судьбы Косова. Ключевой осью в этом регионе Давутоглу считает ось Морава–Вардар — регион, в котором сосуществуют сербские, албанские македонские элементы. Поскольку Давутоглу в принципе рассматривает Балканы через призму противодействия великосербским амбициям, он выделяет главное отличие ситуации Косова от Боснии. Это отличие связано с демографической ситуацией в этих регионах. Если в Боснии, по его мнению, сербы могли в свое время этот баланс серьезно «подкорректировать» этническими чистками (мусульман в Боснии менее 40% от всего населения), то в случае с Косово, населенным преимущественно албанцами, дело обстоит гораздо сложнее.

Другой особенностью является монолитность геокультурной структуры населения Косова. В Боснии мусульмане и сербы веками жили рядом друг с другом и весьма схожи в культурном и этническом плане. В Косово албанцев и сербов разделяет достаточно устойчивая «этнокультурная граница».

Третье важное отличие от боснийской ситуации — равновесие внутри региона. Если боснийские мусульмане были фактически «зажаты» сербами с востока и запада, то косовские албанцы имеют прочную связь с соплеменниками в Албании и Македонии. Однако именно в силу этой тесной взаимосвязи любая эскалация кризиса в Косово неизбежно отразится на всех Балканах.

Однако несмотря на ряд вышеуказанных факторов, усложнивших реализацию «великосербского проекта» на Балканах, здесь, в Косово, имеется обстоятельство, обеспечивающее сербам некоторый «простор для маневра». Это статус Косова как автономии, в отличие от республиканского статуса Боснии. Этот статус автоно-

мии, упраздненный в 1988 г., позволял сербам называть косовскую проблему «внутренней проблемой Югославии». Однако сербы путем «этнических притеснений», как отмечает Давутоглу, сумели превратить «внутренний югославский вопрос» в «балканский».

Проблемы, связанные с будущим Косова, Давутоглу разделяет на три части. Во-первых, проблема статуса Косова, так как косовары не признают статуса автономии в составе Сербии, а сербы не признают независимости республики. Во-вторых, проблема равновесия сил в Косово, вызванная демографической фрагментацией албанцев: внутриалбанские миграции и общественные процессы сильно влияют на ситуацию в сопредельных странах — Албании и Македонии. Третьей проблемой видятся турецкому министру системные противоречия между глобальными политическими акторами, причем в качестве примера неожиданного изменения баланса сил в регионе Давутоглу приводит занятие российскими войсками аэродрома в Приштине.

«Динамичная игра» в «зеленом коридоре»

Давутоглу выделяет четыре главных принципа турецкой политики на Балканах.

1. «Динамичная игра» с учетом глобально-политического и регионального расклада сил. Благодаря правильному пониманию обусловленностей того или иного направления внешней политики разнонаправленные действия могут привести к достижениям больших результатов.

2. Готовность сотрудничать со всеми сторонами ситуации. Сотрудничество с явным противником помогает узнать его намерения.

3. Понимание исторической обусловленности балканской политики. Три исторически сложившихся центра

силы — немецкий, славянский и османский — породили долгую историческую инерцию, вследствие чего отказ Турции от «балканского наследия» Османской империи поставил бы под угрозу стабильность во всем регионе. Однако современная ситуация на Балканах имеет два принципиально отличных от прежних веков свойства: во-первых, интересы Турции на Балканах представлены не так основательно, как интересы Германии и России, а во-вторых, ключевую роль на Балканах впервые за всю их историю играют США. Причем США опираются в своей балканской политике на албанцев и босняков, что сближает позиции США и Турции.

4. Опора Турции на албанцев и боснийских мусульман.

В своем обосновании активной роли Анкары на Балканах Ахмет Давутоглу опирается на историческую обусловленность «неизбежности пребывания» Турции на Балканах. Говоря о босняках и албанцах, на которых Турция «обречена» опираться, идеолог неосманизма придает большое значение их исламской идентичности. Согласно ему, без стабильности и обеспечения турецкого присутствия на Балканах невозможно говорить о стабильности положения внутренних областей Турции.

Теперь нам необходимо рассмотреть механизмы влияния Турции на ситуацию в республиках бывшей Югославии. Наиболее адекватным такое рассмотрение будет, если мы познакомимся с концепцией «Зеленого коридора». Автор этой концепции — Срджа Трифкович (Srdja Trifkovic), сербский и американский политолог и историк.

«Зеленый коридор» — это географическая «протяженность» на Балканах, населенная преимущественно мусульманским населением. Начинаясь на северо-западе Боснии, в регионе федерации Боснии и Герцеговины (БиГ), населенном мусульманами (Ахмет Давутоглу настаивает на необхо-

димости связи между Бихачем, главным городом региона, и центральной Боснией), он продолжается центральной Боснией. Юго-восточнее, где есть некоторый разрыв с Санджаком из-за республики Сербской, он переходит в город Горажде с прилегающими землями (как мы помним, Давутоглу настаивает на необходимости достижения мусульманского контроля над коммуникациями Сараево–Горажде), потом проходит через область Санджак (Рашка), в котором большинство населения — мусульмане.

Санджак — регион, ныне принадлежащий Сербии (северо-восточная часть) и Черногории (юго-западная часть). Санджак непосредственно граничит с Косово, которое традиционно находится в поле пристального внимания Турции. Пожалуй, стоит сказать еще пару слов о специфике «санджакского вопроса». Когда-то Рашка стала колыбелью сербской государственности. Однако во время османского ига Рашка последовательно исламизировалась, и к началу 1990-х гг. в Санджаке сформировалось устойчивое исламское сообщество, составляющее большинство населения региона¹⁴. Во время боснийской войны 1990-х гг. отряды санджаклиев воевали в рядах боснийских мусульман, и в Санджаке даже появился аналог боснийской исламистской партии СДА, а дискурс, развиваемый этой партией, представлял Санджак как южную Боснию, а санджаклиев — как «санджакских босняков»¹⁵.

И поэтому вовсе неслучайно, что Турция уделяет немалое внимание Санджаку, являясь важным источником инвестиций в регион, постепенно налаживая там коммуникации¹⁶, стро-

ит дорогу через Санджак в Белград¹⁷. С. Трифкович определяет четыре пути достижения доминирования мусульман в регионе¹⁸:

1) расширение географического ареала расселения через демографическое давление;

2) установление политического контроля мусульман над территорией путем создания и укрепления суверенных государств;

3) развитие, расширение исламской идентичности, достижение ее доминирования над неисламскими идентичностями;

4) стремление мусульман строить проекты, устремленные в будущее, несмотря на риск конфликта с соседями-немусульманами.

Одновременно с этим Турция проводит активную экономическую политику в границах «Зеленого коридора», стремится построить там инфраструктуру, способную обеспечить надежные коммуникации между исламскими сообществами. Ориентированность на Балканы постоянно подтверждается публичными политиками Турции, например, премьером Р. Эрдоганом¹⁹. Турция использует разнообразные рычаги влияния на Балканах — например, налаживает сотрудничество своих муниципалитетов и муниципалитетов балканских государств²⁰.

фундаментализма» // http://artofwar.ru/w/waleckij_o_w/text_0610.shtml

¹⁷ Турция строит автодорогу через Санджак. Режим доступа: <http://www.sandzaknews.com/video/62-turska-gradi-autoput-preko-sandzaka.html>

¹⁸ *Trifković S.* The Green Corridor in the Balkans. Режим доступа: <http://gatesofvienna.blogspot.ru/2009/05/green-corridor-in-balkans.html>

¹⁹ Эрдоган налаживает единое будущее с балканскими странами. Режим доступа: <http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/hr/features/setimes/features/2011/09/28/feature-02/>

²⁰ Турция и Балканы налаживают свя-

¹⁴ *Morrison K.* Political and Religious Conflict in the Sandžak // Defence Academy of the United Kingdom. 08/13, april 2008. P. 4.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Валецкий О.* Сербская политика в Боснии и Герцеговине и фактор «исламского

Естественно, что большое внимание Турция уделяет и Косову²¹. В частности, оказывает поддержку системе образования в этом самоопределившемся сербском крае²². Не забывает Турция и о Черногории, в состав которой входит часть Санджака и которая граничит с Косово²³.

* * *

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что Турция осуществляет долговременную и происламски ориентированную геополитическую стратегию на Балканах. При этом Анкара сотрудничает и с исламистами, благодаря чему ее политика не противоречит интересам США, также поддерживающих ислам в регионе.

Сам неоосманизм может рассматриваться как специфическая форма ответа исламского мира на «глобалистскую» политику сегодняшних «мировых лидеров». Также можно отметить, что стратегическое мировоззрение неоосманских и «квазиисламистских» политиков из Боснии оказывается весьма глубоким и сильным — «неоосманы» способны в своих стратегических устремлениях выйти как за пределы чисто национальных интересов, так и за пределы «специфически исламского» мировоззрения.

Таким образом, Турция очень своевременно готовит выход из эпохи

национальных государств. Используя западные практики общественной жизни, она формирует новый базис государственного здания, причем Давутоглу видит такой путь органичным и естественным — в том числе и для балканских государств.

В этом контексте стремление Турции к связям с интернациональными, глобальными исламистскими структурами видится весьма верным стратегическим подходом, способным обеспечить сильные позиции Турции по мере приближения к кульминации эпохи «Столкновения цивилизаций». Здесь мы можем наблюдать органическую близость «наднационального» подхода неоосманистов геополитике А. Изетбеговича и его геополитической концепции. Таким образом, Изетбегович в своей «Исламской декларации» в некотором смысле предугадал генезис неоосманистской политики Турции.

Также следует отметить, что неоосманистская внешняя политика Анкары ключевым звеном своей деятельности считает не суверенное турецкое государство, а регион Балкан в целом. Подобный подход весьма органично соотносится с глобальным характером внешнеполитической стратегии Анкары — ибо последняя предполагает первоочередное стремление Турции к сотрудничеству с мировыми лидерами и международными исламскими организациями.

В то же время подобная внешнеполитическая стратегия неизбежно ведет к деформации, перерождению современной природы международных отношений, и в этом смысле потакание исламизму на Балканах, равно как целеустремленная исламистская политика является большой угрозой для стабильности Балкан, а следовательно — всего мира, поскольку тезис о пороховой бочке еще никто не отменял.

Таким образом, и в случае «Исламской декларации», и в случае пропагандируемой правящими кругами Турции

зи меду городами. Режим доступа: <http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/hr/features/setimes/features/2012/11/01/feature-04>

²¹ Турция возвращается в Косово. Режим доступа: <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/134513/Turska-se-vraca-na-Kosovo>

²² Турция и Косово развивают образовательные связи. Режим доступа: <http://setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/hr/features/setimes/features/2011/06/29/feature-03>

²³ Заместитель премьер-министра Турции Аталай посетил Черногорию. Режим доступа: <http://www.aa.com.tr/ba/turska/72338-zamjenik-premijera-turske-atalay-u-crnoj-gori>

идеологии «неоосманизма» мы имеем дело с проектами в духе «политического ислама», апеллирующими к исламу как универсально-наднациональной политической ценности и идеалу. При этом легитимность «боснийской нации» и самого «боснийского проекта», по версии Изетбеговича, обеспечивается принадлежностью боснийцев ко всемирной мусульманской общине «умме», что автоматически обособляло ее от существовавшей тогда «югославянской общности». При этом Изетбегович сумел обеспечить легитимность исламского сообщества Боснии как на Западе, так и перед сторонниками «политического ислама». На Западе он позиционировал себя как лидера нации, стремящейся к самоопределению, перед исламскими политическими акторами, в т.ч. Турцией, — как лидер исламского сообщества. Замечательно, что западные государства, оказывавшие помощь в достижении БиГ суверенитета, в упор не замечали и не замечают исламизма Изетбеговича, выраженного в его программных трудах.

В рамках «неоосманистского проекта» его «исламская основа» скрыта, а право Турции осуществлять «приори-

тетное влияние» на Балканах обосновывалось посредством отсылки к общему «культурно-историческому наследию», сформировавшемуся у народов региона в период их пребывания в составе Османской империи. Однако поскольку идеологической основой этой империи являлся именно ислам, обращение к идее «исламской общности» при развитии контактов Анкары с мусульманскими народами региона неизбежно.

Несмотря на активную культурно-историческую и политико-правовую аргументацию, присутствующую в обоих проектах, их опасность связана с попытками политизировать «мусульманский фактор» и поставить вопрос о пересмотре исторически сложившегося «статус-кво» в регионе. В случае Боснии это способствовало развязыванию кровавой межнациональной гражданской войны в республике, последствия которой ощущаются до сих пор. В отношении «неосманистского» проекта можно утверждать, что его деструктивный потенциал еще до конца не проявился, однако современные его проявления заставляют серьезно обеспокоиться его влиянием на судьбы Балканского региона.

Владимир Волков

Собор НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

После освобождения народным ополчением в 1612 г. Москвы от поляков перед его вождями встала не менее значимая задача — поднять из руин разрушенную врагами Русскую Державу. Восстановление государственной власти мыслилось ополченским правительством Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина в привычной для русских людей XVII столетия форме монархического правления. Поэтому основной задачей созываемого в Москве Земского собора становилось избрание («обирание» — по терминологии того времени) нового русского царя. Необходимость скорейшего решения династического вопроса осознавалась всеми политическими группировками, участвовавшими в освободительном антиляшском движении. Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал, как сейчас точно установлено, особый «Общий великий соборный совет», определивший в ходе своих заседаний порядок выборов представителей — участников собора, число выборных лиц, круг их полномочий.

В отличие от предшествовавших земских совещаний, Избирательный собор 1613 г., как неоднократно отмечалось и подчеркивалось исследователями, являлся настоящим собором, ибо был беспрецедентно широк по своему социальному составу. В его работе принимали участие представители высшего и уездного, черного и белого духовенства, московского и городского дворянства, казаков, посад-

ских людей и черносошных крестьян («уездных людей»). Число собравшихся в Москве «советных людей», по некоторым сведениям, превышало 800 человек. Они представляли не менее 58 городов, хотя в избирательной грамоте упомянуто лишь о 277 таких представителях, а подписали ее всего 238 участников «обирания» Михаила Федоровича.

Первоначально определенную дату начала работы Собора — 6 декабря 1612 г. (осенний Николин день) из-за опоздания и неявки многих земских представителей пришлось отложить на месяц. Свою деятельность Земский избирательный собор начал в праздник Крещения — 6 января 1613 г. Соборные заседания происходили в обстановке обострившегося ожесточенного соперничества оформившихся в русском обществе за годы десятилетней Смуты политических группировок, стремившихся упрочить свое положение избранием собственного претендента на царский престол. «Снидошася изо всех градов власти и бояре, — записал летописец, — митрополиты и архиепископы, епископы и архимандриты и всяких чинов людие и начаша избирати государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволнение бысть...».

Участники собора выдвинули более десяти претендентов на российский престол. Среди них были: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, «Ворёнок» (Иван Дмитриевич — сын приснопамятного Тушинского вора — Лжедмитрия II и Ма-

рины Мнишек) и ряд русских князей и бояр. Следует отметить, что далеко не все из них соглашались на свое избрание и в ряде случаев вставали на сторону других кандидатов. В разных источниках в числе кандидатов называются: князь Федор Иванович Мстиславский (*Гедиминович*), князь Иван Михайлович Воротынский (*Рюрикович*), Федор Иванович Шереметев, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (*Гедиминович*), князь Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович Черкасские (*Идаровичи кабардинские*), князь Иван Васильевич Голицын (*Гедиминович*), Иван Никитич и Михаил Федорович Романовы, князь Петр Иванович Пронский (*Рюрикович*) и князь Дмитрий Михайлович Пожарский (*Рюрикович*). Шереметев и Романовы не принадлежали к потомкам княжеских родов, ведя свое происхождение от Андрея Кобылы, служившего Ивану Калите и Семену Гордому — имя его упоминается в документах, относящихся к 1347 году.

Неверным и упрощенным представляется нам предположение И.О. Тюменцева, высказанное им в статье «Из истории Избирательного земского собора 1613 г.» (Дом Романовых в истории России. СПб., 1995) о том, что претендентами на российский престол были выдвинуты на пропорциональной основе — как участники боярского правительства («Семибоярщины»), так и руководители земского освободительного движения 1611–1612 гг. В эту упрощенную схему не укладывается хорошо известное по источникам существование немногочисленных, но деятельных и убежденных сторонников польского и шведского королевичей, а также калужского Ворёнка. Сомнительным выглядит и другое умозаключение Тюменцева о противостоянии двух группировок — стихийно сложившегося (?) «романовского кружка» и сторонников князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, в котором исследователь без должного на наш взгляд основания видит основного

соперника будущего государя в борьбе за престол.

Давно уже исследователи обратили внимание на то, что в Москве в тот период самой влиятельной общественной силой становится казачество. Это объяснялось как численным превосходством казаков, связанным с массовым отъездом из освобожденной столицы служилых людей по отечеству, так и сохранением у них многих черт войсковой казачьей организации, сложившейся в «таборах», а также, как ни странно, их заинтересованностью в скорейшем восстановлении государственного порядка, при котором они могли стать служилыми людьми на государевом жалованье.

Красочно, хотя, возможно, и несколько предвзято описал доминирование казаков автор «Повести о Земском соборе 1613 года». Он отметил, явно завышая их численность, что «Донских же и польских (со степных, «запольных» границ. — В.В.) казаков въехал в Москву тогда сорок тысяч, а поборники по царствующему граду Москве и по православной вере христианской. И хожаху казаки в Москве толпами, где ни двинутся гулять в базарь — человек 20 или 30, а все вооруженны, самовластны, а меньши человек 15 или десяти никак же не двинутся. От боярска же чина никто же с ними вопреки глаголету не смеюще и на пути встречающе и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы своя поклоняюще».

Противники казачества группировались вокруг той части Земского собора, которая вместе с его руководителем склонялась к кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа. Этот кажущийся странным на сегодняшний день выбор в пользу иноземца и иноверца (впрочем, его переход в православие объявлялся обязательным условием принятия царского венца) был связан с прежним курсом Василия Шуйского на использование шведской помощи против враждебной и Швеции Польши

и хотя бы временной нейтрализации шведских захватов земель на русском севере. Подобные надежды питали и авторитетные в земской среде Михаил Васильевич Скопин-Шуйский и Прокофий Петрович Ляпунов, искавшие и отчасти находившие в шведах союзников против Тушинского вора и польских войск. Во время похода к Москве списывались со шведскими властями Новгорода и Пожарский с Мининым...

В этой связи уместно будет отметить, что, вплоть до избрания царем Михаила Федоровича Романова, вся полнота власти в государстве принадлежала ополченским «боярам и воеводам» — временному Земскому правительству, возглавляемому Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и, лишь номинально, Дмитрием Михайловичем Пожарским, бывшим больше воином, чем политиком. Не случайно герой сразу же оказался на втором месте.

О временном полномочии ополченских воевод достаточно образно писал архиепископ Елассонский Арсений: «После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы, два великих боярина князья, — князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды правления в свои руки. Весь народ московский и все находившиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им». Взятый в плен поляками 27 ноября 1612 г. новгородский сын боярский Иван Философов в расспросе говорил об этом же, добавляя к числу московских правителей К. Минина: «А делает всякие дела князь Дмитрей Трубецкой, да князь Дмитрей Пожарской, да Куземка Минин».

Поддержка, оказанная кандидатуре шведского королевича Карла-Филиппа авторитетными в казачьей и в земской среде лицами, в то время — руководителями внешней и внутренней политики Русского государства, казалось,

могла обеспечить ему реальное, решающее преимущество перед другими кандидатами. Однако казаки, московские люди и поддерживавшие их участники Земского собора выступили против подобных планов, настояв на принятии решения об избрании царем одного из русских князей или бояр. Из-за непримиримых противоречий между соперничавшими группировками деятельность собора зашла в тупик.

В этих условиях среди оставшихся в Москве служилых людей и казаков возникает движение, направленное против соборного руководства, отвергнувшего компромиссные варианты решения династического вопроса. Организационным центром движения стало московское подворье Троице-Сергиева монастыря, а его деятельным вдохновителем — келарь этой обители Авраамий Палицын, лицо весьма влиятельное среди ополченцев и москвичей. Упоминание о происходивших на монастырском подворье совещаниях сохранилось в одном из русских хронографов третьей редакции: «И приходили на подворье Троицкого монастыря к келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки и открывают ему совет свой и благоизволение, принесоса ж и писание о избрании царском». На них решено было провозгласить царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова-Юрьева, сына плененного поляками ростовского митрополита Филарета.

К сторонникам кандидатуры Михаила Федоровича Романова примкнули многие бояре и приказные дельцы: князь Иван Васильевич Голицын, Иван Никитич Романов, князь Борис Михайлович Лыков, князь Иван Борисович Черкасский, Борис Михайлович Салтыков, князь Афанасий Васильевич Лобанов, Константин Иванович Михалков, Владимир Вешняков, думный дьяк Зиновий Сыдавный-Васильев, дьяки Иван Третьяков и Герасим Мар-

темьянов. Сына ростовского митрополита поддержало и высшее православное духовенство — Освященный собор.

Против планов сторонников Дома Романовых до поры до времени выступила сильная правительственная партия, влияния которой на развитие событий недооценивать нельзя. К ней принадлежали: князь Д.Т. Трубецкой, князь Д.М. Пожарский, князь Ф.И. Мстиславский (в прошлом глава «Семибоярщины»), князь И.С. Куракин и некоторые другие князья и бояре.

Находившийся в Новгороде шведский полководец Якоб Делагарди, внимательно и заинтересованно следивший за деятельностью Земского собора, отмечал драматический характер происходивших в русской столице событий, где вопрос царского избрания решался при деятельном участии народных масс — московских «простых людей» и казаков. В одном из посланных в Швецию донесений Делагарди писал, что они, то есть московские «простые люди» и казаки, «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на свое избрание великого князя».

О происходивших в те дни в Москве событиях говорится также в «Листе земских людей Новгорода Великого к королевичу Карлу Филиппу»: «...Но мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод и дворян, и лучших людей всех чинов, своим воровством поставили государем Московского государства Михаила Романова».

В этом сообщении все предельно извращено и оценено превратно — «ворами» названы не изменники и предатели, а сторонники восстановления царской власти в самой традиционной ее форме, те выброшенные из своих словесий и вынужденные показаться

люди, которые настрадались и настрадались в годы разрушительной Смуты. Из их уст и прозвучал знаменитый призыв к боярам: «Дайте нам на Россию царя государя, кому нам служить».

Вполне согласуется с этим и изложение событий автором «Повести о Земском соборе 1613 года». По его словам, «Придоша атаманы казачьи и глаголеша к бояром: “Дайте нам на Росию царя государя, кому нам служити”. Бояря же глаголеху: “Царския роды минушася, но на Бога жива упование возложим, и по вашей мысли, атаманы и все войско казачье, кому быти подобает царем, но толико из вельмож боярских, каков князь Федор Иванович Мстиславской, каков князь Иван Михайлович Воротынской, каков князь Дмитрий Тимофиевич Трубецкой”. И всех по имени и восьмаго Пронскаго.

Казаки же слушая словес их, изощтоша же всех. Казаки же утвержая бояр: “Толико ли ис тех вельмож по вашему умышлению избран будет?” Бояря же глаголеша: “Да ис тех изберем и жеребьем, да кому Бог подаст”. Атамань же казачей глагола на соборе: “Князи и бояря и все московские вельможи, но не по божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго, и христоролюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Росии князю Феодору Никитичю Романова. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по божии воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всея Руси”. И многолетствовали ему, государю.

Бояря же в то время все страхом одержими и трепетни трясущися, и лица их кровию прменяющися, и ни

единого никакo же возможе что изрещи, но токмо един Иван Никитичь Романов проглагола: “Тот князь Михайло Федоровичь еще млад и не в полне разуме, кому державствовать?” Казаки же глаголеша: “Но ты, Иван Никитичь, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прироженный и ты ему крепкий потпор будеши”».

* * *

Именно после этих драматических событий, уступая энергичному нажиму снизу, 21 февраля 1613 г. Земский избирательный собор провозгласил царем и великим князем Михаила Федоровича Романова-Юрьева, после освобождения Москвы от поляков

проживавшего с матерью в костромском Ипатьевском монастыре. Узнав об избрании, 16-летний Михаил долго колебался, но все же согласился принять царский венец и государство и был благословлен на это чудотворной Федоровской иконой Божией Матери. В воскресенье 11 июля 1613 г., на память святой мученицы Евфимии, состоялось венчание Михаила Федоровича на царство.

Началось 300-летнее правление в России Дома Романовых — и славное, и трагическое... Как бы к этому периоду русской истории ни относиться, но нельзя не признать, что само избрание новой династии носило безусловно национально-демократический характер.

Открылся сайт
Национально-
демократической партии:
<http://rosndp.org/>

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

РАЗБАЛАНСИРОВКА ДИСКУРСА

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛИЗМ?

Храмов Александр. Катехизис национал-демократа. М.: Скимень, 2011 (Серия «Бармаглот»). — 208 с.

Нельзя быть либеральным человеком в Европе, не будучи врагом России.

Либерализм и благорасположенность к славянам — понятия несовместимые.

И.С. Тургенев

...И в мерзостной игре

Жида с лягушкою венчают.

А.С. Пушкин

Встроенное противоречие

Небольшая книжка на моем столе своего рода феномен: читать ее не стоит, а вот поговорить о ней необходимо. Она не обогатит читателя серьезными мыслями и аргументами, не просветит его даже в том аспекте, который обещан названием. Скорее наоборот: заведет в тупик, запутает. Но, поскольку подобная путаница и невнятица в наше время стала своего рода визитной карточкой политологии, эту книжку необходимо рассмотреть пристально. Торжество самонадеянного верхоглядства и полупросвещенности надо приостановить, пока не поздно. Поскольку немелкое обращение с теорией национализма ничего, кроме вреда для умов, не принесет, а последнее, в свою очередь, чревато большими бедами при попытке воплощения теории в жизнь. Итак, повод к размышлениям налицо.

Появление книжечки Александра Храмова по-своему закономерно, оно есть следствие внутреннего противоречия, заложенного в самом понятии «национал-демократия», встроенного

в него. Причем противоречия двоякого характера, связанного как с каждым из его слагаемых, так и с их сочетанием в целом.

Энергично вбрасывая этот бренд (как и бренд «национал-капитализма») в общественное сознание в середине 1990-х годов, я имел в виду конкретную цель: привлечь к националистическому дискурсу общественно значимую часть российской публики. А именно, предпринимателей и верхние слои интеллигенции, единственные пассионарные категории населения. Которые активно участвуют в выработке стратегического курса развития общества и создают «концепцию России». И для которых капитализм и демократия есть неизменные от века слова-коды, чья привлекательность обусловлена самой природой предпринимательства и профессиональной умственной деятельности. Именно эти категории уже сотворили буржуазно-демократическую революцию 1991–1993 гг. и должны были, по моей мысли, последовательно сотворить и национальную (в нашем случае русскую) революцию, как это обычно и бывает. На них я сделал всю свою ставку с самого начала, с 1991 г. Их нужно было перевербовать из либерализма в национализм. Заставить русского предпринимателя, русского интеллигента мыслить национально (сейчас, собственно, этот поворот и происходит, плавно, но неуклонно).

Важно было поэтому подчеркнуть, сакцентировать: да, мы за демократию, но — «национал-»; да, мы за капитализм, но — «национал-». Что должен был в тот момент увидеть в этом

словосочетании любой продвинутой интеллигент? Апологию демократии и капитализма со стороны даже — подумать только! — националиста. Особое значение имел тот факт, что вброс был осуществлен через «Независимую газету» — главный орган мысли отечественной интеллигенции, по преимуществу либеральствующей. Так возник эффект троянского коня, и джинн русского национализма оказался выпущен на публику. Так состоялась попытка привить на «либдемовском» дереве «националистическую» ветку.

Разумеется, я видел и понимал всю сложность своей задачи. Не случайно многим сами понятия «национал-капитализм» и «национал-демократия» представляются попыткой сочетать несочетаемое. Немедленно нашлись простые люди, желающие напомнить о наднациональной, вненациональной, якобы, природе как капитала, так и демократии. Эти люди плохо учили диалектику и не привыкли рассматривать явления в их целокупной противоречивости и исторической изменчивости.

Я разошелся тогда со всеми — и с патриотами, не имевшими достаточно ума, и с умными демократами, забывшими о патриотизме. Но это был верный, точный ход.

Пятнадцать, десять лет назад мои теории шокировали, казались странными, одним не нравился «капитализм», других коробило от приставки «национал». Сегодня все это становится банальным и востребованным. Стало ясно, что я был совершенно прав, апеллируя к названным слоям и раскручивая соответствующие бренды. Именно становление национал-капитализма составляет политэкономическую суть текущего момента. И именно национал-демократическая идея становится в этих условиях успешным мейнстримом, порождая желающих его приватизировать.

Как следовало ожидать, тут-то и повалились возникать самодеятельные

реплики, концептуальные разночтения, а с ними опасность искажений и конечной дискредитации самого дискурса¹. Поэтому целесообразно мне на правах основоположника напомнить о сущности национал-демократии, процитировав одну из последних своих работ по теме.

Что такое национал-демократия?

«Самое краткое определение, по моему: это демократия для своих. Или демократия, ограниченная по национальному признаку.

Кто такие свои? А это как посмотреть. Поскольку демократия есть общественное устройство, то масштабом измерения является все общество в целом. А здесь подходы к определению “свой — чужой” бывают разные. Для одних свои — это только соплеменники, для других — только сограждане, для третьих — совокупность граждан и подданных, т.е. все население страны, для четвертых — население плюс равноправные с ним приезжие-инородцы. Недоговоренность и путаница в данном вопросе часто отрицательно сказываются в политике².

Для национал-демократов в полной мере приемлем первый ответ, с оговорками — второй, но не более того.

Однако неплохо бы для начала определиться с самим термином “демократия”, ибо и она бывает очень разной: либеральной, консенсусной, национальной и т.д. (Замечательно пошутил когда-то грузинский вор в законе Джаба Иоселиани, ставший в годы перестройки видным политиком в сво-

¹ Сегодня многие, не только Храмов, охотно пользуются запущенным в массы с моею помощью брендом «национал-демократия», а равно и формой «катехизиса» (в 1990-е гг. в издаваемой мною «Национальной газете» из номера в номер печатался «Катехизис русского в России»). Кто во что горазд...

² Примером дурного истолкования оппозиции «свой — чужой» являются думские законы о «соотечественниках».

ей стране: “Демократия — это вам не лобии кушать!”)

На Западе, например, либеральная демократия, с ее акцентом на права личности и индивидуализм, обернулась, в конце концов, диктатурой различных меньшинств: социальных, сексуальных, религиозных, национальных и пр., которые правят бал и определяют правила поведения для всех большинства. Что, в конечном счете, представляется совершенно противоположным, противоречащим самому понятию демократии как “власти народа”, то есть — большинства.

Недалеко ушла от либеральной и консенсусная демократия, требующая полного согласования требований всех общественных групп — классов, сословий, корпораций, этносов... Рекламируя себя как общество социальной гармонии, такая демократия на деле есть недостижимая утопия, чье существование либо нереально, либо эфемерно как минутный компромисс в условиях временного равновесия сил.

На этом фоне национальная демократия представляется меньшим из зол...

И — вновь, для ясности:

«“Национал-демократия”: это демократия, действующая в рамках нации. Подчеркну еще и еще раз: *нация* в данном понимании есть *этнонация* и ничто иное»³.

Идеалом национальной демократии является республиканский Рим до Гая Мария, в котором всей полнотой прав обладали даже не все италики, но именно и только этнические римляне.

Данные цитаты хорошо помогают понять, с чем мы столкнулись в книжечке Храмова, пропагандирующей, увы, именно западную, либеральную интерпретацию национал-демократии.

³ *Севастьянов Александр*. Национал-демократия — не национал-социализм. К истории вопроса // Вопросы национализма. 2010. № 2.

О том, что Храмов, располагающий на свою беду хорошим знанием английского языка, давно попал в ловушку западной методологии в общественных науках и усвоил себе ряд ложных понятий либерального мировоззрения, мне приходилось писать и раньше⁴. Дело в том, что он с юношескою доверчивостью положил в основу своих концептуальных версий теорию конструктивизма — худшее и бездарнейшее порождение западного идеалистического обществознания.

Вот его признания, напоминающие оммаж вассала сеньору: «Именно в свете конструктивистской парадигмы концепция либерального национализма обретает завершенность», «Только в последние десятилетия XX века усилиями Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, Б. Андерсона и других исследователей национализма, разработывавших т.н. “конструктивистскую парадигму”, стало понятно, что нации появились (были “изобретены”) совсем недавно, в начале XIX века» и т.д.

В концептуальной статье «Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма»⁵ Храмов вообще шлет своего рода послание либеральному лагерю: мол, мы одной крови, между нами больше общего, чем различий, наша дивергенция — лишь дело времени. И личным примером подтверждает это, пытаясь сконструировать химеру: либеральный национализм. Не перековывать либералов в националистов, не перетягивать русских интеллектуалов и предпринимателей в свой лагерь, изменяя их мировоззрение, а сочинить некую эклектическую платформу, Ноев ковчег, в котором дружно поплы-

⁴ *Севастьянов Александр*. 1) Расчленители // Наш современник. 2012. № 2; 2) Идолы конструктивизма // Вопросы национализма. 2012. № 10–11.

⁵ См.: Вопросы национализма. 2010. № 2. Данная статья также вошла в рецензируемую книгу (с. 168–200).

вуд чистые и нечистые, русские и ино-родцы, националисты и либералы: вот как ставится им задача.

Сделать это оказалось легко, но... за счет капитуляции по основным парадигмальным составляющим: как националистической, так и демократической. Для этого было достаточно встать на позиции конструктивизма (вместо естественно-исторических) в первом случае и на позиции либеральной демократии (вместо цензовой) во втором. В результате национал-демократический дискурс оказался искажен до неузнаваемости.

В такой позиции я усматриваю дефект отчасти сословный (интеллигенция по своей природе предрасположена к либерально-демократическим ценностям), отчасти поколенческий (молодежь эгоцентрична, необразована и малоосновательна, скоро на выводы и падка на романтику крайностей).

Но есть и еще одно обстоятельство нашего политического контекста, которое заставляет настороженно относиться к позиции Храмова в целом и к выходу его «Катехизиса» в частности. О том и другом можно было бы и промолчать без ущерба для развития националистического дискурса, если бы речь шла только о Храмове и его сочинении. Но за всем этим просматривается довольно скверная тенденция российской политической жизни, характерная для нашего больного времени и чреватая для русского народа большими неприятностями.

Чтобы разъяснить свою позицию, мне придется выйти за рамки обсуждения книги и раскрыть свое понимание либерализма вообще и судьбы либерального проекта в России в частности.

О либерализме

Для многих патриотов и националистов либерализм — это нечто вроде тотальной «бьяки-закаляки кусачей», сиречь Мирowego Зла или Всего Плохого.

Не без оснований. В виртуальном словаре русских синонимов не случайно прочно прописалась пара: «либерал — враг народа». (Нобелевский лауреат Жорес Алферов даже ввел понятие «либеральный фашизм».) Но на самом деле все не так просто, разумеется.

Действительно, что такое либерализм? Достаточно имеется стандартных, мало что объясняющих формулировок, типа: «1. Идеологическое и политическое течение, объединяющее сторонников демократических свобод и свободного предпринимательства. 2. Излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство» (Словарь Ожегова); «Либерализм — идейное и общественно-политическое течение, возникшее в европейских странах в 17–18 вв. и провозгласившее принцип гражданских политических, экономических свобод... В 19 — нач. 20 веков сформировались основные положения Либерализма: Гражданское общество, права и свободы личности, правовое государство, демократические политические институты, свобода частного предпринимательства и торговли»⁶.

Это классические определения, но в наши дни они теряют актуальность, уступая позиции неолиберализму. Неолиберализм также пришел с Запада. Для современных западных политэкономистов это в первую очередь теория, представленная наиболее полно в трудах Фридмана, Хайека, Сороса. По сути, огрубляя, — это доктрина всевластия капитала, который берет на себя функции тотальной регуляции в обществе, а государству отводит лишь роль «ночного сторожа». Так в наши дни пытаются окончить извечный спор «злато» и «булат» — абсолютной победой злата.

Но это лишь внешняя оболочка понятия. Надо смотреть *in media res*, в самое сердце проблемы, надо идти к глубинам, к истокам человеческих мо-

⁶ Новый энциклопедический словарь. М.: БСЭ, 2005.

тиваций. Основы либеральной идеологии: 1) вполне обоснованное убеждение в исходном, природном неравенстве людей, их разделении на «сильных» и «слабых»; 2) необоснованная вера во всемогущество денег, этого «всеобщего эквивалента», мерила всех вещей, в т.ч. труда, гения и подвига. Вера в то, что именно деньги, а не прямое насилие (в котором состоит существенная функция государства), есть наилучший, универсальный регулятор любых человеческих отношений. Отсюда и т.н. «попустительство» — либеральная теория *«laissez faire, laissez passer»*. Мол, не вмешивайтесь в жизнь, пусть все идет как идет, деньги все сами поставят на свое место. Отсюда же и неизменная декларация формального равенства людей в правах, при котором, как легко понять, природное неравенство не будет иметь никаких препятствий для воплощения в неравенстве социальном.

По сути, либерализм — это бунт «сильной» личности против многотысячелетнего монстра — государства со всем его аппаратом принуждения. Плюс нежелание делиться со «слабыми» плодами своих трудов, протест против «уравнительной справедливости», которую, как правило, насильно осуществляет государство. Освобождение от власти, от гнета государства происходит через овладение деньгами, которые в силу своей природы «всеобщего эквивалента» являются эквивалентом и свободы индивида. Либерализм, таким образом, есть мировоззрение по сути своей революционное, порожденное некогда глобальным кризисом феодализма со всеми его институтами, включая Церковь и государство, и торжеством капитализма. Никакой либерализм вне капитализма, с его идеей всевластия денег, невозможен. Характерно мнение, высказанное еще в 1902 г. американским журналом «Либереитор», что «либерализм есть манифест в защиту капитализма, обреченного на вечное преследование».

Либеральное устройство общества, конечно, также несвободно от принуждения, но радикально заменяет его характер: с внеэкономического на экономический. Высвобождая и стимулируя при этом интеллект и творческую энергию.

В этом главная причина того, что либерализм опирается на класс предпринимателей и в значительной мере на интеллигенцию. (Не на всю, конечно, ибо некоторые «сильные» из числа интеллигентов сознательно не хотят овладевать деньгами, по-иному трактуя свободу и/или боясь попасть, в свою очередь, под власть денег.)

Ну, а многие «слабые» просто не считают свободу ценностью вообще. Это не их классовый приоритет. Да и денег — эквивалента свободы — у них нет. А есть и такие, что прямо ненавидят свободу как таковую и подавляют везде и всюду, где могут. Вот почему, кстати, никакой либерализм не мог иметь прочного успеха, пока население развитых стран не сократило радикально число своих крестьян и рабочих и не увеличило до предела возможного сектор интеллигенции (в ФРГ уже в 1990-е гг. — 35%, в США — 40%) и предпринимательства. Ибо именно в этом секторе свобода — традиционная ценность номер один. Здесь, кстати, залог неистребимости либерализма в России, где удельный вес интеллигенции к 1989 г. поднялся до 30%.

Нужно ясно понимать, что не получится идейно разгромить либерализм, если не разбить указанные две мировоззренческие основы: убеждение в изначальном неравенстве людей и веру во всемогущество денег, культ «презренного металла». Но первое невозможно в принципе. А второе на данном этапе, когда попытка поставить под сомнение власть денег рухнула вместе с СССР, а капиталистические отношения утвердились в мире повсеместно, тоже не представляется возможным.

Почему идеалы либерализма близки интеллигенции

Это очень просто. Десятилетиями занимаясь как социолог историей и теорией интеллигенции, я пришел к выводу: «...Третья родовая особенность интеллигенции обнаружена давно. Это ее индивидуализм. Он глубоко обусловлен образом формирования и бытия интеллигенции. Процесс созревания интеллигента (несмотря на то что его обучение происходит поточным методом и в коллективе) глубоко индивидуален, ибо знания, навыки не столько даются, сколько берутся; это процесс творческий, сильно зависящий от личности обучаемого. Интеллигент всегда, таким образом, — продукт штучный. И в дальнейшем условия жизни и труда большей части интеллигенции на каждом шагу акцентируют *личностное начало, которое и осознается ею как высшая ценность*. Отсюда свойственные интеллигенту повышенное чувство личной ответственности, его пристрастие к людям, вещам и поступкам, отмеченным яркой индивидуальностью, его стремление “быть не как все”, нелюбовь к массе и массовому и т.д. <...>

Четвертая особенность интеллигенции видится производной от индивидуализма: обостренная любовь к свободе, тяга к независимости. Эта любовь может быть разных тонов и оттенков — от байроновского романтизма до либерализма, революционного демократизма или анархизма. О внутренней обусловленности свободолюбия интеллигенции ее индивидуализмом прекрасно написал еще Карл Каутский, говоря о том, что оружие интеллигента — “это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы” (перевод В. Ленина). Но полная свобода проявления собствен-

ной личности — это такое требование, исполнение которого очень жестко ограничивается общественными условиями. И осознание этого факта с неизбежностью приводит интеллигентского бунтаря-одиночку к общественной борьбе за демократические свободы: слова, печати, собраний и т.д.»⁷.

И еще, коротко и ясно: «Интеллигенции действительно нужны демократические свободы, это не прихоть бесящегося с жиру барчука, а необходимое условие ее полноценного существования. Такова ее природа. Она хотела и должна была добиваться всеми возможными способами этих свобод так же, как инстинктивно, рефлекторно рвется к глотку воздуха задыхающийся, утопающий»⁸.

Сегодня в России пропаганда либерализма предусмотрительно подкрепляется картинками (очень выборочными) «правильной» жизни на Западе, с ее культом комфорта и личных свобод индивида. Этот образ жизни близок сердцу интеллигента, кажется ему очень привлекательным. Он легко клюет на эту наживку. Приезжая на Запад в качестве гостя или наемного работника (в любом случае — чужака), русский интеллигент не заморачивается местными проблемами, проистекающими от указанного культа: депопуляцией, масскультурой, нравственной деградацией, цветной иммиграцией, уподоблением среднего класса белке в колесе, диктатурой меньшинств, жесточайшей цензурой с позиций политкорректности и т.д. Он легко закрывает глаза на минусы и склонен видеть только плюсы, мечтая перенести европейский опыт (личную свободу и комфорт) на свою родину. Он не думает, не понимает, что минусы переедут туда вместе с плюсами...

⁷ Севастьянов Александр. Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. 1991. № 3.

⁸ <http://www.apn.ru/publications/article26394.htm>

Мировоззрение индивидуалиста — шоры на глазах интеллигента, мешающие ему видеть жизнь как она есть. Главное, чего он не видит, — необходимость ограничения прав личности правами общества: народа, нации. Здесь должен соблюдаться разумный баланс. Но это требование для либеральствующего интеллигента нестерпимо.

Почему нельзя быть одновременно либералом и националистом

Что противостоит в идеологии либерализму, какие идеи?

Это, в первую очередь, коммунизм и социализм, в котором ищут надежду и прибежище «слабые», коих, как известно, абсолютное большинство в любой популяции.

А во вторую очередь — национализм, в силу своего отрицания индивидуализма и понимания необходимости единства «сильных» и «слабых» в общенациональном организме.

Либерализм и национализм в принципе противоположны — истинно, онтологически. Если либерализм выражает идеалы и мотивы индивидуализма, то национализм, как и социализм, выражает идеалы и мотивы холизма (от английского *whole* — целый). Индивидуализм постулирует приоритет личности над обществом и государством, холизм — наоборот, постулирует приоритет общественного (классового либо этнического), а значит и государственного, над личным. При этом социализм имеет в виду классовый аспект холизма, а национализм — этнический.

Проблема очень проста в своей основе и является зримым выражением закона диалектики о единстве и борьбе противоположностей. Которые в данном случае борются в едином существе интеллигента. Чтобы стать истинным националистом, интеллигенту следует отказаться от индивидуализма и поставить себя на службу целому: в

данном случае — своей нации. Все просто. В теории. И с огромным трудом осуществимо на практике, как мы это постоянно видим.

Проникнуться идеей и мироощущением холизма для интеллигента очень нелегко, потому что требует преодоления собственной природы. Но в принципе возможно (примеров достаточно). А главное — совершенно необходимо. Это условие, как говорится, *sine qua non*: то, без чего нельзя. Интеллигент не станет настоящим националистом, если не научится ставить превыше всего судьбу своего народа и своей страны и подчинять собственную жизнь, труд и свободу данным символам. Национализм взывает к служению.

Противоречие, подмеченное выше, постоянно пробивается в нашем лагере русских националистов. И, конечно же, именно среди интеллигентов. То в явлении национал-анархизма (Петр Хомяков, Алексей Широпаев), то в попытках создать национал-либеральную химеру (Александр Храмов), то в общем чрезмерном и опасном перекосе в сторону демократии среди нынешних так называемых национал-демократов. От каковых я, один из основоположников русской национал-демократии, но притом убежденный национал-державник, вынужден решительно отмежеваться, как некогда Маркс от «марксистов».

Баланс между компонентами «национал» и «демократия» в таком эклектичном, на грани оксюморона, понятии — есть феномен из области высшего пилотажа диалектической политологии. Он не терпит поверхностных подходов и не может быть создан методами спекулятивной философии.

Здесь не место подробному рассмотрению указанной проблемы. Достаточно, если читатель поймет простую вещь: быть одновременно националистом — и анархистом, оголтелым демократом или последовательным либе-

ралом нельзя в принципе. Эти позиции не сочетаемы.

Провал либерализма в России

На явления необходимо смотреть философски, т.е. диалектически. Попробуем так поступить и здесь.

Либерализм в России — не результат спокойной эволюции общества от феодализма к капитализму, как в Европе и США, а исключительно острая, революционная психологическая реакция на коммунизм, на советскую власть, на рабоче-крестьянское государство, на КПСС, на КГБ. Бунт «сильных» (и даже не только) против государственной силы — противодействие, рожденное вековым действием государственного принуждения — принял у нас особенно ожесточенный и тотальный характер, что естественно, если учитывать тоталитарный характер советского государства⁹. Перед нами типичный гегелевский антитезис, направленный против тезиса. Поэтому попытка критиковать его, бороться с ним с позиций коммунизма или социализма заведомо несостоятельна: это откат в прошлое, шаг назад.

Но на антитезисе развитие идеи не кончается. Чтобы расстаться с либеральным антитезисом, надо, конечно, не взывать к ушедшему в прошлое социалистическому тезису, а искать синтезис. Не от особой любви к либеральной доктрине, а ради того, чтобы не оттолкнуть важное, значимое меньшинство — русскую интеллигенцию — от проекта Русского национального государства, которому мы посвятили жизнь.

Таким синтезом является национал-капитализм. Иными словами — гос-

парткапитализм, патронирующий, но и контролирующий национальных предпринимателей во имя интересов государства и народа. Действующий с позиций протекционизма и патернализма, но сохраняющий при этом основные права и свободы человека. Необходимо выйти из плоскости социальной парадигмы — в плоскость парадигмы национальной. Потому что иначе проблему солидарности классов не решить. Классовые интересы интегрируются только в национальном интересе.

Конечно, в либеральном подходе для интеллигенции (не говоря уж, само собой, о предпринимателях), особенно советской формации, чья шея еще помнит ярмо тоталитарного государства, есть очень много привлекательного. Когда-то Ленин едко издевался над «свободой» интеллигента... продаваться тому, кто дороже заплатит. И его юмор воспринимался до тех пор, пока мы в СССР не узнали иную «свободу» — свободу отдаваться даром родному государству. Добровольно и с песней, как говорилось тогда. Все познается в сравнении. И пока наша шея помнила это ярмо, вести открытый бой с либерализмом — было неразумно и бесплодно.

Но сегодня ситуация меняется. Огромное большинство интеллигенции — причем именно второго порядка, т.е. обслуживающей духовные потребности самой же интеллигенции — оказалось на мели в царстве чистогана, испытывает нужду и разочарование. И это не фантомные боли в отрезанной «социалистической» ноге, а результат вполне объективного сравнения нынешнего положения, скажем, профессуры или писательского корпуса с положением при советской власти. Да, правдолюбцам и правдоискателям диссидентского склада было хреново в СССР, но их-то было ведь меньшинство! Можно не обращать внимания на ностальгирующих ветеранов культурного фронта, но достаточно прочесть, к примеру, совершенно документаль-

⁹ В конечном счете, если учесть, что наш социализм был на деле социал-феодализмом, можно сказать, что и у нас имел место переход от феодализма к капитализму, породивший либеральное мировоззрение. Только он имел взрывной, революционный характер в силу скоротечности этого перехода.

ную книгу Валентины Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930-1950-е гг.», чтобы ощутить гигантскую пропасть между нашим временем и той эпохой, когда государство по-настоящему заботилось о своем интеллектуальном резерве.

Но самое главное: перспектива коренных перемен в условиях жизни как интеллигенции, так и абсолютно большинства русского населения даже не просматривается. И причина этого, как совершенно верно отмечают наши либералы (например, прозорливый Игорь Юргенс), заключается в самом русском населении, которое и не собирается переделывать свою ментальность, менять образ мысли и деятельности. За двадцать постперестроечных лет в корне изменилась вся наша жизнь, ее основы и принципы обустройства, а вот лестница приоритетов у нашего народа осталась практически неизменной. Об этом свидетельствуют социологические опросы. «Например, на вопрос: “Какое у вас самое заветное желание?” — 23% россиян пожелали “жить в гармонии с собой и окружающим миром”, “обрести настоящее счастье” (11%), “найти счастье в браке”, “избавиться от неуверенности”. Порой они желают “улучшить свое материальное положение”, очень редко — “открыть свое дело” или “совершить выгодную сделку” (1%)»¹⁰. Мечтательный и непрактичный характер русского человека четко виден из этих цифр: непонятно, как можно улучшить свое положение, если не заниматься предпринимательством? Только на чудо, на щучье веленье надеяться... Или, что привычнее, а главное, органичнее для нас, — на государство.

Когда мы сетуем на слабость и незрелость на данном этапе русского национального капитала, на непропорцио-

нально большое количество нерусских бизнесменов, следует вспомнить приведенные данные. Русский человек вполне способен развивать предпринимательскую деятельность (примеров много), но в массе не желает этого делать. Государственный патернализм для русских — не просто образ мысли, но фундаментальная основа мировоззрения: если наше государство о нас не заботится — на черта оно вообще нужно?!

Понятно, что при таком раскладе, когда 99% населения внутренне не стремится ни открыть свое дело, ни совершать выгодные сделки, шансов обрести деньги, а с ними свободу от государства, у этих людей нет. Что им, в таком случае, либеральная пропаганда? Колебание воздуха, не более.

Понятно, что либеральный проект с неизбежностью должен был провалиться — и таки провалился в России. В ходе политических баталий, растянувшихся на всю предвыборную, выборную и поствыборную кампанию 2011–2012 гг., выяснилось, что либерально настроенная публика составляет чуть более 7% населения (ее совокупное количество выражает цифра проголосовавших за Михаила Прохорова, консолидировавшего, за выбытием из игры Явлинского, голоса данного контингента). В то время как публика патриотического толка, категорически не принимающая либерального курса и готовая предпочесть ему что угодно и кого угодно (совокупный электорат Путина, Зюганова, Жириновского и Миронова), представляет свыше 90%.

Задолго до выборов свой провал отметили, скрепя сердце, наиболее умные, дальновидные либералы. И вот в учебнике с характерным названием «Национализм», выпущенном Высшей школой экономики, опорным для либералов вузом, ими написано совершенно определенно, черным по белому: «“Русский национальный проект” в его современной форме является антитезисом провалившегося “либерального

¹⁰ Цитата из кн.: *Сергеева А.В.* Какие мы, русские? (100 вопросов — 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. М.: Изд-во ЗАО «Русский язык», 2010.

проекта»¹¹. Авторы приводят с десятков аргументов, из которых неопровержимо следует, что именно национализм в наши дни сделался главным и основным, «фронтальным» оппонентом либерализма. Но аргументов насчет либерального провала они не приводят вообще, за его самоочевидностью.

Удивляться тут нечему. В сущности, что по-настоящему отвратительно в т.н. либерализме? То же, что и в т.н. коммунизме: классовый эгоизм. В первом случае — высших, во втором — низших слоев общества. «Сильных» и «слабых». Люди это чувствуют.

Но ведь и тот, и другой эгоизм диалектически «снимается» в национализме!

Сделаем неизбежный вывод: в России следует ждать установления режима, отражающего националистические ценности и установки, притом с социалистическим надцветом. Не напрямую социалистическим (частный бизнес уже никуда не денется, национализации большинства средств производства не будет), но, скорее всего, именно патерналистским и протекционистским. В лучших русских традициях.

«Не можешь удушить — возглавь!»

Все мы знаем этот классический принцип, изложенный еще в «Катехизисе еврея в СССР». Поэтому не приходится удивляться, что уже давно в либеральных кругах (преимущественно еврейских) не прекращаются попытки поженить либерализм с национализмом. По мере усиления позиций национализма такие попытки растут.

Вначале активнее других этим занимался директор Института национальной стратегии Станислав Белковский и аффилированные с ним структуры и люди. С этой целью им была инспирирована 8 июня 2008 года конференция «Новый политический национализм»,

на которой состоялся альянс ряда русских организаций (ДПНИ, «Великая Россия», РОД) с набравшим известность Алексеем Навальным, только-только еще выскочившим из «Яблока», но имевшим репутацию либерала. Комментируя то событие четыре года назад, газета «Коммерсантъ» писала: «Главное, что удалось договориться с Навальным, который возглавил кампанию против экстремистов, добился, что лозунги типа “Россия для русских” сняты, развернул дискуссию, в частности, о цивилизованном обращении с мигрантами»¹². А сам Белковский откомментировал коалицию так: «Предмет этого собрания состоял в первую очередь в поиске идеологического синтеза, то есть соединения социальных, националистических и либеральных идей. Два года назад я назвал это национал-оранжизмом. Именно этот синтез обеспечил успех оранжевой революции на Украине в 2004 году, а в 2003-м — приход Михаила Саакашвили к власти в Грузии»¹³.

Мероприятие оказалось с дальним прицелом: посеянные тогда всходы весьма густо взошли на Болоте имени Сахарова. Успех?..

Помимо Белковского той же проблемой — синтеза национализма и либерализма — озабочены и иные инстанции, к примеру, упомянутая Высшая школа экономики и ее шеф, бывший учитель Егора Гайдара и министр в его правительстве Евгений Ясин. Тот самый учебник Сидориной и Полянникова «Национализм. Теории и политическая практика», подготовленный для ВШЭ, в значительной мере посвящен решению данной задачи¹⁴.

Далее. Как стало известно, именно

¹² <http://www.warweb.ru/GetMaterial.asp?Page=716062008>

¹³ <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.137628.html>

¹⁴ Подробнее см.: *Севастьянов Александр*. Учиться, учиться и учиться... национализму // Вопросы национализма. 2010. № 4.

¹¹ *Сидорина Т.Ю., Полянников Т.А.* Национализм. Теории и политическая практика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 342.

фонд «Либеральная миссия» проводит исследование «Национальная политика: либеральный проект» под руководством Эмиля Абрамовича Паина, долгое время бывшего советником по национальной политике у Ельцина. Первый семинар в рамках проекта был посвящен... проблеме русских в России, истории и перспективам государственной национальной политики в отношении этнического большинства нашей страны. Эти вопросы обсуждали участники проекта Игорь Кузнецов, Владимир Мукомель, Эмиль Паин, а также их единомышленники и оппоненты Лев Гудков, Надежда Лебедева, Валерий Расторгуев. Вел обсуждение Евгений Ясин.

Как видим, проблемой синтеза либерализма и национализма давно и всерьез занялись наиболее острые, продвинутые умы противника. Налицо их общая нешуточная озабоченность и общее направление усилий. Удержать власть над Россией с помощью компромисса и/или альянса с националистами, чьего неизбежного возвышения они не без оснований опасаются, — вот их сверхзадача.

Для этого необходимо перехватить инициативу в национальной политике.

Неудивительно, что наиболее авторитетная и открыто политичная попытка сосватать националистов с либералами (точнее, сторговаться с националистами) была недавно осуществлена сидящим в колонии олигархом Михаилом Ходорковским, который через «Новую газету» выступил с открытой лекцией «Между империей и национальным государством. Национализм и социальный либерализм»¹⁵. Сиделец, признанный политический лидер либерального лагеря, методично раскладывает, однако, свои яйца по всем основным корзинам (недавно вот проникновенно написал о социализме, как будто меня начитался). Засевает все поле

квадратно-гнездовым методом. Чтобы к своему выходу на сцену обеспечить себе поддержку у основных политических сил. Очень неглупая тактика. Цель, конечно же, — президентская власть. С тюремных нар — на царский трон: нет лозунга и жребия популярнее в нашей бунташной стране!

Есть смысл остановиться подробнее на его проекте той самой доктрины либерального национализма или национального либерализма, созданием которой вынужденно озабочен сегодня весь лагерь либералов.

Брачный контракт Ходорковского для русских националистов

Основной пафос статьи Ходорковского — в формулировании условий, на которых русским националистам предлагается мир и сотрудничество.

Первым же абзацем Ходорковский делает сильный ход, бросая русским националистам самую вкусную, «сахарную» кость: «Суть переживаемого Россией исторического момента состоит в том, что империя как государственная форма себя полностью исчерпала, а национальное государство, которое должно было бы ей наследовать, так и не появилось на свет. Русское государство застряло на историческом полустанке, затерявшемся между империей и национальным государством, и не только не продвигается вперед, но порою даже начинает двигаться вспять». Тем самым зек-олигарх дает нам понять, что принимает неизбежность возникновения Русского национального государства. То есть апробирует главный пункт повестки дня русского национализма. Лучшего пролога к предложению о сотрудничестве с нами он не мог бы придумать.

И такое предложение следует незамедлительно: «Одной из причин, по которой “наш бронепоезд” так долго стоит на запасном пути истории, является идеологическое недоразумение,

¹⁵ <http://www.novayagazeta.ru/politics/53088.html>

вследствие которого русский либерализм не приемлет национализма, а национализм отрицает либерализм как одно из своих оснований... Все это заставляет меня пристальнее посмотреть на соотношение либерализма и национализма, дабы попытаться изжить многие свойственные как русским либералам, так и русским националистам предрассудки».

Итак, для того чтобы Россия двинулась вперед, главным действующим лицам современной российской истории, сиречь либерализму и национализму, надо перестать третировать друг друга и заключить союз. Вот очевидный смысл сказанного.

Следующий шаг, логически оправданный, — манифестация доктрины «либерального национализма». И тут главной приманкой для нас должны послужить уверения: «Либеральный национализм признает за каждой нацией право на построение собственной демократической государственности». А чтобы успокоить тех своих адептов, которым заключать такой союз кажется неприличным, он уговаривает: «В конце концов, либералы исторически поддерживали право нации на самоопределение, вплоть до создания собственного государства, и нет никаких оснований отказывать в этом праве русскому народу».

Ну, а далее следует главное: условия соглашения между ними и нами. Ходорковский, как и следует крупному дельцу, продвигающему выгодный контракт, сразу берет быка за рога. «Какие варианты могут предложить либералы русскому народу?» — задается он деловым вопросом. И перечисляет:

1) единая и неделимая Россия в нынешних границах («дальнейшее деление страны с целью защиты прав русского народа и отбрасывание “национальных окраин”, как это сделали в 1991 году, по всей видимости, не является выходом из положения»);

2) федеративное устройство России

(«странным было бы учреждение самостоятельного русского государства внутри современной России. Это стало бы шагом назад к архаичной имперской структуре во времена, когда империи стали пережитком прошлого»);

3) решение национальных проблем и противоречий через «консенсусную демократию», предусмотренную «нашей Конституцией» («я вижу решение национального вопроса через развитие демократии и максимальное использование тех возможностей, которые она предоставляет для разрешения подобного рода коллизий. В Конституции заложены латентные механизмы, способные снимать накапливающиеся противоречия между положением титульной нации и национальными меньшинствами»);

4) «расширить полномочия Государственной думы, состав которой по определению опосредованно отражает основные пропорции социального и национального состава избирателей. В этом случае именно Государственная дума являлась бы органом, выражающим государственное единство русского народа и действующим с учетом мнения представителей остальных народов, входящих в состав России. Конечно, регламент такой Государственной думы должен быть скорректирован таким образом, чтобы учет мнения меньшинства стал обязательным... С практической точки зрения положение, когда парламент лишен большей части властных полномочий, — это не только фактическое умаление демократии. Это и есть ограничение русской национальной государственности в пользу наднациональной, авторитарной бюрократии, сформировавшей исполнительную вертикаль»;

5) «Одновременно Совет Федерации, создаваемый на базе регионального представительства, стал бы тем, чем он изначально должен был быть, — органом обеспечения равенства всех наций в составе федерального государства, который призван

сбалансировать естественное неравенство, создаваемое пропорциональным представительством в нижней палате парламента»;

б) «Федеральное правительство в такой ситуации наконец стало бы, как это принято в мире, финансово подконтрольным парламенту, обеспечивающим исполнение найденных в парламенте компромиссных решений, в том числе в области национальной, экономической и социальной политики».

Вот таким видится Ходорковскому макет будущего Русского национального государства. Ничего общего, кроме усиления роли парламента, с идеей такого государства этот макет не имеет (сужу об этом, как руководитель авторского коллектива юристов, создавшего еще в 1998 г. проект Конституции России именно как русского государства). А во многом еще и противостоит ему. Ни неизбежность нынешних несправедливых границ; ни федеративное, вместо унитарного, устройство; ни излишняя в национальном государстве верхняя палата парламента, позволяющая национальным меньшинствам контролировать русское большинство, нам ни к чему. Минуя подробности, скажу о главном.

Истинную сущность своего макета «русского государства» Ходорковский выразил так: «Разрешение национального вопроса в России в стратегической, глобальной перспективе возможно только в рамках построения по-настоящему демократического, то есть истинно национального государства, в котором реально работающая система разделения властей позволяет гибко защищать интересы русской нации, не ущемляя прав других национальностей» (курсив мой. — А.С.).

Не будем обольщаться риторикой. Как мы знаем, «национальным государством» (nation-state) либералы признают даже США, с их диктатурой меньшинств всех сортов под маской «настоящей демократии». Так что тут нам обманываться не приходится.

«Русское государство» Ходорковского на деле будет обычным «государством для всех» по американскому образцу, где на месте нации (русской в нашем случае) утвердится простое согражданство, а хозяином дома станет олигархический интернационал.

Запрягая телегу демократии впереди лошади национализма, Ходорковский выдает себя с головой. Становится понятным его недовольство тем, что «в либеральной среде» бытует «ощущение моральной неприемлемости взаимодействия с людьми, придерживающимися национально-демократических взглядов». Ведь на горбу именно этих доверчивых людей — русских НД — он рассчитывает въехать в рай своей мечты.

Что будет потом — гадать не надо. Ведь в том же тексте есть и конкретика.

Острый крючок под аппетитной наживкой

Вначале открою секрет. Главная причина, почему Ходорковский готов согласиться на русское национальное государство, состоит в его тайной убежденности в том, что никаких русских на самом деле нет. Как нет и наций вообще. Да и национальность человека — всего лишь вопрос его субъективного выбора. Вот цитаты, говорящие за себя:

1. «Надо прежде всего разобраться, что мы понимаем под “нацией”. Одни рассматривают нацию прежде всего как культурную общность... Другие, напротив, полагают более значимой политическую или гражданскую общность вне зависимости от этнической и культурной принадлежности. В их представлении нация — общность “граждан”, то есть своего рода политическое объединение. Очевидно, что истина находится где-то посередине... Нация есть социальная общность, основанная на единстве как культурных, так и политических ценностей».

Предлагая нам ложный выбор меж-

ду «культурной» и «политической» общностью, Ходорковский только запутывает все дело. Понятно, что его «безнациональная нация» — это типичное «воображаемое сообщество», чье единство скреплено не чем-либо реальным, а лишь фантомами индивидуального сознания. Оно ничего общего не имеет с настоящей нацией, то есть с этнонацией.

2. «Говоря о русских, переживших многовековое иноземное нашествие, гражданскую и две мировые войны, в ходе которых целые народы перемещались по континенту, рассуждать об “этнической чистоте” было бы совсем неуместно». Типичная для полукровки мысль, расхожий, излюбленный, но фальшивый козырь еврейской пропаганды.

3. «В целом, по мнению либералов, люди выбирают свою национальную принадлежность пусть и не всегда самостоятельно (чаще это делают их родители). Но тем не менее это именно выбор, который может быть изменен по воле человека». Еще одна типичная для полукровки мысль, абсурдная в своей основе («мы то, что сами о себе думаем»).

Исходя из этих установок, Ходорковский формирует свое предложение нам, русским националистам — наживку, на которую мы должны клюнуть, как он считает. Однако мы именно этого-то делать и не должны, и вот почему.

Во-первых. В этом государстве, русском только по имени, у русских не будет никаких преимуществ. Не будет их и у других коренных народов России вообще. Пресловутые права человека получают верх над правами гражданина: «При внимательном рассмотрении важнейшими, системообразующими элементами современного либерального национализма оказываются приоритет прав личности, отраженный в доктрине прав человека, вера в равноценность людей, независимо от их расы, вероисповедания, социально-

го статуса и национальности, то есть сугубо либеральные ценности. Отсюда логически следует признание равенства наций (!) и отказ от этнической доктрины (!), когда принадлежность к нации определяется по признаку крови».

Во-вторых. Это будет государство мультикультурное, по типу современной Франции, Голландии, США и т.д.: «В связи с либеральным национализмом необходимо упомянуть и о поликультурализме (мультикультурализме) — интеллектуальном движении, возникшем во второй половине XX века и призывающем к сохранению, развитию мультикультурности существующих государств, к уважению культурных особенностей составляющих их народов. Либерализм признает этот подход (!) в силу собственной позиции о праве выбора человеком своей культурной идентичности».

В-третьих. Это будет государство, окружающее иммигрантов самой трогательной заботой и покровительством, идеальное для них. Необходимость чего чисто популистски объясняется стремлением насолить чиновникам: «Реальные успехи в привлечении (!) образованных иммигрантов, в повышении образовательного и культурного уровня вновь прибывших (!), в предоставлении им возможностей для интеграции в российское общество (!) лишили бы бюрократию и сотрудничающий с ней бизнес рабского трудового резервуара, ликвидировали бы удобный громоотвод для общественного недовольства».

Каким лицемерием на фоне этой заботы отдает следующий пассаж: «На протяжении многих лет, несмотря на все красивые лозунги о модернизации, власть последовательно выпихивает из страны активных, образованных молодых людей, создает неприемлемую среду для возвращения тех, кто получил хорошее образование за границей и желал бы жить и работать в России». Вопрос на засыпку: остановит или

подстегнет бегство русской интеллигенции за рубеж «привлечение образованных иммигрантов» и усиление их «интеграции в российское общество»?! Ясно, что если это и впрямь будет так, то и последние русские побегут из опаскудевшей России, окончательно предоставив ее на съедение инородцам. А Россия наконец-то превратится в желанный для либералов аналог США, где проживает «нация иммигрантов» (Джон Кеннеди).

Впрочем, для ходорковских понятие «инородец», как известно, не существует. Ведь их незыблемый, «базовый» постулат прост: «Фактическое, а не декларативное равенство прав людей, легально остающихся в России и желающих интегрироваться в нашу культурную среду». Итак, да здравствует Россия — Новый Вавилон!

В-четвертых. Это будет государство не только федеративное (что само по себе противоестественно для русских, самоопределившихся на всем пространстве России), но и максимально децентрализованное: «Конституция, закрепив федеративное устройство, тем самым закрепила за субъектами Федерации право самим определять свою судьбу. В основании бюджетной пирамиды должны лежать полноценные бюджеты субъектов Федерации и производный от них федеральный бюджет».

Делец и либерал Ходорковский знает, что говорит: свобода имеет денежный эквивалент. Предоставить регионам самим формировать свой бюджет — и федерация неизбежно, быстро и необратимо превратится в конфедерацию, а там и распадется на куски. Мы уже проходили это на опыте СССР.

В-пятых. Залогом именно такого развития событий являются строки, как будто списанные Ходорковским у Алексея Широпаева, известного национал-анархиста, мечтающего об уничтожении всякой центральной власти в России: «Таким образом, федеральная исполнительная власть вы-

ступает в качестве оккупационного режима — собирая не налоги, а дань, то есть не неся никакой ответственности перед своими “подданными”».

Послушать этих господ, так русский народ вообще всю свою историю пребывает под оккупацией собственной власти, и лучше бы ему ее никогда не иметь. А коль скоро она все же существует, то надо поскорей от нее избавиться.

И вот все ЭТО нам предлагается принимать за Русское национальное государство? Даже не смешно...

Но нужно ли нам такое «русское государство» а-ля Ходорковский? Приемлемы ли такие условия компромисса, которые предлагает он нам? Я думаю, нет.

Либеральный коридор для нас слишком узок

Ходорковский, как уже сказано, не первый из либералов, кто озаботился проектом либерального национализма. Анализируя знаковую книгу — учебник по теории и практике национализма, выпущенный ВШЭ, я писал:

«Проверкой нас на верность национал-демократическим принципам авторы не ограничиваются и далее подробно перечисляют условия своей почетной капитуляции. Для этого победоносные националисты должны соответствовать шести критериям (по Л.М. Дробижевой):

“О либеральном национализме можно говорить, если:

— государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);

— устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность вла-

сти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

— обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

— допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, свобода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

— наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

— обеспечивается свободное право личности на выбор национальности”.

На основании данного перечня критериев авторы учебника делают свой вклад в создание идеала “национализма в хорошем смысле слова” (В. Путин). Фиксируя дрейф интеллектуального мейнстрима России в националистический сектор, они сами спешат в него встроиться: “Либеральный национализм видится если и не доминирующей (к сожалению) формой современного национализма, то наиболее актуальной и перспективной”. Ну, это пока не факт.

Как теоретик и политик-инсайдер русского национализма я сразу и совершенно уверенно могу сказать, что из названных шести критериев мы практически полностью соответствуем всем, кроме первого и последнего (с небольшой оговоркой: меньшинствам, конечно же, гарантируются права, но только общие, а не какие-то особые, и именно по соображениям демократии).

Но точно так же твердо и уверенно я гарантирую, что у русских националистов никогда не повернется язык ни декларировать русскую национальную

государственность от имени всех людей, проживающих в России (т.е. попросту всего населения), ни признать, а тем более обеспечить свободное право личности на выбор национальности. Но, конечно же, не по причине нашей измены демократическим идеалам, а по причине нашей верности здравому смыслу и нежелания выглядеть полными идиотами и пропагандистами злостного абсурда¹⁶.

Принятие националистами любой национальности двух отринутых мною выше условий означало бы не только добровольное признание абсурдистской логики, но и полное выхолащивание национализма как такового, манифестацию национализма без национализма. После чего рассчитывать на собственный сложившийся и распропагандированный электорат уже не придется: не поверит.

От русских националистов такого ждать не следует. Если из-за этого нас не удостоят сертификата истинных (читай: либеральных) националистов — что ж, придется пережить. Доверие русского народа важнее. Но не лучше ли либералам взяться за ум и снять заведомо невыполнимые требования с повестки дня?».

Опубликование лекции Ходорковского ясно показало, что либералы и рады бы взяться за ум, да не могут перешагнуть через себя. А значит, наш «брак по расчету» никогда не сможет состояться.

Добавить к этому и сегодня было бы нечего. Если бы в лагере националистов не появился сикофант от либера-

¹⁶ Не перегружая справочный аппарат статьи обширными ссылками на материалы многих дискуссий на тему, чем и как определяется национальность человека, замечу лишь одно: мы, разумеется, за свободный, но документально обоснованный выбор личностью своей национальности. К примеру, сын татарки и башкира волен записаться как в татары, так и в башкиры, но, уж конечно, не в эфиопы, китайцы или русские.

лизма — Александр Храмов со своим симулякром «национал-демократии».

Капитуляция до схватки

Когда в волчьем поединке один из бойцов чувствует свою несостоятельность, он падает на спину, лапы вверх, и подставляет противнику яремную вену — свою смертельно уязвимую точку. Признавая тем самым его властелином своей жизни и смерти. Победитель никогда не кусает лежащего в такой позе врага, разве что великодушно побрызгает на него.

Об этом наблюдении этологов мне напомнила книжка Храмова, представляющая собой фронтальную капитуляцию по всем пунктам перед либеральным дискурсом, причем предварительную, даже еще до начала схватки. Капитуляцию националиста, которого после этого националистом называть язык уже не поворачивается.

Применительно к брачной ситуации (законная метафора сватовства либералов к националистам) можно бы сказать и о невесте, которая, не дожидаясь уплаты обещанного щедрого калыма и собственно свадьбы, дала женишку задарма. После чего уж на калым рассчитывать было бы как-то странно...

В чем же я вижу капитулянтство Храмова?

Когда Храмов еще только подготовил брошюру в виде катехизиса¹⁷ с многообещающим и ответственным подзаголовком: «Русская национал-демократия в вопросах и ответах», третьи лица переслали мне ее в электронном виде на отзыв, я прочел и отреагировал статьей «Расчленители. Федеративное беснование под маской

национал-демократии»¹⁸. Поскольку основной акцент и основную опасность брошюры я увидел в пропаганде ультрафедерализма, через которую отчетливо просматривается цель — развал России. Тех, кому может быть интересна критика данной цели и данной брошюры, я отсылаю к указанной статье. Здесь же остановлюсь на главных моментах, позволяющих подтвердить основную характеристику: начав свою политическую карьеру с роли троянского коня национализма в лагере либералов, нынешние «национал-демократы» в лице Храмова докатились до роли троянского коня либерализма в лагере националистов.

Все начинается с открытого признания либеральных приоритетов: «хочется западной свободы и европейского комфорта». Храмов сетует, что в России правят бал не те либералы («с начала 1990-х сложилась нездоровая ситуация: монополию на либерализм присвоили себе люди, которые подчеркнуто дистанцируются от русского большинства») и уверяет, что «мы либеральнее патентованных “либералов”». Что немедленно и доказывает, почти слово в слово повторяя программу оных в отношении нации, национализма, России и русских. А именно:

— нация есть согражданство: «быть гражданином национального государства — это значит быть членом нации» (почему в таком случае государство именуется национальным — уму непостижимо). Интересно, что Храмов цитирует Иммануила Канта, предлагающего рассматривать «соединенную коллективность народа» именно «в качестве племени», но при этом он не в состоянии оценить простую и глубокую мысль немецкого философа и пишет все поперек нее;

— «национальное государство не делает различий между своими гражданами, в том числе по этническому

¹⁷ Остается загадкой, на каком основании Храмов, признаваясь, что «данный текст не претендует на то, чтобы быть консолидированной программой национал-демократического направления», позволил себе при этом избрать жанр катехизиса, предполагающий изложение некоего канона.

¹⁸ Опубликована в «Нашем современнике» (2012. № 2).

признаку» (какое же оно после этого национальное?). В пример и образец, конечно же, приводится излюбленный казус конструктивистов — Франция: «быть гражданином Франции — значит быть французом, даже если твои предки жили в Венгрии, как у нынешнего президента Николя Саркози» (возведение венгерского еврея в ранг француза показательно). Тут Храмов немедленно впадает в противоречие, поскольку пытается одновременно ставить в пример Израиль (жестко этнократическая страна, в которой даже присягу приносят именно *еврейскому*, а не какому другому государству). Но эти две страны столь же разительно, принципиально отличаются друг от друга, как отличаются «гражданская нация» и нация этническая. Начитавшийся конструктивистов Храмов этого различия не видит в упор... Впрочем, поскольку льстить Израилю и евреям есть хороший тон у либералов, он, конечно, не мог избежать искушения;

— «все граждане Румынии рассматриваются как румыны, а Италии — как итальянцы» (мало того, что это неправда, но по данной логике и нам следует алеутов, тофаларов, адыгов и тутти фрутти записать в русские);

— «современная нация строится вокруг литературного языка, индивидуального самосознания, капиталистических отношений и народного представительства» (полное смысловое совпадение с Ходорковским. Исключение общности происхождения у того и другого симптоматично. То же, кстати, было и в сталинской формуле нации);

— «нации-государства Европы справляются с миграционным потоком именно в силу устойчивых национальных ценностей. Голландия как государство сделает все, чтобы сохранить свой голландский характер. Переезжая в Голландию, надо стать голландцем» (то-то там уже действует мусульманская полиция, охраняющая своих, мусульман, от «произвола» голландской полиции! Не знаю, чего в утверждении

Храмова больше: простодушной наивности, невежества или самообмана);

— «управлять территориями от Калининграда до Владивостока из единого центра — это утопия» (Храмов никак не объясняет свой тезис, просто ссылается на опыт Австралии и Канады, которые якобы «сопоставимы с Россией по расстояниям»; о том, что они не сопоставимы ни по количеству и качеству населения, ни по принципам экономики и политики, ни по истории, менталитету и традициям, он умалчивает. Как и о том, что в течение семидесяти советских лет управляемость всего огромного СССР была на порядки выше, чем в любой другой стране мира, а мобилизационные возможности нашей страны были вне всяких сравнений по любым критериям);

— «унитарное государство годится для Эстонии или Чехии, но не для таких крупных пространств» (пусть бы юное дарование рассказало это нынешним весьма централизованным китайцам¹⁹, сравнение с которыми для нас куда актуальнее, нежели с Австралией и Канадой);

— Храмов ратует за «региональную автономию в исполнительной, законодательной и экономической сферах»; «русские федеральные земли должны получить свободу законотворческой деятельности»; «там, где деньги зарабатываются, они должны и тратиться»;

— дальнейшие рассуждения типа «на то, чтобы компенсировать созданный ею же самый дефицит, Москва по своему усмотрению выделяет регионам средства, собранные с них же» — кажутся дословно списанными у Хо-

¹⁹ Слепота Храмова видна хотя бы из того, что он по старой памяти зачисляет Китай — в некий «третий мир» (каким он был в 1960-е), не видя в упор, что эта великая страна давно уже рассталась с временно отсталым прошлым и уверенно пошла на обгон лидера «первого мира». В сегодняшних реалиях к бывшему «третьему миру» куда ближе Россия.

дорковского, однако брошюра вышла раньше, чем статья, и можно было бы заподозрить обратное, если не знать, что подобные формулировки есть общее место у всех либералов;

— «федерализм позволит преодолеть конфликты и сплотить нацию» (хороша сплоченность, если в каждой земле будут свои законы, свои бюджеты, свой образ правления!);

— закономерный итог: «русская национально-демократическая революция сокрушит грабительскую российскую вертикаль власти. Русское национальное государство будет строиться как федерация русских земель, связанных отношениями партнерства, равноправия и справедливости». Совершенно не случайно в недавнем докладе Института современного развития (ИНСОР — флагман системного либерализма; формальный руководитель Игорь Юргенс, фактический Евгений Гонтмахер) сделан упор именно на федерализм и необходимость возрастания самостоятельности регионов — проще говоря, раздробление РФ на отдельные уделы. Они смотрят на вещи одними глазами.

Резюме Храмова вполне последовательно: «Россия не для русских, да она им особенно и не нужна. Просто дайте русским — как их дали всем остальным народам России — собственные национально-территориальные образования, за которыми будет закреплен их русский национальный статус». Такой вот умственный итог нашей тысячелетней истории!

Подробно и обстоятельно данная утопия, которая при попытке воплотить ее в жизнь неминуемо приведет к распаду нашей Родины, исследуется в упомянутой статье «Расчленители» (можно найти и на моем сайте www.sevastianov.ru). Здесь же я хочу лишь подчеркнуть полное совпадение позиции Храмова с доктриной либерализма в ее всемирном (читай: западном) варианте.

«Весь так называемый золотой мил-

лиард живет в странах с либерально-демократическим строем», — уговаривает нас Храмов на признание благотворности либеральных идей и западного образа жизни. «Альтернативой постепенному скатыванию Российской Федерации в категорию стран третьего мира может стать только создание на его территориях русского государства европейского образца».

Если бы автор книги почаще и подольше бывал в этих странах, то вместо слова «живет» он поставил бы: «вымирает с комфортом». Это не только мое личное, выношенное во многих пребываниях в европейских столицах, мнение; это, прежде всего, всесторонне аргументированная позиция таких высококомпетентных инсайдеров, как Патрик Бьюкенен, Дэвид Дюк, Гийом Фай и др. Но у Храмова, как мы знаем, пока что другие авторитеты: Эрнст Геллнер, Эрик Хобсбаум, Бенедикт Андерсон, Дэвид Роули... Храмов уповает на достижения «европейских правых» в последние годы, но это лишь припарки мертвому, дело уже зашло слишком далеко.

В храмовском проявлении «низкопоклонства перед Западом» (шутка с большой долей правды) — истинное исповедание либеральной веры. Интересно сравнить эталонное откровение Ксюши Собчак «Новой газете»: «Мое главное политическое требование очень простое: я хочу жить в цивилизованном, правовом, европейском государстве»²⁰. В устах либерально-гламурной иконки это звучит особо убедительно!

Может быть, перед нами просто врожденная слепота детей, выросших после 1991 года и не помнящих такую мировую сверхдержаву как Советский Союз, выстроенную на антизападных, «антиевропейских» принципах? Да, эта держава рухнула под гнетом своих же противоречий, но не потому, что отрицала западный путь, а

²⁰ Новая газета. 2012. №69.

потому, что отрицала его недостаточно последовательно, клюнула на дешевую наживку (ту же самую, кстати, на какую клюет и Храмов с присными), пошла на необдуманный компромисс с либерально-демократическими принципами...

Едва ли не главный ключ к заблуждениям Храмова в его словах: «Мы, русские, такой же европейский народ, как и все остальные. Мы не больше отличаемся от поляков и французов, чем они отличаются друг от друга». Но достаточно просто поставить рядом Нотр-Дам де Пари и киевский (новгородский) собор Святой Софии или храм Василия Блаженного, чтобы нелепость данной максимы стала очевидна даже идиоту. Не зная ни русской истории, ни русской культуры, ослепленный идеалом «красивой жизни на Западе», Храмов мечтает о переделке «мышей в ежиков», русских в европейцев. А в сущности, о смертельно опасной операции — пересадке сердца нашей нации. Не дай бог...

Я не стану тут распространяться о других идейных провалах и недостатках храмовской брошюры (таких, к примеру, как воспевание исторически несостоятельного опыта Новгородской республики, оправдание и одобрение сепаратистских настроений в русской Сибири, отрицание российской государственности во всех ее ипостасях и приписывание ей тотально антирусского характера — типичный национал-анархизм хомяковско-широпаевского толка, и т.п.). Все вместе они рисуют нам знакомое отрицание государственности во имя этничности (на деле, как мы видели, псевдо-этничности), недаром Храмов вырос из Национально-Демократического альянса Алексея Широпаева. «Анархическая русофобия»: вот краткая суть этого учения. Которое вполне органично и естественно сплавляется с либерализмом в единый сплав.

Ряд мыслей, прямо взятых у автора этих строк (без всяких ссылок, разуме-

ется, как это принято у продвинутой молодежи), выполняет в брошюре роль прикрас, но не спасает положения. Повапленный (раскрашенный) гроб — все гроб.

О национально-либеральном альянсе

Итак, мы видим: попытки создать синтез национализма и либерализма идут и от либералов, и от националистов. Процесс явно двусторонний. Есть ли у них сегодня шанс на свою «встречу на Эльбе»? На компромисс, устраивающий обе стороны? Нет, пока я так не думаю.

Напомню читателю вновь, что, выпуская в свет свои книги «Национал-капитализм» (1995) и «Национал-демократия» (1996), я в свое время предпринял самую первую попытку запустить троянского коня национализма в лагерь русской интеллигенции — лагерь стихийных либералов и демократов. Поэтому не могу сказать, что идея национально-либерального альянса для меня так уж чужда и неприемлема. Но есть крайне принципиальные отличия моей позиции от того, что мы наблюдаем сегодня в лагере так называемой русской национал-демократии.

Чем плоха, на мой взгляд, теория Александра Храмова? Чем плоха практика Белова, Крылова, Соловья? Тем, что их позиция на торгах с либералами представляется мне капитулянтской, во-первых. Тем, что они неправильно определились с субъектом торгов, во-вторых. А именно.

Капитулянтство выражается в принятии либеральной, т.е. конструктивистской, трактовки наций и национализма. А также в закоренелой ненависти к нашему государству, в которой совместились традиции западного либерализма и русского анархизма. Если верно, что нет ничего практичнее хорошей теории, то верно и обратное: плохая теория влечет за собой неизбежные стра-

тегические ошибки в практической политике, чрезвычайно дорого обходящиеся²¹. В данном случае на кону стоит судьба русской нации, ни много ни мало.

Капитулянтство проявляется также и в том, что наши охотно соглашаются на условия либералов, когда дело доходит до формата совместных мероприятий и распределения ролей. И вообще отдали им всю инициативу, выполняя роль пристяжной при кореннике.

Что до субъекта торгов, то русским националистам не надо бы искать каких-либо соглашений с либералами-инородцами, будь то Немцов, Каспаров, Паин, Белковский или Ходорковский. Имя им легион, и соглашение с ними заведомо не принесет ничего, кроме позора и разбитых надежд, оно есть также своего рода капитуляция. А для страны и русского народа оно попросту опасно, чревато повторением 1917 и 1991 гг.

Вместо этого следовало бы обратиться через их голову к широким массам русской интеллигенции, в том числе либеральной или околлиберальной, чтобы предложить ей достойное место и роль в Русском национальном государстве. Увлечь ее этой ролью, отучить бояться русского национализма, приручить²². Оторвать от вождей-инородцев. Именно с этой целью мною в свое время и была выдвинута концепция «национал-демократии», получившая, увы, превратное, уродливое развитие в умах и устах некоторых моих коллег.

Между тем либерализм — это либералы (как преступность есть преступники), а значит, специфика либерализма определяется спецификой либералов. И коль скоро в среде рос-

сийской интеллигенции наконец-то наметилось размежевание по национальному принципу (это особенно заметно стало на «тусовках»), русским националистам необходимо использовать это обстоятельство по максимуму, проведя и в этом контингенте сортировку по основополагающему принципу «свой — чужой». Отчетливо понимая, с кем возможно и нужно идти на сближение, а с кем это — абсолютное табу.

Итак, инициативу надо брать в свои руки. Во-первых, никаких переговоров с нерусскими либералами, которым настоящие интересы и права русского народа не просто не близки, но бесконечно безразличны, а то и враждебны. Во-вторых, условия должны диктовать мы, восходящая сила. А не «этнические либералы», провалившие свой проект и ищущие вариант компенсации за наш счет.

Что неприемлемо для нас в тех условиях, которые выдвигают эти либералы? Что не позволяет нам пока что пойти на компромисс? Прежде всего, именно то, что делает нас последовательными националистами. А именно, подходы к национальной проблеме. Достаточно проштудировать лекцию Ходорковского, как это сделано выше, чтобы понять суть различий и всю несостоятельность их нового проекта — проекта либерально-демократического псевдорусского «государства для всех». Господа явно взялись не за свое дело, рассчитали без хозяина. Не им бы объяснять нам, каким должно быть наше государство. Это должны определять мы сами. Торг здесь неуместен.

Ну, а храмовым надо сказать прямо: что вы забыли, господа, в русском лагере? Дуйте к Ходорковскому и Собчак в либеральный лагерь, там вас примут с распростертыми объятиями, а о своем многогрешном народе благополучно забудьте. И он, в свою очередь, постарается вас забыть, как скверный, но краткий сон.

²¹ Известно, например, куда национал-анархизм завел профессора Петра Хомякова.

²² Я пытался это сделать в статье «Концепция новой России и задачи национального движения русской интеллигенции». См. в моей кн.: «Россия — для русских!». М.: Книжный мир, 2006.

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

МОЖЕТ ЛИ НАЦИОНАЛИСТ БЫТЬ ЛИБЕРАЛОМ?

ОТВЕТ АЛЕКСАНДРУ СЕВАСТЬЯНОВУ

Формула «Россия для русских» так же совместима с широким либерализмом, как и республиканская формула «Америка для американцев»¹.

Михаил Меньшиков

В последнее время, в связи с бурным развитием национал-демократического направления в русском движении, разгорелись жаркие споры о том, кому же принадлежит пальма первенства в изобретении как самого понятия «национал-демократия», так и в разработке его смыслового наполнения. Многим хочется почувствовать себя «патриархами» и «отцами-основателями» многообещающего политического течения. Все эти самопровозглашенные «патриархи» считают себя эксклюзивными правообладателями национал-демократической доктрины и стремятся представить своих оппонентов в самом невыгодном свете.

Одним из таких ревнителей «единственно подлинной» национал-демократии оказался Александр Никитич Севастьянов, вступивший на страницах журналов «Наш современник»² и «Вопросы национализма»³ в весьма нелестную

полемику с автором этих строк. Поводом для этой полемики послужила моя книжка «Катехизис национал-демократа», вышедшая в конце 2011 г. в издательстве «Скимень». Книжка представляет собой сборник моих статей за последние несколько лет, которым предпослан небольшой текст «Русская национал-демократия в вопросах и ответах» (собственно «Катехизис»).

Он-то и вызвал основное недовольство Севастьянова. Впрочем, другие статьи, вошедшие в этот сборник, также удостоились весьма резких критических замечаний с его стороны. Отвечу на эту критику по существу, оставив на совести г-на Севастьянова многочисленные нелестные эпитеты, высказанные в мой адрес, и не совсем чистоплотные приемы ведения полемики (так, он счел возможным публично полемизировать в Интернете с еще незаконченной рукописью «Катехизиса», попавшей ему в руки, и даже стал пересылать ее сторонним лицам).

Фактически Севастьянов выдвинул против меня обвинения по четырем пунктам: 1) я, молодой выскочка и нахал, забыл об «истоках» национал-демократии и посмел исказить доктрину, разработанную Александром Никитичем 20 лет назад; 2) являюсь сторонником федерализма и, следовательно, хочу развалить Россию; 3) скрестил в противоестественном союзе либерализм и национа-

¹ Меньшиков М.О. Русское пробуждение. М., 2007. С. 198.

² Севастьянов Александр. Расчленители. Федеративное беснование под маской национал-демократии // Наш современник. 2012. № 2. С. 146–172.

³ См. его текст, опубликованный выше (Ред.).

лизм; 4) придерживаюсь мнения, что нация — это не только биология, но и культура. Соответственно, я разберу⁴ вкратце каждое из этих четырех обвинений.

1. Кто «придумал» национал-демократию?

Севастьянов провозглашает себя — ни много ни мало — живым «отцом-основателем» течения и представителем «подлинных» национал-демократов. Что дает ему для этого основания? Может быть, то, что в 1996 г. он издал сборник статей под общим названием «Национал-демократия»? Оставим за скобками содержание этих текстов, среди которых была статья, например, с характерным заголовком «Уроки Гитлера». Просто укажем на то, что еще в 1911 (!) г. в Санкт-Петербурге вышла книга, на обложке которой значилось «Сборник литературно-общественный, посвященный *нарождающейся русской национал-демократии*» (курсив мой. — А.Х.). Севастьянов любит укорять молодое поколение националистов в самоуверенности и незнании предшественников, но сам без тени смущения записывает себя в «отцы-основатели» течения, первые признаки которого в России обозначились еще до революции!

Так, один из авторов упомянутого сборника, публицист Михаил Баясный писал: «...современный национализм есть понятие и явление демократическое (народное). Прежде, при отсутствии представительного строя и возможности широкой общественной деятельности, этот демократизм носил теоретический характер... ныне он должен претвориться в практическую работу по программе демокра-

тического (народного) характера»⁵. По мнению Баясного, основными пунктами этой программы, помимо превращения России в «государство национально-русское», должны стать свобода слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенность личности и жилищ, свобода вероисповедания, всеобщее избирательное право, суд присяжных, автономия университетов, мелкая земельная собственность. Это и есть национал-демократия в подлинном смысле этого слова.

Если в начале XX в. многие представители нарождающейся русской национал-демократии вслед за немецкими национал-либералами говорили о необходимости имперского экспансионизма, то к концу столетия, после семидесятилетнего советского эксперимента, во время которого СССР занимался продвижением коммунизма за счет интересов русского народа, пагубность имперской политики стала очевидной. В 1990 г. Александр Исаевич Солженицын в своей программной статье «Как нам обустроить Россию» провозгласил те антиимперские принципы, которые стали составной частью идеологии современных национал-демократов.

На этом фоне «отец-основатель» Севастьянов выглядит, скажем так, не очень убедительно. Неосновательными смотрятся и его попытки приписать мне некое «пренебрежение к истокам». Когда я утверждаю, что в России до середины 2000-х не было русского национализма как *оформленного политического* течения, это не значит, что российская история вообще не знала *элементов* русского национализма. Русский национализм, как и вообще все европейские национализмы, стал вызревать в России с момента начала наполеоновских войн, с первых лет XIX в. К первым его проявлениям

⁴ В сокращенном виде мой ответ (а именно пункты 2 и 4) были опубликован в «Нашем современнике» (2012. № 9).

⁵ Ладо. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. СПб., 1911. С. 174.

можно отнести тексты Александра Семеновича Шишкова и Федора Васильевича Ростопчина. За ними последовал республиканский национализм декабристов, на смену декабристам пришли славянофилы, вдохновлявшиеся немецким романтизмом. «Письма из Риги» (1848) Юрия Федоровича Самарина стали одним из основополагающих текстов русского национализма. К началу XX в. тема дискриминации русских в Российской империи была подхвачена многочисленными националистическими публицистами.

Короче говоря, для русского национализма, при желании, можно выстроить захватывающую генеалогию наподобие ленинского «декабристы разбудили Герцена...». Но только если последовательность Герцен — Чернышевский — народовольцы в итоге завершилась большевиками, которые и взяли власть, то про русский национализм этого сказать нельзя. Носители идеологии русского национализма (вернее, его элементов) будили друг друга на протяжении десятилетий, но национализму так и не удалось вылиться в организованную политическую силу, которая бы смогла добиться создания русского национального государства. Вот на это-то я и указываю, как и профессор Дэвид Г. Роули, статье которого в моем переводе, опубликованной в журнале «Вопросы национализма», тоже досталось от Севастьянова.

2. Равнозначен ли федерализм развалу государству?

Основное расхождение между моими взглядами и взглядами моих коллег из формирующейся Национально-демократической партии (НДП) и между позицией Севастьянова состоит в подходе к внутреннему устройству России. Каким должно быть русское национальное государство, унитарным или федеративным? Я и мои коллеги из

НДП стоим на позициях федерализма, Севастьянов считает, что русское государство должно управляться сверхцентрализованно. Конечно, это важное расхождение, но то, что на этом основании Севастьянов зачисляет меня в «сепаратисты» и «расчленители», мягко говоря, странно.

Если снова обратиться к идейным истокам, за отсутствие должного почтения к которым укоряет меня Севастьянов, то можно вспомнить, что полемика между унитаристами и федералистами в русской общественной мысли насчитывает почти два столетия. Так, среди декабристов, первых русских националистов, сторонником унитарного устройства будущей русской республики был автор «Русской Правды» Павел Иванович Пестель, вдохновленный французскими якобинцами. Напротив, Никита Михайлович Муравьев в своем проекте конституции отстаивал федеративное устройство, ориентируясь на опыт США. Он видел будущее русское государство как федерацию тринадцати «держав», которые, подобно американским штатам, в рамках своей компетенции должны самостоятельно заниматься решением внутренних вопросов.

Так что вопрос о необходимости федерализма для России дискутируется уже не первое столетие, и причислять всех его сторонников к «сепаратистам» и «врагам России» было бы, мягко говоря, странно. Тем не менее для Севастьянова между федерализмом и распадом страны стоит знак равенства, что не может не удивлять, учитывая, что мировая практика знает десятки федеративных государств, которые и не думают распадаться.

Вопреки «страшилкам» Севастьянова, вопрос о федерализме — это вопрос всего лишь об эффективности управления. Если президент назначает губернатора, губернатор назначает мэра, мэр назначает префекта, префект назначает дворника, то в конечном счете за то, что улица плохо

подметена, приходится отвечать непосредственно президенту⁶. Страна переходит в режим «ручного управления», когда верховная власть вынуждена решать проблемы, которые в норме должны решаться на уровне местных властей, ответственных перед избирателями того или иного города или региона. Нечто подобное происходит сейчас в России в связи с укреплением «вертикали власти».

Российское руководство, как всегда, наступает на чужие грабли: неэффективность сверхцентрализованных политических систем уже давно осознали на Западе. Во многих европейских странах, построенных ранее по унитарным лекалам, правящие элиты пришли к необходимости децентрализации власти. Например, в 1970–1980-х гг. Италия, классическое национальное государство унитарного типа, встала на путь регионализации, передав на места часть полномочий, касающихся, в том числе, сбора налогов и распределения налоговых поступлений. По этому же пути пошла Испания, где предоставление больших прав регионам помогло снизить накал сепаратистских настроений и сохранить единство страны после ухода диктатора Франко.

Конечно, «загнивающая» Европа Севастьянову не указ (в случае чего Севастьянов, по его словам, собирается доживать свой век в Индии или Китае) — но пусть тогда он взглянет на карту мира. Семь из восьми крупнейших по территории стран мира — Россия, Канада, США, Бразилия, Австралия, Индия, Аргентина — имеют федеративное устройство. Действительно, огромными территориями сложно управлять из единого центра, о чем и свидетельствует мировая практика. Единственным исключением яв-

ляется Китай — да и то почти половину его территории занимают автономные районы, в которых сосредоточены неханьские народности.

Можно с уверенностью сказать, что как только в Китае будет разморожен политический процесс, искусственно подавляемый коммунистической партией, формально автономные районы станут автономными на практике. Как сказал один из политических аналитиков, «федерализм — это территориальное измерение демократии», и поэтому демократические преобразования в стране с многочисленным населением и обширными территориями едва ли могут обойтись без развития федеративных институтов. Если граждане не в состоянии выбрать мэра собственного города или парламент своего штата, то как они будут выбирать президента и парламент страны в целом?

Севастьянов игнорирует опыт тех же США или Германии, которым развитый федерализм не мешает быть могущественными (и при этом демократическими) государствами, и ставит нам в пример опыт СССР и Китая с их партократией. Действительно, в условиях авторитарного строя, когда население не может влиять на политический процесс, единственным механизмом, позволяющим контролировать региональные элиты, является их интеграция в единую партийную иерархию. Насколько хрупок этот механизм, мы видели на примере СССР — как только политическая монополия КПСС была ликвидирована, уже ничто не могло сохранить единство страны. Судьба Китая, в конечном счете, тоже поставлена в зависимость от судьбы КПК. Какой контраст с демократическими федеративными государствами, где поражение правящей партии отнюдь не означает развала страны!

Поэтому весьма удивительно, что Севастьянов рекомендует для русского национального государства партократию по образцу СССР и Китая. Это и есть прямой путь к развалу и неста-

⁶ Этим аргументом я обязан Павлу Святенкову, который как-то озвучил его во время дискуссии, посвященной конституционному строительству в России.

бильности. К тому же, если «русская партия» станет подобием КПСС или КПК, то какая же это демократия? Демократия предполагает многопартийность и конкурентность политического процесса. Если Севастьянов с этим не согласен, то зачем же он вообще называет себя национал-демократом? Не пора ли ему самому приступить к «исправлению имен»?

Наконец, утверждение Севастьянова, что «все русские националисты всегда считали федерализм губительным для России», тоже неверно. Напротив, русские националисты, как и многие другие думающие люди, размышляли о необходимости федерализма в России. Так, Михаил Осипович Меньшиков, к которому Севастьянов, по-видимому, относится с большим пиететом, в своих дневниковых записях указывал, что еще при Александре II следовало бы «разделить Россию на самоуправляемые области по образцу С. Штатов... На месте царя я строго отделил бы царские обязанности от нецарских. Разделил бы Россию на сто автономных земель-штатов и возложил бы на них всю ответственность за их судьбу...».⁷ Может быть, на этом основании Севастьянов зачислит в «расчленители» и самого Меньшикова? Или тут всё-таки он проявит снисходительность по отношению к альтернативной точке зрения?

3. Совместим ли либерализм с национализмом?

Севастьянов считает, что при построении русского национального государства следует отвергнуть ценности современного либерализма и искать вдохновение в глубине веков: «идеалом национальной демократии является республиканский Рим до Гая

Мария». Иначе говоря, у всего мира на календаре 2013 год — а у Александра Никитича, видимо, 150 год до нашей эры. Он очутился там без всякой машины времени — увлекшись противопоставлением демократии и либерализма. Действительно, это две разные вещи. Демократия, то есть система, при которой население само себе выбирает власть (при этом в выборах участвуют или все совершеннолетние граждане, или же только отцы семейств и земельные собственники) не обязательно предполагает либерализм. Афинская демократия 2500 лет назад или племенная демократия некоторых африканских и кавказских народностей 200 лет назад прекрасно обходились без либерализма. Но можем ли и мы обойтись без него в XXI веке?

Если совсем кратко, то либеральные принципы предполагают, что власть государства должна быть *ограничена* набором неотчуждаемых прав и свобод. Все члены племени мумба-юмба, желая умиловить богов, могут единодушно проголосовать за принесение в жертву невинной девушки. Это решение будет вполне демократичным — но в либеральном государстве оно невозможно. Власть, даже если она опирается на волю большинства, не должна покушаться на жизнь и свободу личности. Наверно, именно это (превратно понятое) желание либералов ограничить власть государства заставило Севастьянова утверждать: «либерализм — это бунт “сильной” личности против многотысячелетнего монстра — государства со всем его аппаратом принуждения».

Тут остается только развести руками и подивиться историческому винегрету в голове Севастьянова: Гай Марий там соседствует с современным национализмом, современный федерализм совпадает с феодальной раздробленностью, и всё это приправлено «законами Ману». Так вот, вопреки «отцу национал-демократии», государство, против которого «бунтует»

⁷ М.О. Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. М., 1993. Вып. IV. С. 26, 157.

либерализм, вовсе не является «тысячелетним монстром». Современные централизованные государства с прямой формой правления (когда администрирование на *всех* уровнях осуществляется государственными чиновниками, а не отдается при случае на откуп знати или духовенству) ведут свой отсчет с Великой французской революции. И лишь в XIX в. государство действительно стало «монстром», стремящимся проникнуть в каждую клеточку общества и всё взять под свой контроль. «С введением прямого правления европейские государства переходили от того, что мы можем назвать репрессиями реагирования — к упреждающим репрессиям... учреждаются системы надзора и информирования... сфера деятельности государства значительно расширяется за пределы вопросов собственно вооруженных сил, и граждане теперь ждут от него самой широкой защиты, разрешения споров, производства и распределения»⁸.

Поэтому раньше — когда государство (у тех народов, у кого оно вообще было) не являлось столь могущественным и от него можно было спрятаться и сбежать — либерализм не стоял на повестке дня. Но как только оно переродилось в «монстра», не знающего преград, — либерализм стал вопросом жизни и смерти. Неслучайно, скажем, во Франции расцвет либеральной мысли пришелся на первые десятилетия XIX в. (вспомним о Бенжаме-не Констане и Алексисе де Токвиле), когда общество, пережившее якобинский террор и правление Наполеона, впервые увидело, насколько опасным может быть государство, даже если оно опирается на «волю народа». Что уж говорить о нашей стране, пережившей 70 лет советского тоталитаризма (заметим, что в Конституции СССР фигурировало словосочетание «под-

линная демократия»). Никакую демократию — ни народную, ни социальную, ни национальную — в современном мире нельзя строить на отказе от либерализма.

Но Севастьянов считает, что национализм (и, следовательно, национальная демократия), с либерализмом не совместим. «Либерализм и национализм в принципе противоположны — истинно, онтологически. Если либерализм выражает идеалы и мотивы индивидуализма, то национализм... выражает идеалы и мотивы холизма (от английского *hole* — целый). Индивидуализм постулирует приоритет личности над обществом и государством, холизм — наоборот, постулирует приоритет общественного, а значит и государственного, над личным».

Но это противопоставление очень наивно. Разве личность — даже если мы говорим о ее приоритете — существует в вакууме, разве у нее нет национальных чувств, разве она не хочет быть сопричастной своей культуре и ей всё равно, звучит ли на улицах родная речь? И разве оскорбление национальных святынь не переживается большинством членов нации как *личное* оскорбление?

Как я писал в статье «Национализм и модернизация: перспективы либерального национализма», вошедшей в состав «Катехизиса...» (аргументы, изложенные в ней, Севастьянов полностью проигнорировал): «национальная идентичность составляет заметную часть идентичности индивидуума; индивидуумы идентифицируют себя в качестве членов определенной нации, следовательно, эта нация имеет право на политическое самоопределение». Так что национализм вовсе не противоречит индивидуализму и либеральному принципу уважения к личности. Другое дело, что этот аргумент лег в основу теории мультикультурализма, которая излагается в работах, например, Уилла Кимлики и Яэль Тамир. Дескать, раз право на культурную са-

⁸ Тилли Чарльз. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 172–173.

моидентификацию является неотъемлемым правом личности, то либеральное государство должно поощрять национальные особенности всех групп населения, в том числе и мигрантов.

Однако все эти крайности мультикультурализма опровергаются при помощи «республиканского тезиса», сформулированного канадским философом Чарльзом Тейлором: «свободное общество нуждается в мотивации для получения того, что деспотическое общество получает за счет страха». Любое политическое сообщество требует определенной дисциплины от своих членов (выплата налогов, служба в армии). «При деспотическом режиме совокупность дисциплинарных требований поддерживается насилием. Для того чтобы общество было свободно, это насилие нужно заменить чем-то иным». Перефразируя Герцена: в либеральных обществах человека останавливает сознание, в авторитарных — жандарм.

Необходимая внутренняя мотивация, отмечает Тейлор, «возможна только благодаря желанию со стороны граждан отождествить себя с государством в том смысле, чтобы признавать политические институты собственным выражением». Другими словами, «существенным условием свободного (недеспотического) режима является некоторая патриотическая идентификация граждан». При этом «патриотизм включает в себя не только совокупность моральных принципов, но и общую приверженность к конкретному историческому сообществу. Его поддержание и сохранение должно быть общей целью, а это нечто большее, чем простое согласие с правовым принципом»⁹ (курсив мой. — А.Х.).

«Конкретное историческое сообщество» — и есть нация. Иными словами, чтобы либеральное государство

успешно функционировало, все его граждане должны принадлежать к той нации, которая нашла в этом государстве свое политическое выражение. Германия — это государство немцев, и поэтому они лояльны к его порядкам и не нуждаются в дополнительном надзоре. Если вместо немцев в Германии поселятся турки (не желающие забывать о том, что они турки!), то у них уже не будет внутреннего стимула уважать немецкий правопорядок и не кидать окурки на асфальт. Придется их *заставлять* — образно говоря, придется приставить к каждому турку по жандарму. Следовательно, сколько-нибудь значительный процент инокультурного населения делает государство менее либеральным. Вот почему разрушение национальной идентичности особенно опасно для свободных государств, где все силы репрессивного аппарата ограничено в пользу гражданского самосознания. «Прочность современных западных демократий проистекает из слияния чувства национальной самобытности и установившихся свободных режимов»¹⁰.

Отсюда следует, что от либерального государства нельзя ожидать поощрения национальных чувств *всех* групп населения, как того требуют сторонники мультикультурализма, — это просто подорвет его основы. Либеральное государство должно быть национальным, работая на *воспроизводство* национальной идентичности исторического сообщества, связанного с этим государством. Такой подход не противоречит индивидуализму — Ганс хочет жить в той Германии, в которой он вырос — и к этому требованию необходимо прислушаться, потому что Шиллер и немецкая речь составляют такую же часть личности Ганса, как и его хобби или сексуальная ориентация. Как писал уже цитировавшийся Михаил Меньшиков, «если от-

⁹ Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1998. С. 235–240.

¹⁰ Там же. С. 239

дельному человеку необходима ясно выраженная индивидуальность, то нужна она и всему народу»¹¹.

В принципе, все вышеприведенные доводы хорошо изложены в работе Дэвида Миллера «On Nationality». Сейчас идет работа над русским переводом этой книги — надеюсь, уже к концу текущего года она выйдет в свет. Ах, да, Севастьянов видит в обращении к европейской и американской политической мысли лишь «низкопоклонство перед Западом». Что ж, на это можно ответить лишь пословицей, которые так любит наш поклонник самобытности: «лучший из даров — ум, худшее из несчастий — невежество».

4. Что лежит в основе нации — биология или культура?

В заключение хотелось бы сказать еще об одном камне преткновения, мимо которого Севастьянов не мог спокойно пройти, — а именно, о концепции нации. «Основоположник национал-демократии» придерживается весьма экзотичного этнобиологического понимания нации, в обсуждение которого ввязываться не хотелось бы. Отметим лишь, что односторонность концепции Севастьянова мешает ему понять более комплексные и взвешенные подходы, свободные от доктринерских крайностей.

Большинство исследователей национализма сходятся в том, что гражданский и этнокультурный компоненты нации сложно различить. Неотъемлемой чертой любой полноценной нации является не только то, что все ее члены — это граждане определенного национального государства, но и то, что все они говорят на общем языке, имеют общую культуру, самосознание и во многих случаях общее происхождение. На этом основании я и полемизи-

рую с академиком Валерием Тишковым, который считает, что важен только гражданский компонент — дескать, все граждане России автоматически образуют гражданскую нацию. Однако без общей культуры и самосознания нация невозможна.

Севастьянов не может взять в толк, в чем же состоят мои претензии к Тишкову, потому что он сам (только по другим причинам) отрицает культурную составляющую политического организма нации. Он считает, что в основе национального единства должно лежать лишь этническое происхождение, и поэтому указывает на Израиль как на эталонный образец нациестроительства. Действительно, еврейская нация во многом строится на чисто этнической принадлежности (хотя не стоит забывать и о роли религии), но это скорее не правило, а исключение. Евреи — это небольшой этнос, который веками жил среди других народов, подвергаясь культурному влиянию окружающего населения, при этом не смешиваясь с ним. Поэтому, например, между бухарскими или польскими евреями к моменту образования государства Израиль не было ничего общего, кроме этнического происхождения и приверженности иудаизму.

Однако странно ставить еврейский опыт в пример таким крупным нациям, как французская, немецкая или русская. Немцы в свое время ассимилировали ряд славянских племен, восточные славяне, в свою очередь, ассимилировали часть финноугорских народов. Крупные нации всегда, так или иначе, этнически гетерогенны, их связывает в основном общая культура и идентичность, которая для Севастьянова является второстепенным вопросом, как и для Тишкова. Севастьянов на страницах «Нашего современника» недоумевает: «...по Храмову выходит, что достаточно включить поляков или французов в состав Германии, дать им германское гражданство да

¹¹ *Меньшиков М.О.* Русское пробуждение. С. 274.

научить немецкому языку — так они сразу же и станут немцами» (курсив мой. — А.Х.). Но именно что так и выходит, Александр Никитич, представьте себе! Вот только умиляет легкомысленно брошенный союз «да»: «да научить немецкому языку», как если бы это было так просто! Границы между национальными государствами нельзя «передвигать» именно по той причине, что в современном мире ассимиляция населения, чуждого в культурном и языковом отношении, — это крайне дорогостоящий и сложный процесс.

Этот процесс становится еще более сложным в условиях, когда не работают институты национального государства, когда нация лишена своего «гражданского» измерения. По этой причине, скажем, массовый приток мигрантов куда опаснее для России, кото-

рая до сих пор не стала русским национальным государством, чем для Германии или Франции. В конечном итоге каждый гражданин Франции должен стать французом, а вот кем должен стать новоиспеченный гражданин «многонациональной» России — это большой вопрос.

Удастся ли русскому народу построить полноценное национальное государство, в каких границах оно осуществится и какое внутреннее устройство будет ему свойственно — этот вопрос и стоит в центре полемики как вокруг русской национал-демократии, так и вокруг современного русского национализма в целом. Хотелось бы, чтобы впредь эта полемика велась в более конструктивном духе, нежели тот, который был задан г-ном Севастьяновым.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

НИКИТА ФЕДОСОВ

КАЗАЧЕСТВО И НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

В «Вопросах национализма» (№ 11 за 2012 г.) была опубликована статья Николая Лысенко «Нация или субэтнос. Размышления об этногенетической природе казачества»¹. Статья сама по себе не имеет научного значения. Однако она является характерным для современной гуманитарной науки (автор статьи доктор исторических наук) примером пустого идеологизаторства и вопиющего непрофессионализма, а в контексте российского политического дискурса — обобщением расхожих штампов и стереотипов, присущих современному казачьему самостийничеству, противопоставляющему себя русской нации.

Начнём с проблемы возникновения казачества. Автор намекает то на каких-то скифов, то на предков казаков в XIII в. Всё это крайне туманно. И даже не совсем понятно, что имеется в виду. Потом следует утверждение, что в XVI в. казачий этнос уже сложился². На самом деле в XVI в. вольные казачьи сообщества представляли собой воинские мужские союзы, в которых не было женщин либо их было там крайне мало, и они находились там в качестве пленниц, которых в любой момент могли продать. Однополюсый этнос, однако... Размножался, видимо, посредством почкования. Тут автор статьи производит настоящий

научный прорыв. Но, скорее, в биологии...

В том же ключе выдержаны и неумелые потуги превратить в самостоятельный этнос запорожских казаков. Автор изо всех сил пытался оторвать их от украинского народа, показать их полную этническую самостоятельность³. Опять-таки перед нами этнос, лишенный женщин (!). Как, интересно, он пополнялся? Конечно, не только за счёт украинцев, но и за счёт многих соседних восточноевропейских народов. И не только восточноевропейских. Но украинцы всё же решительно преобладали над всеми. Тесная связь Запорожья и Украины хорошо показана в работах В. Брехуненко⁴ (хотя последний и преувеличивает её).

Запорожье действительно было общностью, отчасти противопоставлявший себя Украине. Но это было социально-психологическое противопоставление воинского мужского союза «большому» обществу. Недаром многие лидеры украинского гетманата и сами гетманы мечтали ликвидировать Сечь как источник антигосударственной вольницы, криминала и политического «левачества». Однако в этом противостоянии не было ничего этнического. То же самое касается и донских казаков, чей состав пополнялся за счёт крестьян

¹ Лысенко Н. Нация или субэтнос. Размышления об этногенетической природе казачества // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 111–134.

² Там же. С. 118–119.

³ Там же. С. 124.

⁴ Брехуненко В. Козаки на степовому кордоні Європи: Типологія козацких спільнот XV — першої половини XVII ст. Київ, 2011.

южнорусских территорий. Во второй половине XVII в. этот процесс принял массовый и стихийный характер. Факт бесспорный и основывается на гигантском массиве архивных документов, обобщенных в ряде фундаментальных трудов по истории донского казачества этого периода (см. работы С.Г. Сватикова, Н.А. Мининкова, В.Ф. Мамонова, Н.И. Никитина, И.О. Тюменцева, В.Г. Дружинина и др.).

Н. Лысенко допускает очень важную ошибку. Социально-психологические различия он принимает за этнические⁵. Но в любом достаточно развитом народе они очень велики. Существуют весьма непохожие друг на друга социальные группы. Особенно это касается великорусского народа, крайне мозаичного и внутренне неоднородного. В своё время заметно отличались от основной массы населения русские дворяне. В более поздний период — профессиональные уголовники. И те, и другие имели очень развитое самосознание, чувство своей обособленности от остальных русских. Вели отличный от основной массы образ жизни. Подчёркивались даже языковые отличия. Дворяне пользовались для этого европейскими языками, уголовники — «блатной феней». Однако никто всерьёз не утверждает, что уголовники и дворяне — особые этносы.

Где же истоки возникновения обособленных казачьих сообществ? Существуют разные более или менее научные версии.

* * *

Есть предположение, что первыми казаками стали служилые люди, отстаивавшие свои древние феодальные привилегии и вольности (самоуправление, свободу выбора сюзерена и пр.). Свою роль для них сыграл и пример духовно-рыцарских орденов, сражав-

шихся с иноверцами во славу христианства⁶.

Пишут и о русских промысловиках: охотниках, рыболовах, сокольниках, ловцах пушных зверей, которые постепенно спускались всё ниже по течению великих степных рек, текущих на юг. Их становилось всё больше, они с течением времени отделялись от метрополии и переходили к набеговому промыслу, одновременно активно самоорганизовываясь до уровня войск⁷.

Недавно сетевые публицисты, пишущие на казачью тему, стали выдвигать и другие версии. Например, о том, что казаки XVI–XVII вв. были носителями древнерусского мировоззрения, являя собой осколок прошлого, когда Русь делилась на отдельные независимые «земли», обладавшие и собственной политической организацией, и субэтническим самосознанием. Поэтому казаки относились к России примерно как новгородцы к Московскому княжеству⁸.

Существует мнение, что казачество и подобные ему образования возникают по причине политического вакуума. Наподобие того, который возник в западных степях Евразии после крушения Золотой Орды. Появляется «серая зона», обширная и безвластная, которую не могли освоить соперничавшие соседние державы, но которая граничила с богатыми и цивилизованными

⁶ *Флоря Б.Н.* Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казачьих восстаний 20–30-х годов XVII века и на начальном этапе народно-освободительной войны // *Славяноведение*. 2002. № 2. С. 45; *Скальковский А.* История Новой Сечи и последнего коша запорожского. Одесса, 1841. С. 40–41.

⁷ *Михайлова И.* «Бобровники, сокольники, подлазники...» Как жили промысловые слуги князя в XIV–XV вв. // *Родина*. 1997. № 5. С. 31–32; *Саатчан Р.* Русское поле // *Родина*. 1996. № 2. С. 49.

⁸ Напр.: *Резниченко С.* Суть казачества // www.apn.ru (02.07.2012).

регионами и торговыми путями. И в такой «серой зоне» не могли не сформироваться воинственные, склонные к набеговому промыслу сообщества, наподобие казаков, ускоков или флибустьеров⁹.

Скорее всего, каждая из этих версий по-своему отражает историческую реальность. Во всяком случае, результат налицо. **Было создано казачество. Один из самых успешных видов самоорганизации русского народа.**

Этого Н. Лысенко не понимает. Он начисто игнорирует такой важный исторический источник, как «Слово об азовском осадном сидении донских казаков», где абсолютно ясно постулируется русская национальная идентичность донцов. Утверждение Лысенко, что «во всех источниках по истории Руси-России XIV–XVII веков мы не найдем упоминаний казаков в контексте “русскости”»¹⁰, просто показывает, что он с этими источниками не знаком.

Казачий историк, автор фундаментального труда «Россия и Дон» С.Г. Сватиков, которого трудно упрекнуть в предвзятости к казачеству, основываясь на обилии документов, писал: «Казаки с первых же моментов своей истории характеризуются высоким чувством русского национального самосознания. Неоднократно находим мы в исторических актах свидетельств этому: они “природу свою (т. е. русское происхождение) всегда помнят”, знают всегда свое “общее отечество”»¹¹. Тот же автор писал, что принадлежность к казачеству вплоть до начала XVIII в. не являлась наследственной привилегией, и гражданство каждого новоиспеченного боеспособ-

ного казака должно было подтверждаться решением войскового круга. Казаком мог стать любой русский, разделяющий интересы и установки казачьего братства и полезный Войску¹².

В непростых, а подчас очень тяжелых природных и геополитических условиях казаки создали чрезвычайно привлекательное общество. Которое было свободным, демократичным, достаточно эффективно самоуправлявшимся. Благодаря чему казачество стало привлекательным не только для соотечественников (русских/украинцев), но и для представителей самых разных этносов. В том числе и враждебных восточным славянам. (Хотя последние всегда преобладали.) Следствием всего этого стали блестящие военные победы, одержанные над гораздо более сильным противником. Взять хотя бы то же Азовское осаждение.

Казачьи субэтнотопосы начали складываться только в XVIII–XIX вв., после подчинения государством казачеств, превращения их из вольных в служилые. Они оформились благодаря особому сословному и юридическому статусу, сословной организации, особым правам и обязанностям, специфическому землевладению, относительной замкнутости. Все эти привилегии были даны казакам Империей, которая в течение XVIII в. имела все возможности, чтобы свести казачество с исторической арены и отправить его в небытие. Вспомним карательные меры Петра I на Дону в ходе подавления Булавинского восстания, разгон Сечи Екатериной II.

Однако военно-политические успехи Российского государства опередили социально-экономическое развитие. И оно не смогло обойтись без дешевых самообеспечивающихся иррегулярных войск на границах. А казаки располагали эффективными механизмами жизни и адаптации в этих условиях.

⁹ *Bracewell C.W.* The Uskoks of Cenj: Piracy, Banditry and Holy War in the Sixteenth-century Adriatic. Itaca. N.Y., 1992.

¹⁰ *Лысенко Н.* Указ. соч. С. 119.

¹¹ *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование о истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Б. м., 1924. С. 23.

¹² Там же. С. 36.

Хотя вольноказачий уклад жизни переживал в момент «огосударствления» системный кризис, с помощью правительственных мер он был преодолен.

Большое значение для формирования казачьих субэтносов имело российское законодательство, государственная политика. Тем более что громадное количество казаков происходило отнюдь не от казаков. На Кубани большинство черноморцев были потомками не запорожцев, а украинских крестьян. Многие другие станицы заселялись преимущественно отставными солдатами Кавказской армии или простыми крестьянами южнорусских и восточнукраинских губерний. Поэтому до сих пор можно считать дискуссионным вопрос о субэтничности кубанского казачества, процесс формирования которого как единого этнокультурного организма был прерван после Гражданской войны.

Вопреки велеречивым рассуждениям Лысенко, государству порой приходилось буквально делать казаков казаками¹³, применяя иногда жесткие меры. Так, например, «делали казаками» бывших украинских крестьян — черноморцев в 20–40-х годах XIX в. Подтягивали дисциплину, запрещали откупаться от службы, боролись с чрезмерными захватами земли со стороны богатеев. И всё это мерами административного диктата, во многом благодаря которому к концу двадцатилетия крестьяне стали воинами и смогли эффективно противостоять черкесам. Хотя, разумеется, без насущной необходимости защищать свою жизнь и имущество от горцев правительственные меры не были бы успешными...

Совсем другое дело, конечно, терские гребенцы. Древняя и замкнутая казачья группа со своими специфическими устоями. Также к подобной категории можно отнести ядро Уральского войска со станицами, располагающимися вдоль берега р. Урала (Яика).

Но опять же, эти группы в позднее время являлись лишь частью, меньшей по численности, Терского и Уральского казачьих войск, пополнявшихся также за счет крестьянского элемента. Колонизационные процессы в этих казачьих регионах, как и на Кубани, полностью регулировались государством.

Таким образом, несмотря на одинаковый в целом сословный статус, казачьи субэтносы являлись внутренне неоднородными. Одним казакам, даже в рамках одной группы, было в большей степени присуще субэтничное самосознание, другим — сословное.

При этом сохранялись некоторые важнейшие социальные и ментальные установки казачества, присущие ему ещё в «вольный» период. Пусть и в сильно изменённом и урезанном виде. Это казачье самоуправление и самоорганизация (сведённое к местному уровню). И представление о свободном и привилегированном статусе казака (ослуживленное и огосударственное).

* * *

К началу XX в. казачество находилось уже в глубоком системном кризисе. Постепенно ухудшалось экономическое положение, нарастало социальное расслоение. И бедные, и богатые казаки всё меньше были довольны передельно-паевой системой станичного землевладения. Тяготила и государственная регламентация казачьего быта. Особенно поголовная военная служба за свой счёт, необходимость держать строевого коня и пр.

«Казачий адат», так активно прославляемый Лысенко, также постепенно деградировал¹⁴. Параллельно с «адатами» других групп русских. Некоторые в этом «обгоняли» казаков, других «обгоняли» казаки.

Разлагалась система общественной и личной нравственности. Слабели семейные устои, общинная солидарность. Под влиянием длительной мир-

¹³ Лысенко Н. Указ. соч. С. 121–124.

¹⁴ Лысенко Н. Указ. соч. С. 122.

ной жизни исчезали воинские традиции, несмотря на попытки «сверху» их поддержать. Всё больше казаков тяготилось своим казачьим статусом. Особенно те, кто стремился заниматься бизнесом, свободными профессиями.

Словом, в казачьей среде имели место все те тенденции, которые были характерны для «старых» сословных групп Российской империи, таких как крестьяне и дворяне: размывание сословных ценностей и самоорганизации, стремление слиться с развивающимися городскими социальными группами — буржуазией и интеллигенцией. С достаточно большой долей уверенности можно говорить, что со снижением значения иррегулярных армий в войнах и развитием капиталистического общества казачество было обречено на ассимиляцию и полную интеграцию в структуру буржуазного общества. Этот процесс был прерван событиями 1917 г.

С другой стороны, существовали условия, замедлявшие расказачивание. Благодаря субэтнической составляющей казачью идентичность могли сохранять и «лица свободных профессий», порвавшие с традиционным сословным укладом жизни. Система наделения землёй за службу, связанные с нею принципы материального обеспечения и ментальные установки замедляли отток казаков в города. Поэтому к началу революции казачество ещё не исчерпало запаса прочности. И было уничтожено насильственно. Хотя отдельные элементы казачьей традиции, относительно полноценные её носители жили и во второй половине XX в.

В событиях революции и Гражданской войны казаки не проявили того единства, которое воспевают Лысенко¹⁵. Как известно, они первоначально вообще не хотели участвовать ни в чём, в том числе и в защите своей территории. И проявили свой «казачий нор» только тогда, когда большевики по-

схватили на основные казачьи права и привилегии и появилась угроза потери земли.

Как бойцы, казаки проявили себя в Гражданскую на высоком уровне. Но ни политического, ни мировоззренческого единства среди них не наблюдалось. Среди казаков были белые и красные (хотя белых — в целом больше). Что касается антибольшевистской части казачества, то она демонстрировала крайнюю неоднородность. Очень многие казаки ощущали себя полноценными русскими, были сторонниками имперской, государственной идеи. Такое самовосприятие было особенно распространено среди офицерства. Но не только. Прорусскую, антисепаратистскую позицию заняли линейные казаки — жители восточных районов Кубани. Такую же позицию занимал и известный «белый партизан» генерал Шкуро, очень популярный среди казаков. Хотя он и был по происхождению черноморцем.

Однако значительный вес в кубанском законодательном органе — Раде имели черноморские самостийники, такие как А. Быч, Н. Рябовол и другие сторонники независимости Кубани и украинофильства. Считать кубанцев вполне самостоятельным народом многие из них не решались. Предпочитали украинскую идентичность. Для самостийников было характерно политическое интриганство и неспособность работать¹⁶. Они вполне могли послать свою делегацию на Парижскую мирную конференцию, заключить договор с горскими националистами, предав при этом братьев-терцев, могли начать сепаратные переговоры с большевиками. Как это и сделали левые кубанские сепаратисты на завершающем этапе Гражданской войны¹⁷. Зато, погряз-

¹⁶ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Краснодар, 1996.

¹⁷ Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани. Краснодар, 2008. С. 31.

¹⁵ Лысенко Н. Указ. соч. С. 117.

нув в словопрениях и интригах, самостийники не могли принять кубанский бюджет, о чём их тщетно просил наиболее дельный и достойный собрат — Ф.А. Щербина.

Кубанская Рада ещё много чего не смогла. Например, наладить снабжение населения товарами первой необходимости. Жители станицы Кавказской выразили по этому поводу резкое недовольство своему парламенту. Станичники жаловались, что вынуждены ходить по снегу босиком. За это «народные избранники» обвинили их в... монархизме! (Монархизм вообще был параноидальным жупелом для этой публики.)

И в эмиграции казаки так и не смогли определиться, кто они. Например, вольноказачийцы, сторонники Гната Билого, постоянно выясняли отношения с последним кубанским атаманом В.Г. Науменко, занимавшим прорусские позиции. (Бесконечные споры и дискуссии, неспособность определиться с идентичностью вообще характерны для субэтносов.)

* * *

Н. Лысенко пишет, что русским националистам надо «вести переговоры» с «казачьим народом», якобы таким сильным и «сохранившим традиции»¹⁸. Что касается реального уклада жизни, то у современных потомков казаков он ничем не отличается от такового у русских. Все те же недостатки. То же забвение корней и традиций. У реальных потомков казаков, особенно пожилых людей, попытки «ряженных» демонстрировать свою псевдоказачью самость вызывают в лучшем случае иронию, а обычно раздражение.

Количество людей, пишущих себя во время переписи «казаками», неуклонно падает. В 2002 г. на Кубани таких было около семнадцати тысяч. По данным 2010 г. — около пяти. И это

в пятимиллионном регионе! Несмотря на призывы писаться казаками некоторых уважаемых и известных людей. Идентичность, лишённая какого-либо реального наполнения, никому не нужна.

Все ссылки нынешних самостийников на «давление властей» попросту смехотворны. Казачество еле-еле теплится, в основном благодаря поддержке этих самых властей.

События в Чечне 90-х гг. и современная ситуация на Кавказе показывает, что казачество не представляет никакой реальной силы. И самостоятельно ни с кем бороться не может.

Во время Гражданской войны терцы самостоятельно давали отпор террору сепаратистов. И порой весьма успешный. Во время дудаевщины организованного сопротивления не было. А вот бытовой пример из жизни терцев 90-х гг. Одному нереестровому атаману приходилось много ездить по делам своей организации. И решать отнюдь не свои проблемы. Атаман был честен и беден. Все деньги уходили на бензин. Он попросил «братьев-казаков» помочь с оплатой поездок. Никто не дал ни копейки. Пришлось атаману оставить общественную деятельность. Чтобы семью кормить.

С кем вести переговоры? С плохо нарисованной голограммой «великого пассионарного народа»?

Конечно, существуют отдельные весьма достойные казачьи общины. Которые, например, организуют на местном уровне отпор этническому криминалу. Об этом говорят события в Новоалександровске, Зеленокумске (Ставрополье) и Ремонтном (Ростовская область). Иногда казаки приезжают на подмогу своим собратьям из других населённых пунктов и даже регионов. Но это не скоординированные, последовательные и целенаправленные действия крупных организаций (и тем более — отобилизованных этносов). Это местные, ситуативные проявления самоорганизации. И частные

проявления солидарности с этими инициативами.

Всё это имеет место быть (на столь же скромном местном и частном уровне) и у далёкой от казачества части великороссов. Широко известно успешное отражение нападения банды на уральский посёлок Сагра. Прогрел мел на всю страну отпор этническому криминалу в подмосковном Хотькове. В одном из саратовских посёлков мигрантом-уголовником была изнасилована местная девушка. Преступника покрывали соплеменники. На помощь местным жителям приехало несколько сотен байкеров и автолюбителей. Можно вспомнить и вызволение байкерами из рук чеченцев московского журналиста Панченко. (Вообще было бы, наверное, неплохо «укрепить» казачьи организации байкерами и фанатами. Глядишь, прибавится в них «истинно казачьего духа» и пассионарности.)

Есть ли у казаков своя субэтническая правозащита? Нет. А «обычные» великороссы её создали. Это организации «Русский вердикт», Правозащитный центр РОД. Которым, к сожалению, оказывается далеко не достаточная поддержка со стороны защищаемого народа.

Низкий мобилизационный уровень «широких масс» — одинаковая беда как для «субэтнических русских», так и для обычных.

И если казачество хочет просто выжить, оно должно стараться объединять вокруг себя российских славян. Особенно в традиционных казачьих регионах. Как это делали казаки с момента появления на исторической сцене. Казаки защищали остальной русский народ. А русский народ — казаков. (Например, казаки совместно с регулярными войсками держали Кавказскую линию. И трудно сказать, кто для кого был более ценен...) Казачество всегда пополнялось русскими людьми. И вольное казачество, и служилое казачество Российской импе-

рии. Без этого притока оно утратило бы жизнеспособность.

Конечно же имеются в виду немногочисленные полноценные, а не «парадные» казачьи общины. И точно такие же прочие славянские организации. Казаки и неказачьи, способные к реальной работе на общее благо. Любителей поболтать и попилить бюджетец и так слишком много. И в казачьей среде, и за её пределами.

Казачьи самостийники любят, противопоставляя себя русским, ассоциировать себя с гордыми горными и степными народами. В начале XX в. действительно были калмыки-казакоманы. И близкие к ним осетины казачьего сословия. А сейчас нет и этого. Имеет место лишь не слишком действенная солидарность дагестанских терцев с частью местных ногайцев. Та же не слишком эффективная солидарность существовала в 90-е гг. между казаками и черкесами в Карачаево-Черкесии. Пожалуй, и всё. Сейчас казачество слабо, и малые народы к нему не тянутся. А зачем? Объединяться можно только с «кацапами». С которыми казаки — единый народ и исторически находятся «в одной лодке».

Поэтому отгораживаться от соотечественников в рамках придуманной «казачьей нации» значит обрекать казачество на уничтожение. Когда террористы режут славян на Кавказе, они не различают казаков и неказачьих.

* * *

В статье Лысенко ещё немало откровенных нелепостей. Помимо того, что автор не видит реальных этнокультурных различий между казачествами (он постулирует монолитное единство казаков, при этом всерьез претендуя на компетентность в вопросах этнологии), демонстрирует незнание реальных исторических источников, апеллируя к вторичным для истории казачества трудам, фальсификациям (Е.П. Савельева, И.Ф. Быкадорова) и художественной литературе, дает рус-

ским рецепты по изобретению некоего единого обряда (!), вдохновляясь, вероятно, опытом Северной Кореи.

Апофеоз абсурда — сравнительная таблица «императивов», реализуемых у русских и казаков. В ней, например, показывается, что русским испокон веков присущ феминизм (!), а казак, даже современный, хочет жить на глухом хуторе вдвоём с конём. Казакам приписывается склонность к авантюризму и неспособность к систематическому и монотонному труду¹⁹. Это является клеветой на казачество.

Хотя еще большей клеветой и оскорблением являются рассуждения автора о русском народе как о неполноценном, «некоем этнически навсегда умер-

шем зомби» или «черной дыре» (к подобным формулировкам В.Д. Соловей, насколько я помню, не прибегал).

То, что Н. Лысенко является носителем научных степеней и академических званий, — факт печальный. Он отражает общий процесс деградации исторической науки, подмену ее дешевой мифологией и беллетристикой.

Для меня также является несомненным, что любой, считающий себя казачком, но при этом постулирующий казачество как самостоятельный этнос, является — сознательным или бессознательным — врагом русской нации, работающим на ее раскол. И одновременно — на уничтожение казачества, которое он обрекает на изоляцию, отсутствие помощи и поддержки в чрезвычайно опасной ситуации.

¹⁹ Там же. С. 124, 132–133.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу великого русского мыслителя Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АВТОРЫ НОМЕРА

Антонов Ростислав Валерьевич

(р. 1977), общественно-политический деятель, журналист, глава Совета регионов Национально-демократической партии, руководитель общественного движения «Гражданский патруль», автор книги «Приморские партизаны» (2011).

Беляев Михаил Александрович

(р. 1988), политолог, публицист, редактор сайта Национально-демократической партии.

Волков Владимир Алексеевич

(р. 1961), доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МПГУ, автор книг «Войны и войска Московского государства» (2004), «Русская рать: богатыри, витязи и воеводы» (2005), «Смутное время» (2012; совместно с А.Г. Кузьминым) и др.

Галкина Елена Сергеевна

историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Давыдов Александр Геннадьевич

(р. 1985), аспирант кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Жаворонков Сергей Владимирович

(р. 1977), политический деятель, экономист, заместитель председателя партии «Демократический выбор»

Кильдюшов Олег Васильевич

(р. 1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Сократ».

Корнев Сергей Алексеевич

(р. 1971), философ, культуролог, регионалист. Специализируется на теме конструирования локальных и субкультурных групповых идентичностей.

Любомудров Марк Николаевич

(р. 1932), театровед, критик, публицист, общественный деятель, профессор Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, вице-

президент Международного фонда славянской письменности и культуры, автор книг «Старейший в России» (1964), «Федор Волков и русский театр» (1971), «Н. Симонов. Ю. Завадский» (1984), «Противостояние. Век XX: традиции — авангард» (1991), «Русский рубеж» (2003), «У истоков русской сцены» (2010) и др.

Неменский Олег Борисович

(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Павлов Дмитрий Сергеевич

(р. 1984), историк, публицист, магистр востоковедения, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, соавтор монографии «Ближний Восток: война и политика» (2010).

Петров Сергей Анатольевич

(р. 1972), кандидат филологических наук.

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011), «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Храмов Александр Валерьевич

(р. 1989), публицист, общественный деятель, координатор Русского Гражданского союза, автор книги «Катехизис национал-демократа» (2011).

SUMMARY

The 13th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) opens with series of commentaries on current issues of our time. Politicians Rostislav Antonov and Mikhail Belyaev discuss ethnic relations in the Stavropol region and the state migration policy of the Russian Federation. Publicist Sergei Kornev turns to problems of Russian small businesses. Political analysts Pavel Svyatenkov shows fictitious nature of the Russian state in the resonant examples of recent events.

Cover story is dedicated to Russophobia. Historian Oleg Nemensky proposes to consider Russophobia as special ideology and identifies its Polish primary source. Historian Sergey Sergeev asks: “How can Russian Russophobia?” and comes to the negative answer. Philosopher Oleg Kildyushov shows large amplitude of German perceptions of Russia: from hatred to admiration. Theater critic Mark Lubomudrov recalls Russophobia in Soviet theatrical and literary circles of the 1980s. Politician Sergey Zhavoronkov determines Russophobia as destiny of political outsiders.

Russian Businessman Alexey Zakharov, famed for his open letter to Putin on the need to curb the uncontrolled migration to Russia, gives an exclusive interview.

Professor Elena Galkina analyzes dis-

astrous education reforms in Russia. In addition to this paper we publish an interview with Vitaly Khudoshin, director in one of Moscow schools reflecting the official view on the issue.

Historian Dmitry Pavlov examines the history of Russophile movement of 19th — early 20th century in Western Ukraine.

Philologist Sergei Petrov discovers at least trends of proto-nationalism in ancient Russia.

Political analyst Alexander Davydov regards Islamic geopolitical projects in the Balkans as a destabilizing factor in the region.

Historian Vladimir Volkov’s paper is dedicated to the anniversary of the Zemsky Sobor (the first Russian parliament of the feudal Estates type) in 1613 and its democratic nature.

The volume ends with extensive polemical block. Publicist Alexander Sevastyanov criticizes the young politician Alexander Khramov’s book “Catechism of a National Democrat” and passionately argues that liberalism and nationalism are incompatible. Alexander Khramov not less temperamentally argues with Sevastyanov in his reply. Finally, historian Nikita Fedosov criticizes Nikolai Lysenko’s paper in 11th volume of VN, especially his thesis on the Cossacks as a specific ethnic group.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 14.03.2013.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.